

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2012
№ 9

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей, Е.С. Холмогоров,
И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЛОБА ДНЯ

Русский национализм и гражданский протест. Экспертный опрос (А. Навальный, В. Соловей, Г. Каспаров, А. Севастьянов, К. Крылов).....3

Павел Святенков

Путин предлагает России то, что разрушает Европу.....14

Олег Неменский

Наследие и выбор17

Наталья Холмогорова

Узники совести и политзаключенные в современной России.....22

Владислав Владимиров

Новый электорат для нового русского национализма27

Павел Крупкин

Небожители, вертухаи, партизаны42

Тема номера. ГРАЖДАНСКОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ

Михаил Ремизов

Ложная дихотомия.....54

Олег Неменский

Российская нация vs. Русский народ.....82

Сергей Бирюков

«Франция» как кризисный проект французской элиты.....96

Олег Кильдюшов

Генрих фон Трейчке о проблеме единства политической нации107

Сергей Сергеев

«Нация есть понятие политическое»114

Анна Толстенко

«Национальная империя» Петра Струве и Михаила Меньшикова130

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Раймунд Кремер, Лутц Кляйнвехтер

«Восстание 1432 года»140

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Александр Родригес, Елена Галкина

Курдский национализм и ирано-иракский конфликт.....148

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Семён Резниченко

Коллективы выживания.....157

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков

«...На следующий день...».....162

PERSONALIA

Петр Стукалов

Павел Иванович Ковалевский168

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов

Диалектика русского этноса, или В поисках русского генофонда.....180

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Забегая вперед?234

Авторы номера.....239

Summary240

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОТЕСТ

Экспертный опрос

1. Являются ли, на Ваш взгляд, акции гражданского протеста в декабре 2011 — марте 2012 г. началом русской демократической революции?

2. Как Вы оцениваете предварительные результаты этих акций, какие видите ближайшие перспективы?

3. Есть ли у правящего режима стратегия борьбы против гражданского протеста и каковы его политические ресурсы?

4. Способно ли, на Ваш взгляд, сотрудничество разных политических сил в рамках акций гражданского протеста помочь формированию новой русской демократической нации?

5. Как Вы видите место русских националистов в современном протестном движении и после его потенциальной победы?

Алексей Навальный, гражданский активист

1. Красивое название происходящему дадут когда-нибудь историки. Станет ли это демократической революцией по сути — зависит от нас. Все классические признаки мы наблюдаем. Верхи, в лице Владимира Путина, сидевшего на троне 12 лет, не сделавшего для страны ничего и стремительно теряющего сейчас популярность, уже *не могут*. Низы, жители крупных городов, не дожидаясь экономического кризиса, пошли протестовать на улицы под чисто политическими лозунгами. Кремль будет бороться с протестами единственным и главным своим оружием: подкупом и «разводками». Мы должны не продаться и не «раз-

вестись» на декоративные изменения и посулы.

2. Очевидно, что уже первые акции протеста (5–10 декабря 2011 года) сделали больше, чем «системная оппозиция» за десять лет. Внесены предложения по политической реформе, полностью ломающие систему, которую строила администрация президента все эти годы. Конечно, сейчас проект политреформы нашпигован крючочками и закладками, которые помогут жуликам контролировать избирательные процесс и дальше. Но это, в каком-то смысле, переговорная позиция. Мы должны наращивать давление и заставить изменить ее.

3. Стратегии нет, и это видно по хаотическим шагам и шараханьям: сначала собравшихся объявляют «лучшими людьми страны», потом «американскими шпионами». Чудовищные митинги в поддержку Путина, куда людей сгоняют по разнарядке. Раньше ресурса было три: 1) реальная популярность Путина; 2) деньги; 3) телевизор. Сейчас выяснилось, что без первого не работают оставшиеся два. А первый вернуть уже невозможно. 12 лет безделья и коррупции сделали свое дело.

4. Не нужно переоценивать значимость политических групп в протестном движении. 95% активистов не относят себя к сторонникам какой-то политической идеологии. Однако именно на политических движениях и сообществах лежит ответственность за то, чтобы

протест превратился из эмоционального порыва в реальную политическую борьбу за реформу власти и честные выборы.

5. Националисты могут и должны стать одними из главных получателей «политической выгоды». Они не представлены в Госдуме (и в целом во власти) вообще и имеют отличные шансы получить большое представительство. Это обязательно случится, если русское националистическое движение обретет адекватное, легальное и разумное «политическое обличье»: ответственные граждане с ясной системой ценностей, готовые к диалогу с другими частями политического спектра во благо страны.

Валерий Соловей, доктор исторических наук, профессор

1–5. В России происходит революция. Не волнения, не бунт, а мирная, ненасильственная, демократическая революция. Элита в растерянности. Некоторые ее группы уже готовы протянуть руку революции, но опасаются сделать неверный ход.

Революции в России всегда развивались по центральному типу: от центра к периферии. Не станет исключением и эта. Вопрос о власти сперва решится в Москве, а затем — причем уже без всякого сопротивления — в регионах.

Новая русская революция развивается по классическому сценарию. Власть пытается снять протестный накал обещанием политических уступок. Но в теории революций имеется следующая аксиома: уступки, исходящие от морально нелегитимной власти, не успокаивают народ, а резко повышают уровень его политических притязаний. Другими словами, то, что полгода назад воспринималось бы как дар небес, сейчас выглядит издевкой или, в лучшем случае, недостаточным. Точно так же насилье, используемое морально нелегитимной властью, резко повышает уровень сопротивления ей.

Когда начинается революция, у власти просто не остается хороших ходов, а только плохие и очень плохие. Плохие — это политические уступки, очень плохие — открытое насилие.

В то же время в среде протестантов столкнулись и взаимно парализовали друг друга две стратегии, за которыми стоят различные политико-идеологические силы.

Одна стратегия представлена либералами ельцинского розлива, всеми этими Немцовыми, Рыжковыми, Касьяновыми, Кудриными и проч., которых более чем устраивает существующая политика угнетения русского народа. Их мечта — вернуться в систему, с теплых местечек в которой их выбросили, лишь слегка ее видоизменив. Эти люди способны выговаривать слово «русские» лишь в сочетании со словом «фашизм».

Цель русских националистов, внесистемных левых, Навального и ряда других сил, включая часть демократического лагеря, — полный слом системы колониального угнетения, утвердившейся в России и направленной прежде всего против русского народа.

Одни родовой пуповиной связаны с ельцинским прошлым, вторые представляют собой зародыш качественно новой политической силы и устремлены в будущее. Первые готовы довольствоваться мелкими подачками для себя, вторые жаждут кардинальных перемен к лучшему для всех. Размежевание неизбежно, и вскоре мы его увидим.

Значит ли это, что русские националисты совершили ошибку, участвуя в общегражданском протесте? Ни в коей мере! Наоборот, самоустранение от участия в протестной активности поставило бы крест на политических перспективах русского национализма. Поэтому любые разглагольствования вроде тех, что националистам надо проводить «свои маленькие уютные митинги», что «нельзя участвовать в одних мероприятиях с либералами», исходят от идиотов или откровенных врагов.

Националистический протест по самой своей сути есть протест гражданский и демократический, ведь националисты хотят свободы для русских и справедливости для всех, они хотят реализации права русского народа — подавляющего большинства населения России — самому решать свою судьбу, а это и есть нерв демократии. Более того, выступая в качестве наиболее динамичной и организованной части протеста, русские националисты тем самым оказываются авангардом возникающего в России гражданского общества.

Поэтому им надо участвовать в кампании еще активнее, еще напористее навязывать свою повестку и линию поведения. Поэтому им надо создавать коалицию (оформляя ее организационно) с теми силами, взгляды которых на политическую динамику близки к взглядам националистов. А таких, поверьте, хватает — и отнюдь не только среди левых.

В то же время националисты, участвовавшие в недавних массовых акциях — не важно, в Москве, Петербурге или любом другом городе — прекрасно знают, что традиционная повестка русского национализма не встречает отклика восставших горожан (кстати, в подавляющем своем большинстве этнических русских). И не встречает совсем не потому, что русским националистам не дают слова. Вообразите мысленно ситуацию, когда из 30–40 выступавших на Болотной площади или Проспекте Сахарова половина — русские националисты, пытающиеся донести до десятков тысяч горожан *специфические националистические* требования: отмена 280-й и 282-й статей, амнистия несправедливо осужденных русских националистов, расформирование центров противодействия экстремизму и проч. Да собравшаяся на митинге публика их просто не поняла бы!

Точно так же непонятно массе народа и требование придания русским статуса государствообразующего народа, которое служит стержнем национали-

стических программ. Эта идея не вполне вразумительна даже людям, симпатизирующим националистам. Им надо долго и упорно разъяснять, какая связь существует (если она вообще существует) между записью в Конституции о государствообразующем статусе русского народа и требованием внеочередных свободных и честных выборов, которое вывело на площади и улицы русских городов сотни тысяч людей.

Преобладающее сейчас общественное настроение таково, что оно не готово расслышать даже требования ограничения миграции и прекращения кормления Кавказа, хотя в целом люди принимают эти идеи «на ура». В любом случае только на этих требованиях возможно построить привлекательную и успешную политическую программу. *Вероятно, ее вообще невозможно выстроить вокруг традиционной националистической повестки. Общество хочет не того, что ему предлагают националисты.* И это очень важно понять.

Существуют два способа политической коммуникации: говорить народу то, что считают важным и правильным политики, и говорить с народом о том, что важным и правильным считает он сам. Русские националисты с незапамятных времен предпочитали первый способ, а потому люди их не слушали и слушать не хотели. Итогом стали грандиозные политические поражения русского национализма в 1917 г., в 1991 г.; и, если националисты не изменятся, такое же фиаско постигнет их и сейчас.

Националисты притязают выступать от имени русского народа. Однако ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РУССКОГО ВОПРОСА вовсе не этническое, как они полагают, а ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ и СОЦИАЛЬНОЕ. Русские люди требуют в первую очередь свободы и справедливости. *Этническая проблематика второстепенна по отношению к этим магистральным требованиям, она их дополняет и не более того.* При этом сама этническая проблемати-

ка обычно рассматривается русскими сквозь призму оскорбленного чувства справедливости.

Такова неопровержимая реальность — нравится она кому-то или нет. Эту реальность можно игнорировать, наслаждаясь жизнью в политическом гетто, из которого националисты, по совести говоря, все еще не вышли. Те, кого беспокоят «жидомасонские» происки и заговор ZOGa, пусть поищут благодарную аудиторию среди пациентов психлечебниц и шизофреников.

Но те, кто хочет политического успеха, обязаны откликаться на актуальную общественную потребность, а не на собственное представление о ней. Свобода и справедливость — вот что должно стоять сейчас в центре националистической повестки. И это отнюдь не мимикрия под популярные лозунги. Свобода, демократия, справедливость составляют содержание того самого национального государства — национального в европейском понимании, которое мечтают построить в России вменяемые националисты.

Вместе с тем именно свободные, конкурентные и честные выборы — самый экономичный и безболезненный путь прихода к власти. Но если националисты хотят на этих выборах победить, тогда им надо перестать быть *только* националистами, а стать еще (и даже в первую очередь!) демократами и защитниками социального государства. Почему?

Да по той простой причине, что собственно националистический электорат, «жесткие националисты», готовые голосовать за националистических кандидатов всегда и при любых условиях, составляют всего около 15% населения. В то время как поддержка «мягкого национализма» достигает 60–70%. Этого более чем достаточно, чтобы победить на любых парламентских и президентских выборах. Но надо уметь подойти к этим двум третям населения. Для них неприемлема открытая националистическая риторика

(и даже само слово «национализм»), а этнические требования должны подаваться лишь в демократической и социальной упаковке.

Вот лишь один из примеров. Зачем подвергать себя риску обвинений в ксенофобии, выступая за депортацию мигрантов, когда можно, ссылаясь на мировой опыт, требовать введения визового режима в отношении наркопроизводящих и наркотранзитных государств и особого правового режима в отношении находящихся на территории России выходцев из этих стран. Суть та же, зато все демократиченько, в соответствии с мировыми стандартами, и не отпугивает людей.

Будем кроткими, как голуби, и мудрыми, как змеи. Чтобы победить, националистам надо обратиться к другой аудитории и с другим посланием.

Не потеряют ли они при этом свою идентичность? Нисколько! Во-первых, этническая проблематика (пусть в скрытом виде) все равно останется в этом политическом блюде, придав ему нужную остроту. Во-вторых, русские националисты — единственная политическая сила, которая никогда не была властью в России, поэтому они могут чувствовать себя совершенно свободными в своих обещаниях обществу. И это не популизм. Будучи группой внесистемной, то есть не связанной ни с кем никакими обязательствами — и это в-третьих — русские националисты также единственная сила, которая в состоянии выполнить все свои обещания, все до последнего. История знает подобное.

Гарри Каспаров, председатель Объединенного гражданского фронта (ОГФ)

1. Несомненно, события декабря 2011 — марта 2012 г. являются переломными, и сложившаяся в «нулевые» система власти, которую мы называли «режим Путина», прекратит свое существование в ближайшие месяцы. Это не означает, что Владимир Путин не-

пременно будет отстранен от власти, а на его место придут лидеры уличного протеста, — возможны различные сценарии, включая, к сожалению, и самые реакционные, — но, так или иначе, серия сотысячных митингов в Москве и акции солидарности в десятках городов по всей России положили начало коренному изменению политической системы и сделали это изменение неизбежным. В этом смысле употребление слова «революция» вполне уместно. Она, конечно, является демократической — как по основным лозунгам, так и по массовости.

Русской эту революцию без сомнений назовут во всем мире, логично располагая ее в одном ряду с тунисской, египетской, ливийской и другими революциями. Но в нашей стране по-прежнему существует смысловая разница между понятиями «русский» и «российский». Еще в 2006 г. ОГФ принял программный документ «О русской политической нации», в котором декларировалась необходимость преодоления этой разницы. Путь к этой цели идет через осознание общих национальных интересов различными общественными группами и взаимодействие организаций различной идеологической направленности. Сказать, что массовые уличные протесты приведут к этому результату — пока еще значит выдавать желаемое за действительное. Тем не менее мы начали делать шаги в этом направлении.

2. Эти акции впервые поставили Путина перед необходимостью идти на серьезные компромиссы. До сих пор его кредо заключалось в том, чтобы никогда не идти ни на какие уступки, которые могли бы восприниматься как слабость. Пока у него было достаточно возможностей, чтобы придерживаться такой тактики, Путин выглядел исключительно сильным лидером, но проблема в том, что теперь путь компромиссов приведет к лавинообразному обвалу его позиций. Если же он будет упорствовать — например, навязывая стра-

не с помощью «волшебника» Чурова свою победу на выборах, — то более радикальным станет не только уличный протест, но и внутрикремлевская фронда, всерьез обеспокоенная за будущее своих капиталов.

3. Андрей Илларионов неоднократно предупреждал, что возможна силовая эскалация конфликта со стороны власти, вплоть до попытки массовых репрессий в отношении участников протеста. К сожалению, эту опасность надо учитывать, хотя очевидно, что в этом случае отношение к Путину в мире будет примерно таким же, как к покойному Каддафи, — и скорый коллапс обезумевшей власти станет неизбежным.

Более гибким и стратегически более опасным для гражданского протеста является план постепенных уступок, осуществляемых по кремлевскому сценарию. Если изменения будут происходить под диктовку олигархических групп без контроля со стороны общества, то коренного изменения режима не произойдет даже в случае отстранения Путина от власти.

4. Как уже было сказано в ответе на первый вопрос, именно таким способом и формируется политическая нация (я бы настаивал на этом определении, так как оно терминологически более точно, чем «демократическая нация»). В сущности, речь идет о переучреждении государства, поскольку путинская модель завела Россию в тяжелый системный кризис. Но строительство новых государственных структур возможно лишь при условии общественного консенсуса по поводу смыслов национального проекта: что есть Россия, какие цели она перед собой ставит, как она выстраивает взаимоотношения с соседями и т.д. Первый опыт такого взаимодействия между различными политическими силами состоялся в рамках Национальной Ассамблеи в 2008–2011 гг., которая фактически играла роль дискуссионной площадки для внесистемной оппози-

ции. Гражданский протест последних трех месяцев поднимает это сотрудничество на качественно новый уровень, поскольку от теории мы перешли к практике, в которую уже вовлечены десятки тысяч людей.

5. Общепринятое деление протестного движения на «либералов», «левых» и «националистов» уже устарело, поскольку многие границы стираются и в гражданском обществе появляются новые сущности, которые затруднительно классифицировать в этой системе координат. Фундаментальная проблема заключается в том, что нынешний набор организаций по всему идеологическому спектру не удовлетворяет общественному спросу — это в полной мере касается и «русских националистов». Кроме того, уже оформившиеся группы весьма разнообразны, и противоречия между ними носят как субъективный, так и принципиально политический характер. Поэтому их место в протестном движении после потенциальной победы будет зависеть прежде всего от их релевантности в «своем» идеологическом сегменте общества.

Александр Севастьянов, политический публицист

1. Нет, разумеется. Русская революция должна была бы, во-первых, носить ярко выраженный антилиберальный характер, а во-вторых, выдвигать как первоочередное требование — создание Русского национального государства. А перед нами лишь фронда, воюющая с властью под смехотворным и надуманным лозунгом свободных и честных выборов. Есть такая частушка: «Спит Розита и не чуёт, // что на ней матрос ночует. // Вот пробудится Розита // и прогонит паразита!» Именно эту внезапно пробудившуюся Розиту и напоминает мне толпа на Болоте имени Сахарова. Спала она, между прочим, аж со времен выборов в Учредительное собрание, почти сто лет, ни много ни мало. А тут вдруг ни с того ни с

сего пробудилась... Понятно, что перед нами лишь благовидный предлог, который позволяет канализировать в политическое русло накопившееся недовольство и жажду перемен. Во вполне неблагоприятных целях.

В чем суть «народного протеста», вылившегося на улицы? Разве мы видим какие-то принципиальные идеи государственного переустройства действительно революционного толка? Например, пересмотр итогов приватизации, национализацию недр, земли, стратегических производств и естественных монополий и т.п.? Переход к партотократической системе и/или парламентской республике? Выдвижение выстрадавших Русским движением требований? Воссоединение с Белоруссией? Переход к Русскому национальному государству?

Нет, ничего подобного. Требования «революционеров» до смешного элементарны и даже ничтожны, вплоть до защиты интересов Григория Явлинского, известного политического банкрота из числа откровенных врагов народа. Можно, конечно, сказать, что перед нами «воплъ угнетаемой невинности» и массовый порыв защиты своего гражданского достоинства, ловко оседланный небескорыстными политиками. Но не более того. Очевидность бросается в глаза: стихийный народный протест существует сам по себе, а варящие из него хмельное пойло политики — сами по себе.

Фронда — точное слово, подаренное нам историей Франции. Я в свое время зачитывался мемуарами Ларошфуко, де Реца, Ришелье и других видных акторов того бурного времени. Очень хорошо представляю себе, какой клубок самолюбивых и честолюбивых притязаний, какая алчность, какие амбиции суть самое сердце этого явления. Фрондеры были сплошь людьми яркими, незаурядными, сильными и порой человечески симпатичными. Но только все как один они ставили превыше всего собственные интересы, и всем было

наплевать на судьбу страны и народа. Если фронду и можно поименовать революцией — то революцией завышенных ожиданий, беспочвенных надежд и яростных претензий.

Наша нынешняя российская фронда точь-в-точь как первообразец. В ней соединили свои усилия три категории людей:

1) те, кто все имел, но потерял, а теперь жаждет реванша (Немцов, Касьянов, Явлинский, Кудрин и т.п.; всю эту братию Андрей Илларионов удачно назвал «сислибами» — системными либералами); у них есть великолепный «жировой запас», который позволит им пережить очередное поражение даже в том случае, если придется покинуть страну, они не боятся рисковать;

2) молодежь, которая попросту не понимает, что может потерять, но вообразила, что способна приобрести большие перспективы в «новой России»; она не помнит 1990-е, не знает, что происходило со страной, потерявшей руль и компас, она не боится жить «в эпоху перемен» и не думает, как смертельно опасно для страны и народа снова войти в такую эпоху; к этой категории примыкает когорта «присяжных демократов» из числа тех, что защищали в 1991 году Белый дом и возводили Ельцина на трон, для них участие в болотных стояниях — дело чести;

3) несколько политиков авантюрного склада, которым, как говорится, «чужая душка — полушка, да и своя шейка — копейка» и которые вообразили, что могут поймать большую рыбу в мутной воде «великих потрясений». Среди них мы видим людей совершенно разного типа и закала, разных политических лагерей — от либерального ренегата Владимира Рыжкова до бывшего ельцинского министра Бориса Миронова или «ученого буревестника» Валерия Соловья. Все они делают ставку на революцию. Понятно, однако, что Болото объединило их лишь временно, что многие из них охотно порвали бы друг друга в иных условиях. Но надежды «юношей

питают», хоть и далеко уже не юных, вот и терпят друг друга, прикидывая, кто на чьем горбу в рай въедет...

Натуральная фронда, одним словом...

Что до «русской революции», то миновавшие события выявили полную неготовность к ней ни русского народа в целом, ни Русского движения, которое пока так и не стало самостоятельной силой. А быть лишь пристяжной в либеральной таратайке — не только позор и стратегическая ошибка, но и поистине самоубийственный номер. Ведь кто бы ни победил в противостоянии — путинский Кремль или либеральное Болото (третьего сегодня не дано), судьбе зангнанной пристяжной не позавидуешь.

2. Сейчас уже ясно, что «революция» захлебнулась. Ее внутренние противоречия вылезли на поверхность и неизбежно будут только обостряться, как и отношения между лидерами. Ее глубинная, принципиальная бессодержательность становится все заметнее. Правительство перехватывает инициативу, это очевидно, и перспективы революционеров гаснут.

Тем не менее надо ожидать, что результаты выборов в любом случае станут той болевой точкой режима, на которую оппозиционеры могут давить и год, и два, сокращая уровень легитимности Путина и приращивая свои политические дивиденды. Однако, если у оппозиции так и не появится единого харизматического лидера, достойного представителя контрэлиты, то все эти усилия останутся втуне, власти им не взять. Ни сислибы-лишенцы Немцов, Явлинский, Касьянов, Кудрин, ни ренегатствующий Гудков, не говоря уж о мелкотравчатом Рыжкове или пустоватом, непозитивном Навальном, на эту роль не годны. Замаравшихся в оранжезме националистов к этой роли и тем более не подпустят (да у них и нет адекватных фигур на скамейке игроков), а без поддержки либералов они не смогут мобилизовать достаточные

массы, как выявили события последних месяцев. Образцово показательна судьба Лимонова, годами работавшего на авторитет несистемной оппозиции, а потом выкинутого за борт, как предмет одноразового использования (пусть льет теперь слезы по поводу «отнятой у него революции»).

Когда «протестное движение» успокоится, те националисты, что по неосторожности позволили себе в нем засветиться, очень пожалеют о необдуманном поведении. Одна часть общества припомнит и поставит им на вид союз с оранжидами, сислибами-реваншистами. Другая — вообще призывы к мятежу, к «великим потрясениям». Утрата доверия и легальных перспектив, маргинализация — вот их удел.

В целом я охарактеризовал бы всю политическую возню вокруг не самых честных выборов в Госдуму как пустые хлопоты. Которые ничего существенного не дадут организаторам, хотя народу могут принести некоторые политические дивиденды, но только не из рук «революционеров», а от щедрот Кремля, пусть и вынужденных.

3. Основной политической ресурс режима — твердая позиция миллионов, не желающих возвращения в 1990-е, не желающих никаких «великих потрясений». Люди в целом стали жить лучше, жизнь помаленьку налаживается, это видно неподвизтому наблюдателю. У людей могут быть претензии к власти, но их чаяния удовлетворимы в принципе. Ведь политический кризис, вызванный всеобщим негодованием против всевластия «Партии жуликов и воров» на фоне роста экономического и внешнеполитического благополучия России, не носит системного характера. Он отлично может быть разрешен Путиным в рамках кадровой политики, ибо лучший способ борьбы с гражданским протестом — это перенаправление агрессии толпы. В данном случае с Кремля на «ПЖиВ». Такова оптимальная страте-

гия, в которой заинтересованы как народ, так и Кремль.

Сложность состоит в том, что для ее осуществления нужна надежная и современная социальная опора. Такая опора, за которой историческое будущее. Не в первый раз центральная власть, правитель России начинает войну с собственной элитой: так делал Иван Грозный, так делал чтивший его Петр Первый, так делал чтивший обоих Сталин. И все — с большим успехом. Первый опирался на опричников, второй на гвардейцев, третий на русских крестьянских детей, в одночасье становившихся партийными и хозяйственными руководителями, генералами, учеными, чекистами. Поэтому столь актуален оказался вопрос, заданный Путину Прохановым: где, будущий президент, ваши опричники, кто ваши гвардейцы?

Путин отговорился: я-де буду опираться на весь народ. Ответ неправильный по существу, хотя безупречный с точки зрения пиара. На деле верный ответ, который Путин не мог бы озвучить, даже если бы знал его, таков: на национал-капиталистов и русских националистов. Ибо будущее, несомненно, за этими категориями населения. Главная проблема в том, знает ли, понимает ли это Путин? Судя по тому, что своим доверенным лицом он сделал Сергея Глазьева (чья роль в экономической политике в последние годы незаметно, но колоссально возросла), а вице-премьером Дмитрия Rogozина, он близко подошел к такому пониманию.

Понятно, что правительство извлекает из мятежной митинговщины какие-то практические уроки, в чем-то пойдет навстречу справедливым требованиям простых людей — этого наполнителя «оранжевой» оболочки. Какой-то ответ Кремля мы уже имеем: обещания демократизации, изменения выборных правил игры, кадровые перемены. Программные статьи Путина — тоже элемент такого ответа.

Конечно, этого мало. Для борьбы

с сиблибами-реваншистами, с одной стороны, и с собственной элитой — с другой, Путину придется гласно или негласно опереться на негосударственные структуры. Потому что есть методы, которые государство не может себе позволить, иначе это уже не государство. А общество может, но у него связаны руки. Придется их развязать...

4. 1) О том, чем кончилась басня «Лебедь, Рак и Щука», лучше поинтересоваться у первоисточника. 2) Что такое «демократическая нация» мне неизвестно. Или это новый эвфемизм, скрывающий намек на евреев?..

5. Если оно, не дай бог, победит, то — на исторической помойке. В лучшем случае — в эмиграции.

Константин Крылов, главный редактор журнала «Вопросы национализма»

1. Да. Это именно начало революции. Прошу заметить: революции, а не, скажем, переворота. Из чего следует, что дело предстоит долгое и муторное, так как речь идёт не о банальной смене рыл у кормушки, а о сложном системном процессе, фактически — перерождении системы. На что, скорее всего, уйдёт немало времени.

Сейчас принято обсуждать, какому периоду первой русской революции соответствует нынешняя ситуация. Обычно говорят о «новом Феврале», имея в виду февраль 1917 года. На самом деле это февраль 1899-го — эпоха первой всероссийской студенческой стачки. Аналогия здесь почти полная — на Болотную и Сахарова выходила образованные молодые люди «с запросами», их поддержало старшее поколение, акции носят подчёркнуто мирный характер, создаются первые «группы» и «комитеты», прежде всего для координации протестных акций. Власть ищет внешних врагов-развратителей, чиновные либералы пишут записки наверх, либералы без чинов ругательски ругают правительство, остатки народолюбцев

присматриваются к ситуации... В 1902 году создана партия эсеров. До семнадцатого — ещё двадцать лет.

Конечно, есть надежда, что на этот раз мы управимся быстрее, и это уже видно: например, партстроительство началось уже сейчас. Но всё равно — нас ещё ждёт какая-никакая «реакция» и прочие свинцовые прелести исторического процесса.

2. Сейчас многие повесили носы и начали ныть, что митинги и шествия «ничего не изменили»: дескать, власть «слушает да ест», и на людей с белыми ленточками ей плевать с высокой колокольни, вот и Путина опять выбрали, «усё пропало». А те небольшие уступки, которые нам пообещали, ещё неизвестно дадут ли, а если и дадут — то потом могут и отобрать. И так далее.

На самом деле главным результатом массовых акций стали совсем другие вещи, о которых стоило бы поговорить.

Первая — это перелом в общественном мнении. Неофициальной идеологией позднего путинизма было то, что я бы назвал «пассивным цинизмом». То есть идеология правящей клики, принятой её жертвами в качестве «истины о жизни». Каковая состоит в том, что всё схвачено сильными и подлыми, сидеть они будут вечно, сделать с ними ничего нельзя, остаётся прятать от них крошечки и кусочки, до которых они пока что не дотянулись, и ни в коем случае не рыпаться.

При этом недовольство режимом и его крайне низкая оценка как бы предполагалась. «Да, они негодяи». Просто любые действия, направленные против негодяев, считались заведомо проигрышными, глупыми и даже опасными — ведь негодяи бесконечно сильны и их лучше не злить. А те, кто всё-таки осмеливается злить этих опасных зверей — такие же как они и даже хуже, потому что всякий протестующий и недовольный — просто хочет к той же кормушке, и готов для этого пройти по трупику несчастного обывателя.

К концу медведевщины пассивный цинизм дошёл до *агрессивно-послушной* стадии, да простится мне этот перестроечный штамп. Народу объяснили, что просто сидеть по углам и бояться — мало, нужно ещё и держать и не пущать тех, кто вылезает из угла и куда-то прётся. Дома надо сидеть! Всем дома надо сидеть! Всем надо сидеть дома, кушать пивасик или водовку и бдительно следить за домочадцами, не попрётся ли кто на улицу, где менты и «несогласные». Ибо тот, кто прётся на улице, *подставляет* тех, кто честно сидит дома.

Подчёркиваю: эта идеология, при всей её гнусности и унижительность, разделялась обществом в целом, была, если угодно, консенсусной. Ей просто не видели альтернативы.

Сейчас ситуация изменилась. Теперь выступать против власти и не скрывать этого — совершенно нормально. Конечно, будет какой-то откат и некое карикатурное «торжество реакции», но слом установки уже произошёл. Фарш невозможно повернуть назад.

Второе, не менее, а то и более важное — появление первых внятных организационных структур так называемой «внесистемной оппозиции».

Тут мне могут сказать, что они существовали и раньше, причём разных толков. «Солидарность», «Демсоюз», Республиканская партия или тот же Демвыбор — с одной стороны; Левый Фронт или Армия Воли Народа, Родина — Здравый Смысл или Другая Россия — с другой; РОД, «Русские» и РГС — с третьей. Были и попытки создания надструктур — например, в рамках «Национальной Ассамблеи», где были представлены все несистемные политические силы, кроме русских националистов. Однако у заседавших там людей не было одного — конкретного дела, которое надо сделать сообща. Теперь оно есть. А общее дело, пусть самое незначительное, стоит тысячи «заседаний по выработке общей платформы». Нет, даже не так: все «заседа-

ния по выработке общей платформы» приносят только вред, поскольку, не имея возможности напасть на общего врага, люди начинают нападать друг на друга, ищут врагов и сводят идейные счёты. А вот организовать протестный митинг, пикет, сбор подписей — это совсем даже другое дело. Тут возможно полноценное сотрудничество.

3. Да уж конечно, как же ей не быть-то.

Стратегия, в сущности, была очень проста. Основана она на внедрении в общество всего двух идей. Первая — «никого, кроме Путина и путинских, нет, просто нет». И вторая — «какие бы они ни были сволочи, они наши-родные-собственные, а эти — чужие, не свои, какие-то там хипстеры госдеповские, мутные хмыри с чужого района».

Ну, первая идея очевидна. Путин зачистил политическое поле и залил асфальтом, а оставшихся на нём стерилизовал. После чего может торжественно заявлять, что ему нет альтернативы, а если Путину нет альтернативы, то нет альтернативы и путинской системе. «Никого же нету, просто нету никого, только Путин и те, с кем ему удобно работать».

В ситуации с «ЕдРоМ» гражданское движение нащупало подход, который эту конструкцию взламывает. Он очень близок к правозащитному подходу. Правозащитник (настоящий, не фейковый) защищает не человека, а его права. В частности, он не говорит, хороший или плохой человек такой-то, преступник он или герой. Он говорит: вот здесь и здесь его права были нарушены. Например, правозащитники, занимавшиеся делом Тихонова и Хасис, сознательно избегали говорить о том, виновны или невиновны эти люди в убийстве. Они обращали внимание только на то, что дело идёт с явными нарушениями законности. Примерно ту же риторику использовали оппозиционеры в ситуации с парламентскими выборами. На все заходы «вы что, хотите комму-

нистов? жириновцев? яблочников?» они с достоинством отвечали: «мы хотим, чтобы честно посчитали голоса».

Но уже на президентских выборах это не прошло. Потому что тут уже вопрос стоял не о честности подсчёта голосов, а о том, за кого вы. Или Путин, или не Путин, и если не Путин, тогда кто. «А никого».

Опять же, если заниматься сравнительной политологией. События декабря 2011 года часто сравнивают с украинской «оранжевой революцией». Но если уж сравнивать с чем-то украинским, то компания «Россия без Путина» — это чистая калька с «Украины без Кучмы» 2000–2001 годов. Компания, напомним, была неуспешной — власть просто подавила всё силой, «Беркут» успешно разгонял демонстрантов, а премьер-министр Ющенко называл их «фашистами». А вот «оранжевая революция» оказалась успешной, потому что была построена на позитиве: Ющенко с Тимошенко были каким-никаким, а предложением. В России такого предложения не было. И власть сделала всё, чтобы никого, даже отдалённо похожего на пару «Ющенко — Тимошенко», у нас не появилось.

Теперь второе: «мы плохие, да свои». Разумеется, бредни про «госдеп», который якобы финансирует — или хотя бы морально поддерживает — оппозицию, являются именно что бреднями. Если Путин на чём и выиграл, так это на поддержке, которую ему вовремя оказал Вашингтон (видимо, в обмен на некие уступки во внешнеполитических вопросах, о которых мы скоро узнаем). Тем не менее попытки расколоть общество, представив возмущающихся путинским режимом «чужими», «алиенами» и т.п., стали мейнстримом путинской пропаганды. Более того, аналогичными настрояниями удалось заразить и часть оппозиции, которой подсунули идею, что её социальная база — это какие-то «рассерженные молодые горожане, креативный класс» и т.п. То, что все эти слова говорил не кто иной, как Сурков,

их почему-то не смущало, слова показались приятными, и оппозиционеры стали с этим радостно соглашаться. Ещё хуже было поведение разного рода затусовавшихся вокруг протестного движения говорливых людей, которые восприняли ситуацию как очередной повод для демонстрации своих национальных и социальных фобий. Когда та же Латынина назвала людей, пришедших на путинский митинг, «анчоусами», это было распространено путинской пропагандой как удачное саморазоблачение. «Вот они какие».

Заметим, я говорил только об идеях. А теперь помножьте эти идеи на возможности государства их пропихивать даже в сопротивляющиеся головы.

4. Безусловно, да. «Нация — это ежедневный плебисцит», но в ещё большей степени нация — это постоянное согласование частных интересов в общей перспективе.

5. Сейчас националисты вошли в протестное движение и стали одной из его составных частей. Не самой главной, не самой влиятельной, даже не самой радикальной. Более того, есть силы, как вне националистического лагеря, так и внутри него, которые хотели бы, чтобы националисты ушли из протестного движения, забились бы в какой-нибудь тёмный угол и там скрипели зубами на всех и вся. Более того — в ближайшей перспективе эти силы никуда не денутся, так что за своё место (как в протестном движении, так и в политическом поле вообще) нам ещё предстоит побороться.

Что касается будущего, то победа нас уж точно не поджидает за углом с ящиком «вёв клико» и корзиной желтофиолей. Революция — дело долгое, а в ходе таких событий все меняются. Думаю, протестное движение сильно изменится. Потому что в нынешнем своём состоянии оно никого никогда не победит.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

Путин предлагает России то, что разрушает Европу

Владимир Путин выступил с программной статьей по национальному вопросу. Текст опубликовала «Независимая газета».

От статьи ожидали многого. Как-никак программный документ человека, который вот-вот вернется на пост президента России, причем на целых шесть лет, а если повезет, то и на двенадцать. Стало быть, изрядный кусок жизни предстоит провести «дорогим россиянам» под руководством Владимира Путина. Двенадцать лет позади, двенадцать лет впереди. Леонид Ильич Брежнев, правивший всего восемнадцать лет, останется позади в гонке политических долгожителей, а Путин займет второе место после самого Сталина. А быть может, и обгонит. Все зависит от того, какой год считать началом правления «вождя и учителя». Можно 1924-й — год смерти Ленина, а можно и 1929-й — год победы над бухаринской оппозицией... Но мы отвлеклись.

О чем путинская статья? Первая ее часть полемически заострена против тезиса о крахе мультикультурализма на Западе. Точнее, автор признаёт, что мультикультурализму — крышка. Трудно не признать, когда об этом говорят в один голос Меркель, Саркози и Кэмерон — руководители Германии, Франции и Британии соответственно.

Но выводы из краха мультикультурализма можно сделать разные. Например, можно сказать, что поскольку мультикультурализму — конец, надо вернуться к модели национального государства, о которой многие европейские страны позабыли в последние

десятилетия, видимо, сочтя ее устаревшей.

Впрочем, я чувствую, что надо дать определение. Главное свойство национального государства, если не забредать в теоретические дебри, — однородность. Обычно такие государства населяют граждане примерно одной национальности, говорящие на одном языке, принадлежащие к одной религиозной и культурной традиции. Конечно, на практике однородности достичь невозможно, но к ней стремятся. При этом все граждане в национальном государстве наделены равными правами. Этим оно отличается от государства с феодальной иерархией, где есть жесткое деление на знать и угнетаемых ей простолюдинов.

Мультикультурное же государство подразумевает, что в нем сосуществуют разные национальные общины, разные культурные традиции, разные религии, при этом всех объединяет абстрактная лояльность государству. Европейские страны упорно проводили в жизнь концепцию мультикультурализма, пока не обнаружили, что распоясавшиеся этнические общины не желают интегрироваться, а продолжают оставаться лояльными историческим родинам — Турции или арабским странам; более того, получив гражданство, начинают навязывать коренным жителям свои правила игры. Например, требуют введения норм шариата — исламского права. Британия уже столкнулась с подобными претензиями, да и другие страны Европы тоже.

Иначе говоря, мультикультурализм

противостоит национальному государству. Это — две разные концепции, подразумевающие в первом случае сохранение максимального этнического и культурного многообразия, во втором — создание однородного общества. Главный недостаток мультикультурализма — неясность, что же должно скреплять разнородные этнические и религиозные общины, зачастую руководствующиеся разными взглядами на мир и на государственное строительство. Например, мусульмане считают, что государство должно быть исламским, а светские люди — светским. Как примирить эти мировоззрения?.. Коротче говоря, крах мультикультурализма был предрешен.

Но Путин в своей статье по неизвестной причине объединяет мультикультурализм и национальное государство в единое целое и утверждает, что на Западе — кризис не только мультикультурализма, но и национального государства тоже.

Национальному государству он противопоставляет некое «историческое государство», которое будто бы существует в России. Понятное дело, это — очередная попытка объявить нашу страну исключением из мирового политического процесса, заявить, что у нас есть специфика. Ранее под спецификой понимали загадочную русскую душу, коммунизм, затем — суверенную демократию. Теперь пришел черед «исторического государства».

Каковы же его основные черты? Путин пишет: «Историческая Россия — не этническое государство и не американский плавильный котел... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство... Попытки проповедовать идеи построения русского “национального” моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории... это — кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности. Да и любой деспотической, суверенной государствен-

ности на нашей земле... Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром».

Что кроется за этими словами? Не секрет, что Российская Федерация в ее нынешнем виде — наследие ленинской национальной политики. На территории России существуют этнические государственные образования многих народов — Татария, Башкирия, Чечня, Ингушетия, Удмуртия, Мордовия и многие другие. Обычно их называют национальными республиками. Многие из них претендуют на то, чтобы быть национальными государствами. Татария оказывает поддержку татарам, Башкирия — башкирам. При руководстве республик обычно действуют разного рода всемирные конгрессы соответствующих народов... Иначе говоря, президенты республик часто заявляют, что они являются не только административными руководителями региона, но и лидерами титульного народа в мировом масштабе. Можно вспомнить, например, главу Чечни Рамзана Кадырова, который является генеральным секретарем Всемирного конгресса чеченского народа.

Получается, что многие крупные народы России реализовали свое право на самоопределение в буквальном смысле — создав национально-государственные образования в ее составе. И только русские такой возможности лишены, поскольку их национальное самоопределение заключается в некой «полиэтнической цивилизации». Легко заметить, что «полиэтническая цивилизация» — это все тот же потерпевший крах в Европе мультикультурализм, только названный другим словом.

Далее из статьи следует, что Путин не намерен бороться с миграцией, считая ее естественным процессом, а намерен лишь пытаться интегрировать мигрантов в общество, введя уголовное наказание за нарушение правил прописки да экзамены по рус-

скому языку и истории для приезжих. Но всех этих мер, как показывает практика, недостаточно. Когда в страну приезжает незначительное число иммигрантов, они могут ассимилироваться, поскольку вынуждены общаться с чуждой для них культурной и языковой средой. Они принимают ее стандарты, поскольку человек — существо общественное. Но если мигрантов много, они «варятся в своем соку». Зачем живущему в Германии турку становиться немцем, если он покупает овощи в турецкой лавке, ходит стричься в турецкую парикмахерскую, молится в мечети, где имам и прихожане — турки?

Путин не отвечает на эти вопросы. Похоже, европейский опыт просто решено игнорировать в пользу фантастической «полиэтнической цивилизации», каковая является «вторым изданием» Советского Союза с его неоднозначной национальной политикой. И напрасно Путин винит Съезд народных депутатов РСФСР в развале СССР. Нет, развала хотели едва ли не все партийно-хозяйственные элиты в союзных республиках. Прибалтика, Украина, Молдавия, Закавказье — все вышли из советской «полиэтнической цивилизации».

Похоже, места русским в этой самой «цивилизации» найдено: это клей или цемент, скрепляющий «многонациональную Россию». В отличие от других народов, русские, видимо, не могут претендовать на то, что Россия — их Родина, их государство. Нет, Россия останется чужеродным «СССР», официально отрицающим какую-либо связь с русским народом. Правда, «полиэтническая цивилизация» милостиво готова отнять русский язык и русскую культуру у русских и присвоить себе. Но радоваться рано. Тот факт, что кто-то присвоит русский язык, еще не говорит о том, что этот кто-то будет

любить русских. Индийцы и ирландцы выкинули англичан, но с удовольствием говорят по-английски.

Короче говоря, Путин не предложил ничего нового: взял провалившийся европейский мультикультурализм, назвал его другим словом и посоветовал реализовать. Русским же предложено очередное издание ленинской национальной политики. Последнюю можно кратко сформулировать как проект «Россия не для русских и против русских». На основании этого можно сделать вывод, что русские в России по-прежнему никто и звать их никак, даром что 80% населения. Политика завоза мигрантов продолжится. Более того, Путин намерен развивать Евразийский союз. И, похоже, правы те, кто не видит особой пользы в том, что «Евразия» будет расширена за счет самых слабо развитых государств СНГ — Киргизии и Таджикистана.

Короче, в ответ на требования создать наконец русское национальное государство, в ответ на недоумения, почему у русских нет даже подобия Родины, сказано, надо полагать, что русским никакого государства не надо. Да, собственная государственность есть у всех крупных народов Земли. Да, право на государство гарантировано международными конвенциями. Ну и что?

Русские, таким образом, остаются крупнейшим безгосударственным народом мира. Вместо строительства своей страны русским предложено вложиться в создание «евразийской» реинкарнации Советского Союза и в продолжение советской национальной политики. Но эта политика потерпела крах еще раньше, чем пресловутый мультикультурализм. Рухнули построенные на советско-этнической модели СССР, Югославия, Чехословакия. Сегодня нас вновь, по второму разу, тащат по этому пути...

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

НАСЛЕДИЕ И ВЫБОР

Статья В.В. Путина о национальном вопросе в России, на первый взгляд, не содержит сенсационных новшеств: она суммирует основные положения хорошо знакомой идеологии российской национальной политики. Эта политика проводится ещё с 1990-х гг., хотя её основы (да и соответствующие пропагандистские клише) были заложены гораздо раньше — в раннее советское время. Однако в статье можно увидеть ряд новых акцентов, на которые очень важно обратить внимание.

Во-первых, это новый статус русско-го национализма в российской политике. Возможно, впервые в современной российской истории премьер-министр сознательно вступает в полемику с русскими националистами. Именно они здесь — главный оппонент. Автор описывает их позиции, цитирует их лозунги, пытается их как-то опровергнуть или просто отрицать по моральным соображениям. Выход в свет такой статьи означает, что русский национализм превратился в важнейшую идейную и политическую силу в стране, и хотя в официальной политике он не представлен, его влияние настолько велико, что требует от председателя правительства и основного кандидата в президенты специального заявления своих позиций. Можно сказать, это новая политическая реальность.

Всё это следует за утверждением, что в России национальный вопрос «без всякого преувеличения носит фундаментальный характер». Как ни странно, сам этот вопрос, то есть проблемы межнациональных отношений, при этом отрицается. Автор говорит о «системных проблемах общества» в самых разных сферах, которые вызы-

вают «обоснованный общественный протест». И вот этот протест из-за распространения «бацилл национализма» иногда «облекается в «самую примитивную и вульгарную форму межнациональных беспорядков». Таким образом, национальный вопрос создаётся не проблемами в отношениях между народами, а изобретается националистами — очевидно, с особым злым умыслом. Решение этого вопроса видится как в общем улучшении жизни российских граждан, так и в подавлении этих самых «бацилл». Важно отметить, что идеи построения русского национального государства отождествляются автором статьи с моделью «моноэтнического государства». Это звучит довольно странно, ведь моноэтничность совсем не является условием или обязательным свойством национальной государственности. Почти все национальные государства имеют этнические и национальные меньшинства, более того, статус такого меньшинства, со всей системой обеспечения его прав, возможен именно в системе национальной государственности.

Ещё один очень важный акцент статьи, который имеет, по-моему, особое значение: в ней вообще нет ни слова о «российской нации». Напомню, проект утверждения новой российской нации был заявлен В. Путиным в 2001 г. и потом не раз подтверждался. О задаче «создания полноценной российской нации» меньше года назад специально говорил и Д. Медведев на заседании Госсовета в Уфе. А Минрегионразвития уже почти подготовил федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»

на 2013–2017 гг. Вся эта проблематика полностью проигнорирована. Непрямую об отказе от этой идеи в статье нигде не говорится, однако это следует из всего текста — из его языка и из его логики. Очевидно, многолетние потуги государства в этом направлении ощутимых результатов так и не дали, что наверняка продемонстрировала и последняя перепись населения.

Слово «российский» употреблено в статье всего несколько раз: «российские автономии», «российский опыт», «российская школа», и «внутрироссийская миграция». Зато русский этноним господствует абсолютно: «русский народ», «этнические русские», «русская культура», «русское культурное ядро», «великая миссия русских», «русская культурная доминанта», «исторически русские территории», «обычаи русского народа», «русская Смута» и т.д.. Более того, Путин даже говорит о «русской государственности» применительно к современной РФ, указывая при этом, что её могут уничтожить... сторонники создания русской государственности. Такой, можно сказать, тотальный отказ от прежней линии на утверждение российской нации и переход к акцентуации русской этнической доминанты — огромная перемена в официальном дискурсе национальной политики.

Фактически статья В.В. Путина легализует русский этноним в официальной лексике. Интересно заметить, что даже представители других народов, проживающие в России, названы тоже русскими: «русские армяне, русские азербайджанцы, русские немцы, русские татары». Признаются и особые русские территории внутри страны: «...в России, а в особенности на исторических русских территориях». И если учесть свойства действующей в стране системы управления, то наверняка можно предположить, что речи об особом статусе русского народа и русской культуры в России мы теперь услышим и от многих других государ-

ственных мужей. Это очень важный сдвиг. Власть тем самым признала актуальность проблематики, о которой говорят русские националисты, и стала перенимать их язык.

Правда, можно задаться вопросом: останутся ли эти перемены только в области языка? Вероятнее всего, что это будет именно так. Например, во время недавно проведённой переписи населения называть себя «русским немцем» или «русским татаринцом» было нельзя: либо ты русский, либо татарин. «Divide et impera», принцип известный. А «исторически русские территории» никакого официального статуса русской субъектности не имеют. Это вообще очень важная черта всей статьи: вопрос о создании русского национального государства снимается риторически, через простое приписывание экс-РСФСР основных свойств такой государственности. То есть проблемы здесь скорее просто заговариваются. И всё же надо отметить: в этой статье их предлагается заговаривать иначе, чем раньше.

Опять же, сравнивая этот текст с февральским 2011 г. выступлением Д.А. Медведева, можно увидеть и совершенно иной подход к заявлениям ряда западных лидеров о необходимости пересмотра политики мультикультурализма. Напомню, Медведев осудил такой взгляд, указав даже, что эта идеология традиционна для России. В статье Путина впервые признаётся, что эксперимент с мультикультурализмом оказался действительно неудачным. Однако этому даётся особая трактовка: «за “провалом мультикультурного проекта” стоит кризис самой модели “национального государства”». Весьма спорный тезис, ведь идеология мультикультурализма была разработана в конце 1960-х — начале 1970 гг., тогда как европейские национальные государства появились задолго до этого. Более того, многие исследователи именно в этой идеологии и усматривают «кризис модели на-

ционального государства». Здесь же получается, что её несостоятельность выводится из модели нации.

Очевидно, автора здесь волнует не столько судьба мультикультурализма, сколько именно модель национальной государственности, nation-state. Она отвергается и благодаря этому признаётся неактуальной для России. Наверное, с этим и связан отход от идеи создания «российской нации». Разрабатываемые уже много лет (В. Тишковым, Р. Абдулатиповым и другими прежними идеологами национальной политики России) пути утверждения «гражданской нации россиян» оказываются неактуальными именно как националистические. Автор признаёт, что модель национального государства неизбежно основана на этничности, а потому полностью отрицает саму модель «нации». Можно подытожить: вслед за провалом политики мультикультурализма на Западе мы видим провал политики создания политической нации «россиян» в России.

Главный термин, пришедший в этой статье на смену «российской нации» — это «уникальная цивилизация». Что подразумевается под понятием «цивилизация», не уточнено, но говорится о наличии у всех нас особой цивилизационной идентичности и о том, что она представлена самим государством, что это «государство-цивилизация». Путин подчеркнул, что её «стержнем» и «скрепляющей тканью» является русский народ и русская культура. Ещё один очень важный момент, что эта цивилизация ему видится полиэтнической, однако лишённой национальных меньшинств: это «такой тип государства-цивилизации, где нет “нацменов”». Отсутствие нацменьшинств связано с тем, что всем представителям этой уникальной цивилизации свойственна «общая культура и общие ценности». Получается, что национальные меньшинства ликвидируются через тотальную культурную унификацию на основе русской

«скрепляющей ткани». Остаётся только непонятной характеристика «полиэтничности» и судьба национальных республик в составе РФ.

В целом же статья местами производит впечатление текста, написанного как раз русским националистом, причём довольно радикальных взглядов. И нелюбовь к другим «русским националистам» для таких текстов, кстати, тоже весьма типичный случай. Имеется только два отличия: термин «нация» заменяется более благозвучным термином «цивилизация», и вместе с тем утверждается, что нынешние формы РФ никак изменять не надо — это и так уже «русская государственность». «Русский народ является государствообразующим», но не по статусу, а просто «по факту существования России» — в этом, очевидно, состоит главный тезис обсуждаемого текста.

Таким образом, в статье де-факто декларируется отказ от модернизации форм российской государственности, а также отказ от западных понятий об этих формах. Неудача прежнего проекта «создания новой российской гражданской нации» оборачивается отказом от каких-либо вообще западных технологий государственного строительства и национальной политики. Взамен утверждается, что у нас своя цивилизация и свои оригинальные формы. С точки зрения консерватизма мысль очень позитивная, однако остаётся непонятным, как формы государственности, унаследованные от большевиков и сталинской национальной политики, ещё и одобренные либеральными реформами начала 1990-х, могут считаться традиционными, выражающими нашу особую цивилизацию. По идее, если уж искать наши аутентичные традиции, то нужно возрождать формы хотя бы дореволюционной России. Но статья нацелена на иное — на сохранение нынешнего устройства и против его реформирования в какую-либо сторону.

Аналогия между «нацией» и «циви-

лизацией» проводится и дальше. РФ предстаёт как результат «самоопределения русского народа». Состоит это самоопределение в «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром». Автор говорит, что этот выбор был сделан «не на плебисцитах и референдумах, а кровью» в ходе тысячелетней истории. На этом тезисе стоит остановиться особо. Утверждение «русский народ давно самоопределился» — это главный аргумент, выдвинутый против националистического требования «права русских на самоопределение». Путин утверждает, что русским это право не нужно, так как они его уже использовали, просто когда-то раньше. Воплощением этого самоопределения является современная государственность РФ. Классическое определение Э. Ренана «нация — это ежедневный плебисцит» в случае с «уникальной цивилизацией» заменяется исторической предопределённостью. Самоопределение не осуществляется современниками, а уже сделано далёкими предками.

Право на определение своей судьбы русским не нужно ещё и потому, что у них есть историческая миссия, которой они должны служить. «Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию», сохранять «русскую культурную доминанту». Современное же развитие страны и его направления — это уже дело государственной власти, воплощающей исторический выбор предков.

Интересно, что при этом в «обсуждении и формировании» национальной политики России «должны непосредственно участвовать» не только представители государственной власти, но и «национальные, общественные объединения». Так как русских национальных объединений в России нет, то это означает только одно: национальная политика должна разрабатываться высшими чиновниками вместе с представителями национальных меньшинств. Правда, исходя из текста

статьи, этих меньшинств нет и быть не может, так как это противоречит уникальным свойствам полиэтнической цивилизации. Возможно, это противоречие снимается фразой «мы многонациональное общество, но мы единый народ».

В результате перед нами предстаёт следующая картина. Выбор формы государственности русские совершили в далёком прошлом, а все межэтнические проблемы — лишь форма социальных конфликтов. Главным способом решения этих проблем автор видит усиление регулирующих функций государства, а также его всемерную воспитательную работу. Если русские не понимают, что их выбор уже давно сделан и воплощается нынешней властью, то их надо в этом убедить. Государство должно не выражать идентичность и интересы граждан, а наоборот — проводить «культурную терапию» и «формировать мировоззрение» своего населения. Путин нередко указывает, что должен думать и чувствовать «любой человек, живущий в нашей стране». В этом важнейшая черта всего текста: в нём отдано предпочтение не анализу конкретных проблем тех или иных народов России, а постулированию того, что граждане должны делать и как они должны думать, чтобы этих проблем не было. Задача государства — внушить гражданину понимание этого долга и своей особой миссии.

В целом описанную модель, на мой взгляд, можно назвать «формальным государственничеством». Есть государство, унаследованное от предков. Его актуальные формы отождествляются с раз и навсегда сделанным выбором, с самоопределением народа. Есть государственная власть, которая это историческое самоопределение выражает. И есть нехорошие представители общества, которые всю эту данность оспаривают, создавая тем самым национальный вопрос «фундаментального характера». Решается этот вопрос с помощью усиления госу-

дарственного контроля над обществом и перевоспитания непонятливых граждан. Демократия, как власть народа, определяется выбором не граждан, а предков. Граждане этот выбор только подтверждают из чувства долга. И, если отнестись к этой модели чисто умозрительно, то нельзя не признать: она по-своему идеальна и вносит большой вклад в историю русского утопизма.

И всё же надо признать: сама эта статья — огромная уступка как раз тем, кого волнует положение русских в России. Это признание важности русского вопроса, легализация русского этнонима, осторожный отход от политики создания «новой общности людей» в пользу признания особого государствообразующего характера русского народа и русской культуры. Многолетний спор между российской государственной властью и русски-

ми националистами привёл к существенному изменению позиций — по крайней мере, в статье основного представителя власти. Теперь весь вопрос в том, останется всё это лишь на газетной бумаге или за этим текстом последуют комплексные перемены в российском законодательстве и национальной политике. Да, идея русского национального представительства здесь по-прежнему и радикально отвергается. По-прежнему отрицается сама модель общества, ежедневно осуществляющего свой выбор, и модель власти, такое общество представляющей. Но в настоящих условиях даже косметические реформы в этом вопросе могут иметь немалое значение. Перемены в языке, готовность назвать вещи своими именами — тоже немалый шаг. Ведь наш язык не просто описывает мир вокруг нас — он его и создаёт.

Наталья Холмогорова

УЗНИКИ СОВЕСТИ И ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для начала разберемся с терминологией. Общепринятое словоупотребление, сформулированное в 1960-х гг. «Международной Амнистией», таково: политзаключенный — это любой заключенный, в деле которого присутствует значимый политический элемент. Либо в самих его действиях, либо в мотивах его действий, либо в причинах, побудивших властей отправить его за решетку. «Узник совести» — более узкое понятие: это человек, лишенный свободы из-за своих политических, религиозных или иных убеждений или же из-за неотъемлемых характеристик личности (национальности, пола, социального положения и т.д.).

Понятия «политзаключенный» и «узник совести» юридического значения в России не имеют, поскольку официально считается (и Путин недавно в очередной раз это подтвердил), что политзаключенных у нас нет. Ибо нет «политических» статей УК, и все, кто сидит в российских тюрьмах, — сидят «за уголовку».

Однако это не так: и узники совести, и политзаключенные в широком смысле слова в российских тюрьмах и СИЗО есть, и их достаточно много.

На мой взгляд, имеет смысл ввести еще одну градацию. Не все люди, преследуемые по политическим мотивам,

находятся под стражей. Многие из них получают условные сроки; многие находятся под следствием, под подпиской о невыезде — и следствие иногда тянется годами. Некоторые скрываются, опасаясь ареста. Они не сидят за решеткой — однако испытывают значительные стеснения и неудобства, а также находятся под постоянной угрозой попасть за решетку. Любого самого мизерного правонарушения, любой провокации достаточно, чтобы их условный срок превратился в реальный. И все это — по причинам, связанным с их убеждениями или с государственной политикой. Поэтому, на мой взгляд, необходимо говорить не только о заключенных, но и о преследуемых по политическим мотивам — и в отношении к последним требовать также реабилитации (если они осуждены) или прекращения дел.

Кто является узниками совести в современной России? Во-первых, по нашему мнению, это люди, осужденные по статьям, собирательно известным как «антиэкстремистское законодательство». Это статьи УК 280 («публичные призывы к экстремистской деятельности»), 282 («возбуждение ненависти и вражды»), 282.1 и 282.2 («организация экстремистского сообщества, участие в экстремистском сообществе»), а также по статье 205.2 («публичные призывы к терроризму или оправдание терроризма»).

Само понятие «экстремизм» в рос-

Выступление на круглом столе Правозащитного Центра «Мемориал» 17 февраля 2012 г.

сийской юриспруденции не совпадает с международными правовыми нормами: оно значительно расширено. Шанхайская конвенция (подписанная Россией) говорит четко: «экстремизм» — это *«деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность»*. Таким образом, основной квалифицирующий признак экстремизма — насилие, причем достаточно серьезное, «крупномасштабное». В России же, согласно поправкам к закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 2008 г., к экстремизму причислены полтора десятка самых разных деяний, и подавляющее большинство из них к насилию отношения не имеет: речь идет о том, что люди что-то говорят, пишут, демонстрируют символику, «распространяют материалы», состоят в сообществах и т.д. Фактически речь идет о преследованиях за убеждения в чистом виде.

Часто можно услышать: «Антиэкстремистские статьи необходимы: иначе получается, что люди призывают к преступлениям, или организуют сообщества для совершения преступлений, или способствуют преступлениям, и все это остается безнаказанным». Но это не так. Антиэкстремистские статьи фактически дублируют понятия и нормы уголовного права, существовавшие и до них. Так, в УК РФ есть статья 33-я, четко объясняющая, кто такой организатор преступления, кто подстрекатель, кто пособник. Статья 35-я объясняет, что такое преступная группа или сообщество. В статьях 105-й, 111-й, 114-й и других статьях, посвященных насильственным преступлениям, имеется квалифицирующий признак: «По мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в

отношении какой-либо социальной группы» — наличие такого мотива рассматривается какотягчающее обстоятельство. Таким образом, нормы, необходимые для осуждения специфических «экстремистских преступлений», в УК уже есть.

Разница в том, что в «классическом», доэкстремистском УК все эти нормы привязаны к факту преступления. Где не было преступления (или хотя бы его попытки) — там не может быть ни подстрекательства, ни преступного сообщества, ни «мотива вражды». Это общий принцип уголовного права: преследуют и судят — за конкретное преступление. В «антиэкстремистских» статьях этот принцип нарушается: «преступлением» становятся высказывания, символические жесты, действия, которые теоретически, по мнению законодателя, *могут привести к преступлению*, даже если на практике они никогда к нему не приводят.

«Антиэкстремистские» статьи, прежде всего 280-я и 282-я, сформулированы настолько расплывчато, что подвести под них можно практически любое «острое» высказывание на социальные, национальные или религиозные темы. И этим власть широко пользуется для борьбы с политическими противниками. Примеров множество.

Игорь Артемов, лидер политической организации РОНС, многолетний депутат Владимирской областной думы. Возбуждено дело по статье 282-й. Предметом обвинения является высказывание: «Православие — истинная религия... Единственный путь спасения — жизнь во Христе». Если говорить такие вещи — преступление, то надо сажать всю православную Церковь разом! Но, судя по тому, что патриарх и епископы у нас пока на свободе, приходится предположить, что это лишь предлог, а истинной причиной преследования стала активная политическая деятельность обвиняемого.

Другой пример — Константин Кры-

лов, известный общественный деятель и публицист, руководитель Русского Общественного Движения. Он находится под следствием за речь на митинге, в которой сказал, что кавказские республики ничего не производят, но получают огромные дотации из бюджета. В этом правоохранительная машина усмотрела «возбуждение ненависти и вражды» к жителям Кавказа. А уж понятие «социальная группа», не имеющее четкого определения в законодательстве, открывает невиданный простор для политических репрессий. Уже открыты социальные группы «чиновников», «сотрудников милиции», «сотрудников ФСБ», «высших должностных лиц государства» и даже «членов партии Единая Россия» — и все они не подлежат критике, потому что критика возбуждает ненависть и вражду, а за это можно попасть под суд. Что это, если не политические преследования?

Поэтому вот наша позиция: статьи 280-я, 282-я и прочие, которые я здесь назвала, необходимо отменить, людей, осужденных по этим статьям, — реабилитировать, текущие дела по этим статьям — прекратить. Это именно политические статьи. Пока они не отменены — всех, кто проходит по этим статьям, нужно считать узниками совести или преследуемыми по политическим мотивам.

Часто можно услышать: «Но ведь если люди высказывают *действительно ужасные вещи* — их надо как-то за это наказывать!» Пожалуй, это уже не юридический вопрос — это вопрос более фундаментальный, мировоззренческий.

Есть принцип, лежащий в основе нашей современной цивилизации, — принцип свободы слова, гениально сформулированный Вольтером: «Ваше мнение мне отвратительно — но я готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли свободно его высказывать».

Если кто-то говорит ужасные вещи — можно с ним спорить, можно его сурово осуждать, можно всячески

демонстрировать ему свое неприятие, можно организовать его общественный бойкот или воздействовать на него любыми другими мерами, возможными для гражданского общества. Но нельзя звать жандарма, чтобы жандарм схватил его за шиворот и потащил в тюрьму. Нельзя отдавать на откуп государству вопрос о том, какие слова можно произносить, а какие нельзя. Государство всегда будет решать этот вопрос в свою пользу. Это все равно, что приглашать к себе в деревню стаю волков, чтобы они съели соседа, потому что он уж очень мерзкий тип. Может быть, они пообедают соседом — но ужинать будут тобой.

Поэтому — только отмена 282-й, только прекращение всех дел и реабилитация всех осужденных.

Вторая группа узников совести, небольшая, но важная — это люди, осужденные за участие в мирных массовых мероприятиях или за свои действия во время этих мероприятий. Чаще всего речь идет о «неповиновении» или «сопротивлении сотрудникам полиции». Иногда — об «организации несанкционированного массового мероприятия». Самый известный пример в последнее время — пятеро «узников Манежки».

Что сказать по этому поводу? Во-первых, как правило, подобные дела фальсифицируются. Все мы помним: в январе прошлого года едва ли не все лидеры оппозиции в Москве провели новогодние праздники в спецприемнике на Симферопольском бульваре. «Диагноз» был у всех один: «сопротивление сотрудникам милиции». На самом деле ни один из них не сопротивлялся милиции, и об этом совершенно точно знали все — включая и самих милиционеров, и судью Боровкову, выносившую все эти решения.

То же самое можно сказать об «узниках Манежки». Возможно, кто-то из этой пятерки действительно дрался с ОМОНОм — но очевидно, что эти пятеро, во-первых, физически

не могли «организовать Манежку», и во-вторых, не делали там ничего такого, чего не делали вместе с ними еще 15 тысяч человек.

Во-вторых — и это главное — само понятие «несанкционированное мероприятие» противозаконно и антиконституционно. Оно прямо противоречит 31-й статье Конституции РФ — о свободе собраний. Граждане имеют право собираться мирно, без оружия, там и тогда, где и когда сочтут нужным. Власть не имеет права запрещать мирные массовые мероприятия, не имеет права разгонять их с помощью ОМОНа и задерживать их участников. А если она все же это делает — тогда участники этих мероприятий имеют право НЕ ПОДЧИНЯТЬСЯ незаконным распоряжениям полицейских и СОПРОТИВЛЯТЬСЯ их незаконным силовым действиям. Права на самооборону никто не отменял. Бьет ли тебя бандит в переулке кастетом или омоновец на площади дубинкой — неважно: ты имеешь право защищаться.

Поэтому наша позиция: все люди, осужденные за участие в «несанкционированных» массовых мероприятиях, за «неповиновение» или «сопротивление» сотрудникам полиции во время этих мероприятий — узники совести, все они должны быть реабилитированы, дела против них должны быть прекращены.

Следующая группа, намного более сложная, — «политзаключенные в широком смысле слова». Те, кто обвиняется или осужден за «обычные» уголовные преступления — по статьям 105-й, 159-й и т.д., однако есть веские основания сомневаться в их виновности и считать эти дела сфабрикованными по политическим причинам.

Самая сложная ситуация: здесь каждое дело индивидуально, в каждом нужно разбираться отдельно.

Редко возможна полная гарантия того, что человек невиновен. Бывают случаи более или менее очевидные:

если он, как Сергей Аракчеев, был дважды оправдан двумя судами присяжных на основании доказанного алиби — думаю, это очень сильный аргумент в пользу невиновности. Но, как правило, остается недоказуемость, остается какой-то элемент сомнения или веры. А значит, вступают в игру симпатии, антипатии, убеждения и предубеждения, начинается «политика»; аргументы, вполне убедительные для одних правозащитников, оказываются неубедительны для других...

Яркий пример — дело Тихонова и Хасис. Мы настаиваем на том, чтобы они были включены в списки политзаключенных, именно потому, что следствие и суд проходили с грубыми нарушениями, на присяжных оказывалось давление, все это задокументировано; при этом доказательная база очень слаба, и фактически главный аргумент обвинения — это «они националисты, значит, они и убили». Но для многих наших левых и либеральных оппонентов Тихонов и Хасис — страшные люди, воплощения зла, и требовать их освобождения для них просто невыносимо. Есть и обратные примеры. Так, Ходорковский — несомненный, даже «эталонный» политзаключенный для либералов; но для многих и в левом, и в правом лагере он — одиозная фигура, живое воплощение тех ужасов и трагедий, которые происходили с нашей страной в девяностых. Эти люди могут даже признавать, что причины его осуждения политические, что оба суда над ним имели мало общего с правосудием — и однако для них психологически, эмоционально невозможно защищать его или требовать для него свободы.

Получается тупик. Есть ли из него выход? Думаю, есть. По спорным фигурам такого рода, по которым не удается достичь согласия, можно выдвигать компромиссное требование, которое будет принято всеми: это *пересмотр дела объективным, независимым, гласным судом.*

Правозащитники не должны, как заметил один из моих оппонентов, подменять собою адвокатов. Это верно — но точно также не должны они подменять следователей или судей. Не дело правозащитника — проводить второе расследование дела, или выносить вердикт. Разумеется, работая с конкретным уголовным делом, правозащитник всегда составляет какое-то личное мнение о том, виновен или невиновен обвиняемый — однако это решение не входит ни в его задачи, ни, строго говоря, в его компетенцию. Его цель — благо общества в целом, и в данном случае это благо состоит в наличии независимого и справедливого суда. Так что, обнаружив в деле серьезные нарушения, признаки политического давления на суд, правозащитник обязан обратить на это внимание общества — и требовать, как минимум, нового, независимого судебного процесса.

Наконец, четвертая группа политзаключенных — пожалуй, самая противоречивая, даже парадоксальная. Это люди, которые действительно совершили какие-то противоправные деяния, отбывают за них наказание — однако наказаны *более сурово*, чем требует логика закона и дух справедливости, причем эта чрезмерная суровость обусловлена политическими причинами. Юридически это оформляется двумя путями: либо искусственно утяже-

ляется квалификация дела (например, деяние, реально представляющее собой «хулиганство», квалифицируется как «терроризм» — с соответствующими последствиями), либо к основным статьям обвинения добавляются статьи политические, чаще всего 282-я — что влечет за собой автоматическое утяжеление наказания.

Добавление 282-й статьи зачастую происходит вопреки всякой логике и здравому смыслу, так что вызывает изумление. Приведу известный пример — дело Копцева: молодой человек врывается в синагогу, размахивает ножом, легко ранит нескольких человек, выкрикивая при этом антисемитские лозунги — и получает за это 16 лет (!), причем из них 3 года обусловлены добавленной к обвинению 282-й статьей. Возникает вопрос: в ком он «возбудил ненависть к евреям» — неужто в евреях к самим себе? Ведь никто, кроме них, его не слышал. По-видимому, он испытывал ненависть и ее выражал — но где же здесь «возбуждение»? Выходит, что мотив преступления превращается в отдельное преступление? Это нелепость.

Между тем это стандартная практика, и количество дел, искусственно утяжеленных таким образом, исчисляется сотнями, если не тысячами. Очевидно, это также недопустимо, и подобные дела нуждаются в пересмотре.

Владислав Владимиров

НОВЫЙ ЭЛЕКТОРАТ ДЛЯ НОВОГО РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Постановка проблемы

Ситуация с национальным движением в России во многом схожа с ситуацией в других европейских странах, таких как Польша, Германия и т.д.¹

В каждой из этих стран существует несколько более-менее крупных и находящихся на слуху националистических организаций (в России 2000-х гг. наиболее известны НДПР и ДПНИ, в Германии — Национально-демократическая партия и Немецкий народный союз и т.д.), публично использующих очень умеренную риторику, из-за чего их можно было бы считать умеренно-националистическими. Однако реальные действия этих организаций и состав участников их акций говорят об обратном. Это радикальные националистические организации, пытающиеся действовать в легальном публичном поле (насколько, конечно, это возможно с учетом местной законодательной специфики в плане регистрации партий). Стоит добавить, что эти организации постоянно находятся на грани запрета, а их лидеры — уголовного преследования, как правило, либо из-за насильственных действий связанных с ними праворадикалов, либо по уголовным статьям об экстремизме.

Существует т.н. «правая» субкультура (ее правильнее называть именно так, ибо она вышла за рамки конкрет-

ных молодежных субкультур, хотя в основном сейчас вербует своих адептов в среде футбольных болельщиков), численность которой находится на уровне максимум нескольких десятков тысяч человек (в странах с населением в десятки миллионов человек), сосредоточенных в основном в крупнейших городах. Какая-то часть представителей правой субкультуры сотрудничает с организациями националистического толка, но в основном они действуют в рамках небольшой «правой» полулегальной ниши в общественно-экономической жизни («правые концерты», «правые магазины», «правый футбольный хулиганизм» и т.д.) и физических стычек с оппонентами.

Раз в год в каждой из стран проходят массовые шествия националистов, приуроченные к определенной дате, часто государственному празднику (4 ноября — установленный в 2004 г. в России «День народного единства», 11 ноября — установленный в 1989 г. в Польше «День независимости»). Основной марш проходит в столице страны. В Германии такой датой является 13 февраля — годовщина сокрушительной бомбардировки Дрездена авиацией союзников в 1945 г., в Дрездене проходит и сам марш. Максимальный предел численности собирающихся на эти мероприятия националистов — до 7 тыс. человек, хотя их участники называют и более масштабные цифры, вплоть до 25 тысяч².

¹ Уместно сравнивать Россию с более-менее схожими по площади и количеству населения странами Европы, нежели с небольшими странами Юго-Восточной Европы, имеющими свою специфику.

² Цифра в 25 тысяч участников называлась для Русского марша в Москве 4 ноября

Но в целом популярность националистов и их влияние в обществе минимальны, хотя ксенофобные и националистические идеи имеют в нем широкое распространение. Как следствие, на выборах государственного уровня националистические политики и партии постоянно показывают провально низкие результаты, в результате чего возможность для националистов влиять на жизнь и развитие своей страны практически отсутствуют. А ведь это, собственно, и является смыслом и целью всей их деятельности и самого их существования.

Для объяснения этой ситуации националисты часто кивают на отсутствие информации об их мероприятиях и идеях ввиду «информационной блокады» (для прорыва которой у них не хватает финансовых ресурсов): дескать, если бы этого не было, тогда к ним сразу пришла бы массовая поддержка. Однако есть пример, когда эти возможности были и «информационная блокада» была прорвана, но на результат это не повлияло — выборы в германский Бундестаг в 2009 г. Доминирующая на националистическом легальном поле Национально-демократическая партия (НДП, нем. — Die Nationaldemokratische Partei Deutschlands, NPD) сосредоточила на прохождении во власть значительные усилия. Так, экс-националист Вадим Сидоров, живущий в Германии, писал по «горячим следам» тех выборов, что, *«по крайней мере, восточные земли были просто-таки заклеены листовками NPD. В ряде городов у меня просто возникало впечатление дежа вю — было ощущение,*

*что это 30-е годы, т.к. плакатов NPD было больше, чем листовок CDU [христианские демократы, нем. Christlich Demokratische Union] и SPD [социал-демократы, нем. Sozialdemokratische Partei Deutschlands] вместе взятых»*³. Это подтверждают и фото Reuters, опубликованные на сайте журнала Spiegel в статье о деятельности НДП в Саксонии за две недели до выборов⁴. Телеканал Euronews за месяц до выборов в бундестаг сообщал, что *«в Саксонии деятельность НДП весьма заметна. В городах расклеено 80 тысяч предвыборных плакатов. На это было потрачено 250 тысяч евро»*⁵.

Иначе говоря, националисты имели полную возможность донести инфор-

³ Комментарий Вадима Сидорова (v-sidorov) в блоге a-eliseev.livejournal.com 29 сентября 2009 г. <http://a-eliseev.livejournal.com/627791.html?thread=5840719#t5840719>

⁴ Far-Right Fears: New Push To Outlaw Germany's Neo-Nazi Party // Сайт Spiegel Online. 10.09.2009. <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,648086,00.html>

⁵ Немецкие ультраправые рассчитывают укрепить позиции в Саксонии // Euronews.ru. 26.08.2009. <http://ru.euronews.net/2009/08/26/far-right-ncp-on-the-campaign-trail/> В сообщении речь идет о подготовке к выборам в ландтаги (региональные законодательные собрания) 30 августа 2009 г., но они де-факто плавно «перетекали» в выборы в Бундестаг 27 сентября того же года. Цитируемый в сообщении представитель НДП прямо заявил «Евроњьюс», что *«НДП Саксонии внесет свой вклад в партийное дело на национальном уровне тем, что заработает пенальти, а партии в Берлине нужно будет лишь забить гол»* уже на следующих сразу за региональными федеральных выборах. Стоит добавить, что на выборах в ландтаг (земельный парламент) Саксонии результат НДП также оказался невысок — 5,6% (State Cash for Far-Right Ideology: Germany's NPD May Get 100,000 Euros for Foundation // Сайт Spiegel Online. 02.09.2009. <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,646582,00.html>).

2011 г. («более 25 000 человек» <http://www.dpni.org/articles/vazhnoe/27226>) и для марша в День независимости в Варшаве 11 ноября 2011 г. («более 25 тысяч» <http://www.autonom.pl/index.php/relacje/z-kraju/1445-marsz-niepodlegosci-2011-relacja>, русский перевод <http://karo-ugnis.livejournal.com/49285.html>).

мацию о себе до своих потенциальных избирателей — но их поддержка оказалась очень низкой. НДП на выборах в бундестаг 2009 г. получила по стране всего 1,5% голосов. На предыдущих выборах в 2005 г. результат был схожим — 1,6%⁶. О каких-то массовых фальсификациях речь не идет — не говорили о них и сами националисты, а проводившиеся на протяжении четырех месяцев накануне выборов в бундестаг опросы различных социологических служб не зафиксировали наличие у правого спектра (Rechte) политических партий более чем 2% поддержки⁷ (стоит учесть, что помимо НДП на правом политическом поле в выборах участвовал также очень близкий ей по идеологии и официально объединившийся с ней в 2011 г. Немецкий народный союз, получивший 0,1%, а также национал-консервативные «Республиканцы», получившие 0,4%).

Можно возразить, конечно, что под «ликвидацией информационной блокады» следует подразумевать прежде всего представление точки зрения националистов на телевидении. Но что под этим понимать? Возможность их представителям время от времени озвучивать свою точку зрения на каких-то телепрограммах? Это в Германии в рамках предвыборной борьбы и агитации, безусловно, практикуется⁸.

⁶ Данные выборов в Бундестаг 2009 г. на правительственном сайте, посвященном выборам в Германии: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_09/ergebnisse/bundesergebnisse/index.html

⁷ Результаты опросов: <http://www.wahlrecht.de/umfragen/weitere-umfragen.htm>

⁸ На посвященном выборам немецком сайте среди прочих предвыборных видеороликов был выложен и видеоролик НДП во время кампании по выборам в бундестаг в сентябре 2009 г., явно предназначенный для показа на телевидении <http://www.superwahljahr.net/1794-Wahlwerbespot-der-NPD-zur-Bundestagswahl.html> В настоящий момент

И в России лидеры националистов время от времени появляются в каких-то телепередачах. Но результатов-то это не меняет. Ведь, собственно, что они могут донести до людей такого, чего бы не было в их плакатах или листовках, которые люди и так периодически видят, или в интернет-материалах, которые в наше время может найти любой интересующийся? По сути — ничего. Получается, при том, что в той же Германии (достаточно почитать местные русскоязычные форумы) жители очень хорошо представляют, какие идеи продвигает НДП, какие мероприятия, где и когда проводит, но тем не менее не поддерживают их. Говорить же о ситуации, когда телевидение «должно будет» постоянно освещать действия и идеи националистов, причем с «объективной» или тем более «позитивной» стороны, — мягко говоря, нереалистично. У каждого, пусть даже частного и либерального, телеканала есть своя редакционная политика (определяемая его собственником) и программа передач, а обслуживать чьи-то чужие интересы он вряд ли будет. Такое возможно только после прихода националистов к власти и(или) взятия контроля над телевидением: т.е. телега ставится впереди лошади, т.к. ультраправые испытывают заметные проблемы не то что с приходом к власти, а даже с вхождением в нее наряду с прочими политическими силами.

В ряде небольших государств Европы ультраправым удалось в последние годы получить неплохие результаты на выборах в парламенты своих стран: болгарская партия «Атака» в 2009 г. набрала 9,35% голосов избирателей, греческая партия «Народное православно-славное собрание» в том же году получила 5,63%, венгерская партия «Йоб-

видеоролик, на который дана ссылка на сайте, удален с YouTube, но его можно найти на этом же видеосервисе по ссылке <http://www.youtube.com/watch?v=jofyZ8NxiQ>

бик» в 2010 г. поставила своего рода рекорд с 16,67%. Но важно помнить, что это сравнительно небольшие страны, по своей площади и количеству населения они сопоставимы, например, с вместе взятыми российскими Краснодарским и Ставропольским краями. Эти страны обладают своей спецификой, влияющей на выборы, — исторически сильные национализм и антисемитизм (особенно в Венгрии), сильная религиозность (в той же Венгрии по переписи 2001 г. 74,4% христиан; в Греции Элладская Православная Церковь имеет по Конституции статус государственной, в обществе традиционно сильна роль духовенства и монашества), наличие крупных и резко отличающихся от титульной нации национальных меньшинств (в Венгрии из 10 млн. жителей до 800 тыс. составляют цыгане; в Болгарии из 7,3 млн. жителей — 750 тыс. турок, 200 тыс. отуреченных болгар-мусульман («помаков») и не менее 350 тыс. цыган, по ряду оценок цыган больше). Так что переносить опыт этих стран в Россию было бы не вполне корректно.

Своя специфика и у ряда других популярных националистических движений Западной Европы — партии «Фламандский интерес» («Влаамс беланг») в Бельгии, «Лиги Севера» в Италии, Шотландской национальной партии в Великобритании и т.д. По сути, это просто демократические сепаратисты, мобилизующие в свою пользу исторически сложившиеся региональные особенности Фландрии, Северной Италии и Шотландии (национальность, промышленная развитость в сравнении с другими регионами страны и т.д.). На этот же фактор в значительной степени можно списать и поддержку националистов на Украине — крупнейшая националистическая партия «Свобода» имеет сильные позиции прежде всего в ряде западных областей страны, исторически, культурно и религиозно отличных от прочих. На Украине разница с другими вы-

шеперечисленными странами состоит прежде всего в том, что западные регионы не ставят целью выделиться из состава страны, а хотят навязать свою идеологию и интересы прочим регионам. Опять же, это не наш случай.

Не чувствуя поддержки в народе, националисты часто аргументируют это тем, что «у людей промыты мозги», да и вообще «народ уже не такой, деградировал и выродился», а «настоящим», «правильным» он был лишь когда-то в истории (когда — каждый выбирает по желанию). Подобная постановка вопроса вполне закономерно приводит к презрению к своему народу и вообще к людям (т.н. «пипплейтерство», распространившееся в 2007–2009 гг. среди националистов в России), обособлению от них и дальнейшему замыканию националистов в собственном кругу. Очень четко и ясно об этом написал недавно Сергей Строев, позиционирующий себя как «русский национал-коммунист», констатирующий *«очевидное разочарование самих русских националистов в собственном народе, предавшем Великую Идею за чечевичную похлебку пошлой “путинской стабильности”*. *Еще в самом начале путинских “нулевых”, году примерно в 2001, один из региональных командиров РНЕ бросил симптоматичную фразу: “русский национализм не состоялся, надо строить РНЕшный национализм”*. *Смысл этой фразы довольно-таки трагичен... народ в массе своей отверг мобилизационный проект националистов. Не принятым собственным народом русским националистам остается только отказаться от роли авангарда Русского народа и институироваться как особый этнос, особый малый народ в диаспоре»*⁹. В частности, оформив-

⁹ Строев С.А. Национализм слабости. О национал-демократии серьезно // Сайт «Русский социализм». [Начало ноября 2011 г.] <http://russoc.kprf.org/News/0000818.htm>. Статья далее перепечатана на сайте

шийся в 2008 г. как политическое движение «Русский Образ» открыто позиционирует себя как «русскую диаспору» в России.

Между тем речь может идти скорее о другом. Народ «не принял» националистов, так как его отталкивают не собственно националистические идеи, а то, как националисты их формулируют и подают. Националисты, «варясь в собственном соку», почему-то всегда уверены, что национализм — это именно то и так, как понимают его именно они, как это принято в их кругу. Между тем любую идею можно подать так, что она в разных случаях и привлечет, и оттолкнет людей, в зависимости от подачи.

Вспомним неоднократно озвучивавшиеся с начала 2000-х гг. социологами данные о том, что более 50% населения России поддерживают националистический лозунг «Россия для русских», причем более 10% (в разные годы по-разному) в его жесткой форме «Россия должна быть национальным государством русских». Вспомним примеры, когда простые русские люди эффективно самоорганизовывались и выступали против этнобандитизма, самые известные случаи — в сентябре 2006 г. в Кондопоге или в июле 2011 г. в Сагре. Это уже говорит о том, что русский народ далеко не так аморфен, как кажется многим, просто националисты не умеют найти к нему подходы. Да и в той же Германии далеко не все так уж печально. Недавний пример — в конце августа 2010 г. в стране начались продажи книги Тило Саррацина «Германия самоликвидируется», в которой очень резко ставился вопрос о росте мусульманских диаспор. *«Я бы не хотел, чтобы страна, в которой будут жить мои внуки или правнуки, была бы по большей части мусульманской, где на улицах говорили бы по-турецки*

и по-арабски, где женщины ходили бы в платках, а ритм жизни задавал призыв муэдзина с минарета», — весьма непolitкорректно писал Саррацин¹⁰. Из опросов общественного мнения выяснилось, что 46% жителей Германии поддерживают его идеи¹¹ и 18% даже готовы были проголосовать за партию, которую возглавил бы Саррацин¹². В то же время ультраправые, выступающие с вроде бы абсолютно аналогичной риторикой, получают, как мы видели ранее, поддержку среди избирателей на порядок меньше.

Вопросы имиджевого позиционирования

Националисты, задумываясь о причинах своих неудач, очень часто сводят их (помимо отсутствия доступа к СМИ) к своему внешнему облику, к пресловутому «зигованию» на публичных мероприятиях и к демонстрации различной неонацистской символики. Но в той же Германии этот вопрос решен за них государством — нацистские жесты и символика запрещены законом и за их публичную демонстрацию можно незамедлительно получить несколько лет заключения в тюрьме — но тем не менее рядовые обыватели на митинги националистов не идут, следовательно, дело не только в этом.

Обывателя отталкивает от националистов, помимо свастик и вскинутых рук, во-первых, их публичная агрессия, во-вторых, замкнутость в себе. Под последним надо понимать то, что человек «со стороны», попав на со-

¹⁰ Цит. по: *Мальцев Владислав*. «Саррацинский вопрос» // НГ-Религии. 20.10.2010.

¹¹ Fast jeder Zweite fürchtet berfremdung // Сайт журнала Stern. 01.09.2010. <http://www.stern.de/politik/deutschland/sternumfrage-fast-jeder-zweite-fuerchtet-ueberfremdung-1599001.html>

¹² Sarrazin-Debatte // Сайт Spiegel Online. 05.09.2010. <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,715751,00.html>

НДПР <http://ndpr.ru/index.php/2011-07-29-13-22-09/569-sa-stroev-natsionalizm-slabostio-natsional-demokratii-serjozno>

бране или публичное мероприятие националистов, сразу же сталкивается с тем, что они отличаются от него и внешним видом (определенные марки одежды, типы стрижки), и языком (у националистов выработан особый сленг), и специфическими темами обсуждения, и очень многим другим, из-за чего он ощущает себя в их среде чужим. Тогда как тот же Саррацин для немецкого бюргера был «своим».

Точно так же публично демонстрируемая агрессия отталкивает обывателя от националистов и футбольных фанатов, потому что в обычной жизни за пределами этой среды проявления немотивированной агрессии не приняты как норма. Так что весьма популярное в среде националистов мнение «надо быть страшными, чтобы с нами считались» приводит к тому, что бояться и сторониться их начинает прежде всего русский же обыватель. Плюс еще проблема в том, что и националистам, и футбольным фанатам попросту *нравится* быть неким меньшинством в обществе, непохожим на всех. «Закрытые концерты», жизнь «на шифре» от окружающих, все только «для своих» (название популярного в правой среде альбома рэп-группы «25/17») — замыкают их «в себе» и не мотивируют на деятельность вне своей среды, кроме вербовки в эту среду новых адептов.

Если подумать — кому это прежде всего может оказаться интересным? Подросткам, которые склонны к противопоставлению себя обществу, которые могут социализироваться лишь за счет причастности к некоей «особенной компании» и посещения «мероприятий не для всех». Неудивительно, что контингент «Русских маршей», как минимум, наполовину состоит из несовершеннолетних. Но как только эти же подростки вырастают и социализируются в обществе путем получения образования, работы, карьеры, семьи, они из правой среды выпадают. Она фактически не удерживает (в плане и практической деятельности, и реаль-

ного идеологического влияния) большинство даже своих недавних адептов.

При этом необходимость привлечения хотя бы представителей правой субкультуры на свои мероприятия заставляет националистические организации настолько адаптировать под них риторику и пропаганду, что другую аудиторию она и не захватывает. Получается замкнутый круг.

В то же время деятельность других общественно-политических течений направлена на привлечение к себе симпатий широкого круга рядовых граждан.

В итоге неудивительно, что после семи (начиная с 2005 г.) лет проведения «Русских маршей» их численность все еще топчется на уровне нескольких тысяч (максимальный был в 2010 г., составив около 7,5 тыс. человек), что максимальный по численности вне рамок этих шествий выход националистов 11 декабря 2010 г. на Манежной площади собрал около 5 тыс., тогда как демократы собрали 10 декабря 2011 г. на Болотной площади не менее 25 тыс. человек при широкой общественной поддержке и симпатии!

Националистам надо стать более открытыми и близкими обывателям, более вхожими в их среду и понимающими нужды обычных людей. В этом — первый залог успеха.

Вопросы электорального позиционирования

Впрочем, одним только «переодеванием в пиджаки», т.е. наведением внешнего лоска вопросы с привлечением симпатий населения на свою сторону не решаются. Ведь помимо имиджа огромное значение имеет содержательная деятельность, отвечающая запросам населения. А вот с этим у националистов еще более значительная проблема. Собственно, вся их публичная деятельность, вся пропаганда обычно вращаются вокруг национальных проблем, призывов «русских по-

мочь русским», «защититься от нерусских» (в принятой за последние десятилетия обтекаемой форме «выслать преступных мигрантов») и т.д. И тут главный парадокс — любые социологические исследования, даже любое живое общение с обычными людьми показывает высокий уровень национализма в их среде, но при этом за националистов голос они (за очень редким исключением) не отдают. Почему?

Еще в 2004 г. руководитель отдела социально-политического анализа Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Леонтий Бызов отметил в одной из своих публикаций: «Как свидетельствуют исследования ВЦИОМа, “русская тема” — это “пакетная” ценность, которая воспринимается скорее как дополнение к идее порядка (в том числе — социального). Вынесенная “в первый ряд”, она способна отпугнуть значительную часть своих потенциальных сторонников»¹³. В более поздней публикации социолог говорит об этом более развернуто: «К чему стремится сегодняшнее общество в национальном вопросе? Национальная озабоченность очень хорошо видна при исследовании на малых выборках, когда идет откровенный разговор: мол, русских дискриминируют, “чернота” заела. Но как только политик идентифицирует себя как русского националиста и под этим знаменем идет на трибуну, он сразу же оказывается в положении маргинала. Дело в том, что националистические ценности — это ценности “второго эшелона”. Они выступают на первый план на кухне и

уходят на третий план на публичной трибуне. Национальные гарантии как бы встроены в социальные, это то, что входит в “пакет” ценностей социальной справедливости. Излишнее педалирование национального вопроса у многих вызывает опасение. Именно поэтому лишь около 7–8% россиян готовы проголосовать за политиков, которые национальную проблематику ставят на первое место. Радикальный русский национализм... остается идеологией меньшинства, даже в наиболее расположенной для него молодежной среде. Политические движения и партии, которые получают “ярлык” националистов, не могут претендовать на политический успех. Национализм остается в нынешней России явлением “андерграунда”»¹⁴.

Насколько мне известно, эти данные социологов использовал лишь политолог Валерий Соловей, отметивший в конце 2007 г.: «Иммиграция — важная, но не центральная забота российского общества, для которого на первом месте стоит социальная проблематика. В общественном мнении иммигрантский вопрос составляет лишь фон социальной проблематики, в то время как русские националисты зачастую всецело поглощены им, рассматривая сквозь призму “чурок” все остальное. И тогда они неизбежно остаются на периферии того, что в первую очередь беспокоит русский народ. А беспокоит его дефицит справедливости и свободы»¹⁵. В целом на-

¹³ Бызов Л.Г. Ждет ли Россию всплеск русского нацизма? // Мониторинг общественного мнения. №4 (72). Октябрь — декабрь 2004 г. С. 39. В другой статье Бызов уточняет, что эти выводы опираются на исследование ВЦИОМ, проведенное в апреле 2004 г. (Бызов Л.Г. Придут ли к власти радикальные русские националисты? // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. №7. С. 635).

¹⁴ Бызов Л.Г. Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы страны. М., июнь 2008 г. Доклад размещен на сайте Международного института гуманитарно-политических исследований <http://www.igpi.ru/info/people/byzov/grant.pdf> Впрочем, судя по ряду публикаций в Интернете, доклад был обнародован еще в 2007 г.

¹⁵ Соловей Валерий. За спиной — стенка // Preemniki.Ru. 06.12.2007. <http://preemniki.ru/publications/108>

ционалисты оказались тогда не готовы к пониманию этого: понимание начало приходить лишь три года спустя, выразившись, среди прочего, в словах одного из создателей и лидеров Русского гражданского союза Антона Сусова, отметившего на учредительной конференции этой организации: «...практика показывает, что за чистый национализм русский народ даже во времена относительно свободных выборов никогда особо не голосовал, пример тому — низкие результаты на выборах Конгресса Русских Общин и других “чисто националистических” партий. Напротив, голоса националистически настроенного электората всегда забирала себе партия (в первую очередь — АДПР, Родина и КППФ), которые помимо русско-патриотической составляющей давали ответы на социальные, экономические и другие предметные запросы граждан»¹⁶.

Однако важно понять: о социальных и экономических запросах какой электоральной группы населения идет речь в случае националистов? Ранее этот вопрос практически не рассматривался — националисты во всех странах апеллируют «вообще» к представителям своего народа, требуя для них работы, социальных пособий и т.д.

Результат, правда, при этом достаточно странный — при апелляции к «народу в целом» голоса националистам отдает его небольшая часть, причем из исследований социологов можно понять, какая именно.

Например, кто голосует за Национально-демократическую партию Германии? Лучшие результаты она показывает в восточных землях страны (бывшая ГДР), в землях Саксония-Анхальт и Мекленбург-Передняя Померания. На местных выборах

НДП получила в 2004 г. в Саксонии-Анхальт 9,2% голосов, в 2006 г. в Мекленбург-Передней Померании — 7,3%. Как отмечают западные СМИ: «Саксония-Анхальт и прежде всего Мекленбург-Передняя Померания — наиболее сельскохозяйственные, бедные и малонаселенные из 16-ти немецких земель... уровень безработицы в Мекленбурге-Передней Померании... является самым высоким в стране»¹⁷. В 2004 г. «среди безработных за неонацистов [речь о НДП] в Саксонии голосовало около 18% избирателей этой категории»¹⁸. Точно так же по поводу региональных выборов 2006 г. в Мекленбург-Передней Померании отмечалось, что «из различных социальных групп наибольший уровень поддержки у НДП среди безработных (15 процентов)»¹⁹. Стоит добавить, что процент иммигрантов в новых восточных землях Германии гораздо ниже, чем в западных, — но тем не менее поддержка у националистов оформилась именно на востоке.

Недавно были опубликованы также интересные данные по электорату Британской национальной партии, не раз показывавшей неплохие результаты на местных выборах. «Для анализа социального распределения электората весьма ценным представляется исследование “Far right in London: a challenge for local democracy?” [2005 г.]... Согласно данным исследования, основной социальной базой БНП являются так называемые группы С2, D и E (соответственно квалифицированные рабочие, неквалифициро-

¹⁷ Русский перевод статьи в Financial Times за 09.11.2007 выложен на сайте ИноСми: <http://www.inosmi.ru/world/20070110/232108.html>

¹⁸ Григорьев Евгений. Неонацисты провались в парламент // Независимая газета. 21.09.2004.

¹⁹ Новичихин Вадим. Немецкие неонацисты идут во власть // Парламентская газета. 23.09.2006.

¹⁶ Сусов Антон. Национал-демократия — шаг навстречу национальной свободе // Аpn.Ru. 08.12.2010. <http://www.apn.ru/publications/article23430.htm>

Категории избирателей	Округа БНП	Средний показатель по Англии и Уэльсу
Население старше 65 лет	19,85	15,89
Родившиеся вне Великобритании	8,05	8,34
Белые англичане	86,44	92,1
Имеют высшее образование	11,85	19,6
Не имеют профессионального образования	39,54	29,8
Имеют плохие жилищные условия	15,15	7,9

Таблица № 1

ванные рабочие и лица, постоянно не занятые на производстве). В то же время представители групп А, В и С1 (высший и средний классы, учащиеся) показали низкую предрасположенность к голосованию за БНП... Другими важными факторами, повлиявшими на предрасположенность к голосованию за БНП, согласно исследованию, были возраст и образование. Избирательные округа с относительно молодым электоратом демонстрировали поддержку БНП ниже среднего уровня, а избирательные округа с большим числом избирателей без профессионального образования — выше среднего. В то же время исследование не выявило корреляции между количеством иммигрантов или беженцев, проживающих в избирательном округе, и уровнем поддержки БНП»²⁰.

Исследователь Д. Курносов приводит взятые из данных переписи 2001 г. данные (в%), характеризующие округа, где БНП получила заметную поддержку на выборах в 2005 г. (См. табл. 1).

Таким образом, действительно получается, что ультраправые и в Британии получают поддержку прежде всего среди людей с низким уровнем жизни,

неуютно чувствующих себя в современном мире.

Таким образом, максимально широкая апелляция оборачивается, наоборот, отсутствием поддержки в широких слоях населения. Националисты привлекают лишь наименее обеспеченную часть населения, склонную к восприятию патерналистской риторики и обещаний («дать работу», «дать пособия» и т.д.). Правда, эта среда не демонстрирует постоянства, поэтому очень часто ультраправые на последующих выборах собирают уже куда меньше голосов. Как пример: в 2004 г. НДП получила в Саксонии-Анхальт 9,2% голосов и 12 депутатских мандатов, в 2006 г. — 5,6%²¹, в 2011 г. — 4,6% и ни одного мандата²². Кстати, интересный штрих по поводу выборов в этой федеральной земле в 2006 г.: «*Партия была более популярна в сельской местности, например, в Лаухе (Лаусба), городке с населением 3200 человек, где их кандидат... получил почти 19% голосов. В таких [крупных] городах, как*

²¹ State Cash for Far-Right Ideology: Germany's NPD May Get 100,000 Euros for Foundation // Сайт Spiegel Online. 02.09.2009. <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,646582,00.html>

²² *Dannenberг Natalia*. Young people are drawn to far-right party in eastern Germany // Dw-World.De. 23.03.2011. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14937033,00.html>

²⁰ Курносов Д. Британская национальная партия: эволюция и перспективы // Политэкс. СПб., 2008. №1. Цит. по интернет-публикации на сайте издания <http://www.politex.info/content/view/403/30/>

Магдебург и Галле, она набрала только около 3%»²³.

Таким образом, можно констатировать, что одна из неудач националистов на Западе — в отсутствии у них поддержки среди успешного и образованного среднего класса. В какой-то степени это характерно и для России. Возьмем ту же ЛДПР, уже два десятилетия как собирающую голоса путем использования националистической риторики. Глава партии Владимир Жириновский так в 2007 г. описал электорат партии: «У нас свой избиратель. Патриархальный, провинциальный, бедный. Граждане малых городов. Нас [там] знают и поддерживают много лет»²⁴. Действительно, все выборы (в том числе думские 2011 г.) показывают, что больше всего голосов ЛДПР набирает в депрессивных регионах Дальнего Востока, а вот в крупных городах европейской части страны, в том числе в столице, уровень ее поддержки не слишком высок. Горожане там голосуют обычно либо за КППФ (в значительной части это чисто протестное голосование), либо за либеральные партии.

Есть ли здесь ниша для нового, успешного национализма? Оказывается, есть.

В июне–июле 2004 г. Институт комплексных социальных исследований Российской академии наук в сотрудничестве с российским представительством фонда им. Фридриха Эберта провел общероссийское исследование «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить», в ходе которого было опрошено 2,5 тыс. человек в русских регионах (исключая национальные образования) во всех федеральных округах России. Итоговый доклад был представлен 4 ноября (по-своему знаковая для современных русских наци-

оналистов дата, правда, тогда еще не ставшая «Днем народного единства» и «Русских маршей») 2004 г. в гостинице «Балчуг», но, увы, «не многие из журналистов сочли интересным посетить презентацию солидного ученого труда»²⁵, вследствие чего он остался вне зрения и широкого общества, и самих националистов. Между тем, в нем содержатся весьма интересные фактические данные:

«Как показали проведенные нами исследования... идея «Россия для русских» [в ее предельно жестком варианте «Россия должна быть государством русских людей», которое в целом поддержало 17,2% опрошенных граждан] не является эксклюзивной идеологией “сторонников русского пути”, среди которых число поддерживающих данный тезис составляет 27,7%. Самый высокий показатель ее поддержки — 29,8% — среди сторонников радикальных рыночных реформ...»²⁶ (См. табл. 2).

С этим согласуются и данные исследований ВЦИОМ, проведенных в том же 2004 г. Как пишет руководитель его отдела социально-политического анализа Леонтия Бызов: «43,8% опрошенных ВЦИОМ в июне 2004 г. безоговорочно выступают за ужесточение мер против мигрантов из стран Юга и Юго-Востока... Интересно, что наибольшее число сторонников ради-

²⁵ Черников Дмитрий. Народ отделил Путь от власти // Солидарность: Центральная профсоюзная еженедельная газета. № 42. 10.11.2004.

²⁶ Цит. по публикации доклада на сайте представительства фонда им. Фридриха Эберта в России, данные содержатся в его 12-й главе (по ссылке http://www.fesmos.ru/Publikat/15_New%20rus2005/new_rus_12.html, проверена 03.11.2011 г.), но в декабре 2011 г. доклад был по неизвестной причине удален с сайта фонда. Впрочем, его можно посмотреть по копии в интернет-архиве http://web.archive.org/web/2009061074203/http://www.fesmos.ru/Publikat/15_New%20rus2005/new_rus_12.html

²³ Ibid.

²⁴ Пеструхина Елена. ЛДПР ищет третьего // Гудок. 07.09.2007.

Суждения	Политическая идентификация					
	«Рыночники»	«Коммунисты»	«Социалисты»	«Русские националисты»	«Центристы»	«Нейтральные»
Россия должна быть государством русских людей	29,8	17,9	26,5	27,7	7,3	14,6
Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав	21,9	27,2	29,6	30,1	21,5	22,0
Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	46,5	54,3	42,9	39,1	65,7	56,0
Затруднились ответить	1,8	0,7	1,0	3,1	5,6	7,4

Таблица № 2

кального ужесточения законов против мигрантов среди проголосовавших [на выборах 2003 г.] за Союз правых сил, — 55,3%»²⁷.

Другой пример. По данным общероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ в марте, апреле и мае 2004 г., сторонники Союза правых сил продемонстрировали максимальную нетерпимость к нерусским, превзойдя в этом и ЛДПР, и «Родину», позиционирующихся как именно националистические партии, высокий результат ксенофобии показали также сторонники «Яблока»²⁸ (См. табл. 3):

С первого взгляда это выглядит абсолютно абсурдным, потому что и СПС, и «Яблоко» на протяжении все-

го своего существования выступали против русского национализма и не раз демонстрировали это публично. Однако это противоречие кажущееся, потому что мы как бы автоматически ставим знак полной тождественности между активом партии и широким кругом голосующих за нее избирателей, а это далеко не так. Избиратель вполне мог поддерживать либералов, разделяя идеи рыночной экономики, демократии, борьбы с бюрократией, но при этом иметь совершенно иную точку зрения на национальный вопрос. Однако поскольку национальная тема у него (как было описано выше) шла «на втором месте» после социальных вопросов, он предпочитал либералов той же ЛДПР. Например, я знаю вполне реальный пример этого из жизни — семья наших московских родственников на выборах 4 декабря 2011 г. голосовала за «Яблоко», хотя глава семьи достаточно сильно не любит приезжих азербайджанцев, которые «всюду сидят как грачи».

Таким образом, искомая идея национал-демократии (или — нацио-

²⁷ Бызов А.Г. Ждет ли Россию всплеск русского нацизма? // Мониторинг общественного мнения. №4 (72). Октябрь-декабрь 2004 г. С. 41–42.

²⁸ Пресс-выпуск № 93. Новая конфигурация партийного пространства: Итоги весеннего политического сезона // Сайт ВЦИОМ. 23.06.2004. <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=807>

Скажите, какие из перечисленных ниже понятий вызывают у вас скорее отрицательные чувства?	Всего	СПС	Яблоко	Родина	ЛДПР	Единая Россия	КПРФ
Нерусские	33,0	41,0	35,4	36,6	38,8	35,8	31,0

Таблица № 3

нал-либерализма, как, возможно, будет даже точнее) состоит прежде всего в «национализации», т.е. в перехвате националистами избирателя (городского прежде всего), настроенного либерально, но при этом национально. Такого рода примеры уже имеются — Леоний Бызов указывает между делом: «Те же исследования показали, что блок “Родина” в его первом варианте, активно двигавший национальную идею, привлек голоса значительной части тех, кто обычно голосовал за либеральные партии»²⁹. Речь, судя по всему, о том, что «по опросу ВЦИОМ в ноябре 2003 г., за “Родину” решили голосовать 4% прежних избирателей “Единства”, 5% избирателей “Отечества”, 6% избирателей КПРФ и — больше всего — 9% избирателей СПС»³⁰. Непосредственно уже по итогам выборов 4 декабря 2003 г., по данным опросов ВЦИОМ, за «Родину» отдали свои голоса 7,7% голосовавших в 1999 г. за СПС и 5,5% голосовавших в 1999 г. за «Яблоко»; недавно поддерживавшие демократов избиратели составили 12% (почти каждый восьмой) среди электората «Родины»³¹.

²⁹ Там же. С. 38.

³⁰ Титков А.С. Партия номер четыре. «Родина» и окрестности. М.: Центр «Панорама», 2006. С. 21.

³¹ «...выяснилось, что блок “откусил” не только коммунистический электорат. Специалисты ВЦИОМа установили, что 22% избирателей “Родины” на выборах 1999 года... голосовали за КПРФ, а 16% тогда голосовали за “Единство”, 8% — за СПС, по 4% — за ОВР и “Яблоко”» (Хамраев Виктор, Булавинов Илья. Операция «Родина» за-

Еще интересный момент, отмеченный опросами ВЦИОМ: «Главной неожиданностью [на выборах 2003 г.]... стало то, что за “Родину” проголосовали люди, приспособившиеся к переменам, произошедшим в стране. Таких среди избирателей-“родинцев” — 59%. Выше показатели только у “Единой России” (65%) и у СПС (73%). А ведь до сих пор считалось, что выигравшие от реформ россияне голосуют либо за правых [т.е. либералов], либо за партию власти — чтобы как минимум сохранить статус-кво»³². При этом ЛДПР под лозунгом «Мы за русских, мы за бедных» собрала в 2003 г. свои традиционные 11%³³, так что ее электорат не

вершена // Коммерсантъ Власть. № 5 (558). 09.02.2004. Цит. по интернет-публикации на сайте издания <http://www.kommersant.ru/doc/447581>). Исходя из этих процентов внутри электората «Родины», можно посчитать, сколько из них пришло от электората других партий сравнительно с выборами 1999 г. В 2003 г. «Родине» отдали голоса 5 469 556 чел. 8% от этого числа составит 437 564 чел., в 1999 г. за СПС отдали голоса 5 677 247 чел., таким образом, 8% проголосовавших за «Родину» в 2003 г. — это 7,7% от проголосовавших в 1999 г. за СПС. Аналогично, 4% от проголосовавших за «Родину» в 2003 г. — это 218 782 чел., в 1999 г. за «Яблоко» отдали голоса 3 955 611 чел., соответственно, 4% проголосовавших за «Родину» в 2003 г. равно 5,5% от проголосовавших в 1999 г. за «Яблоко».

³² Хамраев Виктор, Булавинов Илья. Указ. соч.

³³ На парламентских выборах 1995 г. ЛДПР набрала по партийным спискам 11,18% голосов, в 2003 г. — 11,45%, в 2011 г. — 11,67%.

пересекался с «родинским». Конечно, чересчур идеализировать или брать за образец для копирования «Родину» образца 2003 г. не стоит (это была достаточно сложносоставленная партия, ориентированная сразу на несколько групп избирателей — как либеральных, так и левых и «державников»), но, тем не менее, она показала успешный пример реализации нового, успешного «цивилизованного национализма»³⁴.

Наконец, такое наблюдение по поводу российских горожан. В опубликованном в 2007 г. аналитическом докладе «Российская идентичность в социологическом измерении», подготовленном Институтом социологии Российской академии наук в сотрудничестве с российским представительством фонда им. Фридриха Эберта, отмечается: *«Как это следует из результатов исследования, в мегаполисах доля тех, кто считает русскими тех, у кого “родители русские”, составляет 56%, т. е. почти вдвое больше, чем во многих других социальных и возрастных группах общества. Если эти данные найдут свое подтверждение в дальнейших исследованиях, можно будет сделать вывод, что “голос национальной крови”, если он и существует, характерен именно для наименее традиционалистских и наиболее модернизированных слоев общества»*³⁵. В аналитическом докладе «Россия на перепутье» (2004 г.) руководитель отдела социально-политического анализа ВЦИОМ Леонтий Бызов прямо говорил про *«типично западническую идею национализма (этнического на-*

*ционализма, “Россия для русских”)»*³⁶. В общем-то это действительно так, так что почему бы этой «западнической» идее не сочетаться с другой опять же типично «западнической» идеей либерализма? Новый национализм в России нашел бы себе новую электоральную группу.

Выводы

Первый — националистам необходимо излечиться от иллюзий по поводу того, что огромная часть населения России их поддерживает и ждет только возможности, чтобы на ближайших свободных выборах выбрать их во власть, потому что «мы за русских, а они же русские!». В реальности на свободных выборах скорее всего повторится 1990 г., когда практически везде победили либералы, которые опирались на свой позитивный имидж в СМИ и на реальную работу с избирателем. Пока что националисты редко снисходят до последней, предпочитая общение друг с другом. Да, националистические идеи достаточно широко распространены в российском обществе — но эти ценности идут на втором месте после социальных, в «пакете» с ними, а националисты всегда мыслят и аргументируют, ставя национальные темы на первое место, как главный и единственный довод.

Второй — то, что для привлечения избирателя недостаточно будет озвучить несколько общих идей о демократии или социальных проблемах (как бывает, когда националисты участвуют в различных выборах). При прочих равных люди отдадут предпочтение тем, кто уже достаточно давно работает по подобной проблематике (левые или либеральные партии), кроме того, против националистов работает

Это лучший и, получается, стабильный ее результат, «потолок».

³⁴ «Цивилизованный националист» — так описывали в 2003 г. Рогозина СМИ в самом начале старта «Родины» (Светова Зоя, Патлатов Антон. Главный в блоке Глазьева // Русский курьер. 11.09.2003).

³⁵ Доклад выложен на сайте Института социологии РАН http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Rus_Identity.pdf

³⁶ Доклад выложен на сайте Международного института гуманитарно-политических исследований <http://www.igpi.ru/info/peop-le/byzov/LB-24.doc>

их имидж, которые еще необходимо преодолеть и улучшить в глазах людей. Для победы на выборах необходима реальная работа по вопросам, которые действительно волнуют конкретные группы избирателей и которые еще нужно точно определить.

Третий — национал-демократия (или национал-либерализм) в практическом плане не есть ни внешнее перепозиционирование националистов в очередное «модное» течение, ни механическое сложение митинговых националистов и демократов. Это привлечение на свою сторону части электората традиционных либеральных партий и не принадлежащих к националистам активистов из их числа. В этом плане «ниша» национал-либералов шире традиционных националистов, но вторые имеют в нынешней ситуации преимущество в наличии опоры на правую субкультуру и большую известность (хотя и негативную) в СМИ. Поэтому национал-либералам необходимо позиционирование себя как отдельной и самостоятельной силы и большая практическая работа в ближайшее время по завоеванию популярности среди городского среднего класса и симпатий СМИ.

Здесь важно помнить, что городской обыватель имеет иную психологию, нежели политические активисты. Основная разница — если политик-активист мечтает о радикальной смене власти в стране, обыватель просто хочет, чтобы решились некоторые проблемы, которые ухудшают его жизнь (будь то нехватка детских садов, бюрократия или этнобандитизм). Для него важны не иллюзии, а реалии.

Чего удивляться, что немцы не спешат поддержать ту же НДП, если она *«хочет не только добиться определенных политических целей, но и устранить существующее демократическое устройство Германии»*³⁷?

Например, случай из того же 2009 г.: *«Хольгер Апфель (Holger Apfel), один из руководителей НДПГ, лидер ее фракции в ландтаге (земельном парламенте) Саксонии, выступая на одном из недавних собраний в Лейпциге, прямо заявлял, что его партия выступает за уничтожение “обанкротившегося либерально-капиталистического строя”*»³⁸. Какой смысл голосовать за нее успешному представителю среднего класса? Точно так же многие представители немецкого среднего класса были бы не против высылки досаждающих им порой приезжих иностранных преступников — но ведь НДП, как партия ультраправая, добивается высылки *всех* иностранцев. Это напрямую не заявляется (уголовно наказуемо), но выражается при этом достаточно ясно. *«В конце августа 2009 года НДПГ вышла на выборы [в парламент земли Саксония-Анхальт] с лозунгом “Криминальные иностранцы — вон!”*. При этом слово *“криминальные”* было напечатано таким мелким шрифтом, а плакаты развешены на уличных столбах так высоко, что мирные и не очень жители могли прочесть лишь *“Иностранцы — вон!”*»³⁹.

В итоге, конечно, за эту партию голосует немногочисленный ультраправый электорат, который рад от того, что нашел «свою» партию, может быть, и озлобленные на все вокруг безработные, но не широкий круг избирателей. Ведь, хорошо это или плохо, немалая часть жителей любой страны

<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3245303,00.html>

³⁸ Агаев Виктор. Немецкие правые радикалы заполучили депутатские мандаты // Dw-World.De. 09.06.2009. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4314225,00.html>

³⁹ Дементьева Анжелика. Гражданин по договору // Росбалт. 11.12.2009. <http://www.rosbalt.ru:8080/main/2009/12/11/696636.html> Это, кстати, на самом деле так — достаточно просто посмотреть на фотографии этих плакатов, которых немало в Интернете.

имеет у себя или среди предков, или по линии брачных либо дружеских связей представителей других народов, и подобный радикализм их неминуемо оттолкнет, тогда как грамотно и честно сформулированная борьба с не желающими интегрироваться иностранцами и исламизацией может привлечь очень многих, как было видно на примере огромной популярности идей Тило Саррацина.

Пока что отечественные национал-демократы за редким исключением не участвовали в работе с широким кру-

гом избирателей, ибо сложно счесть за таковое «круглые столы» и дебаты с представителями других политических течений, посещаемые не очень большим количеством интересующихся политикой пользователей Интернета, равно как и посещение «общих» оппозиционных митингов. От того, смогут ли они сориентироваться на такой работе и создать реальную сеть эффективных отделений на местах, собственно, и зависит развитие и национал-демократии, и национализма в России.

ПАВЕЛ Крупкин

НЕБОЖИТЕЛИ, ВЕРТУХАИ, ПАРТИЗАНЫ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС

Введение

Постсоветская Россия после двадцати лет послереволюционной трансформации представляет из себя очень интересный социальный организм (социор) — результат отката из какого-то особенного варианта, но все же общества Современности¹, каковым был СССР, обратно в Традицию. При этом сами исконно традиционные социальные рутины, практики и институты, те, которые были оформлены веками успешной эволюции самого социора и его составляющих в высококонкурентном окружении, были успешно «забыты» — практически полностью исключены из обихода людей семью десятками лет социальных экспериментов в процессе так называемого коммунистического строительства. Такой дрейф Российской Федерации «в никуда»², сопровождающийся то-

тальным исключением рациональности из деятельности в политической и других сферах жизни, требует разработки адекватного языка для описания столь уникального социального процесса, некоторым аспектам которой и посвящена настоящая работа.

Методически я буду опираться на тот вариант институционализма, который является одним из немногих «сквозных» подходов в обществоведении и позволяет с единых позиций изучать всю иерархию интересующих нас социальных объектов: и индивида, и группу, и сообщества из многих групп³. Столь же важной для последующего обсуждения будет концепция коллективной идентичности⁴, которая

в монографии: *Крупкин П.А. Россия и Современность...*

³ *Крупкин П.А. К теории институциональных полей: Общие моменты // Научный эксперт. 2010. №10. С. 98–109. Режим доступа: <http://modernity-centre.org/2010/10/28/kroopkin-116/>*

⁴ Коллективная идентичность (*social identity*) — набор ментальных структур человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение себя к какой-либо группе, а также определяющий правила поведения людей в группе, правила приема/исключения людей в/из группы/ы, детали различения «своей чужой» для данной группы (*Крупкин П.А. Россия и Современность... С. 122*). Не следует путать с персональной идентичностью (*identity*) — результатом интериоризации человеком набора своих социаль-

¹ Современность (Модерн, Модернити) — социальное время, характерное внутренней легитимацией значимой доли принимаемых в обществе решений — через опору на разум, через рациональное обсуждение. Обычно отстраивается от Традиции — социального времени, когда практически все решения людей легитимировались обращением к внешним источникам — авторитетам, священным текстам, традиционным практикам. (см.: *Крупкин П.А. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 59–65.*)

² Некоторые результаты изучения данной социальной трансформации были обобщены

также позволяет оттенить некоторые интересные моменты текущего российского транзита.

Статья концентрируется на теории идентичности негомогенных социоров (ордынств), в которых элитные слои общества сильно отрываются от управляемых ими людей в идентичностном плане, выводя тех из «своих» для себя — в «чужие». Показано, как ордынское устройство политического и социального порядков влияет на естественную стратификацию общества в поле власти, порождая довольно интересную двухполюсную социальную структуру. Выявлена важная в части структурирования социума роль того социального слоя — вертухаев, который «обслуживает» идентичностный отрыв политической элиты общества от основной массы населения страны. Прослежена логика формирования вертухайского психотипа — как в общем плане, так и в российской конкретике.

Отражая российскую специфику, введены в рассмотрение два дополнительных фактора, которые сильно влияют на ситуацию. Во-первых, это общая невыраженность одного из полюсов социальной структуры, сопровождающаяся формированием однополюсной «картографии» социального поля. И, во-вторых, это наличие несогласованности институционального поля страны, когда формальные нормы во многих местах оторваны от обычных, что поддерживает работу «отрасли» по извлечению административной ренты из населения. Показано, как указанные

ных ролей, которая может и не нести эмоциональной нагрузки. Более детально модель коллективной идентичности и указанное различие обсуждены в работе: *Крупкин П.А.* Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика. № 3–4. Харьков, 2010. С. 303–311. Режим доступа: <http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115/>

факторы влияют на психосоциальные установки вертухайского сообщества с достаточно подробным описанием последних.

Дан набросок теории современных российских партизан — тех субъектных и околосубъектных людей, которые не идут в вертухаи по моральным основаниям.

Политически гомогенные и негомогенные социоры

Рассмотрение всего множества известных истории социоров позволяет ввести одно очень интересное различие, которое разделяет все социальные системы на два больших класса. В основе данного различия лежит степень гомогенности политической сферы социума, то, насколько сильно политический класс рассматриваемого социора идентичностно отделяет себя от управляемых ими людей. При этом выделяется достаточно большая группа социоров, в которых политический класс общества позиционирует себя и социально, и идентичностно достаточно далеко от управляемых масс людей, вплоть до провозглашения своего биологического отличия. Будем называть подобные социоры — *ордынствами*. Классическими ордынствами были все «старые режимы» — монархии позднего Средневековья, знать которых часто настаивала именно что на своей биологической особенности. При этом в противовес ордынствам-монархиям в том же Средневековье существовали и города-государства, в которых не было столь сильного идентичностного самоотделения политического класса от управляемых сограждан. Другим примером идентичностно гомогенных политий могут служить современные западные национальные государства / либеральные демократии, политический класс которых четко позиционирует себя антропологически как плоть от плоти народной.

На всей глубине писаной истории мы можем найти как социоры ордын-

ского типа, так и идентичностно гомогенные социоры. При этом к первым обычно тяготеют монархии и автократии, а ко вторым — города-республики и национальные государства. Данное различие было отражено и в политической мысли человечества: обоснованию благостности ордынского устройства общества посвятили себя, например, Платон, Гоббс и др., а неордынская традиция развивалась в то же время Аристотелем, Макиавелли, Локком и т.д.

Обычно соответствующая политическая мысль легитимирует ордынское устройство государственности, используя два базовых мифа. Во-первых, это постулирование «войны всех против всех» в качестве основного состояния людей при отсутствии внешнего управляющего воздействия на них. И, во-вторых, миф о патернализме, о том, что низы не смогут выжить без заботы о них верхов. И понятно, что основа политической мысли неордынской традиции — мудрость коллективного разума человеческой общины — в случае ордынской традиции обычно «вытеснена за пределы», что порождает хороший критерий идентификации ордынского устройства наличествующего социального порядка, заключающегося в ответе на вопрос: насколько обычное социальное место рядового обывателя изоморфно месту овцы в стаде при пастухах? Именно такая дегуманизирующая практика, как низведение социальных низов в представлениях верхов до «скота в ландшафте», и фиксация этого в повседневных рутинных социального порядка четко позволяют определить ордынское устройство рассматриваемого социума. Например, в СССР обыватели были не только практически полностью подобны «овцам в стаде», но и более того, от них требовалось быть именно что «овцами-автоматами», поскольку им (в отличие, например, от классических ордынств / монархий) не позволялось даже «взбрыкнуть» при случае, что

есть обычно «прошито» в социальной неотъемлемое «право» всего живого⁵. Таковая девитализация людей придавала особый «шарм» ордынской сущности советского социального порядка.

В постсоветской России обыватель отличается от овцы возможностью совершить «дауншифтинг» (т.е. перейти на более низкие социальные позиции, «растворившись в ландшафте»), и возможностью выехать за пределы страны. Тем не менее распространенность в определенных релевантных дискурсивных слоях терминов «быдло», «гопота», «лохи», и т.п. четко показывает представления об управляемых в начальственных головах Российской Федерации (РФ). К тому же российское начальство очень не одобряет низовой протест, однако любит поговорить о патернализме и о том, что «эти там» «поубивают же друг друга» без отеческой начальственной заботы. Так что дегуманизирующие и девитализирующие практики продолжают определять имеющийся социальный порядок, хоть и в чуть более «поистрепанном виде», чем то было в СССР. Плюс к тому — развивающиеся практики фиксации различными социальными слоями своей «выделенности» главным образом через сотворение произвола и применение насильственных действий по отношению к «оттесняемым вниз». Т.е. нет никаких оснований считать, что постсоветская Россия по результатам произошедшей трансформации перестала быть ордынством, хоть она и изменилась существенно в некоторых своих характеристиках⁶.

⁵ Напомню про одну важную характеристику живого: «Жизни свойственно вопрошать свои пределы».

⁶ См. дополнительные детали по элитной ментальной границе в российском общественном сознании в: *Крупкин П.Л. Россия и Современность... С. 307–321.*

Особенности макростратификации ордынских социумов

Естественная стратификация любого социора, наводимая на общество властным социальным отношением⁷, приобретает дополнительные черты в случае реализации в социуме социального порядка ордынского типа.

Начнем данное общее рассмотрение с упомянутой выше естественной стратификации, которая вследствие универсальности властного отношения в мире людей имеет место в любом социоре⁸. И действительно, любое общество содержит в себе людей, основной деятельностью которых является управление другими людьми. Данные люди формируют так называемый общественный актив. Для остальных людей будем использовать термин «масса». В активе дополнительно выделяется слой тех, кто принимает участие в разрешении стратегических вопросов общества. Обычно данный слой называют *политической элитой*. При этом известно, что так введенная элита является достаточно трудно фиксируемым на опыте социальным объектом, и потому элитологические исследования обычно подменяют изучаемый объект на *генералитет* — людей, занимающих формальные верхние социальные позиции общества. Очевидно, что элита во многом пересекается с генералитетом, однако в то же время понятно, что как бывают и генералы, которые не включены в цепочки принятия и согласования особо важных решений, так бывают и не генералы, которые включены в данные цепочки⁹.

⁷ Один социальный агент находится во властном отношении к другому социальному агенту, когда он способен навязать подвластному свою волю. Подвластный агент легитимирует властное отношение своим подчинением. См. детали: Там же. С. 99–105.

⁸ Подробнее: Там же. С. 87–89.

⁹ Подробнее см.: *Крупкин П.А.* Об особенностях мотивации действующего российского актива // Научный эксперт. 2010. № 6.

Итак, можно видеть, что в любом социоре только из-за наличия политической сферы возникают указанные выше социальные страты: элита, включенная в актив общества, и масса. Если же еще принять во внимание и политическую гегемонию, осуществляемую элитой, то по отношению к ней в обществе возникает и база ее поддержки, обычно называемая *средним классом* и состоящая из внеэлитного актива и верхнего слоя массы, и страта «всегда и безусловно ни с чем не согласных», которую можно определить термином *коагулят*¹⁰. Различные социологические исследования дают оценку численности актива текущего российского общества на уровне 8–10% от взрослого населения, для среднего класса — 20–25%. Численность коагулята может быть оценена на уровне 3–5%. Численность политической элиты страны — примерно 5 тыс. человек (менее 0,005%).

Перейдем теперь к рассмотрению социора, «отягощенного» социальным порядком ордынского типа. Как уже говорилось выше, данный социальный порядок характерен тем, что «высшие слои» общества начинают отделять себя от управляемых антропологически, формируя сильную ментальную границу в общественном сознании. Очевидно, что данные «верхние слои» основных выгодоприобретателей социального устройства (будем далее называть их словом *небожители*) включают в себя (1) политическую элиту общества, (2) генералитет, (3) всех остальных, признаваемых первыми двумя группами в качестве «своих», заслуживающих специальной заботы о

С. 63–72. Режим доступа: <http://modernity-centre.org/2010/06/29/kroopkin-114/>

¹⁰ Социальный коагулят обладает очень интересными характеристиками, которые, однако, не важны для темы настоящей работы. С этими свойствами можно ознакомиться в: *Крупкин П.А.* Россия и Современность... С. 92–97.

себе. Группу (3) главным образом слабают члены семей и еще не деклассированные потомки бывших представителей слоев (1) и (2). При этом некоторое количество небожителей социальных мест резервируется и для особо одаренных людей «снизу» — для «обновления крови», так сказать¹¹. На другой социальной полюс от небожителей оттесняется большинство представителей массы, которые в сознании небожителей слабо отличаются от «скота в ландшафте». И в промежуток между небожительским и народным полюсами попадают те, кто берет на себя основную нагрузку по обеспечению гегемонии небожителей в обществе¹². Эти люди, не являясь небожителями сами, тем не менее стремятся ментально «быть рядом» с небожителями, быть полезными им, обслуживать их. Они же главным образом и оттесняют прочее «быдло» (и других менее удачливых своих собратьев) «вниз», «подалее» от небожительского мира, тем самым обслуживая и поддерживая поляризацию на небожительской ментальной границе. Будем называть данную социальную группу из указанного ментального «зазора» — *вертухаями*.

Идентичностно вертухайи достаточно сильно сплочены перед лицом отталкиваемой ими «вниз» народной массы, что не мешает им внутри себя быть крайними индивидуалистами. Вертухайская атомизация обусловлена тем, что небожители инкорпорируют к себе лишь незначительную часть жаждущих, вследствие чего среди вертухаев царит предельный социалдарвинизм. Система вертухайского

отбора закрепляет практики гипертрофированной услужливости по отношению к «верхним» по иерархии, зависти и ревности по отношению к «одноуровневым», пренебрежения по отношению к «нижним» — в общем, все то, что обычно характеризуется метафорой «куриный насест». Именно данный слой общества наиболее полно воплощает в себе и «войну всех против всех», и «патернализм», который закрепляется как пассивностью его представителей из-за высокой цены риска от «неправильного действия», так и постоянным ожиданием подачек и прочих «благодарностей» от начальства.

Идеологически вертухайи пытаются адаптировать себе представления небожителей, но делают они это в меру своего понимания и на основе своего жизненного опыта, потому результат у них получается сильно разжиженным цинизмом и ханжеством. При этом осознание своей «чуждости» миру небожителей, куда они сильно и постоянно жаждут попасть «своими», закладывает в основу их итогового этоса значимый комплекс неполноценности, который они обычно компенсируют, «отрываясь» на нижних по иерархии.

Нетрудно видеть, что в своих социальных и этических отношениях мир вертухаев сильно замешан на том, что А.А. Зиновьев называл коммунальностью¹³.

Вертухаев, в общем-то, можно обнаружить практически во всех слоях общества. Вертухаями является значительная часть актива, многие представители среднего класса, многие из коагулята¹⁴. И даже в массе обывателей значительное количество хотели бы оказаться на вертухайском жизнен-

¹¹ Все известные истории элитные сообщества имели работавшие процедуры инкорпорации «подходящих» людей из неэлитных социальных слоев.

¹² Т.е. в социорах-ордынствах средний класс перестает быть целиком базой гегемонии, хоть в лице некоторых своих представителей может все же к данной базе принадлежать.

¹³ Детали по концепции коммунальности см, например: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.

¹⁴ Тут имеется очень интересная диалектика: «ненавижу, но... люблю!», но она лежит в стороне от темы настоящей работы.

ном пути. В то же время тот же актив содержит и тех, кто резко отстраивает себя от ветрухайского сообщества. Много подобных людей также наличествует в среднем классе, и еще больше — в основной народной массе.

Еще одним общим свойством ордынского социального порядка являются следующие моменты. При взгляде «вниз» из своего социального места небожитель практически всегда видит одних только вертухаев, ближние к себе и очень сплоченные их слои. Для того чтобы увидеть кого-либо из народа, небожителю надо сильно постараться. Соответственно, все представления небожителей о народных массах формируются лишь на основе наличествующей у них информации о вертухайских нравах и повадках. Справедливо и обратное — народ при взгляде «вверх» видит все тех же вертухаев, слагающих нижние слои руководителей. Более того, основная масса вертухаев также никогда не видела небожителей: поле их зрения ограничено «сверху» лишь той популяцией, которая занимает чуть более высокие «жердочки» иерархического «наеста». Все это имеет смысл иметь в виду при анализе письменных источников «о народе» — ведь народ сам, увы, «говорить» не умеет.

Несогласованность российского институционального поля

Перед тем как окончательно сосредоточиться на результатах воздействия описываемой логики на социальное поле страны, необходимо осветить еще один специфический российский момент — несогласованность ее институционального поля¹⁵. Свойство несогласованности институционального поля возникает в ситуациях, когда формальные нормы, поддерживаемые центрами силы общества, сильно отли-

чаются от институтов, которым люди следуют в силу своих обычаев. «Сама структура несогласованных институциональных полей создает в обществе ряд особенностей, отличающих такие общества от других, управляемых согласованными институциональными полями:

1. Существенное отличие актуального институционального поля от формальных норм создает в социуме состояние “перманентного произвола”. Осознание обществом перманентности произвола в стране, чему способствуют оппозиционные и внесистемные социальные агенты, сказывается на легитимности сложившейся системы центров силы общества не лучшим образом.

2. Дефицит легитимности общественного устройства требует резервирования дополнительных ресурсов для отражения соответствующих атак, т.е. приводит к возрастанию затратности общественной системы управления, ее склонности к насилию.

3. Возникают более высокие требования по квалификации управленцев для каждого уровня общественной иерархии, чем это, например, требуется при нормально легитимной бюрократии, действующей в согласованном институциональном поле. Данный фактор приводит к дефициту управленцев вследствие их неэффективного расположения по иерархии и/или к некомпетентности бюрократии на низовых уровнях при обычном копировании бюрократических структур из обществ с согласованными институциональными полями.

4. Возникает эффект незащищенности бюрократа вследствие всегда имеющейся возможности его наказания из-за творимого им по существу «правил игры» произвола. Этот же фактор способствует инфильтрации в бюрократию людей специфического морального склада, которые могут существовать в таких условиях.

5. В более широком плане несогла-

¹⁵ Подробнее общая теория вопроса представлена в: *Круткин П.А.* К теории институциональных полей...

сованное институциональное поле приводит к раздвоению сознания всех участников “игры”, при котором в общественном сознании формируются слои “небесного” и “земного”. “Небесное” связывается с недостижимой на практике утопией красивых демонстрационных формальных норм, а “земное” — с творимым центрами силы произволом. При этом также возникает стресс от необходимости терпеть произвол ввиду “небесного” идеала, которому творящие произвол регулярно клянутся в верности. Разрыв между “небесным” и “земным” усиливает проблемы социализации юношества и создает проблемы социальной интеграции людей рационального склада.

6. Несогласованные институциональные поля поддерживают в обществе правовой нигилизм, ибо при наличии хоть одного закона, созданного лишь для демонстрации, трудно убедить кого бы то ни было, что другие формальные правила не таковы¹⁶.

Первым источником несогласованности институционального поля в РФ является склонность ее «верхов» к демонстрационному законодательству, когда законы устанавливаются не только вследствие наличия конфликтных зон в обычной части институционального поля, но и следуя логике пропаганды своей «цивилизованности». Как результат, образуются те самые институциональные «разрывы», которые начинают обильно эксплуатироваться вертухайским сословием для (1) усиления влияния своих социальных позиций через «отработку» возможности произвола по отношению к «посторонним», попавшим в ситуацию «разрыва», и (2) для извлечения административной ренты. При этом возможность извлечения ренты создает еще один источник институциональных «разрывов» — следующий из логики данного «бизнеса» — ведь массовость эксплуатации «разрывов»

институционального поля с целью извлечения дохода позволяет считать, что в России вполне оформилась соответствующая «отрасль» народного хозяйства. Хорошее описание данной «отрасли» дал К.Ю. Рогов в своей модели мягких правовых ограничений¹⁷, которое можно представить следующим образом:

«Согласно К. Рогову, писанные правила создаются таким образом и, главным образом, для того, чтобы их было можно и выгодно нарушать. “Выполнение таких правил — чистая издержка, а нарушение правил дает конкурентные преимущества”. Поэтому происходит постоянный торг индивидуальных прав по нарушению правил. Государство предстает как “магазин”, в котором “продаются” такие права. Государственные институты не следят за соблюдением правил, но карают за их несанкционированное нарушение, соответственно, мотивируя остальных на торг в отношении их прав на нарушение правил.

Должно существовать большинство, уверенное в повсеместности нарушения правил. Ценностные преимущества тех, кто соблюдает правила, существенно понижаются, а маргинальность таких людей получает идеологическое обоснование. Разговоры о повсеместности коррупции работают не на подрыв этой системы, а на пропаганду системы нарушения правил.

Правила нарушения правил изменчивы. Нельзя приобрести длительный иммунитет. Каждый субъект должен постоянно взаимодействовать с системой, проверяя, правильно ли он нарушает правила. Поэтому главная роль принадлежит политикам — тем, кто устанавливает новые правила нарушения правил, тем самым контролирует и просителей о правах на нарушение

¹⁷ Рогов К.Ю. Режим мягких правовых ограничений: Природа и последствия // Inliberty, 22.07.2010. Режим доступа: <http://www.inliberty.ru/blog/krogov/2471/>

(граждан, бизнес), и чиновников, кто эти права предоставляет. В этом смысле «борьба с коррупцией» — необходимый элемент системы, поскольку в этом процессе политики утверждают свою власть и исключительное право менять правила нарушения правил, показательно наказывать за нелояльность к себе и режиму»¹⁸.

Понятно, что данная особенность РФ придает ее вертухайским социальным позициям дополнительную привлекательность. Вот как этот момент осветил Президент РФ, рассуждая о мотивациях российской молодежи: «молодёжь хочет быстрого успеха, <...> они хотят стать чиновниками. Почему? <...> понимаете, я всегда думаю о том, какие побудительные мотивы у человека, когда он выбирает свою будущую профессию, свой жизненный путь. <...> Я не говорю про министерские должности, а такие низовые должности. Там хорошо платят? Нет, платят плохо. А почему? А потому что это способ быстрого обогащения — коррупция. То есть они видят в этом пример того, как можно быстро, не прилагая труда, добиться успеха в жизни <...> вот я приду там на какую-то низовую должность, возьму раз пять какие-то всякие подношения, которые мне принесут, и после этого, может быть, успокоюсь или свое дело открою. Хотя, как правило, никогда этим не заканчивается, это становится способом существования на всю жизнь, пока человека не поймали за руку или по каким-то причинам он из системы не вылетел»¹⁹. С полным пониманием всех нюансов «бизнеса» рассуждает

г-н Президент — нельзя этого не отметить.

Психосоциальные особенности российского начальства

Наряду с несогласованностью институционального поля РФ, дающей российским вертухам хорошие инструменты по наращиванию своей социальной мощи, следует отметить еще одну особенность российского ордынства — незавершенность формирования небожительского полюса в социальном пространстве страны. Т.е. социальное пространство России для вертухая оказывается имеющим всего одну реперную точку — тот самый полюс, где сгрудились «лохи», и от которого он стремится отойти как можно дальше. При этом положительная цель — то, куда ему надо бы стремиться «по жизни» — еще до конца не сложилась.

Такую разметку жизненного пространства было предложено называть П-центризмом²⁰, и она задает достаточно интересный поведенческий комплекс, очень распространенный среди российского начальства²¹. Существенным здесь является отсутствие положительных целей, без чего «у человека остается только ощущение “сзади”»: “сзади” — это там, где остались те, кто не преуспел в этой жизни, где сгрудились “лузеры” и “лохи”, где находится жизненная “П”. Соответственно главным личностным мотивом для такого человека становится удалиться от “П”

¹⁸ Розов Н.С. Модель правовой ловушки и коррекция оппозиционной повестки дня // Персональный сайт, 2010. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/lovushka.htm>

¹⁹ Медведев Д.А. Встреча с представителями малого бизнеса Пензенской области // Стенограмма на сайте Президента РФ, 14.07.2011. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/11952>

²⁰ Обсуждаемая разметка изоморфна тому, что определяется понятиями при распределении мест среди заключенных в многоместных камерах российских тюрем, где антицентром социального поля является общее отхожее место — «параша». Соответственно, мотив «оказаться подальше от отхожего места» в существенной степени определяет поведение вовлеченных в данное социальное поле людей.

²¹ Подробности — в: Круткин П.А. Об особенностях мотивации действующего российского актива...

как можно дальше. Так обобщенная “П” превращается в центр координат его личного мира»²². «Так и получается, что уйти от “П” как можно дальше становится стержнем всей жизненной мотивации»²³ вертухая. «При этом само социальное направление к “П” задается широко распространенным в 90-х годах словом “лох”, и неотъемлемым атрибутом многих личностных конфликтов в этой среде обычно является выяснение факта, кто из спорящих ближе к “П”, кто их них больший “лох”. Интересно, что понятие “лох” не имеет антонима. Так еще раз семантически подчеркивается то, что в этом мире нет положительного направления. Жизненный успех определяется только отрицательным направлением. Главное, оказаться как можно дальше от “П”, причем даже в географическом плане. Наиболее ценным жизненным результатом является особняк в Лондоне и/или вилла в Марбелье. Однако символично и то, что лазурные берега Антиба или сверкающие вершины Куршавеля могут вдруг оказаться парашей города Лиона — как это недавно было показано судьбой одному российскому олигарху. Мир “П” цепко держит своих избранных и не отпускает их далеко»²⁴.

«Еще один момент социальности данного психотипа проявляется в обычном наблюдении: *“считающий себя высокостатусным скорее съест отбросы, чем даст подняться низкостатусному”*. Вот как свидетельствует о данном факте один из героев 90-х: *“Одержимый злом вольпинист* (человек, участвующий в забеге за большими деньгами — «баблом»; оригинальный термин автора цитаты, который происходит от слов «воля» и «альпинист». — П.К.) *не следует мудрому правилу “хлеба к обеду в меру бери”, он самоутверждается не в приобретении*

*вещей себе, а в унижении и додавливании неудачников вокруг себя, в их нарочитом третировании. Богатство рассматривается не как “мое наличное”, а как “чужое отсутствие”, величие не в имени самом по себе, а в возвышении над уровнем других. В современной России это очень развито. Стремление “отсечь дверью” идущих следом, “понаоткусывать, чего не съем” постоянно прослеживается красной нитью российских реформ. Родается “гиперфилия”, любовь к фактору нищеты у власти, глубоко ущемленное чувство власть имущих. В итоге вольпинисту из народа приходится преодолевать не только собственные страхи и комплексы, но и мощную чужую волю, направленную вниз, на сбрасывание последователей”*²⁵. Это наблюдение прекрасно ложится в рассматриваемую психосоциальную модель. Действительно, отсутствие положительных жизненных целей приводит к значимости для такого деятеля всего того, что творится у него “за спиной”. На субъективное осознание человеком своего положения по отношению к “П” начинает влиять как общее количество народа в пространстве между ним и этим местом, так и относительное распределение людей в этом пространстве. Поэтому каждый в этом зазоре, кто улучшает свое личное положение по отношению к “П”, смещает распределение игроков, ухудшая относительное положение нашего “героя”, со всеми приистекающими отсюда субъективно ощущаемыми последствиями. Именно это и заставляет “П-центриста” старательно “гнобить” тех, кто “сзади”, по мере сил не выпуская их далеко от исходной точки своего мира — от “П”»²⁶.

В современных российских услови-

²⁵ Березовский Б.А. Как заработать большие деньги? // Сайт расширенного сознания, 2000. Режим доступа: http://www.soznanie.info/st_berezov.html

²⁶ Крупкин П.Л. Об особенностях мотивации действующего российского актива...

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

ях П-центризм достаточно гармонично сочетается с культом «бабла» — той самой «магической субстанцией, которой одной лишь дано право превращать двуногих жителей страны в людей. Те же, кто без “бабла”, — те “лохи”»²⁷. А «лохам», как это уже было отмечено выше, — место «в этом мире» давно определено.

Рассмотрим формирование данного синтеза «бабла» и «П-центризма» чуть более подробно вместе с анализом его основных компонентов и выявлением внутренней логики его генезиса в 90-х гг. прошлого века. «Удивительно, но в постсоветском общественном сознании из имеющегося выбора известных властных мотиваций для личности (стремление к свершениям, компенсация личных комплексов, биологическое доминирование) особое распространение и закрепление получила самая примитивная — биологическая, что, по-видимому, было обусловлено значительным влиянием криминалитета на общественную культуру России в начале 90-х гг. Страсть к биологическому доминированию над другими людьми получила широкое признание в обществе, и любая социальная иерархия стала восприниматься лишь как воплощение иерархии доминирования, то есть стала считаться изоморфной по структуре и межличностным взаимодействиям стае диких приматов. Мода на доминирование совпала с ликвидацией практик общественного целеполагания, и, оказавшись в целевом и ценностном вакууме, те, кто сумел прорваться в начальство, исключили из своей публичной практики все остальные драйверы, кроме связанных с примитивно понимаемым личным преуспеванием. В соответствии с этим, исчерпывающий список личностных мотиваций постсоветского актива может быть сформирован в виде: (1) удержаться на посту, (2) “заработать” как можно больше денег, (3) прорваться

“выше”. Естественно, что пытаясь показать себя “соответствующими” положению, они начинают третировать всех остальных, кто не преуспел, считая их “лузерами” и/или “лохами”.

Эта струя смешалась с другой струей “правильных” мемов, обеспеченных российскому общественному сознанию западной транзитологией, откуда советские западники конца 80-х черпали социальные смыслы для продвижения их в обществе. Новые смыслы легли на старые шаблоны. Людям было предложено “строить капитализм” (как до этого им предлагалось “строить коммунизм”). А чтобы преуспеть в этом, им было предложено “талмудить” западные учебники (как до того им предлагалось “талмудить” “кирпичи” марксизма-ленинизма). Так какие же мемы были “втянуты” нашим активом с Запада в дополнение к “доморощенной” страсти к биодоминированию? Во-первых, это положение неоклассической экономической теории о “невидимой руке рынка”, которое сняло все вопросы об общественном целеполагании и, в частности, послужило оправданием для всех групп актива “сбросить” свои обязательства перед обществом и стать предоставленными самим себе. Во-вторых, это вульгарно-марксистское представление о капитале как о больших деньгах, которое совместилось с вульгарно-веберовским тезисом о неумном стремлении к успеху как духе капитализма и дало на выходе то, что можно назвать термином “инкап”, т.е. “иным капиталом” — специфическим синтезом общественного успеха и денег, при котором внешние по отношению к “предприятию” социальные места становятся существенной частью его доходной схемы²⁸. Именно инкап трактуется на-

²⁸ Рассмотренный выше «бизнес» по извлечению административной ренты из несогласованности институционального поля страны является существенной частью отечественного инкапа.

²⁷ Там же.

шими “героями” как самый настоящий капитал — цель лидерской деятельности при капитализме.

Следующий элемент — модель “человека экономического” неоклассической экономической теории. Данная модель основана на положении, что каждый человек при принятии решения перебирает различные варианты своих действий, выбирая из них тот, который соответствует максимуму его личной функции полезности. По большому счету данная модель исключает творчество и волю, ибо в ее рамках человек перебирает для оптимизации лишь уже известные стратегии, цена которых хорошо просчитана. Реальным прототипом данной модели были биржевые брокеры и купцы, профессионализм которых обеспечивался знанием ими котировок цен товаров на различных рынках, чего было вполне достаточно для успешного ведения бизнеса с целью максимизации прибыли. Так деньги стали естественным выбором наших «капиталистов» для своей целевой функции полезности, что опять же хорошо и целостно замкнулось на инкапе в качестве основной жизненной ценности.

И действительно, инкап (или, как его принято называть в рассматриваемой социальной группе — “бабло”) занял центральное место в системе ценностей значительной части российского актива, породив тот самый жизненный стиль, который получил название “гламур”. Данная ценность царит в мире гламура, покоясь на базовых структурах биологического доминирования, абсолютного эгоизма, пассивной рациональности оптимального выбора, целью которого является опять же приумножение “бабла”. В таком своем центральном положении инкап естественным образом приобретает сакральные черты, создавая основания для культа “мамоны”, культа “золотого тельца”²⁹. Смешиваясь с расистской сутью струк-

тур биодоминирования, «бабло» становится магической субстанцией, причем именно что субъектной магической субстанцией, которая «ходит, где хочет», и лишь она одна определяет «избранность» в «этой стране».

Представленный психосоциальный конструкт обладает еще одним общим свойством: все его основания являются вне-положенными человеку и обществу, «взятыми на веру» от «авторитетов» без должной рефлексии. Т.е. представленное мировоззрение является традиционалистским, не соответствующим Современности. Так из нашей социальной реальности проявляется основной драйвер текущей российской архаизации — доминирующие психосоциальные установки отечественного вертухайства. И в принципе понятно, что представленный психосоциальный комплекс «П-центризма» по обуславливаемым им мотивациям людей абсолютно противоположен тому, что надо бы иметь в плане личностных мотиваций для эффективной (причем даже не только инновационной) экономики. Это следует хотя бы из того факта, что целеустремленность является стандартным требованием к лицам, которые претендуют на занятие руководящих должностей в развитых странах.

Другие группы населения РФ

Социальная успешность вертухайского сообщества в РФ сильно влияет и на разметку той части социального поля, которая с точки зрения самих вертухаев схлопнута в точку «П», но где в то же время обитает основная масса населения страны. При этом следует отметить, что для многих автохтонов Русской равнины моральные издержки пребывания среди вертухаев излишне велики, и поэтому они стараются прожить свою жизнь так, чтобы иметь дело с вертухайями лишь «по минимуму». Относительно субъектная часть данной группы, которую можно определить термином *парти-*

заны, будучи постоянно «тренируемой» вертухайским произволом уже вполне восприняла правила вертухайской игры и не останавливается перед нарушениями правил сама³⁰, особенно по отношению к вертухаям. Передвигаясь по заминированному вертухаями пространству, партизаны стараются слиться с ландшафтом, чтобы платить вертухаям поменьше. Вертухаи же в свою очередь ведут за партизанами «охоту», целью которой является снимаемый с партизан доход — вертухайская административная рента.

Не так щепетильны в моральном плане некоторые этнические меньшинства. Их представители без видимых моральных проблем для себя стремятся в ряды вертухаев с тем, чтобы не только приладиться к доходам, снимаемым с прочего населения, но и активно гнобить «быдло», теша свою спесь. При этом доходы этих групп составляет не столько административная рента, которая является привилегией государственного начальства, сколько поступления от различного рода незаконной деятельности — контрабанда, торговля наркотиками, рейдерские захваты имущества. Как показывают факты отработки правоохранительными органами страны различных конфликтных ситуаций³¹, этнопреступные группировки (ЭПГ) уже практически срослись с местной полицией, стали для тех во многом «своими» — в отличие от остальной массы населения.

³⁰ По наблюдениям С. Грина, люди в России зачастую пытаются навязать другим выполнение норм, в то же время не собираясь выполнять эти нормы сами (*Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra*, 2011. Т. 15. № 1–2. С. 6–19. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_51_6-19_all.pdf). Этакая игра «сделай другого лохом».

³¹ См. например, нашумевшие кейсы «Кондопога», «Станица Кущевская», «убийство Свиридова», «убийство Волкова», «бой в Сагре».

При этом у ЭПГ, в отличие от прочих вертухаев, наличествует положительная внутренняя солидарность, произрастающая из клановости вследствие традиционного менталитета входящих в ЭПГ индивидов.

Несубъектные социальные слои я здесь рассматривать не буду.

В плане же оценки мощности «партизанского движения» в России можно привлечь данные Н.Е. Тихоновой, согласно которым к партизанам тяготеют до трети взрослого населения страны³².

Заключение

В заключение замечу, что наряду с элитной ментальной границей, связанной с идентичностным самоотделением социальных верхов от низов, влияние которой на социальность изучалось в настоящей работе, в общественном сознании России имеется еще одна столь же сильная граница, порождающая аналогичные социальные структуры. Это то, что задается коллективной идентичностью, носители которой считают небожителями жителей западных стран, которых они вызываются добровольцами защищать «от этих орков с Востока». Данная граница порождает столь же интересные вертухайские слои, что и классическая элитная граница, причем, в силу большей образованности вовлеченных людей, психосоциальные характеристики данных слоев получаются во многом другими. За ограниченностью места более подробное рассмотрение указанного сообщества я проведу в одной из последующих своих работ.

³² *Тихонова Н.Е.* Особенности нормативно-ценностной системы российского общества // Фонд «Либеральная миссия», 06.04.2011. Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5188>. В данном исследовании следует обратить внимание на группы, обозначенные терминами «модернисты» и «постмодернисты».

МИХАИЛ РЕМИЗОВ

ЛОЖНАЯ ДИХОТОМИЯ

Протесты молодежи на Манежной площади вызвали у бюрократии когнитивный шок. С тех пор она не перестает рассуждать о национальном вопросе. Как и следовало ожидать, интеллектуальный арсенал советско-постсоветской национальной политики оказался не богат и сильно изношен. Если не считать репрессивных формул попеременно с призывами к толерантности, рефреном звучит только одна спасительная идея: культивировать общероссийскую гражданскую нацию в противовес русскому этническому национализму.

Я уже имел случай писать о том, что на практике это противопоставление лишено смысла¹. Или, по крайней мере, лишено того смысла, который подразумевается в рамках российского официоза. Дело в том, что формирование гражданской нации потребует прежде всего жесткой ассимиляционной дисциплины в отношении меньшинств, выпадающих из национальной правовой и политической культуры. Обеспечив на всей территории страны и в отношении всех ее граждан эффективный приоритет гражданских законов перед «законами гор» — т.е. обеспечив гражданское единство на деле, а не на словах, — государство реализовало бы наиболее злободневную часть повестки русского национализма.

Иными словами, общность целей «гражданской» и «этнической» версий национального проекта в России на сегодня гораздо важнее их различий.

Этот практический аргумент, одна-

ко, нуждается в теоретическом дополнении.

Чтобы избежать ситуации навязанного выбора между «гражданственностью» и «этничностью», мы должны присмотреться к самой дихотомии, проверить на прочность ее основания.

I. Колониальная политология

С подачи Ганса Кона, оппозиция «гражданского» и «этнического», «западного» и «восточного» национализма приобрела не просто популярность, но силу универсального объяснительного клише, стала частью своеобразного ритуала благонамеренности в обращении со взрывоопасными вопросами национализма. Кто-то из исследователей должен был нарушить магию этого ритуала, хотя бы из духа противоречия. Наиболее внятную его деконструкцию произвели Бернард Як² в известной статье «Миф гражданской нации» и Роджерс Брубейкер в статье «Мифы и заблуждения в изучении национализма»³.

Эти статьи объединяет не только общность некоторых аргументов, но общность взгляда. Авторы выступают в жанре «критики идеологии». Причем не идеологии национализма, а исследовательской идеологии, идеологии «национализмоведения». Западные исследователи национализма в меньшей мере, чем сами националисты, реализуют особого рода политику

² Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис. № 2(6). Лето 2006.

³ Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism. UK, 1998.

¹ См.: Ремизов Михаил. Русский гражданский национализм против неофеодализма // Вопросы национализма. 2011. № 5.

идентичности, в рамках которой градация «этнического» и «гражданского» национализма выступает скорее вариантом оппозиции «мы» — «они», чем собственно научной типологией.

«Дихотомия гражданское / этническое, — пишет Бернард Як, — существует наряду с другими противопоставлениями, которые должны звучать, как набат: не только западное / восточное, но и рациональное / эмоциональное, добровольное / унаследованное, хорошее / плохое, наше / их». Все эти оппозиции воспринимаются как часть единого фрейма, но при ближайшем рассмотрении он рассыпается. «Западный» национализм (например, французский) оказывается не менее «этническим», чем «гражданским», «гражданский» — не менее «иррациональным» и не более «добровольным», чем «этнический». В итоге осью, на которую нанизываются все остальные характеристики, оказывается не какой-либо позитивный, а *позиционный* признак — «наше» / «их». Поэтому Б. Як, будучи канадцем, т.е. входя в то условное «мы», которое конструируется этой эгоцентрической типологией, и характеризует ее как «несостоятельное сочетание самовосхваления и принятия желаемого за действительное».

Думается, однако, что исследователями в данном случае владеет не пресловутое самодовольство западного человека, а то, что Майкл Биллиг называл «банальным национализмом», т.е. национализмом, заключенным не в радикальных лозунгах и манифестах, а в повседневных привычках, институтах, способах восприятия действительности. Благодаря этому эффекту «банализации» национальной картины мира разглядеть «национализм» в чужом глазу исследователям оказывается методологически проще, чем в собственном. Ведь та «иррациональность» и та «историчность», которая структурирует твой собственный взгляд, легко становится частью «естественного по-

рядка», законов разума или природы, к которым собственно и апеллировали предтечи «хорошего», франко-американского национализма.

В этой связи Биллиг отмечает присутствующую «nationalism studies» тенденцию к экстернализации своего предмета, вынесению его по ту сторону линии, очерчивающей жизненный мир исследователя⁴. Это достигается либо за счет использования узкого понятия национализма, включающего лишь его крайние идеологические формы, либо за счет введения специальных дискриминационных понятий типа «этнонационализма». Характерно, что немецкий историк Отто Данн саму концепцию «этнонационализма» многозначительно называет «англосаксонской»⁵. Роджерс Брубейкер еще более определен. Он говорит об «*ориенталистской* концепции восточно-европейского национализма»⁶.

В самом деле, подобно «ориенталистскому» понятию «Востока» по Саиду, понятия «восточного» или «восточно-европейского» национализма (а они используются как синонимичные друг другу и синонимичные понятию этнического национализма), являются скорее инверсией самопрезентации Запада, чем категорией исторического понимания. В отличие от вдохновителей западной «антиколониальной» моды, подобных тому же Эдварду Саиду, я совсем не считаю, что обнаружение гегемонистских подтекстов научно-философского или культурологического дискурса является компрометирующим обстоятельством. Но одно можно сказать совершенно точно: фигурами «колониального дискурса» не стоит злоупотреблять тому, кто ими же определен как колонизованный.

⁴ Биллиг Майкл. Нации и языки // Логос. 2005. № 4.

⁵ Данн Отто. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003.

⁶ Brubaker R. Op. cit. P. 298.

Забавно, что именно это происходит с российской этнополитологией, когда она увлеченно и уверенно делит мир на «хорошие-гражданские» и «плохие-этнические» национализмы. Это увлечение сопоставимо с увлечением другой дихотомией — «демократия» / «тоталитаризм». И в этом отношении оно служит одним из проявлений интеллектуальной самоколонизации: мы принимаем как данность сфабрикованную картину мира, в рамках которой нам уготовано место в яме, занимаем это место и начинаем из него мучительно выкарабкиваться.

Причем в данном случае без особенных шансов на успех.

Так, один из исследователей, верных этой типологии, Лия Гринфельд, беседуя с российским изданием о рецептах национальной политики, вполне определенно фиксирует: «Традиция русского национализма этническая и коллективистская, и вряд ли она собирается меняться». «Как можно побороть, — добавляет она, — основанные на ощущении принадлежности к этнической группе образ жизни и менталитет и создать гражданскую нацию, основанную на добровольной принадлежности независимо от происхождения? Это два совершенно разных метода восприятия реальности, и превратить одну традицию в другую крайне сложно»⁷.

В рамках жесткой дихотомии «гражданского» и «этнического» национализма (а в книге Гринфельд «Национализм. Пять путей к современности»⁸ эта дихотомия проводится жестко, даже догматически) такой скепсис абсолютно логичен. Концепция этнического национализма в руках западного исследователя призвана объяснить не только «почему мы не они», но и по-

чему «они» не станут «нами». Или, в крайнем случае, если «они» будут устойчивы в смене традиции, это потребует весьма значительного времени и обойдется недешево.

Т.е. выбор между «добровольной» и «принудительной» национальной принадлежностью (так в догматической схеме выглядят «гражданская» и «этническая» концепции) сам, в свою очередь, отнюдь не является добровольным. Носители этой исследовательской идеологии посвящают много усилий демонстрации того, что «этнический» национализм натурализует, мифологизирует национальные различия (фиксируя их как «естественные» и «неизменные»). Но сами они заняты в точности тем же, натурализуя и мифологизируя различия между национальными моделями интеграции, «воображая» русский или немецкий национализм А) внутренне детерминированным и самоощущенным, Б) в корне отличным от французского или английского. Это весьма характерный пример торжества «банального национализма».

Еще раз хочу оговориться. Если мы напоминаем о предвзятости того или иного социального знания, то это не значит, что им следует пренебречь, это значит, что его следует использовать строго по назначению. Так вот, использовать шкалу, которая призвана (извне) маркировать нашу «извечную» инаковость в качестве шкалы для постановки собственных целей («долгой этнический национализм, даешь гражданский») по меньшей мере нелепо.

II. Ловушка биологизма

Главная сложность при анализе интересующей нас оппозиции связана с определением «этничности». Точнее, даже не с определением как таковым, а с вычлениением того аспекта явления, который играет роль в противопоставлении «этнического» национализма и «гражданского».

Вульгарный вариант ответа на этот

⁷ Гринфельд Лия. Заложники традиции. // Русский журнал. <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Zalozhniki-tradicii>

⁸ Гринфельд Лия. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.

вопрос состоит в сведении этнического национализма к «биологизму». Та же Лия Гринфельд принимает как данность, что в «этническом» прочтении «национальность... является как бы генетической характеристикой». Получается очень удобная манихейская схема: на одной стороне — гены («материя»), на противоположной стороне — добрая воля, сознание, социальность. В основе схемы оказывается некритичное представление об этничности как естественно-природной реальности. Понятно, что исследователь в данном случае вводит это представление не от своего имени, а от имени сообществ с «этническим» самосознанием. Т.е. вместо своего понимания этничности он предлагает нам самоописание ее наивных носителей, которое собственно и имеет решающее значение, если мы говорим о разных способах «воображения» национальной общности.

Но замена «этнического» на «генетическое» не становится от этого более корректной.

Прежде всего, неверно, что нации, скроенные по «этническим» лекалам (в контексте книги Гринфельда это русские и немцы), «воображают» себя исключительно или преимущественно биологически. Русская идентичность долгое время была привязана к профессиональной. Теоретики «немецкой модели» нации, такие как Гердер и Фихте, определяли национальную идентичность культуралистски и лингвистически⁹.

Разумеется, это совсем не «наивные» носители этнического сознания. Но кто сказал, что в расчет идут только наивные? Национализм никогда не

сложился бы как форма обыденного сознания (т.е. как «банальный национализм», о значении которого шла речь выше), если бы не работал как дискурсивная практика, осуществляющая рефлексию по поводу своего предмета (национальной принадлежности) и тем самым воспроизводящая свой предмет.

«Просвещенный» национализм в этом смысле — не какой-то размягченный и компромиссный национализм, а просто национализм адекватный сам себе, т.е. выполняющий свою работу по преобразованию действительности через самосознание и дискурс. Примером успешного выполнения этой работы являются те поколения «националистов-будителей», которые реализовывали как *проект* то, что их соотечественниками было принято как *наследие* (в сфере словесности, историографии, фольклора) и которые в традиционной типологии неизменно проходят по части «этнических».

Поэтому, если мы говорим о категории *этнического* в контексте типологии *национализма*, мы не можем сверять ее значение исключительно по обыденному словарю, где этническая принадлежность в самом деле зачастую предстает «как бы генетической характеристикой».

Тем не менее, если попытаться отнестись к этой формулировке Лии Гринфельд всерьез, ключевым словом в ней должно быть — «как бы». Смысл его в том, что даже в плоскости обыденного сознания предметом национальных отношений и национальных чувств являются не «гены» как таковые, а социальные и культурные отношения по их поводу («как бы гены»).

Весьма характерно, что для описания базовых элементов некоей, вроде бы наиболее «инстинктивной» формы национализма мы вынуждены прибегать либо к поэтическим метафорам («кровь»), либо к названиям научных дисциплин («генетика», «биология»), т.е. к явно надстроечным когнитивным структурам. Базовой, действительно

⁹ Фихте вводит язык в базовое определение народа: «людей, живущих сообща, подлежащих одним и тем же внешним воздействиям на их орган речи и в непрерывном взаимном общении развивающих свой язык, мы называем народом» (Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. М., 2008).

несущей конструкцией (категорией социального мышления), над которой они надстраиваются, является — родство.

Это та категория, без которой немислим национализм (в том числе в его гражданственных ипостасях — о чем пойдет речь в дальнейшем).

Однако мышление в категориях родства невозможно заклеить как «биологизм», противопоставив ему нечто более «социально» или «духовно» значимое. Даже «обычное» родство (не говоря уже о национальности как «расширенном родстве») — это не просто биологический факт, это довольно сложные механизмы надления биологических фактов социальным значением¹⁰. Это система социальной и культурной связи, прежде всего связи между поколениями. Точно так же миф об общем происхождении, скрепляющий этнические сообщества, — это прежде всего культурный регулятор. «Этничность частично определяется мифами об общем происхождении, — признает Энтони Смит. — Но миф — это не биологическая реальность». Он действует как часть той культурной системы, которая (наряду с языком, историческими или эпическими преданиями, собственно этнонимом и так далее) А) обосновывает и обеспечивает связь поколений внутри сообщества, Б) отграничивает сообщество от других.

Можно задаваться вопросом, насколько миф об общем происхождении соответствует действительности.

С точки зрения *реальности* сообщества это не столь важно. Реальность конструируется социально — в том числе посредством продуктивного (самореализующегося) заблужде-

ния. «Вся история, — отмечает Макс Вебер, — демонстрирует, как просто политическая активность может породить уверенность в кровном родстве, за исключением только тех случаев, когда этому препятствуют значительные отличия в антропологическом типе»¹¹.

Т.е. в вопросе о соответствии реального и приписанного происхождения национализм вполне может занять агностическую позицию.

Однако при желании он может позволить себе и нечто большее. Например, если усилить и развернуть ту оговорку, которую делает Вебер относительно условий убедительности «генетического мифа». Именно так поступает видный представитель социобиологического подхода Пьер ван ден Берге, напоминая о том, что в миф об общем происхождении будут верить «только если члены этнической группы достаточно похожи по своей внешности и культуре, если они заключали браки друг с другом в течение времени, достаточного... для того, чтобы миф приобрел необходимую биологическую истинность».

«Невозможно построить этническую общность, — добавляет он, — на какой-то иной основе, кроме *правдоподобной* концепции общего происхождения...»¹².

Иными словами, миф об общем происхождении может быть в той или иной степени истинным.

Но значение с точки зрения этнических связей имеет не его истинность, а *только* его действенность, за которую отвечают социокультурные, а не генетические механизмы.

Критерием этой действенности является устойчиво воспроизводимое представление о *естественной связи поколений*. Утверждение о том, что

¹⁰ Механизмы, которые могут работать очень по-разному. Достаточно вспомнить, как эволюционировали структуры родства от традиционной эпохи к современности и как варьируют представления о родстве в различных культурах.

¹¹ Цит. по: Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 41.

¹² Там же. С. 275.

«наши предки», к примеру, «приняли христианство» или «дошли до Тихого океана», не может быть подтверждено генетической экспертизой или выписками из метрических книг. И главное, оно не нуждается в таких подтверждениях, поскольку в масштабе «большого общества», которое по определению не может основываться на непосредственных связях, интеграция людей и поколений происходит за счет символов коллективной идентичности. Подобно «тотемам» в примитивных формах религиозной жизни, именно культовые образцы, а не реальные люди выполняют условную роль «общего предка».

Поэтому этническое определение нации как «сообщества происхождения» не имеет ничего общего с биологическим редуционизмом. «Сообщество происхождения» — это не «сообщество ДНК» (как в истории, так и в быту генетические родственники могут не иметь друг к другу никакого отношения, не образовывать социальной связи), а *сообщество наследования* групповой идентичности, закрепленной в культуре.

Разумеется, многообразие культурных самоопределений невозможно свести к этничности. Но для их опознания как этнических важен факт наследования от поколения к поколению и способность производить устойчивое различие «мы» — «они». С учетом этих оговорок культуралистское понимание этничности можно считать базовым, в том числе и для оппозиции этнического и гражданского национализма.

От него отталкиваются как сторонники этой оппозиции — например, Юрген Хабермас, когда «юридическому статусу, определяемому в терминах гражданских прав», он противопоставляет «членство в культурно определяемом сообществе»¹³, — так

и ее противники. Например, Бернард Як, когда он выражает «стандартный» взгляд на проблему: «Этническая идея нации, говорят нам, превозносит унаследованную культурную идентичность, примером чего служит Германия, Япония и большинство стран Восточной Европы. Гражданская идея нации, напротив, предполагает... чисто политическую идентичность участников в таких современных государствах, как Франция, Канада и Соединенные Штаты»¹⁴.

Для целей дальнейшего анализа мы вполне можем принять, что дилемма этнической и гражданской нации составлена из двух ключевых оппозиций:

— культурной идентичности и политической.

— наследования идентичности и ее свободного выбора.

Рассмотрим их подробнее.

III. Принадлежность и выбор

Национализм создает напряжение в обществе — таково общее мнение. И это действительно так — он с необходимостью создает напряжение между «обществом» как описательной рамочной категорией и «обществом» как моральным сообществом, пространством «общего блага». Между «обществом» и «общностью», если использовать дихотомию Ф. Тенниса. В зазор между тем и другим могут попадать отдельные люди и категории населения. Но само это напряжение — не плод социальной агрессии, а следствие той формулы социальной интеграции, которая реализуется национализмом и благодаря которой «общество», опять же в терминологии Тенниса, сохраняет или воспроизводит на новом уровне черты «общности»¹⁵.

делу. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 370.

¹⁴ Як Б. Указ. соч. С. 156

¹⁵ Подробнее см.: *Ремизов Михаил*. Консерватизм и современность // Консерва-

¹³ *Хабермас Юрген*. Европейское национальное государство: его достижения и пре-

Для гражданского национализма (для иллюстрирующих его страновых моделей) эта формула не менее верна, чем для этнического. В обоих случаях общество выступает одновременно как *данность* и как *задание*.

«Гражданская нация» в качестве «данности» имеет: население, совокупность носителей гражданских прав. В качестве «задания» — сообщество единомышленников, приверженных моральным, политическим, правовым принципам, на которых эти гражданские права основаны.

«Этническая нация» в качестве «данности» имеет совокупность носителей унаследованных культурных характеристик. В качестве «задания» — сообщество самосознания, основанное на освоении национальной культуры и соучастии в опыте совместной истории.

В одном случае в качестве технологии «переработки» общества выступает *индоктринация*, в другом — *инкультурация*. В практическом аспекте именно к этому сводится отличие «сообществ убеждения» от «сообществ происхождения», и это отличие вряд ли можно истолковать в пользу шаблонного представления о гражданской нации как «свободной» форме объединения.

Как справедливо отмечает Олег Неменский, «гражданский национализм», в тенденции, тоталитарен¹⁶. Американская, французская, а также советская модели национальной интеграции¹⁷ в большей или меньшей сте-

пени иллюстрируют эту тенденцию, делая условием полноценной принадлежности к нации — приверженность определенной версии революционной метафизики.

С одной стороны, членство в «гражданской нации» определяется убеждениями, по крайней мере *фасадными* убеждениями (приверженностью «общей совокупности политических практик и ценностей», как поясняют адепты канона)¹⁸, с другой стороны, она охватывает все население государства (в глазах сторонников канона, в этом ее решающее преимущество перед «этнической»). Соответственно, убеждения оказываются далеко не частным делом. Они приписываются и предписываются гражданам с тем большей настойчивостью, что от этого зависит само существование нации.

На фоне этой систематической *фальсификации убеждений* — неизбежной, продиктованной граничными условиями модели, — постулировать какую-то особенную «добровольность» гражданской нации является отчаянным лицемерием.

Впрочем, дело не столько в особенных свойствах гражданской модели, сколько в общесоциологических ображениях. На определенном уровне оппозиция «добровольности» и «принудительности» заведомо несостоятельна. Через какие бы прилагательные ни определяла себя нация, все скрепляющие ее социальные институты скорее *принудительны* — принудительны, как само *общество*.

Наряду с этой оппозицией в мифе «свободного выбора» заключена и другая оппозиция — «сознательного участия» в сообществе и «примордиальной принадлежности» к нему. Гражданский национализм апеллирует к свободной воле человека, к его способности политического и мораль-

тизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы научного семинара. Вып. № 3. М., 2010.

¹⁶ Неменский Олег. Защита этнонационализма // Апология национализма: Стратегический журнал. М., 2007. № 3.

¹⁷ Советский опыт политической интеграции по понятным причинам не включен в канон «гражданского национализма», однако многие черты этого канона он воплощает не менее отчетливо, чем американский опыт.

¹⁸ Ignatieff Michael. Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism. N.-Y., 1993. P. 7.

ного суждения. Тогда как этнический национализм — «всего лишь» к факту рождения в определенной среде. Даже если индоктринация и инкультурация в равной мере «навязаны» индивиду, они действуют на него по-разному: индоктринация катализирует *выбор* в пользу универсальных принципов, преимущество которых (для прошедших индоктринацию) очевидно. Инкультурация фиксирует *принадлежность*.

Однако и эта оппозиция не выдерживает критики. В ответ на представление о том, что в основе гражданских наций лежит не заведомо предписанная *принадлежность*, а *выбор* в пользу «корпуса моральных и политических принципов», Бернард Як предлагает вообразить фигуру «американского политика, спокойно меняющего политическую идентичность просто потому, что ему больше нравятся французские или канадские политические принципы». Подобная ситуация явно противоречит политической этике, которая принята в мире наций, при том, что в донациональном мире, например, античном, как отмечает Як, она куда более уместна.

Иными словами, даже при преимущественно политическом характере интеграции национальная идентичность представляет собой то, что Клиффорд Гирц именовал «*примордиальной привязанностью*», т.е. такой привязанностью, которая «проистекает из “данностей” — или, точнее, социального бытия»¹⁹. Разумеется, для того чтобы идентичность возникла, «данности» должны быть подтверждены на уровне самоопределения. Но последнее в равной степени верно для этнической идентичности, которая как таковая не может не быть актом сознания.

Таким образом, *сознательное участие* (в противовес *бессознатель-*

ной принадлежности) явно не может служить признаком, отличающим «гражданскую» модель интеграции от «этнической». В обоих случаях необходимо «включение» самосознания, акт самоопределения человека по отношению к предписанной ему роли. И в обоих случаях «якорем» идентичности служит определенный род социального бытия.

Возможно, и здесь ревностный сторонник канона продолжит настаивать, что, при определенном эмпирическом сходстве двух моделей интеграции, в них действуют принципиально разные регулятивные принципы, один из которых обращается к индивидуальному опыту каждого человека, другой — к совместному наследию. Именно так поступает Юрген Хабермас, когда постулирует: в первом случае (в случае гражданской модели интеграции) члены сообщества «должны воспринимать себя как союз свободных и равноправных индивидов на основе добровольного выбора», во втором случае (в «этническом варианте») они «считают, что их объединила некая унаследованная ими форма жизни и судьбоносный опыт общей истории»²⁰.

Хабермас, вероятно, отдает себе отчет в определенной контрфактичности идеализированной гражданской модели, поэтому говорит «*должны воспринимать*», — что вроде бы позволяет уйти от социологических аргументов, подобных вышеприведенным.

Но и это кантианское решение здесь не вполне срабатывает. Регулятивная идея может противоречить реальному состоянию дел, но не самой себе.

Противопоставление выбора и следования не действует на уровне самой идеи гражданской нации — потому что в ее логике *предметом наследования* оказывается сам свободный выбор или, если угодно, «*выбор в пользу свободы*».

Американская война за независи-

¹⁹ См.: Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

²⁰ Хабермас Юрген. Указ. соч. С. 371

мость, французская революция — осевые события, вокруг которых выстраиваются соответствующие гражданские нации. Это действительно моменты *исторического выбора*, причем выбора, разрывающего «путы преемственности» и по форме противоположного актам наследования. Но для последующих поколений единственный способ быть частью гражданской нации — *наследовать* выбор, совершенный предшествующими поколениями. Вся архитектура «гражданского культа» постреволюционных (т.е. вроде бы порвавших с прежним наследием) наций говорит о том, что формирование политической идентичности на длинных исторических отрезках немислимо вне представления о связи поколений, посредством которой выбор, совершенный в XVIII веке неизвестными для сегодняшних французов и американцев людьми, становится значимым и обязывающим для них, становится их собственным.

Революция не могла бы стать осевым временем национальной истории, генератором идентичности (а это именно то, что делает с «революцией» совершившая ее «гражданская нация»), не став особым родом наследия, не будучи укоренена в подчас безотчетном представлении о естественной связи поколений и о создаваемом этой связью надиндивидуальном сообществе. Опыт стран, с которых писался канон гражданского национализма, это отчетливо подтверждает.

Соответственно, попутно с оппозицией «наследования» и «выбора», еще одну дежурную оппозицию — между «индивидуализмом» гражданских наций и «коллективизмом» этнических — мы также вправе дезавуировать.

Иными словами, гражданская концепция нации в меньшей степени, чем этническая, содержит *представление об общей судьбе*, о «судьбоносном опыте общей истории», как выразился Хабермас. Таков, очевидно, сам жанр,

в котором, пользуясь выражением Бенедикта Андерсона, воображаются нации²¹.

На чем, в таком случае, основано устойчивое противопоставление между выбором и наследованием? На мой взгляд — на одном из предрассудков Просвещения, склонного абсолютизировать дистанцию между «разумом» и «традицией». Т.е. между, с одной стороны, свободным и рациональным, и с другой — бессознательным и автоматическим воспроизводством социальных институтов. Против этой абсолютизации предостерегал Гадамер, рассуждая о том, что «безусловной противоположности между традицией и разумом не существует... В действительности традиция всегда является точкой пересечения свободы и истории как таковых. Даже самая подлинная и прочная традиция формируется не просто естественным путем, благодаря способности к самосохранению того, что имеется в наличии, но требует согласия, принятия, заботы... Такое сохранение есть акт разума, отличающийся, правда, своей незаметностью»²².

Тема пересечения свободы и истории напоминает ренановское определение

²¹ Это так же верно и на уровне индивидуальной самоидентификации. Вне зависимости от того, признается национальная принадлежность неизменной или изменяемой, она, по «законам жанра», не является произвольной и субъективной. «Даже в случаях изменения национальной принадлежности, — отмечает Курт Хюбнер, — судьбическая связь со своим происхождением остается незабываемой. Однако и новая идентификация, впоследствии как-то заменяющая предыдущую, ощущается как связь, порожденная судьбой, если при этом речь действительно идет об идентификации, а не о простом акте внешнего принуждения или оппортунизме» (Хюбнер Курт. *Нация: от забвения к возрождению*. М., 2001. С. 345–346).

²² Цит. по: Капустин Б.Г. *Современность как предмет политической теории*. М., 1998.

нации как постоянного плебисцита по поводу совместного прошлого и совместного будущего. Это определение обычно приводят как аргумент в пользу «волюнтаристской» («западной») концепции нации, в противовес «органической» («восточной»). Однако, если посмотреть на него сквозь призму замечания Гадамера, оно скорее свидетельствует в пользу искусственности этой оппозиции (*свободного выбора и совместного наследия*). Ведь при внимательном рассмотрении сама традиция (система отношений по поводу совместного наследия) предстает постоянным плебисцитом, пусть и «отличающимся своей незаметностью».

IV. Культура и политика

По мнению Р. Брубейкера, дихотомия гражданского и этнического национализма неизбежно спотыкается о «культуру».

С одной стороны, если «акцент на общей культуре, без всякого выраженного акцента на общем происхождении» считать атрибутом «гражданского национализма», то эта категория окажется «слишком разнородной, чтобы быть полезной», а противоположная сторона оппозиции — «этнический национализм», сведенный к вопросам происхождения и «генетики», — искусственно зауженной и «малонаселенной».

С другой стороны, если интерпретировать гражданский национализм как «акультурную концепцию гражданства, четкое отделение гражданства от культурной, а равно и этнической национальности» (собственно, именно такова классическая схема), то тем самым он будет «определен как несуществующий» и все национализмы окажутся так или иначе «этническими или культурными».

«Даже парадигматические случаи гражданского национализма — Франция и Америка — добавляет Брубейкер, — перестанут считаться» таковыми, «поскольку заключают в

себе критически важный культурный компонент»²³.

Не менее определенно высказывается на этот счет Энтони Смит, который считает, что «различие между этнолингвистическим и гражданско-политическим видами национализма», хотя и «используется для прослеживания развития национализма вообще», при этом «не описывает конкретные национализмы». «Даже самые “гражданские” и “политические” национализмы при внимательном рассмотрении часто оказываются также “этническими” и “лингвистическими”; таков, несомненно, и французский национализм во время революции, не говоря уже о последующем периоде, с его обращением к “nos anc tres les Gaulois”²⁴ и единому французскому народу, а также подавлением региональных языков в пользу парижского французского»²⁵.

В случае с французской нацией то значение, которое принадлежит в ее конструкции языку, литературе, историческому наследию, отсылающему отнюдь не только к революционной эпохе, но и к досовременному прошлому, — вполне очевидно. В случае с США культурное измерение нации куда чаще остается в тени, но все же вполне может быть выведено на свет. Так, Брубейкер ссылается на исследования Си Холинджера и Майкла Линда, которые делают акцент на том, что американская нация основана не только на политической идее, но на вполне отчетливой американской культуре. В самом деле, в книге «The Next American Nation» Линд ведет речь о том, что, «подобно Франции, Германии и Японии, Америка есть одновременно правовая и политическая структура и сообщество, члены которого собраны вместе общей культурой и национальным сознанием»²⁶.

²³ Brubaker R. Op. cit. P. 299.

²⁴ Нашим предкам галлам (фр.).

²⁵ Смит Энтони Д. Указ. соч. С. 236–237.

²⁶ Lind M. The Next American Nation: The

Вряд ли этому здравому суждению можно что-либо возразить. Есть достаточно оснований считать, что нация не только по факту, но по определению есть политико-правовое и культурно-историческое сообщество одновременно. Поэтому в понимании и интерпретации нуждается не возможность сочетания этих двух принципов интеграции (политика и право, с одной стороны, культурное и историческое наследие — с другой), а тенденция к их противопоставлению.

Этой склонности остаются верны многие серьезные исследователи, такие как Хабермас, в уже цитированных выше и других аналогичных пассажах, или Хобсбаум, когда он настаивает на том, что для «революционной идеи нации» — т.е. «американской» и «французской» идеи — «этнос и прочие элементы исторической традиции значения не имели, а язык был важен лишь... с практической точки зрения»²⁷.

Это утверждение обладает некоторым правдоподобием лишь в том случае, если оно касается не реально существующих наций, а именно их «революционной идеи», т.е. некоего идеализированного самоописания, в котором *общее наследие* спрятано за фасадом *общей воли*²⁸. В этом отношении, впрочем, более показательна не революционная, а абсолютистская идея народа, которая еще более недвусмысленно определяет народ через государство. Характерно, что провозвестником сугубо политического понятия народа оказывается не «демократ» Руссо, который, вопреки Хобсбауму, как раз не был склонен игнорировать

«этнос и прочие элементы исторической традиции»²⁹, а «абсолютист» Гоббс.

Именно его берет в качестве точки отсчета Борис Капустин, противопоставляя друг другу «политическую» и «культуралистскую» концепции народа.

Мнение Капустина на этот счет заслуживает особого внимания. Оно показательно именно с точки зрения того, *каким образом* в политико-философской традиции происходит это превращение «политической воли» и «культурного наследия» из взаимодополняющих и, отчасти, взаимно определяющих категорий в идеологические антонимы.

«Народ есть нечто *единое*, — цитирует Капустин Гоббса, — он обладает *единой волей*, ему может быть предписано *единое действие*». <...> Очень важно иметь в виду, что такое *политическое* и специфически *современное* понимание народа, — считает Капустин, — диаметрально противоположно той органицистской, партикуляристской, обращенной в *досовременное прошлое* и *неполитической* концепции “народа”, ассоциируемого прежде всего с языком и “унаследованным правом”, которую наиболее отчетливо и впечатляюще представила немецкая Историческая школа права XIX в. <...> Следует заметить, что при таком (“неполитическом”. — М.Р.) понимании “народа” “нация” по существу утрачивает самостоятельное категориальное содержание и отождествляется с тем же “народом”, но только имеющим “государственное оформление”, т.е. существующим в виде особого государства. Приведенная же гоббсовская трактовка “народа” — восходит к классическому, античному *республиканскому* его пониманию, фиксирующему определе-

New Nationalism and the Fourth American Revolution. Free Press, 1995.

²⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1999. С. 139.

²⁸ Олег Неменский в этой связи отмечает, что «гражданский и культурный национализм — это свойства самосознания националистических традиций... но не самих наций». (Неменский Олег. Указ. соч. С. 473).

²⁹ В «Соображениях об образе правления в Польше» Руссо выступает едва ли не как предтеча европейского «принципа национальности».

ние народа на *разумном согласии* относительно устоев коллективной жизни и концепции общего блага»³⁰.

В этом пассаже спрессована фактически вся логика и идеология интересующей нас оппозиции, поэтому в дальнейшем мы будем к нему возвращаться.

Прежде всего стоит коснуться вопроса, который находится в стороне от нашей основной темы, — а именно, проблемы категориального разграничения «нации» и «народа».

В рамках той традиции этнолингвистического национализма, которую критикует Капустин, для такого разграничения, несомненно, есть место. Одной из органицистских метафор, ключевых для этой традиции, является «национальное пробуждение». Это, как говорит Эрнст Геллнер, «горячо любимое определение националистов». Разумеется, органицистская лексика может не удовлетворять научному вкусу; социальный органицизм, вообще — метафора. Но в рамках этой большой метафоры различие между «спящим» и «пробужденным» организмом вполне «категориально». Тот же Геллнер добавляет, развивая метафору пробуждения, что «здесь прослеживается заметная аналогия между этой идеей и марксистским разграничением между “классами в себе” и “классами для себя”»³¹. В самом деле, если на языке немецкого романтизма нация — это «*пробужденный народ*», то на языке немецкого классического идеализма нация — это «*народ для себя*».

Опять же, язык Гегеля может вызывать не больше восторга, чем язык Шлегеля. Но нельзя не признать, что

на философском жаргоне это «*для себя*» значит достаточно много, включая и многое из того, что можно называть *политикой*. И вообще, оно создает достаточно ёмкое пространство концептуализации. Т.е. это именно *категориальное* различие, которое позволяет считать ту же государственность не формальным атрибутом народа («флагом на башне»), а неким качественным «пороговым» значением. Это категориальное разграничение можно принимать или отвергать, как его отвергает тот же Геллнер, но нет оснований не признавать его существующим.

Что же касается *диаметральной противоположности* между системой мышления Гоббса и немецкой исторической школы или, шире, между абстрактной политической философией и, как сказали бы подразумеваемые Капустиным романтики, «конкретным национальным мышлением», то ее легко признали бы обе стороны. Но то, что эта противоположность превращается в противоположность «политического» и «неполитического», «современного» и «досовременного», всецело остается на совести автора. «Давно забыто, — отмечает в связи с подобными инвективами современный представитель немецкого историзма Курт Хюбнер, — что современное государство уходит своими корнями в Просвещение и романтизм»³². Т.е., применительно к нашей теме, в политическое (волюнтаристское) и культуралистское (органическое) понимание народа.

Ниже я предлагаю несколько аргументов в пользу того, что культурно-лингвистический национализм может быть и в некоторых редакциях является формой современного, политического и, подчас, республиканского сознания. А также, с другой стороны, в пользу того, что именно современный и республиканский (в противовес династически-феодальному или «дееспотическому») стандарт политиче-

³⁰ Капустин Борис. Законодательство истинны, или Заметки о характерных чертах отечественного дискурса о нации и национализме // Логос. №1(58). 2007. С. 127.

³¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. (Здесь и далее цит. по электронной версии: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php).

³² Хюбнер Курт. Указ. соч. С. 282.

ской общности делает ее неотделимой от общности культурной.

1. Власть и интеллигенция

Прежде всего вспомним то, о чем любят говорить академические критики этнического национализма, — что не только культуралистское понятие народа, но и сама «культура», понятая как «национальная культура», являются *проектом* неких общественных сил. Проектом тех, кто «создавал» или «кодифицировал» национальные языки, реконструировал эпосы, «изобретал» традиции, ратовал за национальное просвещение. Причем делал это зачастую из националистических или протонационалистических мотивов. Т.е. для творцов национальной культуры и теоретиков культурной нации речь шла о реализации долгосрочного политического проекта на ранней стадии. На той стадии, когда *национальная воля* уже жила в них, но не располагала ни массовой поддержкой, которая появится позже, ни государственными средствами принуждения. Должны ли мы считать, что эта «длинная воля» художников и просветителей является качественно «менее политической», чем воля королей и революционеров? Если нет, то «культурную» нацию немцев можно, в самых ее основаниях, считать не менее *политической*, чем «революционную» нацию французов.

Т.е. различие между «немецким» и «французским» типом нации может быть сформулировано не как различие между «культурой» и «политикой», а как различие между политическими субъектами национального проекта. Как вопрос о том, *чьим* политическим наброском становится нация — национальной интеллигенции или государственной власти.

Причем, если говорить собственно о немецкой истории, то на ее арене этот вопрос стал темой острой социальной и политической борьбы. В частности, именно с помощью культурного национализма «ведущие слои граж-

данского общества», по словам Отто Дана, «впервые четко отделили себя от аристократической правящей верхушки» германских государств³³. Лия Гринфельд добавляет к этому, что основанная на культуре национальная идентичность «довела до конца то, что Просвещение не смогло: уравнила их (“неприкрепленных интеллектуалов” и представителей образованной буржуазии. — М.Р.) в человеческом отношении с любым представителем высшего класса»³⁴.

Итак, становление немецкого национализма происходит на фоне конфликта двух принципов лояльности — территориального, ставшего инструментом в руках аристократической верхушки германских княжеств, и культуралистского, ставшего знаменем национальной интеллигенции. Причем территориально-государственный принцип лояльности в этом противостоянии служил как раз сдерживанию политических и гражданских свобод, о чем свидетельствует восклицание Фихте, обращенное к знати: «Вы боитесь, что нас поработит иностранная власть, и, чтобы уберечь нас от этого несчастья, вы предпочитаете поработить нас сами?». Эти стремления понятны, продолжает он, непонятно лишь то, «почему *мы* должны желать этого так же сильно»³⁵.

Точно так же непонятно, добавим мы, почему сегодня территориальный принцип лояльности воспринимается как средоточие республиканских ценностей и гражданственности, а этнический и культуралистский — как их антипод, если исторически их соотношение выглядело подчас совсем иначе.

2. Революция и война

Еще меньше оснований говорить о «неполитическом» характере культурно-лингвистического нацио-

³³ Дани Отто. Указ. соч. С. 50.

³⁴ Гринфельд Л. Национализм. С. 297.

³⁵ Там же. С. 334.

нализма дает внешнеполитический контекст, в котором он выходит на авансцену в Германии. Я имею в виду контекст наполеоновских войн. Когда тот же Фихте в «Речах к германской нации» выводит формулы лингвистического национализма и максимы национального воспитания, то он не просто проповедует, он *воюет*, в доступной ему на тот момент форме. Война оказывается таким же политическим катализатором для «немецкой» модели нации, как революция — для «французской», и эта взаимосвязь не должна удивлять. Ведь культуралистский национализм — это не «служенье муз», а форма демаркации границ между сообществами. Если революция как таковая не слишком интересуется проблемой культурных границ (хотя это не значит, что революционные нации их не имеют), то война способна актуализировать этот вопрос до предела. По крайней мере, та война, которая пришла в Европу вместе с Наполеоном.

И здесь, опять же, уместен вопрос: разве не является война таким же горнилом «единой воли», как революция? И если так, то почему пробуждаемый ею национализм вдруг оказывается «диаметрально противоположен» политическому?

3. «Общая воля» и «народный дух»

Концепт «общей воли» нуждается в отдельном рассмотрении как одна из осей того противопоставления «политической» нации и «культурной», которое нас интересует. «Культурная нация», в этой логике, основана на принципиально ином концепте, вероятнее всего — на «народном духе», который ассоциируется с исторической школой права, упоминаемой Капустиным. Так ли велико различие между этими двумя конструктами политической метафизики, чтобы определять их как нечто диаметрально противоположное и разнесенное по разные стороны политической современности? Некоторые романтики и авторы исто-

рической школы в самом деле придавали «народному духу» сугубо реакционный дизайн. Однако если взять более широкий контекст культурного национализма, то в его рамках нет никакой необходимости считать «народный дух» чем-то застывшим и чем-то чуждым человеческой воле, как нет резона считать таковым гегелевский «объективный дух». Напротив, этот стиль мышления оказывается более чувствительным к *диалектике* формирования «общей воли», чем доктрина «общественного договора». Он прослеживает ее формирование на более глубоком уровне.

Снова сошлюсь на Фихте. Как несомненный носитель культурно-лингвистической идеи народа, он много говорит об «*образовании воли*». Но, в отличие от сторонников «договорной» идеи, считает решающим моментом не собственно волеизъявление, а национальное воспитание. Вот что он говорит о воспитателе и воспитуемом, держа в уме, конечно, *народ*: «Если ты хочешь чего-то от него добиться, ты должен сделать нечто большее, нежели только уговаривать его; ты должен сделать его, сделать таким, чтобы он вовсе не мог хотеть иначе, чем так, как ты хочешь, чтобы он хотел»³⁶. Пожалуй, это более радикальная форма волюнтаризма, чем понимание народа как «ежедневного плебисцита» или «общественного договора». И более последовательная. Ведь «общественный договор» *не может быть не подписан*, и на «ежедневном плебисците» *не должно быть дано отрицательного ответа*. Поэтому, если ты хочешь призвать к чему-то народ, сначала *создай* его, создай таким, чтобы он «не мог хотеть иначе».

К кому может быть обращено столь амбициозное требование?

Очевидно, к тому образованному слою, который Фихте обозначает как аудиторию своих «речей», который уже обладает выраженной идентично-

³⁶ Фихте И.Г. Указ. соч. С. 31.

стью («представлением о самом себе как о немце вообще») и стремлением распространить ее вовне. Вопрос лишь в том, на каком основании этот слой может быть убежден в том, что его зрелая воля не является *чужой* для тех, в ком ее лишь предстоит образовать. Собственно, именно для ответа на этот вопрос культуралистскому национализму и необходим «народный дух».

Он обеспечивает что-то вроде установленной гармонии между «воспитателями» и «воспитуемыми», между импульсом образования общей воли и результатом, помещая национальных просветителей в контекст «национального пробуждения». Т.е. в руках национальной интеллигенции категория «народного духа» выполняет ту же функцию, что и категория гегелевского «абсолютного духа», позволяющая сказать философу: «не я говорю о бытии, а бытие говорит через меня».³⁷

Иными словами, органицизм «народного духа» — это не в последнюю очередь способ компенсировать самоотверженный конструктивизм националистов-романтиков. За этой мнимо статической сущностью стояли радикальные преобразования, которые народы Европы претерпевали на стадии «национального воспитания».

Таким образом, культурный национализм отнюдь не пренебрегает формированием общей воли, напротив, он занят именно этим, но действует на бо-

лее глубоком уровне, чем собственно «политика». Возвращаясь к ренановской метафоре нации как «ежедневного плебисцита», распределение ролей можно представить следующим образом: если политика — то, что «назначает» этот каждодневный плебисцит о совместном прошлом и будущем, то культура — то, что позволяет ему завершаться каждодневным согласием.

Каждый из этих элементов в конструкции «общей воли» незаменим.

4. Республика и культ

Ровно то же можно сказать о «разумном согласии относительно устойчивого коллективной жизни и концепции общего блага», которое, вдохновляясь античным республиканизмом, современные авторы видят в качестве единственно достойного основания гражданской общности. Разумно ли противопоставлять «разумное согласие» тем более глубоким основаниям, которые делают его возможным и, можно сказать сильнее, *производят* его?

Разумное согласие требует совместного опыта *понимания*, возможность которого создается *общим языком* (в прямом и переносном смысле)³⁸.

Разумное согласие по поводу концепции «общего блага» требует уже чего-то большего — совместного опыта *побуждения*. Все социальные побуждения символически опосредованы³⁹. Значит, такой опыт потребует существования символических структур, позволяющих, говоря на старомодный лад, совместно не только мыслить, но

³⁷ Эта особенность консервативного стиля в проектировании социальной реальности описана у Мангейма, в «Идеологии и утопии»: «Для того, — пишет он, реконструируя логику “консервативной утопии” — чтобы обрести необходимый для ориентирования масштаб, надо не руководствоваться субъективными импульсами, но вызвать те объективированные в нас и нашем прошлом силы и идеи, тот дух, который и до этого момента, воздействуя на нас, создал все сотворенное нами» (Манхейм Карл. Идеология и утопия // Он же. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 196.)

³⁸ Не обязательно собственно «этническим» языком (хотя главным образом именно им) — возможно, неким лексиконом, тезаурусом. В этом смысле у швейцарцев наверняка есть *общий язык*, если они в самом деле образуют гражданскую общность, а *общий язык* американцев, возможно, иной, чем *общий язык* англичан.

³⁹ Об этом хорошо пишет Клиффорд Гирц в «Интерпретации культур».

и *переживать* «сверхчувственное». Т.е. неких *интеллигбельных мифологий*, получающих огранку в религии, философии, искусстве.

Устойчивое разумное согласие по поводу концепции «общего блага» — а без устойчивости какой смысл говорить о гражданской общности? — окажется еще более требовательным. Оно не сможет обойтись без совместного опыта *почитания*. Т.е. без внутренне связанного комплекса символов, имеющих не ситуативные, а образцовые мотивационные значения, культивируемые и передаваемые по наследству. Значит, оно потребует *публичного культа*.

И то, и другое, и третье составляет *культуру*. Причем именно *особенную* культуру, отделенную от других культур границами понимания (непонимания) и культа.

Курт Хюбнер, рассуждая о национальном измерении античного республиканизма, отмечает: «Афины как городская нация изначально отличается от других не своим политическим, экономическим или военным устройством, а мифом, который вплоть до самых мелочей типически определял правила культа...»⁴⁰.

Даже там, где мы не найдем досконально проработанных мифологий, республика все равно будет занята отправлением публичного культа — исторических событий, героев, «отцов-основателей». Это связано с самой идеей республики. Продолжая рассуждение Цицерона о республике как о сообществе, во имя которого жертвуют жизнью⁴¹, Олег Хархордин отме-

чает: «Цицероновская формулировка подчеркивает специальный статус *res publica* как особого союза: именно она была единицей, производящей вечную славу... или — точнее — ареной, где эта слава могла раскрыться и быть записана в истории незабываемых деяний, тем самым приближая человека к богам»⁴².

Эта работа по «производству вечной славы» делает республику чем-то вроде «машины, творящей богов», которая не может работать лишь на шарнирах «разумного согласия».

Поэтому зафиксируем еще одну линию взаимосвязей между «гражданственностью» и «культурой».

Современная идея государства предполагает максималистский стандарт гражданской лояльности, связанный с республиканской традицией (республика как сообщество, во имя которого жертвуют жизнью).

Высокий стандарт гражданственности, в свою очередь, связан с возможностью репрезентации социального действия на арене совместной истории, присутствие на которой обладает сверхобыденным смыслом и осеняет ореолом земной вечности.

Подмостки совместной истории (без которых гражданская доблесть не имеет решительно никакого смысла) конструируются мифосимволически.

Для того чтобы быть чем-то большим, чем мимолетная игра социального воображения, т.е. обладать устойчивостью в «пространстве» (в масштабах

струкции Гоббса. Его государство — не республика именно потому, что люди признают его из страха потерять жизнь, а не исходя из готовности, в критическом случае, пожертвовать ею. При всех возможных оговорках «народ» в этой договорной конструкции предстает сообществом «рабов» (в гегелевском смысле), повинующихся из страха, а не граждан.

⁴² Хархордин Олег. Была ли Res Publica вещью // Что такое республиканская традиция: Сборник статей. СПб., 2009. С. 57.

⁴⁰ Хюбнер Курт. Указ. соч. С. 297. Можно спорить с позицией Хюбнера, для которого подобные наблюдения — аргумент в пользу существования *наций* в античном мире. Более надежной выглядит позиция Энтони Смита, говорящего о *досовременных корнях* современных наций.

⁴¹ Отметим в этой связи глубоко антиреспубликанский характер договорной кон-

большого общества) и во «времени» (передача от поколения к поколению), эта коллективная мифология должна быть закреплена в структурах развитой групповой культуры (язык, предания, базовые тексты, символы коллективной идентичности).

Культура, которая обеспечивает связь между поколениями и демаркацию по линии «мы» — «они» (и то, и другое подразумевается условиями задачи), является этнической либо, если она воплощена в жанровых и коммуникационных форматах современного общества, — национальной.

Таким образом, все то, что теоретики политической общности называют «общей волей», «общим благом», «общим делом», прямо или косвенно отсылает к культурным корням и культурным границам, а республиканство оказывается не антагонистом современного национализма, а одним из его важнейших источников. Причем речь идет не только об эмпирической, но и о логической связи. Вопрос лишь в желаниии или нежеланиии ее проследить.

5. Публичность и однородность

Сказанное позволяет перейти к вопросу о «современном» или «несовременном» характере культурно-лингвистического национализма. Общим знаменателем политической идеи современности и культурной идеи нации является — значение *публичных арен* формирования и отправления власти.

Если в феодальной модели «...особенные функции и власти государства», были, как выражается Гегель, «частной собственностью отдельных индивидов»⁴³, то современная власть является публично-представительской по своей природе. Даже не будучи процедурной демократией, она репрезентирует «народ». Это изменение тесно связано с изменением статуса культур-

ных границ, о котором говорит Эрнст Геллнер. Аграрно-сословное общество «постоянно генерирует внутри себя культурные различия», которые «определяют общественные позиции, регулируют доступ к ним и не позволяют индивидам их покидать. Но границ общества в целом они не определяют». Напротив, *современное* общество «пронизано единой стандартизованной высокой культурой», которая «очерчивает масштабную и внутренне подвижную социальную целостность, *внутри* которой индивиды могут свободно перемещаться...»⁴⁴. На первый план выходят не вертикальные или горизонтальные культурные границы *внутри* политических единиц, но культурные границы *между* ними.

Сам Геллнер связывает эти изменения в культурной «картографии» общества со становлением индустриализма, т.е. с технологическим измерением современности. О ее политическом измерении в этом контексте говорит Крейг Калхун: «...именно потому, что современные государства опирались на граждан, а не на подданных, культурная политика в них была сопряжена с таким насилием». Это следствие формирования единого поля публичности. В Османской империи «жить в мире было не слишком сложно, потому что различные группы не участвовали в общем обсуждении политических и общественных вопросов...»⁴⁵.

Иными словами, само приобретение властью *политического* характера («развитие институтов и арен для осуществления общей политики», менявших прежний, феодально-господский характер власти) востребует качественно новый уровень культурной однородности среди граждан и ведет к появлению соответствующих идеологий (т.е., собственно, культурно-лингвистического национализма)⁴⁶.

⁴⁴ Геллнер Э. Указ. соч.

⁴⁵ Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 218.

⁴⁶ Там же. С. 219.

«Культурализация» пространства власти в этом отношении представляет собой внутреннее условие ее политического и современного качества. И напротив, попытка выделить химически чистую, «акультурную» власть создает колоссальный риск регрессии к ее досовременной и дополитической конструкции. Конструкции, которую можно назвать *господской*, в том смысле, что «господа» в самом деле меньше всего склонны к какой-либо культурной идентификации с объектами своего господства.

Противопоставление двух формул интеграции общества («через власть» и «через культуру») во многом продиктовано духом гуманистической благонамеренности (стремление исключить всякую дискриминацию по культурному признаку). Есть зловещая ирония в том, что именно эта благонамеренность оборачивается реваншем архаики, реактуализируя «османскую» или, в нашем случае, скорее, «ордынскую» модель власти⁴⁷. «Правители в таком обществе, — отмечает Геллнер, — не заинтересованы в том, чтобы оно становилось культурно однородным. Напротив, разнообразие им выгодно. Культурные различия удерживают людей в их социальных и географических нишах, препятствуют появлению опасных и влиятельных течений и групп, имеющих последователей»⁴⁸. И позволяют власти, добавим мы, воспроизводить себя, выступая единственным модератором и арбитром в разгуле культурного многообразия.

V. Бегство от предмета

Итак, при ближайшем рассмотрении обе оппозиции — «наследования» идентичности и ее «свободного выбора», «культуры» и «политики» — не выдерживают той нагрузки, которая

возлагается на них манихейской этнополитологией. Разумеется, это не значит, что они суть одно и то же. Но все дело в том, что *эффект национального* возникает не на разных полюсах этих оппозиций, а где-то в силовом поле их взаимодействия: на пересечении «выбора» и «принадлежности», «политики» и «культуры».

Как они переходят друг в друга — в этом и состоит диалектика, представляющая интерес для исследователя национализма и его идеолога.

Одна из моделей этого процесса дается Геллнером, для которого решающую роль играет «та связь между централизованным государством и литературной, нормированной, кодифицированной высокой культурой, которая и составляет суть принципа национализма».

Интерпретировать эту связь можно по-разному.

Для самого Геллнера она представляет собой важнейший атрибут индустриального общества, связанный с присущей ему формой разделения труда, предполагающей необходимость стандартизации не только технологических процессов, но и самого общества⁴⁹. Теоретическая модель Геллнера, кажется, уникальна тем, что повествует о «железной необходимости» национализма (он иронизирует по поводу «понимания национализма как зловещей атавистической силы», к которому обратились «западные тео-

⁴⁷ См.: Круткин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М., 2010.

⁴⁸ Геллнер Э. Указ. соч.

⁴⁹ «Человеческий труд стал по своему характеру семантическим. Его неотъемлемой частью является безличная, свободная от контекста массовая коммуникация. Это возможно лишь в том случае, если все люди, включенные в этот массовый процесс, следуют одним и тем же правилам формирования и декодирования сообщений. Иными словами, они должны принадлежать к одной культуре, причем культура эта неизбежно является высокой, ибо соответствующие способности могут быть освоены лишь в процессе формального обучения» (Геллнер Э. Указ. соч.).

ретики»), не имея при этом никакого отношения к националистическому мировоззрению и фактически не интересуясь им (он меньше всего склонен воспринимать национализм «в его собственных идеологических формулировках»). Подобный взгляд может служить (и, несомненно, служит) *объяснению* национализма, но не его *пониманию* и неизбежно упускает нечто важное в идеологическом феномене. А именно, его мотивирующую силу.

В самом деле, необычайно важная функция, выполняемая национализмом в индустриальном обществе, еще ничего не говорит нам о сознании тех, кто в этом «семантическом» обществе «формирует» и «декодирует» послания национализма.

Между тем, *мировоззренческая* формула национализма вполне может быть сложена из тех же элементов, из которых Геллнер складывает его *социологическую* формулу, если посмотреть на них не (только) как на «топливо» для больших социальных машин (машина принуждения и машина массового образования), а как на элементы экзистенциальной ситуации человека. Каждый из них таковым, несомненно, является. Наследуемая высокая культура становится сверхценной жизненной атмосферой личности⁵⁰, создает укорененность в историческом опыте и ощущение связи поколений. Политическое единство связано с опытом интенсивного размежевания и предельной лояльности («республика — то, за что умирают»). Благодаря соединению того и другого шмиттовское различие «друзей» и «врагов» («политика») приобретает историческую и символическую глубину («культура»).

⁵⁰ Геллнер: «Люди действительно любят свою культуру, так как теперь они ощущают культурную атмосферу (вместо того, чтобы принимать ее как нечто данное “от природы”) и понимают, что вне ее не смогут дышать и реализовать свою личность» (Там же).

Если политическое единство (в форме суверенного государства, решающего вопросы мира и войны) максимально интенсивно, то культурное единство (в форме высокой национальной культуры, опосредующей узлы этнической преемственности) максимально устойчиво⁵¹.

Сочетание этих качеств не достигается автоматически, но в случае успеха дает уникальный социальный сплав, который и делает национализм тем, чем он является, уже не только в смысле его внешней социальной функции (унификация общества для нужд индустриализма), а в смысле его внутренней логики и мотивационной структуры (новая формула лояльности индивида сообществу).

В этом отношении, дихотомия «культурного» и «политического» национализма не столько специфицирует явление, сколько мешает понять и увидеть национализм как таковой. Т.е. выглядит как попытка искусственно изолировать друг от друга два элемента «формулы национализма» в пробах школьных клише — вероятно, чтобы избежать той мощной цепной реакции, которая возникает при их соединении.

И здесь мы возвращаемся к тому, о чем шла речь в начале — к «исследовательским идеологиям» современного нациеведения. В случае теорий нации и национализма можно говорить о синдроме *бегства* исследователей от своего предмета.

Энтони Смит, говоря об «открытой враждебности» к национализму «со стороны большинства исследователей», отмечает любопытный нюанс:

«...вне связи с политикой сама по себе этничность как “культурное различие” вызывает определенную симпа-

⁵¹ Устойчивость предстает как ключевая характеристика этнокультурной общности в работах Ю.В. Бромлея. См., в частности: *Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса*. М., 2009.

тию; а, с другой стороны, отдельные исследователи с одобрением отзываются об исключительно гражданской форме национализма. Именно фатальное сочетание этничности и национализма как «этнонационализма»... вызывает самые серьезные опасения и осуждение. Но... именно это сочетание — будь оно молчаливым и «неявным», как кое-где на Западе, или открытым и взрывоопасным, как в Восточной Европе... — больше всего требует внимания ученых и их объяснения»⁵².

Точнее было бы сказать, что, под предлогом отрицания «этнического национализма», эта исследовательская идеология упускает из виду национализм как таковой, взаимно изолируя его составные части: культурную идентичность и гражданское достоинство, политическую лояльность и представление об общности судьбы.

VI. Гражданский национализм и мультикультурализм

Еще более двусмысленной оказывается роль уже не исследовательской, а политической идеологии «гражданского национализма», в той ее разновидности, которая противопоставляет себя «этническому национализму». Будучи, казалось бы, попыткой отстоять современное государство перед лицом конфликта этнических лояльностей, эта идеология, по мере раскрытия своих предпосылок, достигает прямо противоположных результатов.

Стремясь вывести государство из зоны конфликта культурных идентичностей, она провозглашает его *культурную нейтральность*. И тем самым — разрушает *нации* в интересах донациональных форм этнической жизни.

Последние характерны именно тем, что в них еще не установились системообразующие взаимосвязи между государством и развитой национальной культурой (часто за отсутствием

таковой)⁵³. Соответственно, «разделение» культуры и государства не затрагивает основ их жизнеспособности. Напротив, для современных наций связи между доминирующей культурой и государством являются несущей конструкцией, и без них как национальная культура, так и национальное государство неизбежно теряют себя.

Культура — поскольку перестает быть основой массовой социализации и однородной ценностной, символической средой (чтобы сохранять таковую, необходима государственная система образования, работающая на доминирующую культуру). Государство — поскольку теряет сильные основания лояльности (т.е. собственно «дух гражданственности», укорененный в национальном мифе) и необходимую для демократии ценностную и языковую однородность (как мы уже говорили, без «культуры» оно проигрывает свой «каждодневный плебисцит»).

Разумеется, столь серьезные трансформации не происходят сразу — сформированное национальное государство имеет мощную инерцию. Поэтому само по себе провозглашение *культурной нейтральности* государства еще не разрывает множественных связей между государством и доминирующей культурой. В основном они продолжают действовать, но оказываются «вне закона».

В этом отношении концепция *культурно нейтрального* государства, как и вообще любая догматически либеральная концепция *нейтрального государства*, является формой ложного сознания, скрывающей особенное (в данном случае — положение доминирующей этнокультурной группы) за фасадом всеобщего (универсальный правовой порядок). Можно предположить, что это происходит в фазе

⁵² Смит Энтони Д. Указ. соч. С. 398.

⁵³ То же самое относится к меньшинствам, живущим вне своего национального государства.

зрелого национального государства, в котором системы права и политики, управления и образования срослись с доминирующей культурой достаточно глубоко, чтобы эта связь могла быть вынесена за скобки.

В самом деле, одна из распространенных интерпретаций дихотомии «гражданского» и «этнического» национализма состоит в том, что она отражает не качественное, а стадийное различие. Нации, обладающие «своим» состоявшимся государством, могут позволить себе делать акцент на гражданской идентичности. Нации, не добившиеся этого статуса или находящиеся в процессе государственного строительства, опираются на этнокультурную идентичность⁵⁴. Гражданский национализм предстает в таком случае более зрелой, стабилизационной формой национализма, актуальной для состоявшихся национальных государств.

Это представление не лишено оснований, и с ним можно было бы согласиться, если бы сами нации можно было представить как достигнутое необратимое состояние. Между тем, как справедливо утверждает тот же Смит, они представляют собой «долгосрочные процессы, постоянно возобновляемые и реконструируемые»⁵⁵ (о том же пишет Отто Данн: «Процесс образования наций никогда не приходит к окончательному завершению»)⁵⁶. Это значит, что для наций не существует такой стадии зрелости, на которой они могли бы позволить себе, без риска распада, «выключить» гравитацию тех сил, которыми они созданы — гравитацию национализма, увязывающего культурные и политические формы социальной интеграции.

Поэтому, даже если принять взгляд на гражданский национализм (в той

его форме, которая противопоставляет себя этническому измерению государства, — об иных возможностях речь пойдет ниже) как на игру зрелого государственного лицемерия, призванного скорее идеологически закамуфлировать, чем устранить связь государства с доминирующей культурой, для жизнеспособности нации эта игра может быть чревата нарушением механизмов самовоспроизводства.

Существует тонкая грань, когда *идеология* переходит в *самообман*. Социальная ложь — далеко не всегда «ложь во спасение».

Нация относится к числу самореферентных общностей, т.е. общностей, воспроизводящихся через *знание* о себе. И это знание должно быть по возможности адекватным. Та концепция национальной общности, которая основывается на акультурном понятии гражданства, этому требованию явно не соответствует. Нация может воспроизводить свое базовое свойство — синергию политической власти и культурной однородности — лишь вопреки, а не благодаря ей. Т.е., если национальное государство, вооруженное идеологией «культурного нейтралитета», все еще существует (в качестве национального), то лишь благодаря тому, что остается *непоследовательным*.

Устранению этой непоследовательности служат другие, более радикальные концепции под лейблом «мультикультурализма».

«Гражданский национализм» постулирует взаимную автономию между политической интеграцией и культурной. При этом политическая культура и институциональная структура, которые он берет за основу и которым он действительно привержен, опираются на конкретную форму унаследованной культуры (или метакультурной общности европейской цивилизации) и на достигнутый в ходе национального строительства высокий уровень ценностной, поведенческой, языковой однородности.

⁵⁴ Примерно так расставляет акценты Крэйг Калхун (Калхун К. Указ. соч.).

⁵⁵ Смит Энтони Д. Указ. соч. С. 122.

⁵⁶ Данн Отто. Указ. соч. С. 11.

В этом отношении гражданские националисты напоминают моральных философов Просвещения, которые, отвергая все традиционные основания морали, остаются, как отмечает Аласдер Макинтайр, «наследниками весьма специфической и конкретной схемы моральных вер», почерпнутой в той самой, лишенной авторитета традиции. Т.е. остаются, условно говоря, «добрыми протестантами» — и того же ждут от других. Они делают приглашение к моральной свободе, рассчитывая, что на деле никто не сможет или не захочет его принять.

Ровно то же можно сказать о приглашении к культурному многообразию, которое делает гражданский национализм. Оно сделано без расчета на то, что им воспользуются.

Мультикультурализм же, в некотором роде, означает решимость принять это опрометчиво сделанное приглашение, придав публичный статус «домашним» культурам меньшинств и поместив демократическое и правовое государство в культурно разнородную среду. Разнородную — в том числе в отношении исповедуемых культурно-религиозными группами правовых и политических ценностей.

В результате базовые предпосылки, которыми руководствовалась акультурная концепция гражданства, подвергаются инверсии. Вместо строгого индивидуализма и приоритета гражданских прав вступают в силу коммунитаризм и права общин. Право меньшинств быть частью нации сменяется правом оставаться в стороне от нее. Демократическая арена «общей воли» подменяется механизмом выбивания групповых предпочтений.

В целом результатом попыток более последовательного, чем прежде, отделения государства от доминирующей культуры становится не сообщество «универсальных граждан», которым грезил либералы, а конгломерат «милетов» наподобие тех, что существовали в Османской империи, на фоне

атомизированного и деморализованного большинства. Происходит этнизация общественного сознания, не в смысле появления более интенсивной этнокультурной лояльности, а в смысле ее спуска на догосударственный и безгосударственный уровень, что, как мы уже говорили, представляет собой удар по современным, развитым нациям, привыкшим жить в «своем» государстве.

Нельзя сказать, что все это соответствует намерениям акультурного гражданского национализма, он стремился обеспечить нечто прямо противоположное — *приоритет* гражданской лояльности своему государству перед иными формами публичной лояльности. Контраст столь разителен, что практики и теории мультикультурализма можно было бы считать злейшими антагонистами национализма этого рода. Но дело обстоит гораздо хуже — они выступают его *деструкторами*, поскольку все неприемлемые для него выводы извлекаются ими из его собственной базовой посылки — культурно нейтрального государства.

Разумеется, вызов «этнизмов» для современного государства существует объективно, а не только в силу принятых им ложных концепций. Но в этом вызове нет ничего нового, как нет ничего нового и в основном ответе на него. Современные нации создавались в значительной степени за счет *ассимиляции*. Разумеется, полная ассимиляция меньшинств в каждый данный момент времени невозможна. Но само поддержание этого процесса есть индикатор того, что двигатель национального государства работает исправно. При чем «эталонные» гражданские нации (Франция и США) обязаны самим своим существованием этому процессу в большей мере, чем многие другие.

В этой связи диалектику идеи культурно нейтрального государства можно попытаться следующим образом. Будучи изначально призвана облегчить ассимиляцию и сделать ее более

приемлемой для меньшинств, по мере своей реализации она делает ее невозможной и запускает обратный процесс — культурной фрагментации и диссоциации сообщества.

Это происходит в силу того, что культурно «нейтрализованное» публичное пространство обладает даже не *нулевым*, а *отрицательным* ассимиляционным потенциалом.

Гражданское сообщество, из которого, в силу эрозии республиканских добродетелей (опасность, о которой предупреждали многие видные республиканцы) или специальной вивисекции («политкорректная» цензура школьных программ, политической лексики, массового искусства и т.д.) изгнан собственный национальный миф, не вызывает желания стать его частью. Напротив, оно вызывает у меньшинств желание заполнить возникшую пустоту своей культурой и своими этническими / религиозными мифами. А у большинства — эскапизм в субкультуре и / или абсентеизм.

Охватывающие западную цивилизацию «фундаментализмы» и «этнизмы» меньшинств представляют собой в гораздо большей степени реакцию на эту искусственную стерилизацию публичного пространства, нежели на присутствие в нем религиозных, историко-литературных, антропологических маркеров доминирующей культуры. Сильная, пусть и чужая для меньшинств национальная культура способна обеспечить их интеграцию и / или ассимиляцию в гораздо большей мере, чем пустота, возникающая на ее месте.

VII. Другая типология

1. *Гражданская нация vs. сословная*

Это верно также и потому, что каждая из высоких культур мирового уровня, с которыми связаны крупные современные нации, обладает потенциалом всеобщности, который, отметим, не может быть от нее абстрагирован (язык, открывающий доступ к цивилизационно значимым текстам разных

эпох и культур; художественное наследие, гипнотически навязывающее определенные способы переживания мира и создающее референтные человеческие типы; исторический опыт, интегрированный или, точнее успешно *интегрирующий себя* во «всемирно-исторический нарратив», и так далее).

Гражданский национализм, несомненно, способен активизировать этот потенциал. Не случайно наибольшую ассимиляционную силу французская культура приобрела на волне революционной идеологии и революционных событий.

Однако антитезой гражданской нации революционной эпохи никогда не была этнокультурная общность как таковая. Ею было — сословное общество, разделенное по вертикали и по горизонтали множеством самых разных партикуляризов. *Правовая и культурная* унификация этой феодальной «цветущей сложности» шли рука об руку, и логическим нонсенсом было бы противопоставлять их друг другу. Между тем именно это проделывают исследователи-идеологи, образующие вокруг этих принципов две якобы противостоящие друг другу формы национализма.

Весьма странно с их стороны не замечать того простого политико-семантического факта, что корректным контрпонтием к *гражданственности* выступает не *этничность*, а *сословность*.

Вокруг этой более точной оппозиции строит свою типологию Отто Данн в «Истории нации и национализма в Германии»: «В старых европейских государствах можно выделить два этапа становления нации как политического образования, а вместе с тем и *две основные формы нации*: сословную и современную гражданскую нацию»⁵⁷.

Под сословной нацией подразумевается система представительства и исключительных прав господствующей

⁵⁷ Данн Отто. Указ. соч. С. 10.

щих сословий (так, в Речи Посполитой или германских княжествах «нация» — это именно «дворянская нация»). В противовес этому привилегированному патриотизму «на протяжении XVIII века появилась новая концепция патриотизма, возникшая среди тех групп населения, которые не пользовались привилегиями, но в то же время считали себя частью нации: это была новая экономическая буржуазия, чиновничество, но прежде всего интеллигенция». Проповедуемая ими нация подразумевает новую форму членства — индивидуального, прямого, а не через сословия или иные подгруппы. И новую форму лояльности, за образец которой был взят «патриотизм городов-республик древнего мира»⁵⁸, вопреки феодальной этике, для которой защита отечества оставалась формой защиты коллективной земельной собственности (и, соответственно, была прерогативой лишь тех, кто имеет в ней традиционную законную долю, т.е. феодалов).

Эта новая форма лояльности заметно увеличивала мобилизационный потенциал старых государств, но была воспринята их верхушкой как протореволюционное посягательство. Хобсбаум, рассуждая о новизне национализма, упоминает о негодовании Фридриха Великого по поводу намерения жителей Берлина участвовать в защите города от русских войск и приводит характерную фразу другого монарха о новоявленных патриотах: «сегодня они защищают отечество за меня, а завтра — против меня».

Эта фраза как нельзя лучше выражает те условия, при которых *этническое чувство*, обостренное совместной борьбой против «чужаков», становится платформой для *гражданского чувства*, нетерпимого уже не только к посягательствам извне, но и к внутренней зурпации.

О другой стороне этой взаимосвязи уже шла речь выше, когда мы говорили о том, что именно культурно-лингвистическое понятие нации стало оружием «новых образованных слоев» перед лицом аристократии германских княжеств. И этот конфликт был не только конфликтом двух принципов лояльности (принадлежность к трансграничной «культурной нации» против «международно признанной» таксономии ленных прав), но конфликтом двух концепций *личностного достоинства*. Принадлежность к культуре и ее наследование стали для незнатных образованных горожан своего рода *субститутот дворянства*. Т.е., потенциально, формой *всеобщего дворянства*, каковой и является, в своей идее⁵⁹, гражданская общность.

Таким образом, обретенное благодаря выдающимся представителям национальной интеллигенции (создателям литературной версии национального языка, собирателям национального эпоса, авторам знаковых литературных текстов) культурное самосознание становится основой для индивидуального гражданского достоинства.

Понимание того, что гражданская нация утверждает себя как отрицание сословного порядка и выполняет эту роль не вопреки своему этническому качеству, а благодаря ему, позволяет поставить это понятие на адекватное ему место — исторически, теоретически, идеологически.

«Гражданская нация» — это изменение современной нации как таковой, которое ответственно за определение индивидуального статуса ее членов. В нем закрепляется все то, что под-

⁵⁹ Вспомним гегелевскую диалектику «господина» и «раба». Рождающийся из нее «гражданин» является «господином» по базовому критерию: способности поставить на кон жизнь из соображений достоинства и престижа. Способности, которую он доказывает в революции и патриотической войне.

⁵⁸ Там же. С. 35.

разумеает гражданство: прямое членство, соучастие в суверенитете, равные базовые права.

Противоречит ли этот высокий индивидуальный статус критериям этнической общности?

Если и противоречит, то лишь ее архаическим формам, в которых сильно выражены родоплеменные структуры (индивид принадлежит к этносу не напрямую, а через соответствующее «подразделение»), иерархии «родовитости» (создающие «ранговые» различия между людьми), локальные различия (усугубляющие внутренние границы). И, напротив, отсутствует или недостаточно сильна самостоятельно развитая письменная культура, которая позволила бы нивелировать эти различия и подготовить почву для современной правовой и политической культуры.

Однако нет никаких оснований для того, чтобы отождествлять этническую общность как таковую с ее архаическими формами.

Несомненно, те масштабные трансформации, которые вызывают к жизни гражданскую общность, качественно меняют и природу этничности. Решающую роль в этнической интеграции начинают играть:

- высокая письменная культура вместо устной и бытовой;
- преимущественно городская культура вместо сельской;
- историография, т.е. научная историческая мифология вместо мифологии в собственном смысле слова;
- средства массовой информации вместо «глашатаев» и «сказителей»;
- формальное, институционально опосредованное образование вместо ситуативного обучения в лоне семьи и общины;
- и так далее.

Общества в результате этих и им подобных трансформаций становятся менее «этнографическими», но отнюдь не менее «этническими». «Отформатированная» матрицами модерна культура не теряет ни потенциала под-

держания межпоколенческих связей, ни функции по различению «своих» и «чужих», ни способности конденсировать коллективный исторический опыт и опосредовать в символах групповую идентичность. Напротив, все эти свойства, решающие с точки зрения этнической интеграции, закрепляются и приобретают новое значение, становясь, с пришествием «века национализма», делом государственной важности.

Этническая общность, способная воспроизводить себя в формах и институтах современного общества, может быть названа *национальной*.

Уместно ли говорить об этничности применительно к современным нациям (т.е. использовать это понятие как *родовое* для разных стадийальных форм — как современных, так и досовременных) — вопрос скорее терминологический. На мой взгляд, правы те, кто решает его положительно⁶⁰, поскольку нужны термины для различения разных аспектов национальной общности. Но если он решается отрицательно, то это не должно быть скрытой формой табуирования самого предмета. Т.е. игнорирования *современных форм этнокультурной общности*. Если же для того, чтобы подчеркнуть пороговое отличие этих форм от «архаических», мы делаем категорию «национального» их *единственным* обозначением, то у нас будет тем меньше оснований для сведения

⁶⁰ А это не только те исследователи, которые подчеркивают преемственность между современными и досовременными формами этнической общности, как Энтони Д. Смит или Ю.А. Бромлей, но и те, кто подчеркивает разрыв между ними и считают саму этничность в ее массовых и унифицированных формах преимущественно современным явлением, вызванным к жизни специфическими обстоятельствами эпохи модерна. К числу последних относится тот же Эрнст Геллнер, который использует термин «этничность» как вполне синонимичный термину «культура» в своей формуле нации.

национального к *территориально-государственному* и противопоставления политической и культурной сторон национального единства.

Таким образом, современные формы этнокультурной интеграции (на основе высокой письменной культуры и массового образования) можно называть этническими или нет, но если они признаются в своей качественной специфике, а не табуируются по соображениям идеологической цензуры, то их противопоставление гражданскому статусу является абсолютным нонсенсом.

Как этническая принадлежность в ее *современной* форме, так и гражданская принадлежность подразумевают: прямое членство в общности и связанное с ним равенство «членского статуса», идентификацию с эталонными символами групповой идентичности, социализацию на основе формальных, специализированных институтов. Т.е. эти два вида общности вполне однотипны. С практической точки зрения, особенно важно то, что они однотипно воспроизводятся: как гражданская, так и этническая и этническая идентичности усваиваются / закрепляются в современном обществе через систему образования, ритуалы коллективной памяти, массовую культуру.

2. Этническая нация vs. территориальная

Однако повод для напряжения все же существует: они могут не совпадать по своим границам.

Гражданский статус реализуется в государстве и только в нем. А границы государства могут не совпадать и, как правило, полностью не совпадают с культурно определяемыми этническими границами.

Это дает почву для конфликта разных идеологий лояльности, одна из которых жестко привержена границам существующего государства, вне зависимости от их культурного наполнения, другая стремится к их совпадению с этническими границами.

Безусловно, реализация этого стремления на практике бывает сопряжена с немалыми трудностями и создает явное напряжение — между этнической «субстанцией» государства и формальной конфигурацией его границ. «Принцип национальности» врывается в европейскую историю как сокрушительный вызов статус-кво.

«Национальный принцип... представлял собой решительную угрозу европейской государственной системе и обнаруживал постоянное стремление подорвать баланс сил, на которых эта система покоится»⁶¹, — пишет Эли Кедури, имея в виду цепную реакцию перекройки границ на европейском континенте. И с этим можно согласиться, с одним существенным дополнением: ровно то же самое, только уже применительно к внутреннему балансу сил в государстве, можно сказать и о гражданских ценностях. Ведь формой их реализации были, в числе прочего, — революции, бунты, кампании гражданского неповиновения, забастовки и так далее.

Т.е. национализм в этом плане играет ту же роль в конструкции современных государств, что и революция: он представляет собой одновременно угрозу системе и ее порождающий принцип.

И эту аналогию можно продолжить: современные государства рождаются революцией и чтут ее как момент своего рождения, но в основном не стремятся к ее повторению. Если она и продолжается, то в виде относительно рутинной борьбы за соблюдение гражданских прав. Точно так же признание основополагающей взаимосвязи культурной и политической общности не означает перманентной перекройки границ. Этот принцип допускает и сугубо мирные формы реализации: в политике предоставления гражданства (на основе происхождения и культурной лояльности), государственной

⁶¹ Кедури Э. Национализм. СПб., 2010. С. 77.

поддержке диаспоры, образовательных приоритетах и так далее.

Словом, для утверждений о том, что следование «принципу национальности» означает перманентную войну, ничуть не больше оснований, чем для утверждения, что следование принципам гражданственности означает перманентную революцию.

Еще меньше оснований считать, что этот вполне реальный в определенных обстоятельствах конфликт между этническими притязаниями и территориальным статус-кво является конфликтом «гражданского» и «этнического» национализма. Такое истолкование популярно, особенно в российском обиходе, но не корректно.

Дело в том, что идеология территориального статус-кво (приверженность границам государства, вне зависимости от их культурного наполнения) может не иметь никакого отношения к собственно *гражданской* форме политики и выступать на страже сословных, династических, деспотических, каких угодно еще порядков.

И напротив, этнический национализм как таковой может быть связан с ценностями гражданской эмансипации, о чем уже было много сказано.

Характерно, например, что некоторые апологеты российского «гражданского национализма», критикуя русский «этнический национализм», инкриминируют ему не что иное, как приверженность «западному» курсу политических прав и «революционность». Т.е. те самые качества, которые были определяющими для современной гражданской нации при ее размежевании со «старым порядком» аграрно-сословных обществ.

Наиболее явно этот парадокс воплощает С.Г. Кара-Мурза, сочетая ревностную апологию «гражданского национализма» (в противовес этническому) с традиционалистской критикой западной модели «гражданского общества» (точнее, попыток ее насаждения в России). В том же ряду, с неко-

торыми оговорками, можно упомянуть А.Г. Дугина (оговорки касаются того, что российский гражданский национализм кажется ему не столь привлекательным, как евразийский федерализм, но все же вполне приемлемым в качестве альтернативы русскому этническому национализму).

Конечно же, сочетание декларированного «гражданского национализма» с традиционализмом, политическим антимодернизмом выглядит несуразно. Но эта несуразность — не столько дефект позиции, сколько дефект лексики, связанный с тем, что понятие гражданской нации как совокупности граждан данного конкретного государства (вне зависимости от его состояния и устройства) может не совпадать с понятием гражданской нации как качественного, стадийного состояния национальной общности, основанного на равенстве прав и демократизации суверенитета.

Оба понятия имеют право на существование, но их должны выражать разные термины. Например, Энтони Смит использует для обозначения первого понятия термин «территориальная нация». Думаю, в сегодняшних дискуссиях о национализме в России это стоит учитывать.

В частности, следует сопоставлять проекты «русской» и «российской» нации не как, соответственно, «этнической» и «гражданской», а как «этнической» и «территориальной».

Что дает это переименование? По меньшей мере, возможность быть честными. Оно устраняет почву для ложной монополии на выражение гражданских ценностей, на культуру гражданского национализма, приписываемую одной из концепций.

Если, согласно Б. Яку, миф гражданской нации состоит в «самовосхвалении» западных демократий и «принятии желаемого за действительное», то мифом гражданской нации по-русски можно считать как раз молчаливую подмену гражданской идентичности территориальной.

Это имеет дурные следствия как для гражданского, так и, если можно так выразиться, территориального самосознания нации. С одной стороны, акцент переносится с ценностного измерения гражданства на гражданство как административно-учетную категорию. Становится несущественной разница между «гражданином» и «крепостным», приписанным к определенной юрисдикции. С другой стороны, мы лишаем себя возможности даже гипотетически ставить вопрос о соответствии юридических и исторических границ.

Иными словами, в этой подмене нация сводится к *населению*, не властно над тем, что оно населяет. Население, если вдуматься, — это придаток управленческих аппаратов. Не потому ли проект гражданской нации в России так часто выглядит бюрократическим, а не гражданским проектом?

Сама тема формирования «гражданской нации россиян» возникает в нашей новейшей истории не в контексте требований граждан к бюрократии, а в контексте требований бюрократии к гражданам: как попытка постсоветской номенклатуры обеспечить себе лояльность «подведомственного» населения в рамках тех границ, которые достались ей при разделе советского наследия.

Примерно то же самое можно сказать и о более ранних попытках определить народ через название государства, а не через его основной этноним (который собственно и дал название этому государству).

«Ни одно производное от официального “Россия”, — отмечает Эрнст Хобсбаум, — а в XVIII веке подобные слова изобретались неоднократно — так и не сумело закрепиться в качестве определения русского *народа* и его представителей»⁶². Можно предположить, что с самого начала «российская» идентичность — как альтер-

натива «русской» — выражала взгляд на народ сверху, а не взгляд народа на самого себя. Ее принятие — это акт лояльности по отношению к территориальной оформленной системе власти, а не акт самоучредительного действия народа.

Иными словами, выбор между «российским» и «русским» самоопределением нации — это не филологический вопрос. Это вопрос о том, кто кому принадлежит: народ государству или государство народу.

Думаю, нет нужды пояснять, *какой* из вариантов более созвучен *гражданской* модели.

В этом смысле на той исторической оси, о которой шла речь выше, — «сословная нация» vs. «гражданская нация» — официальная концепция российской нации больше тяготеет к «сословному» полюсу. Она способствует обособлению государственного аппарата как касты «держателей» государства и выступает сегодня своего рода клиентелистской идеей: «российская нация» как артефакт номенклатурного раздела СССР есть расширенная клиента российской бюрократии.

Напротив, социальный профиль русского этнического национализма в наши дни является по преимуществу не бюрократическим, а гражданским. Его питательная среда — городской образованный класс, он требует лояльности не от нации по отношению к бюрократии, а от бюрократии по отношению к нации.

Разумеется, пока это всего лишь потенциал — потенциал формирования русской гражданской культуры на базе русской культуры как таковой, на базе русской этнической идентичности. Будет этот потенциал реализован или нет, зависит не в последнюю очередь от того, удастся ли самим националистам отучиться от привычки мыслить этническое в противовес гражданскому.

⁶² Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 80.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ vs. РУССКИЙ НАРОД

Российская Федерация представляет собой удивительный случай случайной государственности: её законы определены не историей, а подражательством; её границы — не войнами и мирными договорами, а фантазиями советских этнографов и чиновничьи указами. Выживание такого образования полностью зависит от того, удастся ли наполнить его реальным, уважаемым населением содержанием, создать его целостность, или же историческое наследие окажется сильнее и сметёт случайные государственные формы ради приведения их в большее соответствие реальности. Задача объединения страны, консолидации её населения была осознана центральной властью ещё в середине 1990-х, когда из Кремля был брошен призыв «искать национальную идею». Так с первых шагов была заложена мысль о том, что новая РФ должна обрести особую национальную форму. Идентичность большинства населения — русских — при этом была отброшена как опасная. Искали что-то иное.

Действительно, российское общество так устроено, что в нём не принято говорить о национальности. Такие разговоры здесь только противопоставляют людей друг другу, и нередко своим близким, а главное — в её определении чаще всего просто не видят смысла. Особенно это касается русских, так как для представителей других народов этническая кооперация всё ещё что-то значит, и для некоторых — довольно многое. Русская же идентичность обыкновенно видится

просто лишним довеском к ощущению себя «вообще человеком». В отличие от западных стран, где самоназвание основного этноса становилось мощным консолидирующим символом, на котором так или иначе основаны все национальные государства, русское имя оказалось фактором дезинтеграции. Во многом это связано с иным дискурсом идентичности, иным понятием этнического, сформированным в раннее советское время. Вместо того чтобы поработать с самой идентичностью, её структурой и свойствами, от неё решили просто отказаться. В результате русскость оказалась на почти нелегальном положении, а для общественной консолидации пришлось искать другие основания. И так как ничто иное не объединяет граждан РФ в одно целое, кроме как сам факт этого гражданства, то выбор пал именно на него — на осознание себя владельцем российского паспорта, то есть «россиянином».

Идея «российской нации» имеет довольно солидную теоретическую базу в западной националогии. Утвердившееся там в послевоенное время противопоставление этнических и политических (культурных и гражданских) наций было обосновано в различении Гансом Коном двух типов национализма и на утверждении, что не национализм является плодом нации, но, наоборот, нации создаются национализмом. В текстах околосекретских идеологов это различие приобрело оценочный характер: гражданский тип нации противопоставлялся этническо-

му как хороший плохому. Для западной мысли такой подход по меньшей мере странен (всё же большинство европейских наций рассматриваются именно как сформированные на основании этнонационализмов). Однако в своеобразных условиях постсоветской России такое идеологическое предпочтение оказалось весьма органичным: оно позволило отказать в политических актуализациях русской этничности в пользу государственного самосознания.

В теории «российской нации» («россиянства») уже в 1990-х гг. выделилось два основных подхода, интеллектуальными лидерами которых можно с некоторыми оговорками признать Рамазана Абдулатипова¹ и Валерия Тишкова². Различие между ними кроется главным образом в оценке самого факта существования наций: если для Абдулатипова нации имеют вполне реальное существование, то для Тишкова нации суть фикции и являются лишь формой самообмана, точнее — обмана населения со стороны элиты с целью удержания над ним контроля. Из такого «инструменталистского» подхода делается вывод, что формирование российской нации не может даже обсуждаться, так как всё, что нужно — лишь ввести в общественное сознание представление о её существовании. Для Абдулатипова же и идейно близких к нему мыслителей основная сфера рассуждений касается а) констатации отсутствия российской нации в наши дни и полного господства этноцентричного мышления в России и б) разработки методов конструирования в будущем новой нации. Факт

того, что в наши дни такой нации ещё не существует, доказывается именно через социологическую информацию о господстве в России этнических самоопределений. Впрочем, один из методов её создания — активная пропаганда общегражданского российского самосознания, так что, при всех теоретических разногласиях, основной практический вывод из обеих моделей россиянства оказывается общим — государству предлагается активно навязывать населению общее самосознание «россиян».

Наверное, с этим связано и то, что однозначного предпочтения в выборе между этими моделями центральная власть так и не сделала. Первые официальные декларации государственной идеологии на основе «гражданского национализма» прозвучали ещё в 1994 г., когда в послании президента Б. Ельцина Федеральному Собранию РФ указывалось, что национальные проблемы будут «сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства»³. С приходом В. Путина и дальнейшей актуализацией темы национализма концепция новой политической нации на основе российского гражданства стала действительно актуальной и широко обсуждаемой. В 2001 г. он выступил с заявлением, что XXI век должен стать веком появления новой нации — россиян. В 2011 г. на февральском заседании президиума Госсовета в Уфе президент Дм. Медведев очень четко обозначил: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну». Формулировки о необходимости создания и укрепления «гражданского единства российской нации» содержатся и в ряде законов, например, в законе об образовании.

¹ См. сборник его основных теоретических текстов по этому вопросу: *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация: Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М., 2005.

² См. наиболее цельное изложение его концепции в книге: *Тишков В.А.* Российский народ. М., 2010; и во многих других работах.

³ *Ельцин Б.Н.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства». М., 1994. С. 48–49.

Фактически на протяжении почти всей истории постсоветской России можно проследить целенаправленную работу государственных властей по становлению нового национального проекта, который смог бы уже на уровне общественного сознания закрепить реалии новых государственных границ.

В настоящем тексте я не буду останавливаться на критике и апологии главного оппонента россияинства — русского этнонационального проекта. Равно как и не стану указывать на причины того положения, которое заставляет власти РФ формулировать и проводить в жизнь идею российской нации. Идею, которую даже президент страны на том же заседании Госсовета сравнил со старыми планами по созданию «новой исторической общности людей» — «советского народа». Здесь хотелось бы остановиться только на том, чем может стать такой проект по мере (или хотя бы по идее) своей практической реализации. Идея гражданской нации обыкновенно предлагается как удачный способ избежать этнонационализма, и распространённый страх перед ним просто блокирует критический подход к такой модели общества.

* * *

В первую очередь нужно сказать о главном отличительном признаке гражданского национализма — его отношении к этничности. Основное положение здесь — запрет на её политизацию. Она не отрицается и не запрещается, но изымается из сферы политики. И это представление о возможности полного разделения политики и культуры, политики и всех других сторон общественной жизни — крайне сомнительно. Оно основано на крайне примитивном понимании этничности как декоративно-фольклорного комплекса культуры, для существования которого вполне достаточно коллективов «песни и пляски». Однако этническая идентичность — это не украше-

ние на шее, которое можно снимать, входя на избирательный участок, и класть в стол, садясь в кресло чиновника. Она предполагает свои формы и условия лояльности, свои понятия интересов, свои мотивации к действию. Эти мотивации и интересы можно до поры до времени игнорировать, только если вести национальную политику сталинского типа военного времени, когда народ, интересы которого оказались не учтены центральной властью или прямо противоположны её курсу, просто сажался в товарные вагоны. И либо необходима власть, проводящая подобные меры установления лояльности населения, либо реальные политические механизмы выявления и защиты интересов и проблем различных этнических групп.

Так, модель гражданского национализма предполагает полное игнорирование интересов отдельных народов страны, отсутствие каких-либо институализированных переговорных механизмов, которые позволяли бы эти интересы выявлять и достигать взаимоприемлемого компромисса. Примечательно, что наличие у разных народов различных интересов риторически маскируется утверждениями о том, что интересы у всех общие — и далее обыкновенно приводится список потребностей общечеловеческого свойства. Однако тогда остаётся непонятным смысл существования особой государственности: разве население соседних стран не хочет тоже жить в мире и достатке? А если интересы общие, то зачем нужны политические границы? Полное игнорирование специфических интересов различных народов, то есть запрет на политические выражения этничности, делает бессмысленным и саму государственность, и всю систему т.н. «международных отношений». А главное — только заглушает наличие межэтнических противоречий, но не отменяет их. Они накапливаются, подготавливая социальный взрыв.

Опыт Советского Союза, да и дру-

гих коммунистических стран свидетельствует, что если долго выгонять этнические конфликты из кабинетов политиков, то они разворачиваются на городских улицах. Самые печальные страницы истории межэтнических конфликтов современности написаны именно там, где подолгу проводилась политика игнорирования этничности. Она виделась опасной, её подавленность представлялась рецептом стабильности. На деле оказалось всё наоборот: именно выраженность этничности в политике — залог мирного сосуществования различных этнических групп, так как между ними наличествует переговорный механизм. Ситуация невыраженности в политике русских этнонациональных интересов оборачивается стихийным возникновением конфликтов на этнической почве и полным бессилием центральной власти.

Утверждения, будто бы для формирования российской нации достаточно просто разъяснить гражданам, что они суть «россияне», можно обозначить как «наивный инструментализм». Интересы разных народов России далеко не во всём совпадают друг с другом, а по многим принципиальным вопросам и кардинально расходятся. Этническое самосознание — реально действенный аспект общественной жизни, и политика не имеет права закрывать на него глаза, прикрываясь утопическими моделями «идеальных гражданских наций». В конечном счёте это вопрос уважения к разным народам, и вопрос демократии.

Впрочем, формально заявляемый тезис гражданского национализма о необходимости игнорирования этнических различий на деле оказывается обманкой. Если мы посмотрим на классические образцы «гражданских наций» — французскую или американскую, то увидим историю очень агрессивной политики национальных властей по отношению к альтернативным этничностям. Как под-

чёркивает известный исследователь национализма Э. Смит, «если этногенеалогический тип склоняется к исключительности (хотя и с необходимостью), гражданско-территориальный тип, берущий начало во Французской революции, часто нетерпимо относится к этническим различиям; он склонен к радикальной ассимиляции культурных различий и меньшинств, которую кое-кто вполне мог бы называть “этноцидом”⁴. Так, если этнокультурное понимание нации направлено на дифференциацию, на выставление чуждых форм идентичности за границы политической системы, то гражданская модель направлена на сознательную ассимиляцию инокультурных элементов, на уничтожение малых идентификаций.

Таким образом, как раз такой тип национализма в реальной своей практике не склонен оставлять этничность «в покое». Наличие форм лояльности, альтернативных государственной, воспринимается такой системой крайне враждебно. Агрессивная ассимиляторская политика — неизбежная составная гражданского национализма, без которой просто невозможно его полноценное утверждение. Страх перед политической актуализацией этничности преодолевается через сознательное уничтожение этнических различий. Игнорирование этничности оборачивается её подавлением.

Попытка создать государство, лишённое этнокультурных оснований, имеет и ещё одну сторону — на поверку такая модель оказывается не столько национальной, сколько империльной. Можно даже сказать, что гражданский национализм — это тот же империализм, только постулирующий самоограничение в экспансии, своего рода «малую империю», лишённую притом и имперской идентичности.

⁴ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 386.

Такой оборот гражданского национализма в квазиимперскую идеологию проявляется очень часто, ведь у такого типа национализма, не имеющего понятия о своих этнических основах, нет никаких принципов границ. Например, один из его теоретиков, Сергей Маркедонов, напрямую отсылает к идеологическим декларациям имперской России, постулируя их как образцовые для гражданского национализма: «Полиэтничная империя Романовых хотела (устаи императора Николая I) видеть не “хороших великороссов и плохих немцев, а хороших и плохих подданных”. Не самый плохой лозунг для строительства российской политической нации!»⁵. Другой известный публицист, Сергей Кара-Мурза, откровенно формулирует программу создания российской нации «на основе гражданского национализма как новой имперской “семьи народов”»⁶. Действительно, если «русский национализм» может поставить задачу лишь нового собирания русских земель, то российский национализм естественным образом склонен к претензии на всю территорию бывшей империи, всю «колыбель многонациональной российской нации».

Этот оборот гражданского национализма в квазиимпериализм имеет не только внешнее, но и внутривластное проявление. Несмотря на лишение русского народа права на собственное представительство, официальной культурой государства является именно русская. В соединении со свойственными этому типу построения нации подавлением малых этничностей и ассимиляторской политикой в отношении любого малого народа, такой путь национализма предстаёт ещё более жёсткой формой им-

перской власти, чем любые другие. Это создаёт дополнительное напряжение на окраинах, сепаратистские настроения и конфликты. В результате получается не нечто среднее, а скорее ни то ни сё — не нация и не империя. Что мы и видим в современной России. В конце концов, всё упирается в вопрос: насколько вообще возможно сделать из русских и, например, чеченцев, один народ — пусть и с разными фольклорными коллективами?

Отказ идеологии гражданского национализма от этнической субъектности формирует и важнейшие свойства внешней политики государства. И главное — у государства гражданской нации нет и не может быть своей зарубежной диаспоры. Так, РФ является государством русского народа, частью которого зарубежные русские по определению быть не могут, а значит и никаких обязательств в их отношении у неё нет. Это не касается малых народов России, у которых есть свои национальные органы власти (автономии) и, соответственно, проводимая ими политика взаимоотношений с зарубежными диаспорами. Но у русских своих органов национального самоуправления нет и быть, согласно официальной идеологии, не может. Такой подход лишает поддержки России те миллионы (даже десятки миллионов) русских, которые в наше время оказались за границами РФ. Государство, не желающее быть представителем и выразителем интересов русского народа, не может и проводить политику по их поддержке. Такова идеология, юридическая база и политическая практика современной России. Впрочем, это же позволяет признать своей потенциальной диаспорой хоть скопом всех жителей бывшего имперского пространства.

То, что нигде в законодательстве РФ её государственность никак не увязана с русским народом, а сам термин «русский народ» отсутствует и в Конституции, и вообще в законодатель-

⁵ Маркедонов С.М. Интеграция, а не русификация! // <http://www.apn.ru/publications/article10711.htm>

⁶ Кара-Мурза С.Г. Альтернативный проект // <http://www.contrtv.ru/common/2142/>

стве, оборачивается и наполнением внешнеполитического понятия «соотечественники за рубежом». По закону «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», принятом в мае 1999 г., в «соотечественники» были записаны почти все жители постсоветского пространства и даже Российской империи. Потом это определение несколько раз сужалось, но не по этническому критерию. Подобный подход превратил само понятие о «соотечественниках» в почти бессмысленное на практике определение. Сейчас в условиях кризиса процессов внутренней интеграции в бывших советских республиках перед русскими меньшинствами на постсоветском пространстве стоит труднейшая задача формирования сильных диаспоральных организаций и создания поля русской политики, представительства интересов русскоязычных меньшинств в парламентах, создания русского лобби на разных уровнях власти. Осуществление всего этого без целенаправленной поддержки со стороны России немыслимо. Но Россия не может осуществлять такую поддержку, так как русский народ законодательно не введён в правовое поле РФ в качестве субъекта национальной политики. И пока официальной идеологией остаётся российский национализм, сделать это практически невозможно.

Очень чётко такой подход сформулирован у уже цитировавшегося С. Маркедонова: «Россия не может свести свою внешнюю политику исключительно к поддержке этнических русских... Приоритет Президента (и государства вообще) должен быть в поддержке *граждан* России, где бы они ни находились. В 1989 г. первый премьер-министр посткоммунистической Венгрии Йозеф Антал назвал себя премьером всех венгров, делая опять же акцент на этническом принципе. Наш Президент мог бы назвать себя Президентом всех граж-

дан России независимо от их этнической принадлежности и территории проживания»⁷. Русские за рубежом оказываются, таким образом, брошенными и полностью предоставленными ассимиляторской политике чужих национальных государств. России уже привычно враждовать с зарубежными русскими. Однако стоит заметить: почти все народы благодаря органам национальной власти используют свои зарубежные диаспоры для продвижения своих национальных интересов и стараются максимально их поддерживать, иметь с ними налаженные контакты. Но теория гражданского национализма, официально принятая в России, снова отсекает этническое большинство РФ от его зарубежья, а на деле и противопоставляет их. Причём теперь границей с «русским зарубежьем» является не старая имперская и советская, а граница с бывшими советскими республиками.

На этом фоне попытка объявить «соотечественниками» всё население бывшего Союза не случайна. Гражданский тип национализма вообще очень удобен для привлечения в страну иммигрантов. Как указывает известный западный исследователь Роджерс Брубейкер, политика натурализации иммигрантов — это как раз изобретение территориально-политического типа национализма и прямое следствие его принципов⁸. Этнонационализм склонен предоставлять гражданские права только тем иммигрантам, которым свойственна та идентичность, на которой построено государство. Германия принимает немцев, Польша поляков, Венгрия венгров. Некоторую слабость подобного подхода можно видеть по факту очень малой адаптации приехавшего в Германию немцецкого (пре-

⁷ Маркедонов С.М. «Русский вопрос» в России // http://old.russ.ru/politics/20010601_m.html

⁸ Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, 1992.

имущественно турецкого) населения, но недавние события во Франции убедительно показали, что политика сознательного привлечения иммигрантов с их усиленной натурализацией французскую нацию не спасла и, наоборот, привела её к тяжелейшему кризису. Миграционные движения в постсоветской России уже вызвали сильную социальную напряжённость в обществе и многочисленные межэтнические конфликты локального свойства, а готовность государства под предлогом гражданского национализма привлечь в Россию миллионы «новых россиян» вполне может поставить общество на грань межэтнической войны.

Фактически встаёт вопрос: *что же в гражданской нации собственно национального?* Идея гражданского национализма «в чистом виде» как не имеющего сплачивающей этнокультурной идентичности территориального сообщества граждан — абстрактная мысль об «идеальном обществе», вынашиваемая некоторыми политическими и интеллектуальными кругами Запада, но в реальной жизни нигде пока не реализованная. Идея такого общества, имея корни в просвещенческой мысли об «общественном договоре», родилась из логики противопоставления французской и немецкой националистических традиций, но не из описания самих реалий французской (или британской, американской) наций. Выведение «идеального типа» при выделении определённого рода различий двух предметов — понятный логический ход, полезный для работы исследователя. Однако дальнейший вывод — о необходимости соответствия реальным нациям этому идеальному типу — скорее абсурден.

Очень верное описание этого момента можно найти у Э. Смита: «Различие между этнолингвистическим и гражданско-политическим видами национализма прочно укоренилось в исследовательской литературе, однако оно является исследовательским

и нормативным. Оно не описывает конкретные национализмы, но при этом используется для проследивания развития национализма вообще. Даже самые “гражданские” и “политические” национализмы при внимательном рассмотрении часто оказываются также “этническими” и “лингвистическими”; таков, несомненно, и французский национализм во время Революции, не говоря уже о последующем периоде, с его обращением к “nos anc tres les Gaulois” (“нашим предкам галлам”. — О.Н.) и единому французскому народу, а также подавлением региональных языков в пользу парижского французского»⁹. *Гражданский и культурный национализм — это свойства самосознания националистических традиций, это свойства абстрактных исследовательских моделей, но не самих наций.*

Гражданский национализм определяет нацию как результат добровольного согласия индивидов разделять определённые ценности и основанные на них политические процедуры. При всей просвещенческой красоте такого взгляда несомненно и другое — это миф любого тоталитарного общества. Здесь членство в нации определяется не на основе общей принадлежности к культуре и языку (этничности), а на основе идейной позиционности каждого гражданина. Модель гражданской нации требует от человека заверений в преданности её идеалам, абсолютной лояльности национальной идеологии. Человек, по каким-либо причинам не разделяющий её базовые ценности, оказывается врагом нации и должен быть подвергнут «остракизму» — иначе нация потеряет свои основания. И здесь уже не столь важно, какова именно эта идеология: коммунизм, фашизм, либерализм или что-то ещё. Общество, основанное на поголовном согласии с догматами и практиками одной идеологии, выглядит красиво, но предстаёт адом для любого инакомыслящего.

⁹ Смит Э. Указ. соч. С. 236–237.

Примечательно также, что акцент на принципе «государство формирует нацию» — это характеристика таких далёких от леволиберальной мысли идеологий, как классический фашизм в духе Муссолини и классический национал-большевизм в духе Устрялова. Именно в подобных идеологиях воздействие государственной машины на все стороны жизни общества предполагается столь большим и всеобъемлющим, что этнические формы самосознания и лояльности уступают место лояльности государству и идентификации себя как его органической части. Здесь не народ выражает свою волю, а государство определяет волю народа, представляя собою его высшее выражение.

Неслучайно именно молодой русский фашизм 1930-х гг. сформулировал основные положения идеологии «российской нации». Вот что можно прочесть в программе Всероссийской Фашистской партии, утверждённой III Съездом российских фашистов 3 июля 1935 г. в Харбине: «В Фашистской России каждый Россиянин должен чувствовать себя членом одной семьи — Российской Нации»; «Новая Россия, которую мы хотим создать на месте СССР, должна быть государством национально-реальным и сильным оплотом Российской Нации, общим домом для всех Россиян, построенным на Русском фундаменте — Русскими руками и для Россиян прежде всего». Главный лозунг русских фашистов «Россия для Россиян!», реанимированный в наши дни¹⁰, был сформулирован председателем японского Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) генералом В.В. Рычковым, на что не раз указывал лидер Всероссийской Фашистской партии и коллега Рычкова по работе в Бюро К.В. Родзаевский. Вот как он раскрывал смысл этого ло-

зунга: «В полном соответствии с нашим учением о Российской Нации, как об историческом сплаве всех народов России, мы выбросили лозунг “Россия для Россиян”, подразумевая под “Россиянами” — все народы нашей необъятной, бьющейся в красных тисках, великой страны. Этот лозунг означает, что все народы России, объединённые общностью исторической судьбы, имеют права на создание, укрепление и украшение общего отчего дома — Новой Великой Фашистской России, которая должна явиться финалом общей тяжёлой борьбы за светлое будущее... Россия для Россиян! — это значит — Россия для всех народов России: каждый народ России — великороссы, малороссы, украинцы, белорусы, татары, грузины, армяне и множество мелких — участвуют в общем деле — в борьбе с иудо-Коминтерном и в грядущем строительстве — общей Родины»¹¹.

Как видим, трактовка понятия «россияне» и исходящая из этого политическая программа ровно та же, что и в наши дни. Все народы бывшей Империи, независимо от своей культуры и своих интересов, объединяются единой государственной волей. Именно это государство, а не земля предков, становится для них «общей Родиной», и именно оно определяет смысл их объединения неким «общим делом». Декларируется, что такое государство создается на русском фундаменте и русскими руками для всех народов России.

Но если мы говорим об обществах демократических, в которых, по крайней мере по идее, политическую жизнь определяет народное «волеизъявление» (ведь народ — источник власти), то народ должен иметь свою субъектность. Воля может быть толь-

¹⁰ См. например, название кн. М.Г. Деягина «Россия для россиян» (М., 2009).

¹¹ Родзаевский К.В. «Россия для Россиян!» // Газета «Наш путь». Харбин, 1937. №1(1109). С. 7. Благодарю за сообщение этой цитаты А.И. Грищенко.

ко у субъекта, обладающего своим самосознанием, основанным на историческом опыте, свойствах культуры и формах религиозной жизни. Самосознание, навязанное государством, вооружившимся очередной моделью идеального общества (теоретически выражающей «истинные» чаяния народа), не может стать источником воли и выразителем интересов. Это приводит либо к отстранению государства от граждан (Россия 1990-х), либо к тотальному давлению на них. Идеальная модель гражданского национализма оборачивается либо формой государственности, в которой народ и власть живут «сами по себе» и сфера политики никак с выражением воли народа не связана, либо откровенно тоталитарным режимом, определяющим идентичность и волю народа сверху. Воля народа тогда фантазируется властью точно так же, как и сама нация, и имеет тот же самый инструменталистский характер.

Идеология нации как территориально-политического союза граждан, будучи именно «идеальным типом» одной из исследовательских моделей национализма, является в том числе и проявлением западного мифа об универсальности западных ценностей, о прогрессивно-общечеловеческом характере западной культуры. В сфере национального вопроса это особенно ярко проявлено в наименовании на Западе «нациями» всех государств мира, несмотря на все теоретические утверждения, что идея нации родилась именно на Западе и только в Новое время. По этому признаку она мало отличается от идеологии коммунизма в большевистском варианте и ровно так же настроена на создание из России строительной площадки для реализации утопических социальных проектов западного происхождения. Так же как и большевизм, она оказывается оторванной не только от местной специфики, но и от реальных условий тех западных обществ, в которых она родилась. Ведь, например, нигде на За-

паде национальная идеология, пусть и в «гражданском» её виде, не противопоставлялась этничности основной массы населения. Наоборот, она на ней основывалась. Все западные нации однородны в культурно-языковом плане, а исключения из этого правила — не часть модели, а противоречия с ней. Даже американский национализм основан на сложившейся в английской Америке американской идентичности, имеющей своё конкретное этническое выражение (здесь можно упомянуть и о сохранившем свою актуальность до наших дней понятии WASP — White Anglo-Saxon Protestant, стопроцентный американец).

Примечательно, что один из основных идеологов обществ, основанных на «чистом» гражданском национализме, — Юрген Хабермас — даже отказался от наименования их нациями, призывая к формированию «“постнационального” самосознания конституционного государства», к чувствам «конституционного патриотизма»¹². Такое общество, хотя и имеет корни в националистических исследованиях, действительно производит впечатление уже ненациональной модели. Вот только встаёт вопрос: на основе преданности каким политическим принципам и процедурам, какой конституции и правовой системе основан проект российской нации? И почему бы гражданам не предпочесть российской конституции основной закон какой-либо другой страны, если уж идейная привлекательность его формулировок является единственным основанием для патриотизма?

* * *

Таким образом, идеология гражданского национализма во многих от-

¹² Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 376.

ношениях обманчива — её реальные проявления часто противоположны заявленным теоретическим посылам. Из различия двух типов национализма выводится два типа наций, хотя на деле собственно «гражданских наций» нигде до сих пор нет — это лишь идея, теоретический конструкт. Утверждение полной эмансипации политики от этничности оборачивается, как свидетельствует исторический опыт гражданского национализма, жёсткими ассимиляторскими практиками. А изначально заявленная модель именно национального общества в развитии теории приводит к утверждению трудноописуемых «постнациональных» форм — также существующих пока только в идее.

Обман, заложенный в этой теории, предстаёт ещё более выразительным на российском материале. Например, сама модель гражданской нации обязывает к отмене национальных автономий внутри Российской Федерации, то есть отрыв политики от этничности на всех уровнях власти, унификацию гражданского общества. Но об этом молчат, необходимость такой опасной реформы даже в основных теоретических работах о российской нации не заявлена. В результате новые идеологические основания лишь продолжают и развивают старые ленинские принципы национальной политики по «сдерживанию старшего брата». Как в 1920-е гг. принцип национального устройства был распространён на все народы бывшей Империи, кроме (восточно)русского, так и теперь технологии строительства российской нации и утверждения новой — россиянской — идентичности, на деле являющиеся лишь технологиями денационализации, полноценно применяются только к русским. Сумеет ли Кремль построить первую в мире чисто гражданскую нацию — вопрос скорее риторический, но вот осуществить кампанию по новому и сильнейшему ослаблению русского самосознания, русской этничности,

он, наверное, может. По крайней мере, у этой стороны современной официальной политики шансов на успех гораздо больше.

Кстати, ошибочность теории гражданской нации уже неплохо дала себя знать и на Западе. Именно на ней основана модель «мультикультурального общества», овладевшая умами главным образом леволиберальной общественности в 1970-е гг. и к середине 1980-х ставшая официально принятой почти во всех странах Европы и Америки. Убеждённость, что лояльность к политическим формам и «конституционный патриотизм» являются вполне достаточными основаниями для существования гражданского общества, вылилась в попытку полного отказа от ассимиляторской политики, и даже более того — в стимулирование со стороны государства культурного многообразия. Проведение такой политики, наравне с радикальным увеличением иммиграционных потоков, привело к расколу прежде единых наций на культурно-конфессиональные и языковые общины и сделало неизбежным эскалацию социальной напряжённости. Целый ряд европейских лидеров уже признали пагубность такой политики, заявив о провале мультикультурального эксперимента. Однако за прошедшие годы реальность столь сильно изменилась, что простой отказ и возвращение к старым принципам национальной политики уже кажется трудно осуществимым. В сущности, современное западное общество находится в растерянности от неподвижных теорией результатов реальной политики¹³.

Многолетняя политика конструирования российской нации пока что дала очень мало результатов, о чём

¹³ Подробнее см.: *Неменский О.Б.* Соблазн мультикультурализма // Вопросы национализма. 2011. № 8. С. 50–65, а также другие материалы этого номера, специально посвящённого теме «Мультикультурализм».

свидетельствуют и результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. Возможно, с этим связаны и принципиально новые акценты в обосновании национальной политики, которые прозвучали в статье кандидата в президенты В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹⁴. Здесь уже ни разу не было упомянуто о проекте «российской нации», а наоборот — постоянно использован русский этноним и констатация существования русского народа. И хотя напрямую об этом не сказано, фактически статья представляет собой признание провала прежнего курса национальной политики. Однако легко предположить, что это лишь уступка настроениям русского национал-патриотизма, вынужденная в условиях непростой предвыборной кампании. По крайней мере, на 2013–2017 гг. почти полностью утверждена весьма дорогостоящая федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». На создание нации россиян работает целый ряд законов и программ, и вряд ли они будут отменены. И главное — прежнему курсу нет какой-либо новой замены. Переключение на строительство русского национального государства при нынешней политической системе вряд ли возможно — и по объективным, и по не менее значимым субъективным причинам.

Единственная альтернатива российскому национализму — *государственность*. Это разные идеологии, их не стоит путать: первая предполагает масштабную программу по модернизации России по лекалам западной теории «гражданской нации»; вторая — чисто консервативная (в самом простом смысле этого слова), то есть предлагает «сохранить всё как есть» в качестве священного исторического наследства. Именно к этому в современных условиях может сводиться простой отказ

со стороны власти от идеологии россияинства. Проще говоря, если нам не удастся создать что-то новое, то давайте оставим всё по-старому. У нас есть какое-никакое государство, и давайте не раскачивать эту лодку различными экспериментами. Собственно, именно этот ход мысли и нашёл полноценное выражение в упомянутой статье В. Путина.

Возможно, в связи с ощущением неудачи проекта создания «российской нации» последнее время стали всё чаще выдвигаться идеи, что идентичность новой нации должна быть полностью оторванной от исторических имён. Например, Роман Багдасаров пишет: «Название гражданской нации лучше, как кажется, освободить от коннотаций с понятием “русскости” и даже “российскости”»¹⁵. Этот подход, кстати, имеет прямой прототип в понятии «советского народа». Впрочем, государственный ход мысли легко обретает новые формы по мере изменения политических границ. Очередные перемены связаны с планами по созданию Евразийского Союза, что вызывает желание строить уже не российскую, а ещё более широкую общность. Так, директор Департамента международного сотрудничества Аппарата Правительства РФ Татьяна Валовая заявила, что России нужно «собирать новый евразийский суперэтнос»: «Почему мы не можем найти русскую национальную идею? Я её не вижу, зато я вижу евразийскую национальную идею. Эта идея — собрать воедино евразийский суперэтнос». При этом она указала, что его создание должно начаться, «когда туда вольются Киргизия и Таджикистан»¹⁶. Подчеркну, что

¹⁵ Багдасаров Р. Гражданская идентичность и русскость // <http://www.gumilev-center.ru/?p=3790>

¹⁶ См. доклад Т. Валовой на Гайдаровском форуме «Россия и мир: 2012–2020» (19 декабря 2011 г.) на круглом столе, посвящённом проблемам миграции.

государственный чиновник предлагает создать из русских и киргизов единую общность, имеющую именно этнические характеристики. Идея, надо сказать, тоже совсем не новая, но она впервые оглашена профильным чиновником столь высокого уровня.

Вообще, представление о том, что начальство может лепить из «населения» любые народы по своему усмотрению, сложилось не сейчас и имеет свои корни ещё в ранней советской истории. Такой наивно-инструменталистский подход, кстати, нашёл своё отражение и в фольклоре. Помнится весьма показательный анекдот про попытки партийного руководства разрешить конфликты между грузинами и армянами: решено было сделать из них один народ, но никак не могли договориться, какой город (Ереван или Тбилиси) станет столицей этой новой социалистической нации. Тогда обратились к Сталину, и он внёс конструктивное предложение: «А столицей будет город Магадан!». Очевидная народу абсурдность такой политики, к сожалению, не осознаётся на управленческом уровне. Такой подход просто укоренён в мышлении целого социального слоя. Наверное, именно поэтому трудно ожидать, чтобы власть действительно отказалась от господствующего сейчас проекта «русской нации».

Сама идея о существовании особого «русского» народа, отличного от «русского», — также совсем не нова. Она имеет довольно давние корни в соседней с нами польской культуре. Можно даже сказать, что она импортирована в Россию из Польши — но не напрямую, а посредством советской национальной политики и сформированной ею реальности.

Как показывают исследования, русский этноним примерно с конца XIII в. был свойственен всем восточным славянам и фиксируется в летописях от Карпат до Волги. Но со времени подчинения Польшей Западной Руси русское имя в польской культуре стало упо-

требляться только в отношении своей части Руси, а для описания её Северо-Востока утвердились наименования «Московии» и «москвитов» («москалей»). Хотя знание об общем русском самоназвании сохранялось и иногда становилось актуальным — например, во время походов на Москву в начале XVII в. Когда политическая реальность существенно переменялась и, наоборот, многие старые польские территории оказались в составе Российской империи, необходимость лексически различать население Восточной и Западной Руси оказалась ещё актуальнее. Польское шляхетское движение за независимость стремилось к восстановлению «границ 1772 года», то есть включающих обширные западнорусские земли, а для этого требовалось доказывать их иноэтничный характер по сравнению с Центральной Россией.

Этому немало помог перевод книг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, сделанный тогда довольно быстро. Описание Карамзиным русской истории было государствоцентричным, то есть учитывало главным образом то, что составляло часть единой линии государственной истории. История же западнорусских земель, бывшая в стороне от этой линии, оказалась в ней почти не затронутой. При этом Карамзин предпочитал называть русский народ возвышенно — «россиянами». Россия — греческое наименование Руси, заимствованное через общую церковную среду, вошло в употребление в XVI в. и в Восточной, и в Западной Руси. Оно служило, наравне с образованным от него словом «россияне», для высказываний высокопарного стиля. Нечто подобное было и у многих западных народов (только с латинскими соответствиями), хотя в польской культуре латиноязычное слово «Polonia» постепенно утвердилось только для обозначения сонма зарубежных поляков. Карамзинское описание преимущественно восточнорусской истории с постоян-

ным употреблением слова «россияне» (для польского уха никак с русским этнонимом не связанного) произвело перемены в польском литературном языке. За великорусским населением закрепилось имя «Rosjanie», а «Ruscy» («русские») осталось только для западнорусского.

Значительная часть польской политической публицистики XIX в. была направлена на это различие и утверждение этнической чуждости «русских» и «россиян». Потом, уже во второй половине XX в., стараниями вновь доминирующей Москвы западнорусские реалии стало нормативным называть «украинскими» и «белорусскими», а вытиснутый из языка русский этноним приобрёл отчётливо пейоративный смысловой оттенок и даже был удалён из словарей в качестве ругательства (нечто схожее в истории русского литературного языка произошло с этнонимом «жид»). Так, слово «россияне» утвердилось в польской культуре именно как этноним, примерно соответствующий советскому употреблению слова «русские» — то есть исключительно для восточнорусского населения (великорусов, казаков и др.). При этом в польском языке нет различия между «россиянами» в этническом смысле слова и в гражданском, какое утвердилось в русском языке послесловесного времени. Фраза «большую часть россиян составляют русские» дословно перевести на польский язык невозможно. Это, впрочем, довольно типичная ситуация. Например, и в русском языке нет различия не только этнических поляков и польских граждан непольской национальности, но и даже этнических и «гражданских» украинцев. Однако идея российского национального проекта именно в том и состоит, чтобы это различие — между русскими и россиянами — вновь исчезло. Все народы России должны стать по национальности россиянами и составить новую нацию, доселе существующую только в польском и (бла-

годаря заимствованию) в украинском языках.

Смысл переноса польских языковых реалий в национальные реалии России в том и заключается, чтобы, во-первых, объединить гражданскую и этническую идентичность в одном имени — через уничтожение этнической, и, во-вторых, провести жёсткую границу с западнорусским населением Украины и Белоруссии. В этом плане фактическая поддержка официальной Россией националистической власти на той же Украине, спокойное отношение к её масштабным украинизаторским программам, — это тоже часть политики по реализации российского национального проекта.

Этот проект, во-первых, де-факто является импортным и пришёл к нам как своего рода наследие многовековой истории польской экспансии на русские земли, а во-вторых, в плане своей этнической политики он имеет сознательно антирусский, дерусификаторский характер. Русский этноним убран из текстов законов современной России точно так же, как и из польских словарей, и его публичное употребление нередко представляется столь же вызывающим, как и в польскоязычной среде. Единственное исключение, в котором допускается употреблять русский этноним в польской печатной литературе, — это исторические тексты, описывающие события прошедших веков. Собственно, такое же место предполагается оставить русскому этнониму и в России — для исторических описаний, а также для наименования русского языка и литературы, как уходящих корнями в уже далёкое прошлое. Но современные реалии должны описываться только через понятие о «российском». Эта «дисциплина языка», с которой приходится считаться пока что только основным СМИ, — нормальная часть любого национального проекта. *Однако только в России этот проект имеет столь определённо антиисторический характер. Цель проекта — ликвидация рус-*

ского этнического самосознания, отрыв населения России от общерусской истории. Россиянство не культивирует нашу историю, а наоборот, старается её переименовать и переименовать. В этом плане российский национальный проект типологически близок к украинскому. Более того, основываясь на одном историческом и этническом поле, они взаимно дополняют друг друга.

* * *

Валерий Тишков любит говорить о фиктивности национального, и нельзя не согласиться с ним в том, что «российский национальный» проект действительно является насаждаемой фикцией. Он фиктивен, так как на самом деле вовсе не национален. *Этничность — это корень любого национального проекта, это то, что легитимизирует его в истории, даёт ему временную перспективу и культурную идентичность.* Направление в западной националогии, которое исследует этничность как дискурсивный феномен, усматривает в нём важнейшую составляющую и национальной идентичности. Стюарт Холл, говоря о пяти аспектах («дискурсивных стратегиях») нарратива нации, выделяет миф о «pure, original people or folk» как одну из них¹⁷. Лешек Колаковский выделяет «nameable beginning» как важнейшую составляющую национального самосознания. Этот миф «маркирует exordium temporis, начало исторического времени»¹⁸. И это действительно то, что объединяет этносы и нации. Этничность есть форма исторической памяти, запечатлённой в этнониме. Это корни. А нация без корней — действительно только фикция.

Современные французская и немец-

кая нации очень схожи, но у них очень разные истории созидания. Выделение гражданской и этнической моделей национализма основано в первую очередь на исследованиях путей формирования современных наций. Если нации гражданского типа формировались в границах уже существующего политического единства, которому требовалось достичь определённого уровня унификации, то перед этнонационалистами Центральной и Южной Европы стояли иные задачи: освободить свой народ из-под чуждого имперского владычества (Габсбургской, Российской или Османской империй) или объединить свой народ из многочисленных малых государств (Германия и Италия). Как определил национальный принцип один из главнейших теоретиков национализма Э. Геллнер, «этнические границы не должны пересекаться с политическими»¹⁹. Это принцип организации всех национальных государств Запада (и уже не только него), как бы их элитам ни была бы близка идеология чисто гражданского союза.

Из этого следует, что выбор между тем или иным видом национализма должен определяться анализом реальной ситуации и актуальных задач. Ни для кого не секрет, что начертанные большевиками внутренние границы СССР, которые современные гражданские националисты предлагают считать священными, далеко не везде и не во всём совпадают с границами языков и культур. Русский народ сейчас, продолжая жить в многонациональном государстве, стал «разделённой нацией». У русских нет государственного единства — стоит задача его создать. У нас нет русских политических границ — их надо начертить. И это задача именно этнонационального проекта.

¹⁷ Hall S. The Question of Cultural Identity // Modernity: An Introduction to Modern Societies. Cambridge, 1996. P. 615.

¹⁸ Kolakowski L. Über kollektive Identität // Identität im Wandel: Castelgandolfo-Gespräche 1995. Stuttgart, 1995. S. 33.

¹⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 24.

Сергей Бирюков

«Франция» как кризисный проект французской элиты

Истоки и симптомы «французской болезни»

Франция провела над собой уникальный исторический эксперимент, став в течение трех последних веков своеобразным примером для всего человечества. И не столько примером того, как «не надо делать» и как «не надо жить», сколько наглядной иллюстрацией тезиса о том, что «благими намерениями устлана дорога в ад», а форсированная модернизация может слишком дорого стоить гражданскому обществу и национальному государству. Каковы же основные «вехи» этой дороги и чем обернулось для самих французов то смелое и новое, что неслла французская нация миру?

Как представляется, истоки «французской болезни» — в специфическом подходе к пониманию оснований «французской идентичности», что особенно хорошо видно в сравнении с «германским примером». В свое время французский социолог П. Бирнбаум выделил культурный и государственный типы национализма. Первый связан с отстаиванием всего того, что выражает национальную специфику определенного народа (язык, культура, самосознание), делает его единым этнокультурным целым — именно таким, согласно Бирнбауму, является немецкий национализм. Второй тип национализма направлен на отстаивание силы и величия национального государства и нации, при котором культурные, языковые и др. моменты отходят на второй план — таков, по мнению Бирнбаума, современный француз-

ский национализм, зиждящийся на якобинском централизме и идее «единой и неделимой республики»¹.

Сравнение двух стран показывает, что Германия является прежде всего культурной, а Франция — политической общностью, что проливает свет на различную роль государства в каждой из этих стран, а также на тип национализма, там возникавший, и на его судьбу: и на его поражение, и на окончательную победу. В Германии, начиная с XVIII–XIX вв., нация понимается сугубо культурологически и лингвистически, что затрудняло и по сию пору затрудняет восприятие иммигрантов. Во Франции политическая общность, установленная государством, долгое время опиралась на преимущества интегрированности для того, чтобы ассимилировать иммигрантов, растворить органичную для них культуру и заставлять их с помощью государственных институтов активно участвовать в том, что рассматривается как единственно гуманистическая и универсалистская культура. Французское государство-нация, отрицая легитимность специфических культур, длительное время полагало культурный плюрализм незаконным с точки зрения универсалистских и позитивистских государственных норм, которые в собственном смысле не являются культурной моделью. Поэтому получение французского гражданства, предполагающего

¹ Бирнбаум П. Национализм: сравнение Франции и Германии // Вопросы социологии. 1993. № 1–2.

вхождение в нацию-государство, а не в этнокультурный Volk, оказалось несравненно более простым делом².

Отказ от «этнических» оснований нации, произошедший в результате Великой французской революции и утверждения якобинской модели «государства-нации», привел к формированию во Франции особого понимания нации как «общности политической и гражданской (подразумеваемая — культурной) судьбы». Наряду с этим для многих именно Франция явила собой пример нации, основанной на сознании единства общей судьбы и политической воли народа, поддерживаемого восприятием «общих культурных ценностей». Суть этого «специфически французского» понимания природы нации сформулировал выдающийся французский историк и политический мыслитель Э. Ренан в своем классическом труде «Что такое нация?», где он отверг определение нации через расу, язык, религию, интересы и географию, предложив рассматривать нацию именно в культурно-историческом ключе, как некую культурную ценность, превосходящую этнические границы. Тем самым универсалистская «духовная миссия» была поставлена выше «этнических корней», что открыло дорогу для реализации во Франции масштабного политического проекта, заключающегося в последовательной утрате всяких «национальных оснований».

Отвергнув многие традиционные основания своего национального бытия, французы первыми в революционную (во всех смыслах) эпоху Нового времени создали «чистую» политическую нацию, «рафинированное» лаицистское общество и образующее его «стержень» публичное пространство, в конечном итоге удивительным образом соединив в идеологии либерализм, анархизм и социализм с идеей весьма своеобразно понятого национального

(республиканского) величия. Весьма неоднозначная политическая модель (сама Франция переживет еще несколько революций и «термидоров», в том числе и в форме Империи) оказалась весьма привлекательной для остальной Европы. И напрасно один из идейных отцов немецкого национализма Иоганн-Готлиб Фихте в своих «Письмах к германской нации» призывал будущие поколения немцев не поддаваться «галло-романскому соблазну» — революционная волна, идущая из Франции, охватила в начале XIX века всю Европу. И напрасно предупреждал французов в одном из своих сочинений известный предтеча современного консерватизма Жозеф де Местр, утверждая, что «человек способен все изменить в сфере своей деятельности, но он ничего не создаст, как в физической области, так и в моральной». Французы в итоге решились на беспрецедентный по своей сути социально-идеологический эксперимент, изменивший облик Европы.

В этой связи поистине потрясает склонность французов верить в отвлеченные идеи, соглашаясь ради их реализации на ломку всего «традиционного и устоявшегося». И вряд ли был понятен им до конца смысл резких слов британского консерватора и ожесточенного критика Великой французской революции Эдмунда Берка: ««Мы в Англии еще не полностью распотрошили наши национальные внутренности, мы все еще ощущаем, ценим и культивируем эти унаследованные от родителей чувства, которые являются для нас полными веры стражами, активными наставниками в наших обязанностях, действительными защитниками всех либеральных и гуманных моральных норм... Мы боимся Бога; мы смотрим с благоговением вверх на короля; с заинтересованностью — на парламентариев; с чувством долга — на магистратов; с почтением — на священников; и с уважением — на аристократию».

² Там же. С. 44.

Неуместным ригоризмом показались бы французским скептикам и радикалам другое не менее известное высказывание Берка: «Мы знаем, что не сделаем никаких открытий, и думаем, что нет никакой необходимости в каких-либо открытиях в морали, немного нужно открытий в великих принципах государственного устройства и в сфере идей о свободе, которые были поняты до того, как мы родились». Почитавшие Вольтера («Если вам не нравятся существующие законы — сожгите их и напишите новые») радикальные «конструктивисты»-французы решились на «сожжение прошлого» во имя настоящего и будущего, разрушив все традиционные «скрепы» общества — монархию, церковь (и религию), традиционную мораль и семью.

И не случайно, что именно во Франции имела место реализация фейербаховской идеи о создании «религии человечества», отрицающей традиционные религии и возводящей черты идеального человека и гражданина в культ. Руссоистская «гражданская религия», якобинский культ «Великого Существа» — лишь предтечи той самой Религии Гражданственности, без которой современная Франция была бы невозможна как единое политическое целое.

Парадоксально, но сами французы долгое время находили себя в этом самоотречении, пройдя через цепочку революций и найдя итоговый синтез внешне несовместимых идей «народного суверенитета» и «величия Франции» в голлизме, который объявил воплощением такого величия и единства «единую и неделимую Республику». От последней Франция, правда, едва не отреклась в период «Красного мая» 1968 года и последовавших за ним масштабных потрясений.

Все эти масштабные трансформации, породившие французские общество и культуру, особенно ярко воплотили в себе основные черты французского национального харак-

тера, заслуживающие отдельного рассмотрения.

Так, поистине потрясают искренность и экспрессия, которые явил миру освобожденный от «оков» традиционализма французский характер. Экспрессия, порождающая, чередующая и соединяющая в конечном итоге внешне несовместимые крайности.

В свою очередь, воплощением «французского духа» стал и тот самый вольтерьянский «острый галльский смысл», обретаемый через отрицание всех традиционных и изначальных смыслов (именно из этого духа проистекает знаменитая техника «деконструкции смыслов», предложенная Жаком Деррида).

«Родовой чертой» французского духа стала свобода, понимаемая как смысл и цель социального бытия. Свобода, проходящая через экзистенциальный надлом и ищущая свои основания в «онтологическом Ничто» (показательна в этом отношении «онтология Ничто» Жана-Поля Сартра).

Сопричастность, неравнодушие ко всему происходящему внутри и вовне страны (впрочем, не подкрепленная идеей фундаментальной ответственности) — вечный двигатель французской публичной политики и стимулятор активного французского участия в глобальных делах.

Наконец, ярко выраженное сочувствие к любому страдающему и несправедливо угнетенному, начиная с прославленного вольтеровского «Простодушного» и заявленной в «сентиментализме» Руссо готовности понять и принять «другого», вплоть до современных подходов, воплотившихся во французском «радикальном мультикультурализме» и «комплексе вины» перед выходцами из колоний.

Однако «блистательная эпоха» Франции прошла, и ее занавес опустился вместе с уходом, пожалуй, последнего виртуоза «высокого политического стиля» Жака Ширака. Накануне прихода во власть Николая

Саркози Франция обнаружила себя растерянной, уставшей и аномичной. Наследие де Голля было бездарно «спущено» последующими активными приверженцами мультикультурализма, феминизма, мондиализма, оставившими в итоге страну в состоянии морального и идеологического вакуума, на фоне которого особенно зловеще выглядят все чаще возникающие социальные конфликты и межэтнические столкновения. Равно как и шокировавшие французскую общественность данные доклада «комиссии Аттали», подтвердившего отставание Франции во многих областях в сравнении с другими развитыми странами.

На фоне происходящего неизбежно возникает вопрос: сможет ли Франция вернуться к самой себе, совершив в существующей ситуации внеочередное «отрицание отрицания»? Однако изначально неясно, что и во имя чего следует в данном случае «отрицать».

Идеологический «синтез» «правого и левого», найденный в голлизме, исчерпал себя. И сегодня во Франции объективно нет политика, личностный потенциал которого позволил бы ему встать «по ту сторону правого и левого», заново интегрировав расколотое французское общество.

«Консервативная революция» а-ля Жан-Мари Ле Пен во Франции объективно невозможна. Ибо спокойный и трезвый анализ показывает, что идейное наследие французского консерватизма разных эпох осталось втуне, и неясно, какие принципы и начала следует «консервировать».

«Спонтанная модернизация» а-ля Саркози также пока «хромает на обе ноги». Столь же странно звучат для французского массового сознания заявления об убежденности последнего в том, что «для Республики будет лучше, если как можно больше ее граждан будут верить в Бога». Последние вызвали весьма жесткую реакцию видных представителей французской политической и интеллектуальной элиты,

обвинивших президента (который, впрочем, говорил не о «государственной религии», а о «гражданской религиозности») в «покушении на основы республиканизма». Что, в целом, неудивительно для страны, где изучение «истории религии» до последнего времени было предметом дебатов (не говоря уже об изучении основ любой из традиционных религий).

«Исконно-глубинная» провинциально-патриархальная Франция, столетиями находившаяся под спудом блистательной и светской Франции публичной, едва ли имеет в себе ресурсы для полноценного «консервативного ответа» (в этом отношении Франция весьма схожа с Россией, где ресурсы патриархально-крестьянского в своей основе общества безотчетно использовались государством и правящей элитой для целей модернизации, пока сама «крестьянская Россия» не приказала долго жить, открыв дорогу постмодернистской эпохе).

Не очевидно, что обладает такими ресурсами и «блокированное» гражданское общество, долго жившее под прессом авторитарно-бюрократического государства, воплощавшего в себе «единую и неделимую республику». Круг замыкается. «Общечеловеческий» французский эксперимент кажется пришедшим к логическому завершению. Какая из политических сил современной Франции способна возродить «французский проект» к жизни?

Туманные перспективы «французской правой»

Французские и международные СМИ были недавно взбудоражены новостью — один из ветеранов французской «правой», «великий и ужасный» Жан-Мари Ле Пен покинул большую политику, оставив у руля «Национального фронта» свою младшую дочь Марин, за которую проголосовали более двух третей делегатов съезда партии, что позволило ей значительно опере-

дить своего главного соперника, видного «фронтиста» Бруно Гольниша. Последнее, впрочем, неудивительно. Как сообщила газета Liberation, исходя из данных опроса социологической службы Viavoice, армия поклонников Марин уже превысила число тех, кто симпатизировал ее отцу Жан-Мари Ле Пену.

Таким образом, у французских «крайне правых» теперь «женское лицо». Что, впрочем, характеризует известную общую тенденцию современной французской политики. Ведь и у главного конкурента «правых» (как умеренных, так и «крайних») — Социалистической партии Франции — у «руля» в последние годы также оказались женщины. В 2007 г. кандидатом социалистов на президентских выборах стала Сеголен Руаяль, пытавшаяся обновить имидж партии и в упорной борьбе уступившая Николя Саркози. В 2008 г. пост председателя Соцпартии заняла более brutальная и радикальная экс-троцкистка Мартина Обри, которой, правда, вскоре пришлось отстаивать правомерность своего избрания руководителем партии во французских судах.

Марин Ле Пен — достойная дочь своего незаурядного отца, что весьма важно для «Национального фронта» как ярко выраженной «лидерской партии». Не обладая яркой харизмой, она тем не менее продемонстрировала наличие у нее, наряду с эмоциональностью и чувствительностью, ярко выраженных бойцовских качеств и организаторских способностей. Благодаря последним (Марин возглавляла избирательный штаб отца) во многом и стал возможен невероятный прорыв «крайне правых» на президентских выборах в 2002 г., когда Ле Пен сенсационно вышел во второй тур, обыграв в первом туре выборов кандидата от Соцпартии, действующего премьера Лионеля Жоспена (после чего уступил действующему президенту Жаку Шираку, мобилизовавшему против него едва ли не

весь «антифронтистский» и «антиксенофобский» электорат). Марин Ле Пен проявила незаурядный дар полемиста, когда в начале 2008 г. в дискуссии на канале ВВС с известным британским мусульманским богословом в ответ на требование «большей толерантности» заявила, что «безграничное расширение французской идентичности приведет к тому, что Франции не станет». Ей же принадлежат знаменитые призывы «Арабов в Сену!», на нее налагались огромные штрафы за неоднократные ксенофобские высказывания, впрочем, несколько не ослабившие ее политического пыла и темперамента.

Прощальная речь оставляющего «партийный трон» отца тронула мадам Ле Пен до слез. Не скрывая своих амбиций, Марин Ле Пен заявила о своем намерении участвовать в политической кампании 2012 г.

Однако завоевание популярности требует нового имиджа партии, что предполагает необходимость предложить избирателям ее новое «политическое лицо». Характерно в этой связи заявление мадам Ле Пен, сделанное практически сразу же после избрания на пост председателя партии. Она в частности сообщила, что «намерена кардинально изменить якобы ошибочный имидж партии и ввести ее в число главных политических сил страны».

Однако отказываться от идейного наследия партии новая Жанна д'Арк также не намерена, следуя правилу «на войне как на войне». Подтверждением тому — алармистская направленность одного из заявленных ею месседжей: «15 лет назад мусульмане носили платок, женщин в платках становилось все больше и больше. Затем появилась паранджа, и стало все больше и больше женщин в парандже. Конечно, на улицах нет танков и солдат, но все же это оккупация территории, и это мешает французским жителям». Не доходя до свойственных ее отцу эпатажных выпадов, Марин все же достаточно четко обозначает партийные приори-

теты. Она, в частности говорит о том, что пришло время думать о своем государстве, о своем народе, об интересах французской нации. Подтекст подобных заявлений очевиден: не произносятся непопулярных лозунгов напрямую, Марин Ле Пен дает понять избирателям, что пора прекратить платить за иммигрантов, которые, по ее мнению, «наводнили страну, получают миллионные пособия, рожают здесь детей, однако не испытывают никакой благодарности к стране, которая их приняла». Следует признать, что сегодня все большее число французов склоняются к сходным по смыслу оценкам.

Пережив некоторый электоральный спад после «триумфа» на президентских выборах 2002 г., «Национальный фронт» вновь набирает очки. Так, на парламентских выборах 2007 г. партия приобрела лишь незначительные 4,3% голосов, не получив ни одного места в Национальном собрании. В то же время на мартовских выборах 2010 г. «Фронту» удалось пройти во второй тур голосования в 12 регионах. В итоге он собрал около 2 миллионов голосов (9,17%). Кроме того, сам Ле Пен, возглавивший партийный список в регионе Прованс–Альпы–Лазурный берег, добился здесь лучшего результата в истории своей партии, набрав 22,87% голосов и обеспечив своим сторонникам 21 из 123 депутатских мандатов в местном совете (что почти в два раза превосходит аналогичный показатель партии на выборах в 2004 г.). На севере Франции, в регионе Север-Па-де-Кале, за «Национальный фронт», местный список которого возглавила сама Марин, отдали свои голоса 22,20% избирателей, что гарантировало FN 18 из 113 мест в региональном совете (для сравнения: в 2004 г. партия «довольствовалась» здесь лишь 5 депутатскими мандатами из 112).

В итоге этого электорального успеха «Национальный фронт» вернул себе статус третьей политической партии страны и, по всей видимости, ре-

шительно намерен его развить.

Выдвижение Марин Ле Пен на пост лидера партии в «предвыборном» году, как можно предположить, связано с намерением «фронтистов» объединить вокруг себя большую часть «правового электората», «изъяв» эти голоса у партии Николя Саркози, испытывающего немалые проблемы вследствие «непроходимости» инициированных им реформ. Следует признать, что подобные расчеты не лишены известных оснований. Социологические опросы, опубликованные за последнее время во французских СМИ, вполне определенно указывают на то, что в 2012 г. Марин Ле Пен имеет все шансы войти в тройку лидеров в борьбе за пост главы государства, набрав в первом туре президентских выборов от 17 до 20% голосов избирателей.

Параллельно с этим немалое число французов жаждут объединения «системных правых» (партии Николя Саркози) с ультраправыми. Если в 2002 г. таких было всего 33%, то сейчас уже 43%. Эта тенденция «слияния умеренных и крайне правых» свойственна сегодня многим странам Европы. Так, в Италии крайне правый «Национальный альянс» участвовал в правительственной коалиции, возглавляемой Сильвио Берлускони и его правопопулистским движением «Вперед, Италия!», что в итоге привело к созданию объединенной партии. Впрочем, для самих «крайне правых» подобное сближение создает угрозу потери «политического лица» — что, впрочем, едва ли хуже перспективы закрыться навсегда в «электоральном гетто», оставшись на «твердокаменно-ортодоксальных» позициях.

Многие аналитики тем не менее уверены, что Марин Ле Пен еще доставит президенту Саркози большие неприятности, улучшив партийный результат на выборах–2012. Однако совсем не очевидно, что ее эффектный «политический образ» позволит «фронтистам» стать такой объединяющей си-

лой для французских «правых». Ибо большинство однопартийцев действующего президента Саркози не жаждут не только альянса, но и сближения с «Национальным фронтом». Как пишет Figaro, лидер партии «Союз за народное движение» Жан-Франсуа Копе заявил, что не может быть и речи о нарушении так называемого «санитарного кордона» между ней и «Национальным фронтом». В недрах партии даже создана специальная группа, призванная выработать стратегию под кодовым названием «анти-НФ». А значит — существует не слишком много шансов на электоральный прорыв «НФ» в следующем судьбоносном году.

И едва ли новому лидеру «Национального фронта» удастся преуспеть в борьбе за голоса «протестного» электората, который после серии «непопулярных реформ» Николя Саркози склонен голосовать скорее за левых. Даже если Марин Ле Пен сможет предложить избирателям сбалансированную и детальную программу, предлагающую конструктивные решения всех накопившихся во Франции проблем, она едва ли будет в полной мере принята избирателями. Использование же традиционного оружия «фронтислов» — «правого популизма с креном в сторону социальных вопросов» — не гарантирует успеха в связи с наличием мощных конкурентов «слева».

Так или иначе, у действующего президента, Николя Саркози, стремительно теряющего сегодня рейтинговые показатели, есть повод попытаться объединить вокруг себя правые силы страны. Однако сможет ли он найти альтернативу правому («НФ») и левому популизму, набирающим силу в стране? В 2007 г. он успешно заимствовал ряд программных лозунгов «крайне правых» (идею укрепления государственности, укрепления правового и политического «порядка», но прежде всего — антииммигрантскую риторику), которая позволила ему выиграть последние президентские выборы. Но

едва ли можно войти в одну и ту же реку дважды, особенно если вспомнить о том, что тогда и сам Саркози был сравнительно новой политической фигурой.

В то же время на левом оппозиционном фланге французской политики, где центром притяжения является возвращающая свою популярность Соцпартия, такая консолидация уже началась. Как можно предположить, поддержать левого кандидата на президентских выборах—2012 на определенных условиях может и «центрист» Франсуа Байру, также участник президентской гонки—2007. Будет ли создана в преддверии президентских выборов—2012 мощная левоцентристская коалиция, пока не известно, но определенные предпосылки для этого существуют.

Получит ли Франция в итоге новую «левую пятилетку» (или даже десятилетку), сказать сегодня сложно, но шансы на это весьма и весьма высоки. «Обновленная правая альтернатива», которую до последнего времени связывали с реформами Саркози, сегодня рискует не состояться. Сложно ожидать выдвижения масштабного проекта, предполагающего решение всех современных французских проблем, и от обновившихся «крайне правых». Реалистичен ли в современных условиях проект «левой модернизации», о котором говорят социалисты, остается еще большим вопросом. Все это позволяет с немалыми основаниями предположить, что Франция и после президентских выборов 2012 г. останется на своеобразном «политическом распутье», будучи не в силах преодолеть инерцию и наследие все более погружающейся в кризис «Пятой республики».

Провал «социалистической альтернативы»

Итак, свершилось. Видный функционер Социалистической партии Франции Франсуа Олланд, одержав победу на праймериз, стал официальным кан-

дидатом партии на пост президента страны в преддверии выборов 2012 г. Событие не оставило равнодушным французских избирателей: явка на выборах партийного кандидата на главный пост в стране оказалась исключительно высокой. По первым оценкам, около 3 млн. французов пришли отдать свой голос. Последнее подтвердило не только высокие мобилизационные возможности Соцпартии, но и высокий уровень протестных настроений в стране.

Больше 56% избирателей проголосовали за Франсуа Олланда, около 44% — за Мартину Обри. Представители партийной элиты продемонстрировали пример завидной политической консолидации: Франсуа Олланд получил поддержку всех четырех кандидатов, не прошедших во второй тур праймериз. Своих сторонников за него призвали голосовать Сеголен Руаяль, Манюэль Валльс и Жан-Мишель Бейле. Занявший третье место в первом туре Арно Монтебур (17%) заявил, что сам будет голосовать за Олланда, но свой выбор сторонникам не навязывает.

По словам видного французского социалиста Пьера Московиси, бывшего министра по европейским вопросам, а ныне доверенного лица Франсуа Олланда, этот результат вполне предсказуем и закономерен. Бенуа Амон, выступавший на стороне Мартины Обри в ходе кампании праймериз, признал победу Франсуа Олланда.

После недавней победы на выборах в Сенат социалисты находятся на подъеме. В их руках — многочисленные козыри против инкумбента Саркози, включая его жесткую и непопулярную социально-экономическую политику, связанную с последовательным демонтажом механизмов «французского социалистического государства», и неоднозначную судьбу его «евроинтеграционных инициатив», и войну в Ливии.

Французские же левые до последнего времени переживали серьезный

идеологический и внутриорганизационный кризис. Борьба за лидерство в партии между Сеголен Руаяль и Мартиной Обри, скандал вокруг Доминика Строс-Кана, считавшегося до последнего времени наиболее реальным претендентом на Елисейский дворец, фактический провал с разработкой концепции «нового социализма» и основанной на ней партийной программы (в отсутствие которой остается лишь делать ставку на популизм и протестные настроения).

В подобной ситуации партийная ставка пусть не на слишком яркую, но зато проверенную фигуру Франсуа Олланда внешне выглядит оправданной. Социалисты прагматично решили отказаться от излишне «контрастного» политического образа главной партийной «пассионарии», экс-троцкистки Мартины Обри, и от «нового лица» партии Сеголен Руаяль, очевидно не «потянувшей» бремя партийного лидерства после своего проигрыша Николя Саркози на выборах 2007 г. Чем же собирается привлечь на свою сторону французских избирателей победитель недавних праймериз? Видный французский эксперт, политолог Анри Рей дал Олланду достаточно яркую и содержательную характеристику: «Он, несомненно, человек способный и опытный. Обладает широкими связями в разных областях. Управляет департаментом, до этого более десяти лет руководил Социалистической партией. Это особенно важно, ибо он хорошо знает, как функционирует партийный аппарат, и, думается, сможет справиться, если таковые будут обнаружены, с закулисными поползновениями расшатать его авторитет со стороны некоторых видных фигур СПФ. Что касается предстоящей дуэли с Николя Саркози, то надо иметь в виду, что позиции главного противника Олланда сейчас весьма ослаблены, а его рейтинг популярности в глазах французов находится на весьма низком уровне. К тому же Олланд, как го-

ворится, за словом в карман не лезет, он прекрасный полемист, умеющий отвечать ударом на удар, а часто наносить его и первым».

Как отмечают французские журналисты, Франсуа Олланд демократичен, что, несомненно, подкупает французов. Так, до сих пор из всех видов транспорта для перемещений по Парижу он предпочитал... мотороллер. Зная, что впереди трудная, выматывающая силы предвыборная кампания, стал готовиться заранее, оттачивая ее тактику и стратегию. Года полтора тому назад сел на диету и успешно сбросил свыше десяти килограммов, приведя тем самым себя в «боевую» физическую форму. Поистине, похвальные для претендента на президентский пост целеустремленность и методичность!

При этом эксперты упоминают среди черт Олланда известную инерционность его политического стиля, идеологическую аморфность и общую «нехаризматичность», что не слишком хорошо для любого партийного кандидата, участвующего в президентской кампании. И хотя в некоторых политических ситуациях ставка на «выдающуюся посредственность» (известное выражение А. Троицкого) бывает оправданной, современная французская политическая ситуация не слишком располагает к «политическим ставкам» подобного рода.

Так или иначе, видимость «внутрипартийной консолидации» налицо. Главный противник во втором туре праймериз Мартина Обри поздравила Олланда с победой. «Я поздравляю нашего кандидата в президенты», — сказала она. Кандидат на пост президента на предыдущих выборах в 2007 г. Сеголен Руаяль, бывшая гражданская жена Олланда, переигравшая тогда его в борьбе за лидерство в партии незадолго до президентских выборов, заявила, что после праймериз «наступает время объединения всех социалистов».

Однако куда важнее содержатель-

ные вопросы. Что несут разочаровавшимся в политике Саркози французским избирателям «новые старые» социалистические политики? Олланд постарался показать свою близость к интересам рядовых французских избирателей, заявив следующее: «Французов тревожит их будущее, проблемы в финансовой сфере, сбои в механизме ЕС, ущерб, наносимый экологии. Я хочу вернуть нации уверенность в своих силах, предложить проект, который позволит ей двигаться вперед». В заключение Олланд отметил, что настало время всем социалистам «объединиться, чтобы нанести поражение правым».

Так или иначе, глобальный экономический кризис, резкое ухудшение ситуации в рамках «еврозоны» требовали от лидеров Соцпартии новых идей и подходов. Нечто подобное действительно последовало. Новый конек экономической программы Соцпартии — «госкапитализм» и дирижизм. Так, в последние дни перед вторым туром партийных выборов кандидаты Франсуа Олланд и Мартина Обри выступили с новыми предложениями в экономической сфере. И тот и другая предупредили, что, если государство будет вынуждено участвовать в рекапитализации банков, его представители должны войти в советы директоров этих частных финансовых учреждений, благодаря чему государство будет регулировать деятельность банков. В частности, социалисты намерены сократить сверхвысокие доходы руководителей и трейдеров, а также выплату дивидендов вплоть до того момента, когда банки возместят государству предоставленную им финансовую помощь.

Таким образом, видные деятели Социалистической партии выдвигают идеи, мало расходящиеся с предложениями по урегулированию мирового экономического кризиса, заявленными Николя Саркози, также высказывающимся за усиление государственного контроля и ограничение самостоя-

тельности «рыночных игроков» в интересах «стабилизации». Прочно забыта прежняя «антиглобалистская» и «антикапиталистическая» риторика, в итоге чего «экономические речи» лидеров социалистов начинают содержательно напоминать выступление Саркози в 2008 г. в Тулоне, где он сенсационно высказался за «ограничение эгоизма» мирового финансового капитала и за возврат к «реальной экономике». При этом Саркози, что характерно, сыграл в этом вопросе «на опережение», заняв «дирижистскую нишу» задолго до социалистов, экономическая платформа которых после 2007 г. приобрела откровенно «размытый» характер. Остается делать ставку на «социальный популизм», от которого французские избиратели, однако, успели изрядно устать.

Претерпело изменения и отношение социалистов к инициативам Саркози по формированию международной коалиции, которая осуществила военное вмешательство (по сути — наземную операцию) в Ливии. Недавно президент Франции, успешно примеривший треуголку Бонапарта, добился дружной овации за свое решение, в том числе и в лагере «левой» оппозиции, ранее делавшей упор на антивоенную риторику. Мартина Обри, по ее признанию, «рада тому, что Франция предприняла эту инициативу», пусть даже «она оказалась несколько запоздалой по отношению к Тунису и Египту». «Он выступил в нужный момент», — сказала Обри о Николя Саркози в эфире TF1. «Сегодня каждый может порадоваться тому, что Франция смогла возвыситься, решительно выступив в поддержку борьбы за свободу в Ливии», — заявил видный представитель «социалистического лагеря» Жак Ланг.

Сам Франсуа Олланд был чуть более критичен, полагая, что Саркози «есть в чем себя упрекнуть». «Вспомните, как Николя Саркози принял Кадафи в конце 2007 г., весь протокол, вложенные средства и нежела-

ние замечать преступления, которые уже совершил к тому моменту Кадафи, — продолжил он. — Николя Саркози пришлось навестывать упущенное. Но, когда решение верное, я его поддерживаю. Вмешательство было необходимо». Слегка пожурил Саркози и приближенный к Олланду Пьер Московиси, в целом однозначно поддержавший «усилия в Ливии». «Разумеется, я приветствую роль, которую сыграла Франция, но мне хотелось бы также отметить, что Николя Саркози не вел себя должным образом от начала до конца с полковником Кадафи, — сказал руководитель предвыборной кампании Франсуа Олланда Пьер Московиси (Pierre Moscovici). — За последние месяцы здесь произошли изменения, и я им рад, но я не могу сказать, что с 2007 г. он был безупречным примером». Поистине, перед нами образчик совершенно изумительной и едва ли соответствующей политическим реалиям начала XXI в. моралистической риторики.

Таким образом, французские социалисты добровольно отказались от одного из самых выигрышных и традиционных для себя «информационных стержней» избирательной кампании — антивоенного, фактически консолидировавшись по этому вопросу с «партией власти», которая ведет в Ливии абсолютно топорную «колониальную войну» за сырьевые ресурсы. Подобная идеологическая и программная аморфность может дезориентировать многих потенциальных избирателей Соцпартии, лишив ее столь важных голосов в период «президентской гонки». Но самое главное состоит в том, что, прямо или косвенно соглашаясь с действующей властью по ряду ключевых вопросов повестки дня, социалисты утрачивают возможность заявить ей полноценную альтернативу, востребованную сегодня французским обществом.

Ведь следует помнить, что Франсуа Олланду предстоит через несколько

месяцев, засучив рукава, сразиться с серьезными политическими противниками. И если шансы кандидата от крайне правого Национального фронта Марин Ле Пен, которая уже заявила о своих президентских амбициях, выглядят «условно-символическими», то нынешний обитатель Елисейского дворца Николя Саркози, пока еще не объявивший официально о своих намерениях баллотироваться на высший пост, пойдет на выборы «во всеоружии». Ему действительно нечего терять и некуда отступать — настолько высоки ставки на него, сделанные европейской и «глобальной элитой». От исхода президентских выборов во Франции зависит развитие ситуации вокруг Северной Африки и ситуация на «южном фланге» НАТО в целом, соблюдение гарантий Франции по спасению «еврозоны» и реализации т.н. «Пакта стабильности». «Блицкриг» в Ливии (по крайней мере, в его информационно-пропагандистском «обрамлении») подтвердил способность и готовность Саркози переломить неблагоприятную для себя ситуацию, используя «неординарные методы и решения», включая «маленькие победоносные войны», формирование «образа врага» и диффамацию политических конкурентов с опорой на информационно-пропагандистскую «машину» (так в частности поступил в 2002 г. с Жаном-Мари Ле Пенем тогдашний «инкубент» Жак Ширак, проведший одну из наиболее одиозных президентских избирательных кампаний за всю историю «Пятой республики»).

Похоже, что французские социалисты, сделавшие в начавшейся новой президентской избирательной кампании ставку на явно нехаризматичного кандидата и «блекло-инерционный» стиль ведения кампании, столкнувшись с волевым и последовательным полити-

ком Саркози (при всей небесспорности и даже одиозности его современной стратегии), имеют уникальный шанс проиграть президентские выборы, которые они, исходя из актуальной политической и социально-экономической ситуации, обязаны были бы выиграть. И если подобное в конечном итоге случится, это будет означать начало заката все еще мощной и влиятельной Социалистической партии Франции.

* * *

Что же в итоге? Не будем слишком строги и жестоки к «прекрасной Франции». Оценим по достоинству французское «безумство храбрых», порожденные им великую культуру и историю, принесенные в итоге на становящийся сегодня все более условным «алтарь человечества». Но не станем повторять ведущий к утрате «национального “Мы”» французский путь, в рамках которого «наднациональное» (а временами — и откровенно антинациональное) государство, построенное и управляемое сходной по духу элитой, разрушает основания того, что называется «национально ориентированное гражданское общество». И для России, где «наднациональное» государство и «вненациональная» элита в течение многих веков столь безжалостно использовали для реализации своих масштабных проектов ресурсы общества, принципиально не существует дилеммы «возвращение к национальным истокам — модернизация». Ибо любая модернизация в России, не будучи национальной по характеру и сути, и игнорирующая тем самым интересы российского народа как культурного и политического целого, неизбежно станет имитацией и будет обречена на провал. Именно этот урок и следует извлечь россиянам из драматичного и противоречивого французского опыта.

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

Генрих фон Трейчке О ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Немецкий историк и публицист Генрих Готтхард фон Трейчке (1834–1896) был очень плодовитым автором, опубликовавшим множество работ. Важнейшими из них являются крупные сочинения типа «Науки об обществе» («Die Gesellschaftswissenschaft»), двухтомных «Лекций о политике» или его знаменитой пятитомной «Истории Германии в XIX веке». Помимо этого он — автор бесчисленных статей, речей и даже стихов. Значительная часть его наследия посвящена актуальным для того времени вопросам немецкой жизни и не представляет особого интереса для сегодняшнего русского читателя. Тем не менее некоторые тексты Трейчке обладают более универсальной интеллектуальной релевантностью. Например, применительно к политической теории определенный интерес представляют отдельные работы из сборника 1860-х гг. «Исторические и политические статьи», посвященные прусскому авторитарному государству (Machtstaat). Именно здесь им формулируется «теория авторитарного государства», ставшая сквозной для всего его творчества и впоследствии явно повлиявшая на многих мыслителей, например на определение политического у Карла Шмитта.

Однако в европейской истории идей Генрих Трейчке более известен как глашатай немецкого национализма, несмотря на то, что его «националистические» сочинения также сильно

привязаны к германскому и прусскому контексту того времени. Так, именно его перу принадлежат программные статьи по «немецкому вопросу», стоявшему 150 лет назад для немцев не менее остро, чем сейчас «русский вопрос» — для русских.

Стоит особо отметить, что в начале своего творческого пути Трейчке являлся либералом, точнее, ярким либеральным националистом. Впрочем, с точки зрения дня сегодняшнего в нем очень сложно обнаружить некую либеральность, так как она почти полностью скрывается за национальным пафосом. Позже, в ходе германского объединения и образования Второго рейха, из либерального историка Трейчке превращается в крайнего консерватора, в том числе из-за успеха бисмарковской политики объединения «сверху». В его лекциях того времени открыто провозглашается программный принцип, согласно которому всякое политическое мышление (мышление о государстве) должно начинаться с признания неравенства людей — своеобразная квинтэссенция консервативной мысли.

Позже Трейчке даже становится официальным придворным историографом Пруссии. Он программно поставил свою деятельность историка на службу политическим целям авторитарного государства. Более того — громогласный глашатай немецкого национализма прямо использовал свои

лекции по истории в целях пропаганды политических идей!

Примечательно, что среди слушателей националистического трибуна Трейчке был Макс Вебер, посещавший его лекции в качестве студента в Гейдельбергском университете. Более того, сами сочинения Вебера, посвященные проблематике объективности в науке, могут рассматриваться как его реакция на самого громогласного борца за дело немецкого национализма. Дело в том, что Трейчке был глуховат, и потому свои лекции, а также речи в рейхстаге произносил очень громко, то есть почти кричал. Все это сильно нервировало и даже отпугивало молодого Вебера...

В вопросе объединения Германии Трейчке и как политик, и как историк пытался легитимировать политику Бисмарка и особое положение Пруссии при образовании Германской империи (малогерманский вариант). В частности, он пытался представить суверенитет других немецких государств, например Баварии, в качестве результата антинемецкой политики Франции, пытавшейся тем самым не допустить объединения немецкого народа. При этом он признавал право Австрии на отдельное существование, опровергая наличие у Берлина планов присоединить к Германии этнические немецкие земли Австро-Венгрии: «Никто в мире не имеет большего основания желать сохранения целостности австрийского государства. Именно сейчас воплощается старое пророчество готов, когда-то высмеянное сторонниками великогерманского варианта объединения: общность интересов двух держав после произошедшего разделения стала более тесной, чем когда-либо».

Помимо двух — либеральной и консервативной — фаз интеллектуального развития знаменитого немецкого националиста особое место в творчестве Трейчке занимают «Берлинские деба-

ты об антисемитизме»¹, вызванные его статьей 1879 г. «Наши перспективы»². В «Берлинских дебатах» — общественной дискуссии о влиянии еврейства на жизнь Германии, проходившей в 1879–1881 гг. — участвовали крупнейшие интеллектуалы того времени. Современники называли эту дискуссию «дебатами по поводу Трейчке» или даже «Трейчкиадой», поскольку именно он спровоцировал их. В ходе дебатов получило широкое распространение само понятие «антисемитизм», введенное в оборот журналистом Вильгельмом Марром. Более того, спор о статусе евреев из темы маргинальных слоев превратился в тему для обсуждения в средних и высших слоях (буржуазия образования) и в академическом пространстве (немецкий университет).

В качестве критики Трейчке первыми прозвучали голоса его политических противников из либерального лагеря, а также еврейских интеллектуалов. Однако особое внимание публики привлекло вмешательство в дебаты — через год после их начала — Теодора Моммзена, ибо его статус видного историка ничуть не уступал статусу Трейчке. Моммзен назвал провокативный текст Трейчке «омерзительнейшим из того, что когда-либо было написано». Более того, он — наряду с такими крупнейшими интеллектуалами, как историк Иоганн Густав Дройзен, юрист Рудольф фон Гнейст или врач Рудольф Вирхов — был среди первых подписантов так называемой «декларации нотаблей» — заявления в берлинской прессе с осуждением антисемитизма, подписанного 75 крупными

¹ Материалы Берлинских дебатов об антисемитизме были изданы в качестве сборника текстов Трейчке и его оппонентов Вальтером Белихом: Walter Boehlich (Hrsg.): *Der Berliner Antisemitismustreit* (Sammlung Insel, Band 6). Insel, Frankfurt am Main, 1965.

² *Heinrich von Treitschke*. Unsere Aussichten, in: *Preussische Jahrbücher*, Band 44. 1879. S. 559–576.

учеными, политиками и общественными деятелями. После этого последовал обмен ударами на страницах газет. В результате этих дебатов Трейчке интеллектуально дисквалифицировал себя в глазах многих современников — как младших (Макс Вебер), так и старших (Фридрих Ницше), и его репутации ученого был нанесен непоправимый урон.

В своей работе Трейчке, после описания в начале положения Германии в мире, определяет евреев или, вернее, результаты их эмансипации как внутреннюю угрозу для силы немецкого народа. Но — и это существенное отличие Трейчке от антисемитов как предшествующего, так и последующего периодов (в том числе нацистов) — вместо традиционных требований изоляции евреев он выдвигает требование их полной ассимиляции в немецком этническом большинстве. Примечательно, что сам Генрих Трейчке не считал себя антисемитом, называл антисемитизм позорным явлением и даже ссылаясь на свои дружеские связи с евреями. Тем не менее его радикально-националистические сочинения не оставляют сомнений в том, что в рамках его представления о единстве нации евреи должны были перестать быть «чуждым элементом», преследующим собственные групповые цели, отличные от задач всего немецкого народа.

Именно в вызвавшей большое возмущение у либеральной публики статье «Наши перспективы» Трейчке сформулировал тезис «Евреи — это наше несчастье»³, пытаясь представить его в качестве общенационального консенсуса, охватившего все немецкое общество поверх партийных различий («словно из одних уст»). И хотя резко критическая реакция на это сочинение

дает основания сомневаться в единстве мнений относительно статуса евреев в тогдашнем немецком обществе, тем не менее очевидно, что в результате дебатов, занимавших общественность Германии на протяжении нескольких лет — вплоть до 1881 г., антисемитизм стал «легитимной» темой для обсуждения в научных кругах и светских салонах, а не только в пивных...

Чтобы познакомить русского читателя с аутентичными взглядами Генриха фон Трейчке, предоставим слово ему самому и приведем пространную цитату из его самой скандальной статьи «Наши перспективы».

* * *

«Среди симптомов глубокой перемены настроений, происходящей благодаря нашему народу, ничто так не поражает, как движение против еврейства. Еще несколько месяцев назад в Германии царил возглас, противоположный крикам “гип-гип”. О национальных недостатках немцев, французов и всех остальных народов можно было смело высказываться самым жестким образом; но если кто-то осмеливался корректно и умеренно высказаться о какой-то беспорной слабости еврейского характера, тот немедленно осуждался чуть ли не всей прессой как варвар и гонитель этой религии. Но сегодня мы продвинулись так далеко, что большинство избирателей Бреслау — явно не в спонтанном возбуждении, а в спокойной преднамеренности — решило ни при каких обстоятельствах не избирать евреев в ландтаг; уже заседают антисемитские объединения, на собраниях возбужденно обсуждается “еврейский вопрос”, поток антиеврейских брошюр заполонил книжный рынок. Однако во всем этом деле слишком много грязи и жестокости, и невозможно удержаться от отвращения, когда замечаешь, что многие из этих воззваний явно вышли из-под еврейского пера; после

³ Впоследствии это и некоторые другие высказывания Г. фон Трейчке активно использовались на страницах таких пропагандистских листов национал-социалистов, как «Der Stürmer».

Пфефферкорна и Айзенменгера⁴ известно, что евреи по рождению всегда были сильно представлены среди фанатических жидоедов (*Judenfresser*). Но неужели за этим шумным предприятием скрывается лишь жестокость черни и экономическая зависть? Неужели эти всплески глубокого, давно сдерживаемого гнева действительно лишь временный порыв, столь же пустой и безосновательный, как когда-то тевтонская травля евреев в 1819 года? Нет, инстинкт масс действительно верно осознал огромную опасность и очень значительный ущерб для новой немецкой жизни; и это не пустой речевой оборот, когда сегодня говорят о немецком еврейском вопросе.

Когда англичане и французы с некоторым пренебрежением говорят о немецких предрассудках в отношении евреев, то на это мы должны ответить так: вы не знаете нас; вы живете в отличных условиях, делающих невозможным появление подобных “предрассудков”. Число евреев в Западной Европе столь невелико, что они не могут оказывать чувствительного влияния на национальное чувство; однако через нашу восточную границу год за годом из безразмерной польской колыбели прёт толпа целеустремленных молодых продавцов штанов, дети и дети детей которых когда-нибудь будут господствовать на бирже и в газетах Германии; иммиграция растет на глазах, и все серьезнее встает вопрос, как мы сможем сплавить чужую народность с нашей. Израильтяне Запада и Юга относятся в основном к испанской ветви евреев, которая имеет

сравнительно достойную историю и всегда довольно легко вписывалась в западный образ жизни; они действительно в большинстве своем стали хорошими французами, англичанами и итальянцами — насколько разумно можно ожидать этого от народа с такой чистотой крови и таким очевидным своеобразием. Однако мы, немцы, имеем дело с польской ветвью, у которой остались очень глубокие раны от многовековой христианской тирании; на основании этого опыта она несравнимо более чужда европейской и именно германской сущности. То, что мы должны потребовать от наших израильских сограждан, очень просто: они должны стать немцами, просто и окончательно почувствовать себя немцами — без ущерба для своей веры и своих древних священных преданий, которые почитаются всеми нами; ведь мы не хотим, чтобы на смену тысячелетнему германскому укладу пришла эпоха смешанной немецко-еврейской культуры. Было бы грешно забывать, что многие евреи, крещеные и некрещеные (Феликс Мендельсон, Байт, Риссер⁵ и др.), — не говоря о ныне живущих, — были немецкими мужами в лучшем смысле слова, и в них мы почитаем благородные черты немецкого духа. Но тем более неоспоримо, что многие влиятельные круги нашего еврейства не имеют доброй воли становиться просто немцами. Стало постыдным даже говорить об этих вещах; даже примирительное слово легко вызывает недоразумения. Однако я считаю, и некоторые мои еврейские друзья с глубоким сожалением согласятся со мной, что в последнее время в еврейских кругах проснулся опасный дух превосходства, что влияние еврейства на нашу национальную жизнь, иногда положительное в прежних ситуациях,

⁴ *Иоганн Йозеф Пфефферкорн* (1469–1524) — кельнский еврей, принявший христианство. Прославился обличением своих прежних единоверцев и призывами к сожжению Талмуда. *Иоганн Андреас Айзенменгер* (1654–1704) — гейдельбергский профессор еврейского языка. Считается одним из предшественников современного антисемитизма. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

⁵ *Фердинанд Байт* (1817–1870) — врач, химик и предприниматель. *Габриель Риссер* (1806–1863) — адвокат, журналист и политик. Первый еврей-судья в Германии.

теперь часто проявляется как вредное. Достаточно почитать “Историю евреев” Грец⁶: какая фанатичная злость в отношении “заклятого врага”, христианства, какая смертельная ненависть в отношении чистейших и сильнейших представителей германской сущности, начиная с Лютера и заканчивая Гете и Фихте! А какая дутая, оскорбительно завышенная самооценка! Там, среди неизменных злонамеренных оскорблений, доказывается, что нация Канта собственно возвысилась до гуманизма лишь благодаря евреям, что язык Лессинга и Гете лишь благодаря Берне⁷ и Гейне стал восприимчив к красоте, духу и шутке! Какой английский еврей осмелился бы таким образом порочить страну, которая защищает и оберегает его! И это закоренелое презрение в отношении немецких гоев вовсе не есть мнение лишь отдельного фанатика. Нет ни одного немецкого торгового города, в котором не было бы множества уважаемых, заслуживающих почтения еврейских фирм; однако несомненно, что семитство составляет значительную часть лжецов и мошенников, проявляющих наглую алчность в грюндерских бесчинствах, и несет часть ответственности за тот презренный материализм наших дней, который рассматривает любой труд лишь как сделку и угрожает задушить старое

трудолюбие нашего народа; в тысячах немецких деревень сидит еврей, который ростовщически скупает своих соседей. Среди ведущих деятелей искусств и наук число евреев не столь велико; но тем сильнее целеустремленная толпа семитских талантов третьего ранга. И тем более сплоченной является эта куча литераторов; как надежно работает контора по страхованию бессмертия, основанная на проверенном в деловых отношениях принципе взаимности, так что всякий еврейский рифмоплет получает от газет однодневную славу чистыми, без штрафного процента.

Однако наиболее опасным становится преобладание евреев в ежедневной прессе — фатальное следствие наших старых мелочных законов, запрещавших израильтянам доступ к большинству ученых профессий. На протяжении десяти лет общественное мнение во многих немецких городах “делалось” еврейскими перьями; несчастьем для либеральной партии и одной из причин ее распада было то, что ее пресса предоставила еврейству слишком много места. Неизбежной расплатой за это неестественное состояние является нынешнее бессилие прессы; маленького человека уже не заболтаешь тем, что он больше не верит газетам, поскольку в них пишут евреи. Наши газеты очень многим обязаны еврейским талантам; именно в этой области изворотливость и острота еврейского духа уже давно нашли удачную сферу своего применения. Но и здесь их влияние оказалось двойственным. Берне первым ввел в нашу журналистику циничный тон, без всякого пиетета высказываясь об отечестве настолько со стороны, как будто сам не имеет никакого отношения к нему, как будто это не ранит глубоко в сердце каждого отдельного немца. Сюда же добавляется та неуместная суетность, которая неизбежно присутствует повсюду, где занимаются всем сразу, и которая даже не останавливается перед хозяйским обсуждением

⁶ *Генрих Хирш Грец* (1817–1891) — немецко-еврейский историк, автор «Истории евреев с древнейших времен до современности», оказавшей большое влияние на всю последующую историографии еврейской истории. В ходе дебатов по «еврейскому вопросу» Грец отомстил Трейчке за его критику, публично предложив проверить, не является ли фамилия того славянской, ибо его предки происходили из Саксонии (Дрезден), а это древние славянские земли, германизированные в X в.

⁷ *Карл Людвиг Берне* (1786–1837) — писатель и публицист. Считается одним из основоположников литературной критики, в частности фельетона.

внутренних дел христианских церквей. Просто возмутительно то, что еврейские журналисты позволяют себе надругательство и глумление в отношении христианства и что подобные богохульства предлагаются нашему народу на его языке в качестве новейшего достижения “немецкого” просвещения! Едва эмансипация была осуществлена, как стали настаивать на ее “видимости”; стали требовать буквального паритета во всем и уже отказывались видеть то, что мы, немцы, все еще являемся христианским народом, а евреи — лишь меньшинство среди нас: мы дожили до требований устранить христианские изображения и ввести шабат в смешанных школах!

Если посмотреть на все эти обстоятельства, — а здесь можно высказать еще очень многое! — то нынешнее громкое возбуждение предстанет лишь как жестокая и злобная, но все же естественная реакция германского народного чувства в отношении чуждого элемента, занявшего в нашей жизни слишком большое место. Нечаянно оно привело как минимум к одному благому результату, сняв с нас проклятье молчаливой лжи; польза уже в том, что порочность положения, которую чувствовал каждый, но никто не хотел затрагивать, сейчас обсуждается открыто. Однако не будем заблуждаться: движение очень глубокое и сильное; его невозможно преодолеть посредством нескольких шуток по поводу мудрых высказываний христианско-социалистических проповедников. Вплоть до высших образованных кругов, среди деятелей, с презрением отвергающих любую идею о религиозной нетерпимости или национальной гордости, сегодня звучит, словно из одних уст: евреи — это наше несчастье!

Об отказе или хотя бы ограничении общественной эмансипации среди специалистов не может быть и речи; это было бы явным беззаконием, отходом от славных традиций нашего государства и лишь только усилило бы

мучительные национальные противоречия, вместо того чтобы смягчать их. Что сделало евреев во Франции и Англии безвредным и часто полезным элементом гражданского общества, так это в принципе энергия национальной гордости и глубоко укорененные национальные нравы двух этих старых культурных народов. Наше чувство молодое; нам во всем нашем бытии еще не хватает национального стиля, инстинктивной гордости, устоявшегося своеобразия, поэтому мы так долго были беззащитны против чуждой сущности. Однако мы находимся в процессе их приобретения и можем лишь пожелать, чтобы наши евреи своевременно осознали те изменения, что происходят в немецкой жизни в качестве необходимого следствия возникновения немецкого государства. Повсюду уже возникают еврейские союзы против ростовщичества, которые незаметно делают много хорошего: это дело рук проникательных израильтян, которые поняли, что их собратья должны приблизиться к нравам и мыслям своих христианских сограждан. В этом направлении еще предстоит многое сделать. Однако невозможно сделать крепкие немецкие головы еврейскими; так что нашим еврейским согражданам остается лишь решиться окончательно стать немцами, как многие из них уже давно сделали к своему и нашему счастью. Эта задача никогда не будет решена окончательно. Разрыв между западной и семитской сущностью существовал всегда; с тех пор как Тацит жаловался по поводу *odium generis humani*⁸; всегда будут существовать евреи, которые суть не что иное, как говорящие по-немецки восточные люди; также всегда будет расцветать специфически еврейская образованность, которая в качестве космополитической силы имеет на это полное историческое право. Однако противостояние можно смягчить в том случае,

⁸ Ненависть к роду человеческому (лат.).

если евреи, которые так много говорят о толерантности, действительно станут толерантными и продемонстрируют определенный пиетет в отношении веры, нравов и чувств немецкого народа, давно искупившего старые грехи и подарившего им права человека и гражданина. То, что этот пиетет отсутствует у части нашего торгового и литературного еврейства, является подлинной причиной нынешнего страстного ожесточения.

Эти ярость и брань, эти вопли и вскипание незрелых идей в новой Германии не радуют. Однако мы являемся самым страстным народом из всех народов, хотя так часто считаем сами себя флегматиками; новые идеи всегда утверждались у нас посредством судорожных метаний. Дай Бог, чтобы из смятения и уныния этих беспокойных лет мы вынесли более мощное представление о государстве и его обязанностях и окрепшее национальное чувство!⁹

* * *

Завершим это краткое ознакомление русского читателя с Генрихом фон Трейчке цитатой из работы немецко-швейцарского историка Голо Манна (кстати, сына лауреата Нобелевской премии по литературе Томаса Манна), в которой прямо затрагивается деятельность этого классика немецкого национализма:

«Одновременно с эмансипацией евреев, новым их уравниванием в гражданских правах, возникает новый антисемитизм. Но это не то, что мы обычно представляем себе под этим; он требует не исключения, а полного уравнивания и умеренности при уравнивании; он требует исключить лишь тех, кто не желает уравниваться. В качестве примечательного примера такого подхода я приведу позицию немецкого

историка Генриха фон Трейчке. Этот крупный писатель в целом считается антисемитом, и он был таковым; тем не менее его антисемитизм не имел ничего общего с антисемитизмом нацистов. Трейчке был страстным, яростным патриотом, очень резким в своих суждениях, но при этом обладал сильным чувством справедливости и правды; ничто неправдивое, ничто подлое не могло выйти из-под его пера. Таким образом, Трейчке видел лишь одно решение еврейского вопроса в Германии: полное растворение незначительного по численности еврейства в немецком народе, отказ от всякого собственного еврейского стиля жизни. Поэтому он восхвалял прусских евреев, доблестно выполнивших свой солдатский долг во время Освободительных войн»¹⁰.

Стоит ли говорить, что, несмотря на большие исторические различия, при желании здесь можно провести параллели с нынешней российской ситуацией. Как и немцы в ранний период строительства своего национального государства, русские сегодня также столкнулись с,— говоря языком политической теории — «проблемой Руссо», т.е. проблемой (не)гомогенности политической нации. Другими словами, внезапно со всей остротой перед нами встал вопрос: что делать в ситуации, когда значительная часть народа состоит из групп, не просто этнически и культурно отличных от большинства, но и открыто недоброжелательных самому государственно-культурно-национальному проекту этого большинства? Свой ответ на этот экзистенциальной для любой нации вопрос и попытался дать более века назад теоретик немецкого национализма Генрих фон Трейчке.

¹⁰ *Golo Mann. Über Antisemitismus. In: Geschichte und Geschichten. Fischer, 1961, S. 178.*

⁹ Перевод О.В. Кильдюшова.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

«НАЦИЯ ЕСТЬ ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ»

Гражданский национализм Михаила Каткова

Концепция создания русской гражданской нации впервые была чётко сформулирована в программных документах декабристов (прежде всего, в «Русской Правде» П.И. Пестеля)¹. Но эти тексты, в силу известных обстоятельств, стали достоянием общественного обсуждения только в начале XX в. и не оказали зримого влияния на становление русского политического национализма. В сфере же публичного дискурса основоположником гражданского национализма в России следует признать издателя крупнейшей русской консервативной газеты позапрошлого века «Московские ведомости» Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), который в своих статьях 1860-х гг. довольно ясно и внятно изложил его главные принципы.

Катков был журналистом (впрочем, прошедшим в молодости солидную философскую школу), а не учёным-теоретиком, но он хорошо представлял себе проблематику национального в политической мысли своего времени и в совершенстве владел «языком современного ему европейского национализма»². В его невероятно обильной, многотемной и многословной публицистике тем не менее нетруд-

но заметить вполне определённую программу нациостроительства: «Идеал Каткова — надконфессиональное общество подданных сильной и реформистской монархии <...>, сплочённых не только лояльностью трону, но и единым гражданским языком, принадлежностью к единому цивилизационному пространству»³.

Особенно развёрнуто Михаил Никифорович излагал своё видение национальной проблемы в ряде статей 1864 г. Главный нерв этих работ — в утверждении нескольких простых тезисов: *1) цивилизованное государство = национальное государство; 2) в национальном государстве возможна только одна нация; 3) в России такой нацией может быть только русская нация; 4) членство в русской нации не связано с узко-этническими или конфессиональными критериями, а основывается на лингвистической и гражданской ассимиляции.*

* * *

В качестве образцов в решении национального вопроса Катков (в ту пору вполне себе правоверный западник) предлагал Францию и Пруссию («обе эти страны, бесспорно, принадлежат к самым цивилизованным»). Вот как (не без восторга) он описыва-

¹ См. подробнее об этом мою статью «Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов» («ВН». 2010. № 2).

² *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вт. пол. XIX в.). СПб., 2000. С. 122.

³ *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 464.

ет французскую модель нациостроительства:

«Во Франции сменялись всевозможные формы правления; Франция была и абсолютной монархией, и республикой, и военной диктатурой под именем империи, и конституционной монархией с династией, навязанною иностранным вмешательством, и конституционной монархией с династией, вышедшею из революции, и снова стала военной диктатурой; в течение этого короткого времени она пережила много переворотов, видела много торжеств и падений; но никогда, ни в каком случае, ни в каком положении, ни при какой перемене французское правительство, в чьих бы руках оно ни находилось, не переставало быть французским; как бы оно ни действовало в других отношениях, оно всегда действовало как правительство французское, и никогда не было ни бретонским, ни эльзасским и т.п., и не было также отвлеченным, не имеющим никакой национальности принципом власти. Оно считало бы для себя бесславием, если бы в том или другом положении оно могло показаться не французским. И потомок Людовика Святого на троне Франции, и счастливый солдат, овладевший французскою короной, и демагог, и конституционный министр, и каждый орган власти с верху до низу правительственной иерархии, — всё, что во Франции имело какую-нибудь силу и долю влияния, все всегда чувствовало себя французским, все держало высоко знамя французской национальности. А потому и из новоприсоединенных элементов все, что хотело получить значение, все, что хотело действовать и иметь силу, старалось прежде всего о том, чтобы стать несомненно французским. Иноходец здесь не хочет быть инородцем; он гордится званием француза и чувствует себя оскорбленным и униженным уж конечно не тогда, когда его приравняют к господствующей народности, а, напротив, когда между им и французом делается различие. В своих новоприобретенных владени-

ях Франция не принимала каких-либо насильственных мер для искоренения или подавления инородческих национальностей, не запрещала говорить и писать на немецком языке в Эльзасе, как не запрещает говорить и писать на итальянском языке в Ницце, как не запрещает говорить и писать на каком угодно языке во всех пунктах своей территории. Но зато она сама не хочет знать иного языка, кроме французского, то есть её правительство не признает на всей её земле никакой другой народности, кроме французской, ибо язык и народность одно и то же. В её судах, в её администрации, в школах, содержаемых правительством, господствует один язык — французский, то есть одна народность — французская. Только тем, что правительство французское всегда было несомненно и исключительно французским, объясняется эта могущественная сила уподобления, которую французский народ оказывал на все чуждые элементы, входившие в его государственную область. В этом неизменном национальном свойстве французского правительства заключается корень величия и славы этой страны, корень её цивилизации и развития. Этим свойством искупает она все то, что в других отношениях внутренняя политика её представляла или представляет дурного и недостаточного. Эта неизменная национальность французского правительства, в чьих бы руках оно ни находилось, спасала Францию от всех бед; оно сообщило французской нации её несокрушимость. Франции не нужно обнажать меч для того, чтоб удерживать за собою ту или другую область, каким бы племенем ни была заселена она первоначально. Франция благодаря национальности своей политики и полному уравниению пред собою всех народонаселений своей землей никогда не знала язвы сепаратизма; при всех потрясениях и смутах, которым она подвергалась в борьбе за власть между разными партиями, ни одна часть её владений не стремилась отторгнуться

от неё, никогда на её окраинах не обнаруживалось ни малейших признаков разложения. Что бы ни подвергалось спору в этой стране, никогда ни в одной её части не подвергалась спору французская национальность. Французские порядки не всегда были хороши, и они часто изменялись при больших или меньших потрясениях; но ни одна часть французских владений не стремилась приобрести какое-либо исключительное отношение к французскому правительству и тем отделиться от французского народа. Обитатели Эльзаса точно так же, как обитатели Бретони или Нормандии, участвовали во всех событиях, постигавших Францию, во всех переворотах, которые она испытывала; но везде и всегда участвовали они как французы, в интересах целого. Никто не скажет, чтобы Франция поступала жестоко относительно инородческих элементов, которые она присоединяла к себе; напротив, она не делала между ними и собою никакого различия, она принимала их, как своих детей, и тем действительно делала их навсегда своими верными детьми. Новые народонаселения, входя органически в состав господствующего народа и совершенно усваиваясь ему, вносили с собою новые творческие элементы в его жизнь, новые особенности в его гений и таким образом служили к обогащению великой исторической национальности, а с тем вместе к обогащению всемирного прогресса. С другой стороны, эти присоединившиеся к Франции иноплеменные народонаселения, вступив раз навсегда в полное органическое единство с французским народом, став детьми французской земли, став французами, избавились от того двусмысленного положения, в каком неизбежно должны находиться области, механически присоединенные к государству, удерживающие свою инородческую национальность, связанные с господствующим народом общею властью, но внутренне чуждые ему и обреченные на мучительное чувство неполного существова-

ния, — существования отравленного, раздраженного, озлобленного»⁴.

Схожую картину Катков рисует и в Пруссии:

«В Германии национальное чувство было ничтожно до той поры, пока её государства не возобладали над иноплеменными элементами и не усвоили их германской народности. Пруссия главным образом состоит из народонаселения не германского племени, но ставших безвозвратно немецкими. Не только Восточная и Западная Пруссия, не только Силезия, но и Померания и Бранденбург, где стоит столица Прусского королевства, — все это было когда-то заселено разными славянскими и литовскими племенами, и самое имя Пруссии есть имя той ветви литовского племени, которая некогда жила в восточных частях этого королевства. Теперь этих славянских и литовских племен почти не существует в Пруссии. Самая Познань, недавнее приобретение Пруссии, стала уже почти немецким краем и была бы окончательно немецким, если бы не соседство с созданным Россией Царством Польским. Где девались эти племена, заселявшие некогда страны, составляющие нынешнее Прусское королевство? Были ли те иноплеменные люди, которые обитали в этих местах, посечены мечом или изгнаны жестокими победителями? Нет, все эти народонаселения остались на своих местах, но власть, которая водворилась здесь, была власть немецкой народности, и она оставалась такою не только в отношении к собственно немецким народонаселениям, водворившимся вместе с нею в этих странах, но равно и к племенам славянским и литовским, сидевшим тут изначала. Мы не знаем, в какой мере было тяжело этим племенам подчиниться чуждой водворившейся между ними власти; но

⁴ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России. СПб., 2011. С. 146–150. (Далее это издание обозначено — *РК.*)

мы знаем, что массы ныне живущих потомков этих племен видят в ней свою родную власть и чувствуют себя вполне немецкими. В целой Германии нет, без сомнения, элементов более немецких, чем обитатели Померании, Бранденбурга и других провинций королевства Прусского, которые в прежние времена были заселены негерманскими народностями. Пусть взглянут на области самого Прусского королевства и сравнят дух обитателей его восточных областей, усвоенных Германии, с духом обитателей его западных пределов, искони германских: в этих последних, на Рейне, чувство германской народности несравненно слабее, чем в первых, — и, конечно, не на Рейне находится центр тяжести германского могущества. Обитатели левого берега Рейна были недалеко от того, чтобы сделаться французами, а в тех частях Пруссии, где германская национальность доказала свою энергию уподоблением себе чуждых племен, преимущественно развился тот дух, который дал германской народности высшее политическое значение. Если бы на окраинах Германии, в силу уподобления чуждых элементов, не развился этот дух, то германская народность оставалась бы в том бессильном состоянии, лишенном чести и достоинства, о котором история дает ещё столь недавнее свидетельство»⁵.

* * *

Таким образом, наиболее цивилизованные страны Европы есть государства национальные. Напротив, «правительства варварские», политические образования, «лишённые внутренних элементов силы и жизни»⁶, чужды национальному принципу. Таковы, например, восточные монархии древнего мира вроде Ассирийской и Персидской: «Мы знаем, какую цену имеет могущество этих *гуманитарных* (здесь и далее курсив в цитатах принадлежит цитиру-

емым авторам. — С.С.) монархий Древнего Востока, которые так же быстро рушились, как и возникали, и история повествует нам, как несметные силы Ксерксовых армий и флотов обращались в ничто перед горстью греков»⁷.

Неожиданно злободневно смотрится сравнение Катковым модели европейского национального государства с Золотой Ордой (как известно, современные российские «охранители» справедливо заслужили от оппонентов кличку «ордынцев»):

«Когда-то мы сами были народностью угнетенною, завоеванною, находившеюся под чуждою властью. Когда-то над русским народом тяготело иго монголов. Какою политикой руководствовало правительство Золотой Орды? Оно высылало тучи саранчи на подвластные ей страны; её баскаки наезжали для собирания дани; оно требовало внешней покорности и карало ослушных; оно принимало поклоны и приношения вассальных князей, но оно и понятия не имело о живых силах национальности; оно оставляло подвластные народы при их особых властях, при их языке, при всех условиях их особенного быта; оно не помышляло о национальной политике в отношении к ним, потому что оно не знало и не понимало значения какой бы то ни было национальности, а того менее монгольской (здесь и далее выделения в цитатах полужирным шрифтом мои. — С.С.)... Для нас такое свойство монгольского правительства было обстоятельством счастливым. Наши предки под игом монголов не утратили своей народной самостоятельности, а напротив, искусно пользуясь этою грубою и дикою силой, успели крепче сплотиться и собрать воедино свою разрозненную землю»⁸.

Другой пример «полиэтнической цивилизации», говоря терминологией В.В. Путина, — Оттоманская империя

⁵ Там же. С. 152–153.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Там же. С. 186.

⁸ Там же. С. 155.

(которую, кстати, современные исследователи давно признали родиной мультикультурализма):

«Мы видим, как в цивилизованных государствах Европы правительства стараются более всего объединять свои владения в смысле главной народности и полагают свое достоинство и торжество в национальности своей политики; но прогресс турецкий — иного свойства. «Больной человек», как мы видим, разлагается на свои составные части, которые были в нем механически связаны. В то время как могущественные, призванные к жизни христианские государства Европы представляют собою цельные индивидуальности, Турецкая империя является осуществлением того идеала, о котором восторженно мечтают некоторые из наших прогрессистов и к которому хотели бы склонить нас разные доброжелатели наши. Оттоманское правительство в настоящее время служит лишь внешнею связью, соединяющею совершенно самостоятельные государства... Могущество ли оттоманской цивилизации и присущие её правительству свойства великодушия, либеральности и гуманности выразились в этой особом рода ленной системе, в этой особом рода федерации разных государств, которых все отношение к Оттоманской империи состоит лишь во временном подчинении отвлеченному символу власти в лице великого падишаха?»⁹.

Есть отрицательные пример для России и в Европе, это империя Габсбургов:

«Что Австрия состоит из многих государств, подлежащих объединению, в этом заключается не сила этой империи, а слабость. Насколько это объединение ещё встречает себе препятствий, насколько оно далеко от совершенства, настолько Австрийская империя слаба и её существование подвержено случайностям. Вследствие того, что Австрийская империя не есть вполне цельное государство, что единство этой империи не есть совершенное единство, она,

несмотря на громкий титул своей династии, несмотря на величавые предания, соединяющиеся с её короной, несмотря на естественные богатства своих владений, несмотря на многочисленность своих народонаселений, почти равняющуюся численности народонаселений Франции, есть, бесспорно, из всех великих держав Европы самая слабая и наиболее зависящая от внешних условий. Правда, её армии многочисленны и принадлежат к наилучшим в Европе и по вооружению, и по дисциплине, и по военной доблести; но история Австрийской империи всего лучше свидетельствует, как недостаточны самые лучшие во всех отношениях армии без высокого национального духа, как недостаточны не только наступательные, но и оборонительные силы государства без общего патриотического духа его народонаселения. **История Австрийской империи свидетельствует, в каком постоянно критическом положении находятся эти сборные державы, пока не утвердилась в них бесспорно и могущественно одна национальность как главное условие прочности государственного состава и вместе как главное условие внутреннего процветания и развития.** Пруссия по численности своего народонаселения вдвое слабее Австрии, Пруссия есть государство недавнего происхождения, лишенное того исторического обаяния и величия, которые соединяются с императорскою династией Габсбургов; но пусть скажут, которая из этих двух германских держав представляет более залогов прочности и прогресса: сборная ли Австрийская держава, находящаяся в трудном, ещё далеко не конченном процессе объединения своих частей, или Пруссия, которой при более благоприятных обстоятельствах уже удалось совершить это первое дело государственной необходимости и которая на своей территории не имеет надобности признавать иные национальности, кроме одной германской?»¹⁰.

⁹ Там же. С. 155–156.

¹⁰ Там же. С. 188.

* * *

Для Каткова нация — не синоним этноса, а «понятие политическое»:

«Когда речь идет о политической национальности, то имеются в виду не племенные, этнографические особенности, которыми характеризуется то или другое народонаселение и которых во всяком государстве бывает множество, и особенно много, например, во Франции, по преимуществу гордящейся своим национальным единством. <...> Национальное единство не есть однообразие. Чем могущественнее и плодотворнее должна развиваться жизнь целого, тем более, при основном и неизблемом единстве, требуется разнообразия элементов, входящих в состав государства. <...> не требуется, чтобы все особенности быта, обычая, нравственной физиономии, умственного склада, общественного строя были сглажены; напротив, желательно, чтобы все подобные особенности сохранялись, действовали в свою меру и силу, взаимно уравновешивались и вступали между собою в новые сочетания и таким образом способствовали полноте и богатству целого. Но нация не есть просто какой-либо этнографический элемент. Признать какой-либо элемент в качестве нации — это совсем не то, что предоставить тем или другим населением, тем или другим людям свободу жить по своему обычаю, исповедовать свою веру и т.д. Это дело свободы, и чем бесспорнее единство государства, тем более выигрывает дело свободы. Именно в том интересе, чтобы государство могло безопасно расширять сферу личной и общественной свободы, которая всегда служит наилучшим выражением государственной прочности, именно в этом интересе свободы, о которой так много говорят всуе и так часто употребляют её имя во зло, требуется, чтобы не было государств в государстве, требуется, чтобы государство было едино и нераздельно, чтоб оно было неразрывно соединено с одною бесспорною национальностью. Итак, признать

какой-либо элемент в качестве особой нации не значит предоставить ему свободу, но дать ему власть, сообщить ему обязательную силу. В признании нации решается вопрос о власти, о правительстве, о государстве»¹¹.

Катков полагал политической аксиомой, что «всякой народности более или менее свойственно стремление к самостоятельному политическому существованию; всякая народность хочет иметь свое правительство, свою власть, свое государство». Следовательно, допустить в одном государстве существование нескольких наций — значит заложить потенциальную мину под его единство:

«Начатки особых государств в государстве — тела чужеродные, и развитие их есть развитие внутренней болезни целого состава. <...> Совокупность чуждых друг другу государств и единство верховной власти, долженствующей простирается над ними и связывать их, есть абсурд, внутреннее противоречие, невозможность. Одно из двух: или верховная власть силой своего существования действительно соединит подвластные ей части и совокупность государств превратит в одно цельное государство, совокупность наций в одну цельную политическую нацию; или же верховная власть, взносясь над совокупностью народов и государств, утратит всякое действительное значение и упразднится как символ, ничего не означающий»¹².

Единственный путь для сохранения единства многоэтнического государства — гражданская и культурная (но не этническая) ассимиляция всех народов, его населяющих, по образцу государствообразующего народа: «Живая историческая национальность ни из чего другого так не познается, как из силы органического уподобления элементов, заступающих в сферу её действия. Эта сила уподобления,

¹¹ Там же. С. 191–192.

¹² Там же. С. 199, 185.

свойственная живой национальности, главным образом знаменуется национальностью правительства, национальностью его политики, которая не делает различия между какими-либо и инородческими элементами и господствующим народом»¹³.

* * *

Катков безоговорочно утверждает: «Мы знаем, что под Русскою державой нет многих наций, которые заслуживали бы этого названия, а есть только одна нация — русская»¹⁴. Следовательно, Российское государство есть русское национальное государство, а не государство равноудалённой от всех народов империи многоэтнической корпорации аристократов и бюрократов: «...государство... невозможно отделять от нации. Господствующая в государстве нация есть само государство. Государственная польза не может быть отделена от пользы той нации, в которой заключается вся сила Русского государства и, стало быть, все величие венчающей его верховной власти»¹⁵.

М.Н. подчёркивает исключительно благоприятные для формирования русского национального государства особенности русского этноса (в состав которого он включал не только великороссов, но и малороссов с белорусами), его подавляющее количественное превосходство в сравнении с прочими народами империи и уникальное лингвистическое единство: «...нигде <...> отношения господствующей народности ко всем инородческим элементам так не благоприятны, как в России <...> пятьдесят шесть миллионов цельной чисто русской народности: какая другая народность может соперничать с ней в составе Русского государства? Возьмем ли мы три миллиона польских народонаселений в Царстве Польском, или сто семьдесят тысяч лиц немецко-

го языка в прибалтийских губерниях, или двести тысяч шведов в Финляндии, — все это и порознь, и вместе совершенное ничтожество в сравнении с русским народом. Могут ли эти элементы оспаривать у русского народа Русскую державу? <...> Естественные условия, в которых находится русская народность, так благоприятны, что даже и наиболее спорный, наиболее значительный своей численностью и наиболее стремящийся к отторжению инородческий элемент, с ней связанный, — элемент польский, — гораздо родственнее по своему языку, которому в вопросе национальности принадлежит первое место, нежели французские или немецкие провинциализмы в отношении друг к другу. Русский крестьянин из Ярославля или Полтавы с помощью своего языка может удобно исходить весь польский край, нисколько не затрудняясь в сношениях с его жителями; между тем как во Франции или в Германии чуть ли не с каждым приходом меняется народный язык, и до такой степени, что люди различных местностей не могли бы понимать друг друга, если бы каждый не был более или менее знаком с языком государственным, нередко не имеющим ничего общего с местными наречиями. <...> Почти нет другого примера, чтобы народность, объемлющая собой почти шестьдесят миллионов людей, представляла такое единство, как народность русская: так велика её природная сила. Самые резкие противоположности языка и обычаи русской народности, какие оказывается, например, между великорусской, малороссийской и белорусской частями её, покажутся сплошным единством в сравнении с теми бесчисленными резкими контрастами, на которые распадается народность немецкая или французская и которые сдерживаются в национальном единстве только лишь силой национального государства»¹⁶.

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 197.

¹⁶ Там же. С. 175, 190, 174.

* * *

Катков возмущён, что вопреки этим более чем благоприятным предпосылкам для строительства русского национального государства в Российской империи господствует система, направленная на то, «чтобы выделить инородческие населения, поддерживать и развивать правительственными способами чуждые русской народности элементы, встречающиеся на её громадной территории, и, наконец, в этой искусственной отдельности возвышать их над русской народностью <...> Образовавшаяся у нас система заключалась в том, чтобы правительственными мерами разобщать и, так сказать, *казировать* разнородные элементы, вошедшие в состав русского государства, развивать каждый из них правительственными способами не только по племенам, но и по религии. Мы распространяем магометанство между Киргизами, которые не хотят быть магометанами, мы воссоздаем, укрепляем и возводим в силу остатки ламайства между бурятами, мы берем на себя обязанность блюсти дисциплину и чистоту всех сект и вероисповеданий. Известно также, что мы приобрели бессознательную склонность давать не только особое положение инородческим элементам, но и сообщать им преимущества над русской народностью и тем развивать в них не только стремление к отдельности, но и чувство гордости своею отдельностью; мы приобрели инстинктивную склонность унижать свою народность. <...> Везде, где только отыскивался какой-нибудь инородческий элемент, в нем вызывали фальшивое и пагубное для него и государства чувство превосходства над русским народом. Русское становилось синонимом всего дурного, униженного, обиженного»¹⁷.

Несмотря на то что видимой целью такой политики было сближение и слияние инородцев с русскими, эффект от неё был совершенно обратный, ибо

«внимание к инородцам, принимавшее вид предпочтения, побуждало их для сохранения своего выгодного положения ещё более отделяться от русских; кто захочет быть русским, когда выгоднее быть инородцем, когда слияние с русским народом равняется для инородца разжалованию? Нет ничего ошибочнее того мнения, будто политика, лишённая национального духа, ведёт к сближению инородцев с господствующим народом. Она ведёт к результатам, совершенно противоположным сближению. Она не закрепляет, а раскрепляет связь государственную. Привилегии, даваемые инородцам, предпочтения, им оказываемые, прямо противодействуют сближению их с русскими»¹⁸.

Особенно кричащей Катков считал ситуацию в Финляндии и Остзейском крае:

«Мы знаем, что уже и теперь в некоторых из наших западных окраин русский подданный не имеет права гражданства. Русский дворянин для того, чтобы, с приобретением поземельной собственности в Финляндии, пользоваться там правом гражданства, должен прежде всего просить финляндское правительство о переименовании его в *финляндские подданные* (!), а недворянин должен для этого предварительно прожить в Финляндии шесть лет; но и удостоившись чести стать финляндским “подданным”, он всё ещё будет далёк от того, чтобы пользоваться полнотой гражданских прав финляндского подданного. Мы не говорим уже о том, что если он не обладает знанием шведского или финского языка, то он всё-таки останется чужестранцем в этом крае, что ни в суде, ни к администрации не может он обратиться со своим русским языком, которого существование на финляндской почве не признаётся и которого кафедра при Гельсингфорском университете, существовавшая ещё недавно, теперь упразднена; об этом мы уже не говорим; но вот в чём дело: если

¹⁷ Там же. С. 175, 174, 248.

¹⁸ Там же. С. 252.

этот русский человек, искони живущий на финляндской почве или поступивший в финляндские подданные, не имеет счастья исповедывать лютеранскую веру, а остаётся верен своей православной церкви, то он лишен возможности пользоваться полнотой политических прав финляндского гражданина. Хотя ему и было бы предоставлено право выбирать представителей в законодательный сейм, однако в качестве православного он не может быть сам выбран, не может быть допущен в финляндский сейм, не может участвовать в обсуждении и решении дел этого своего «отечества». Вот область, составляющая часть Русского государства и так огражденная от русской народности, как немногие из государств Европы, не находящихся ни в какой связи с Русскою державой! Если русский подданный натурализуется в Германии или во Франции, то по крайней мере его православная вера не послужит ему препятствием пользоваться там полнотой политических прав, между тем как на финляндской почве, составляющей нераздельную часть Русского государства, он и всё его потомство должны отказаться от политической полноправности, доколе будут сохранять верность своей церкви, доколе будут удерживать эту единственную и последнюю связь с русским народом. А между тем известно, что всякий финляндский дворянин пользуется во всей остальной России (за исключением лишь другой привилегированной окраины по берегам Балтийского моря) всю полнотой гражданских прав, не нуждаясь в натурализации и нисколько ни в чём не стесняясь своим лютеранским вероисповеданием. Будем ли мы сетовать на Финляндию за эту замкнутость, которую она ограждает себя со стороны русского народа? Коль скоро этот край находится в таком положении, что может считать себя особым государством, то все усилия его естественно должны клониться к отчуждению от России и к тому, чтобы сохранить и обеспечить

своё отдельное, привилегированное положение.

Мы часто слышим от многих почтенных лиц из прибалтийских губерний, что этот край всегда отличался и отличается искреннею преданностью царствующему в России дому. Это справедливо; справедливо также и то, что преданность государю не может быть отдельна от преданности государству. Служить государю значит служить государству, сохранять верность государю значит с тем вместе радеть о государственной пользе. «Государственная польза» входит в формулу нашей присяги; одно с другим нераздельно. Служить государю значит служить государству; верность государю значит верность государству, и наоборот. Но государство точно так же невозможно отделять от нации. Господствующая в государстве нация есть само государство. Государственная польза не может быть отделена от пользы той нации, в которой заключается вся сила Русского государства и, стало быть, все величие венчающей его верховной власти. Одно с другим нераздельно, и вполне верное служение государству требует, чтобы мы не чуждались той нации, на которой основана вся его сила. Справедливо, что уроженцы прибалтийских губерний всегда служили верой и правдой Русскому царю, а вместе с тем и Русскому государству. Но почему это? Потому ли, что эти провинции составляли особое государство? Нет, а потому, что, несмотря на некоторые особенности и даже привилегии, которые в силу исторических обстоятельств были им предоставлены, они тем не менее считались провинциями целого и нераздельного Русского государства. Пока дела остаются в таком положении, в каком они были доселе, не было бы оснований опасаться каких-либо неблагоприятных результатов. Но если бы возник вопрос о том, чтобы при дальнейшем ходе дел вести этот край не к сближению с остальною Россией, которая вступает в новую и высшую фазу своего истори-

ческого существования, а о том, чтобы вести его к отчуждению от ней и сообщить ему форму особого немецкого государства на окраине Русской державы, — то чего же ещё ожидать хуже этого?»¹⁹.

В результате в России складывается парадоксальная ситуация, когда «не предпочтения, а только равенства, вот чего приходится просить русской народности в Русском государстве»²⁰.

Подлинная же «национальная политика состоит не в том, чтобы унижать чужое, а в том, чтобы возвышать своё».

* * *

Полемические стрелы Каткова — политического журналиста были направлены в адрес тех представителей имперской бюрократии (прежде всего министра внутренних дел П.А. Валуева), которые резко сопротивлялись русификации империи, предпочитая строить национальную политику на основе союза и компромисса с аристократическими элитами наиболее значительных нерусских окраин: Польши, Финляндии, Остзейского края. Сознательно заостряя проблему, издатель «Московских ведомостей» обрушивался на неких безымянных «прогрессистов», желающих создать внутри империи множество нерусских наций, а следовательно — и множество нерусских национальных государств. Разумеется, Валуев ничего подобного не предполагал, он просто следовал традиционной логике российской имперской политики, катковские обвинения в данном случае были чистой демагогией. Но поразительно, что сегодня они читаются как превентивная критика советской национальной политики с характерным для неё созданием новых национально-государственных образований:

«...для чего же, в каких видах Россия

должна раздробить свою государственную область, которая так дорого ей стоила, и за неимением наций, между которыми бы должна поделить её, нарочно сделать из себя множество отдельных наций, — нарочно сделать немцев из латышей и эстонцев в Прибалтийских губерниях, чтобы там была компактная немецкая национальность, нарочно сделать русских, живущих в Финляндии, финнами, или финнов шведами, нарочно дать сделать миллионы русских в западной России — поляками, а польские, так родственные нам народонаселения <...> окончательно разобщить с русским народом и подготовить их к той судьбе, которая уже постигла всю остальную часть когда-то многочисленной польской нации, то есть сделать её лёгкой добычей германизации? В каких видах должна Россия устраивать новую Биармию, или Царства Казанское и Астраханское? В каких видах Россия должна нарочно сделать Кавказ, которого почти каждый утёс облит русской кровью, чуждым для русского народа с государством? В каких видах должна она расторгнуть и сделать чуждыми и, стало быть, враждебными друг другу части своей собственной природной национальности? <...> Нам говорят, что у нас нет и речи о сепаратизме, и в то же время с неслыханною наглостью перебирают одну за другою разные части Русского государства, которые должны стать особым государством, чуждым русскому народу, на основании особой национальности, хотя бы для этой цели пришлось искусственно выделять годные к тому национальности и даже употреблять части самого русского народа материалом для таких созиданий. Никто не сомневается, что ни одна из окраин Русской державы не будет в силах оторваться от нее вооружённым восстанием; никто не опасается европейской войны, которая могла бы оторвать у России Царство Польское, или Финляндию, или Прибалтийские губернии, никто не опасается раздробления России посредством войны или инопле-

¹⁹ Там же. С. 195–197.

²⁰ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1864. М., 1887. С. 733.

менного мятежа. Но опасаться этого нет оснований только теперь, то есть пока Россия остаётся ещё Россией, пока внутри Русской державы ещё не дан полный ход началу разложения, пока ещё дело остаётся при одних начатках, пока ещё русский народ не приучился отделять себя в своем чувстве от Русской державы, пока ещё он не изо всех её окраин выгнан, как выгнаны турки из Сербии или из Молдо-Валахии. А когда бы всё это могло совершиться, когда бы внутренний сепаратизм окончательно сделал своё дело, тогда и вовсе не потребовалось бы войны для того, чтоб отторгнуть от Русской державы ту или другую часть её, тогда она распалась бы сама, без малейшего толчка со стороны. И не то для России было бы опасно, не то было бы для неё пагубно, если бы какие-либо обстоятельства оторвали от нее, например, Царство Польское или Финляндию. Каков бы ни был ущерб для России вследствие отторжения некоторой части её государственной области, он не мог бы потрясти её оснований; оставаясь в существе своём нетронутую, она легко могла бы вознаградить себя за всякий ущерб; оставаясь здоровым и могущественным организмом, она могла бы легко заживить всякое поверхностное уязвление. Итак, не этого рода сепаратизм страшен для России, если бы и действительно в составе Русской державы оказались целые нации, достаточно сильные для того, чтоб оторваться от нее собственной внутреннею силой. Мы знаем, что таких наций нет в государственном составе России, пока ещё сами мы не наделали их искусственными способами <...> Спросим себя, что могло бы заставить желать, чтобы под фальшивым видом одного государства находились в действительности многие, чуждые одно другому государства? Почему может быть желательно видеть на месте нынешней России несколько государств, разделенных понационально?»²¹.

* * *

Катков настаивал на том, что многонациональный характер государства подрывает силу и эффективность верховной власти:

«Нам говорят, что разделение России на чуждые одно другому государства должно тем не менее оставаться делом внутренним и не нарушать единства Русской державы. Превращая Россию в человечество, нас пленяют возвышением верховной власти, долженствующей простирается над этим импровизованным человечеством и соединять его. Но монарх может находиться лишь во главе государства; а во главе человечества никогда никого не было и не будет, кроме Бога. Над системой чуждых друг другу государств, какова, например, Европа, невозможно и в фантазии поставить какую-либо общую верховную власть. Властолюбивые попытки основать всемирную монархию были направляемы не к поддержанию существовавших государств и народов, а к подавлению и уничтожению их. Совокупность чуждых друг другу государств и единство верховной власти, долженствующей простирается над ними и связывать их, есть абсурд, внутреннее противоречие, невозможность. Одно из двух: или верховная власть силой своего существования действительно соединит подвластные ей части и совокупность государств превратит в одно цельное государство, совокупность наций в одну цельную политическую нацию; или же верховная власть, взносясь над совокупностью народов и государств, утратит всякое действительное значение и упразднится как символ, ничего не означающий. <...> Мы не будем останавливаться на крайних терминах; между крайними терминами мы возьмём середину. Мы возьмём верховную власть на полупути между её истинным назначением быть живым выражением одной государственной нации и тем призраком, в который она должна превратиться, становясь символом человечества. Верховная власть, относящаяся безразлично

ко многим нациям, не утратит ли живой связи с каждою из них порознь, не станет ли для каждой предметом недоверия и опасений, не станет ли олицетворённым знаменем взаимной ненависти и вражды народов, которые ещё могли бы находиться между собою в дружелюбных отношениях, если б, отделившись один от другого, жили под разными державами, а находясь под одною державой, неизбежно будут злоумышлять друг против друга, то домогаясь своего, то опасаясь чужого преобладания? Не будет ли союз между ними союзом вражды и злобы, и то, чем держится это союз, тот единственный символ, которым он знаменуется, не станет ли неизбежно предметом их общей ненависти? Не будут ли эти нации внутренне соединены между собою только общим чувством ненависти к тому, что держит их вместе?

Каждой политически организованной национальности свойственно стремление иметь свою собственную верховную власть, которая увенчивает национальную независимость и сообщает ей полноту государственного существования. Нация, политически организованная и в то же время подчинённая чуждой верховной власти, неизбежно будет чувствовать себя угнетённою и подавленною, и неизбежно будет развиваться в ней стремление приобрести полную независимость. Но верховная власть, безразлично относящаяся ко многим национальностям, не окажется ли чужою для каждой и не очутится ли “entre deux chaises” [между двух стульев (*фр.*)], как говорят французы? <...>

Разделить государство не значит ли разделить и верховную власть, которою увенчивается государство? Пусть не говорят, что верховная власть разделяемого государства будет оставаться единою, если во главе многих государств будет находиться одно лицо: единство лица не воспрепятствует раздроблению самого принципа верховной власти, коль скоро вместо одного госу-

дарства должно появиться несколько государств. В какой мере, в какой силе произошло бы разделение одного государства на многие, в той самой мере, в той самой силе произошло бы раздробление и самого начала верховной власти. Как государство, подвергшееся внутреннему сепаратизму, пришло бы в состояние сомнительное и двусмысленное, так точно пришло бы в сомнительное и двусмысленное положение и начало верховной власти. Государство и верховная власть — это одно и то же. Область, получающая основание и право считать себя особым государством, тем самым получает основание и право желать своей особой верховной власти, и если она находится в личном соединении с другим государством, то получает право желать, чтобы верховное лицо, посредством которого она соединяется с другим государством, было не одним государем, а совокупно двумя, тремя, четырьмя, смотря по числу государств. Дело, конечно, не в титуле, а в том, чтобы титул имел существенное значение, чтоб он был истиною, чтоб он был действительностию. Потребуется, чтобы монарх, соединяющий в себе верховные права разных государств, долженствующих находиться в полнейшем внутреннем разобщении между собою, разобщал их точно так же и в своём лице; потребуется, чтоб в нём верховная власть представляла собою совокупность чуждых одна другой верховных властей. Но так как особые государства имеют и особые интересы, которые могут между собою сталкиваться и должны неизбежно сталкиваться при их соседстве и тех отношениях недоверия и опасения, которые естественно должны развиваться из их взаимного положения, то верховная власть, чтобы служить истинным выражением такого положения вещей, должна быть сама поприщем развития всех этих взаимно чуждых и непримиримых интересов, в ней самой должны беспрерывно происходить эта внутренняя, глухая борьба.

Как ни странным, как ни чудовищ-

ным покажется такое заключение, но к нему естественно должна клониться история там, где вводится начало разных государств в одном государстве или где многие части одной державы клонятся к тому, чтобы стать особыми государствами.

Но нации, долженствующие находиться между собою в таком соединении, могут быть неравносильны. Возьмем, например, Россию. Если эти элементы должны каждый составлять особое государство в связи с Русскою державой, то могут ли они держаться собственной внутреннею силой? Не будут ли они весьма естественно и весьма основательно чувствовать опасение за своё существование и не должны ли они будут употреблять всевозможные с своей стороны усилия, чтоб ослаблять русскую национальность, а с тем вместе и Русское государство? Не будет ли интерес их состоять в том, чтобы политика русского правительства была сколь можно менее запечатлена национальным характером как внутри, так и вне? Не будут ли менее сильные элементы не тем, так другим путем домогаться преимуществ, которые дали бы им господствующее положение в общем составе? Спрашивается, как должна была бы соразмерять верховная власть свои отношения к разнородным и столь неравносильным государствам, которые должны развиваться в возможно более полном внутреннем разобщении между собою и в то же время внешним образом составлять одну державу?»²².

Верховная власть должна быть национальной, т.е. опираться на государствообразующий народ:

«...Всякое государство, состоящее из иноплеменных государств, будет клониться к совершенному распадению, если между этими отдельными быт государствами не окажется преобладающего элемента, которому по преимуществу принадлежала бы верховная власть и который крепко свя-

зывал бы все части государственного целого и уподоблял бы их себе. Если такой элемент есть, то в нем сосредоточивается сила государственного целого, и от судеб этого господствующего элемента, от его дальнейшего развития будет зависеть судьба целого. Как федерации, так и монархии, состоящие из многих отдельных государств, суть по своей сущности государства не полные, не совершенные; это организации не готовые, переходные, случайные, находящиеся в положении сомнительном и зависящем от всяких случайностей. В таком положении находилась Русская земля в удельный период своего существования, кончившийся её расторжением и падением; в таком критическом положении находилось Русское государство, когда оно, сосредоточившись в Москве, только ещё собирало малопомалу Русскую землю и утверждало её единство. Из этой борьбы за своё существование Русская земля вышла с торжеством благодаря первоначальному единству своей национальности, благодаря утвердившемуся единству своей верховной власти, благодаря, наконец, неразрывному единству её национальности с её верховною властью»²³.

* * *

Разумеется, для нациостроительства в многоконфессиональной стране религиозный критерий национальной идентичности не подходит:

«Ни христианство, ни православие не совпадают с какой-либо одной народностью <...> Как православными могут быть и действительно есть и нерусские люди, так точно и между русскими есть неправославные <...> Было бы в высшей степени несообразно ни со вселенским характером православия, ни с политическими и национальными интересами России отметить от русского народа всех русских подданных католического или евангелического исповедания, а также еврейского зако-

²² Там же. С. 185–186, 189–190.

²³ Там же. С. 187.

на, и делать из них, вопреки здравому смыслу, поляков или немцев. Народы различаются между собой не по религиозным верованиям, а прежде всего по языку, и как только русские католики и евангелики, а равно и евреи усвоили бы себе русский язык не только для общественного житейского своего обихода, но и для духовной своей жизни, они перестали бы быть элементом в национальном отношении чуждым и опасным русскому обществу»²⁴.

Педалирование Катковым языкового критерия национальной идентичности вместо религиозного во многом исходило из практической повестки дня. Формирование русской Большой нации из великороссов, малороссов и белорусов наталкивалось на проблему наличия среди последних двух немалого числа католиков, вовсе не желающих менять свою конфессиональную принадлежность, но в то же время не идентифицирующих себя как поляков, хотя католическое богослужение в Западном крае шло на польском языке и становилось орудием польского национализма.

М.Н. писал о католиках-белорусах: «Исторические превратности отняли у православной церкви этих людей; но нынешнее поколение их не виновато в отступничестве: оно родилось в вере дедов и прадедов своих. Эти люди также чужды нашей церкви, как обитатели Франции или Италии, но тем не менее они русские, и, кроме религии, во всех других отношениях ничем не разнятся от своих братьев православного вероисповедания, мирно живущих с ними нередко в одних и тех же селениях»²⁵.

Таким образом, проблема состояла в том, чтобы деполонизировать и русифицировать католицизм в России.

Русифицировать предлагал Катков и иудаизм. М.Н. был, кажется, единственным русским националистом по-

запрошлого столетия, абсолютно свободным от антисемитизма и видевшим в евреях чрезвычайно полезный элемент русской политической нации: «Евреи, по своему природному характеру, отличаются энергией, предприимчивостью и смыслённостью, — качествами, которые, будучи худо направлены, могут причинять большой вред, но которые, напротив, при хорошем направлении, могут приносить весьма значительную общественную пользу. Нет сомнения, что всякий, кто желает добра для России, не может не желать, чтобы столь значительная и влиятельная часть населения в западном крае была одушевлена честным русским гражданским чувством. Пример других стран, пример Англии и Голландии, Италии и Франции, Германии и самого Царства Польского времён последнего мятежа убедительно доказывает, что ни чуждое происхождение евреев, ни закон их веры не мешают им проникаться одними патриотическими чувствами того населения, среди которого они живут»²⁶. Издатель «Московских ведомостей» недвусмысленно намекал на необходимость даровать евреям гражданское равноправие, ибо «евреи везде, где только признают их права, действуют в интересах политического единства страны»²⁷. Ну и уж совершенно очевидной логика лингвистического национализма казалась Каткову в вопросе о старообрядцах, которым для вхождения в русскую нацию не нужно было даже преодолевать языковой барьер. Разумеется, важнейшим средством русификации должна быть и развитая система начального образования. Катков даже в отношении поляков (точнее, польских крестьян) надеялся, что русскоязычная школа сделает из них «добрых граждан» русского государства (на введение русского языка в собственно польский католицизм он, конечно, не покушался).

²⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1866. М., 1897. С. 154.

²⁵ Там же. С. 298.

²⁶ Там же. С. 293.

²⁷ Там же. С. 155.

* * *

Гражданский национализм Каткова не стал стратегией Российской империи в национальном вопросе. Среди бюрократии были люди с похожими взглядами (скажем, братья Милютины), но в целом она руководствовалась традиционными имперскими технологиями. Поэтому чем дальше М.Н. «развивал свои националистические идеи, тем регулярнее власти натягивали цензурные вожжи. В результате с 1871 до 1882 г. Катков вынужденно вообще перестал касаться национального вопроса»²⁸.

Интеллектуальную элиту его идеи также не захватили. Левая интеллигенция, в большинстве своем, была на стороне всех и всяческих национальных движений в империи, видя в них естественных союзников в борьбе с самодержавием²⁹. Либералов, в общем поддерживавших концепцию гражданского национализма, отталкивали слишком, с их точки зрения, радикальные методы, которые предлагал Катков для её реализации, да и его излишняя, с их точки зрения, близость к властям тоже.

²⁸ Миллер А.И. Указ. соч. С. 148.

²⁹ Впрочем, были и неожиданные исключения, вот как, например, описывает взгляды Г.В. Плеханова на национальный вопрос Л.А. Тихомиров: «Он носил в душе неистребимый русский патриотизм. <...> Всякие сепаратизмы буквально ненавидел. К украинофильству он относился презрительно и враждебно. В нём глубоко жил великорусский унитарист и уравнитель. Революционеру и эмигранту нельзя открыто идти против поляков, как тоже силы революционной. Но Плеханов не любил поляков, не уважал их и не верил им. В дружеских беседах он это откровенно высказывал. С Драгомановым он был в открытой вражде. О Шевченко, смеясь, говорил: «Я Шевченко никогда не прощу, что он написал: «вмию, та не хочу» говорить по-русски». К Шевченко и украинофилам он относился, конечно, с большей ненавистью, чем даже, например, Катков» (Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 91).

Но и в консервативных кругах репутация издателя «Московских ведомостей» была далеко не однозначна. Например, известный поэт граф А.К. Толстой, кстати, активно печатавшийся в катковском журнале «Русский вестник», в письме к Б.М. Маркевичу (1869) высказывал самое резкое неприятие русификации и самого понимания нации как политического, а не этнического феномена: «Вы смешиваете государства с национальностями! Нельзя допустить разных государств, но не от вас зависит допустить или не допустить национальностей! Армяне, подвластные России, будут армянами, татары татарами, немцы немцами, поляки поляками!»³⁰. А в тогда же написанной сатирической «Песне о Каткове, о Черкасском, о Маркевиче и о арапах» Катков фигурирует как главный виновник истребления «народных различий» («Катков сказал, что дискать, / Терпеть их — это грех! / Их надо тискать, тискать / В московский облик всех»), более того, как расовый ассимилятор, который, проживай в России «арапы», «им удлинял бы нос» (а Самарин и Черкасский их бы перекрашивали в белый цвет).

Решительно против катковского понимания русскости выступил лидер славянофильского направления русского национализма в 60–80-х гг. И.С. Аксаков, для которого русский = православный: «Что значит выражение *русский католик*?.. Оно значит: русский, отрицающий православие... Что же останется за тем у русского, из его русской народности, вне этого начала, им отвергаемого?.. Язык, физиологические признаки, верноподданничество? Но разве в этом только заключается *народность*? Где же духовные её элементы? Какая же может быть общность духовных национальных интересов у латинянина с православным русским? Хороши русские — латинского, Мои-

³⁰ Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1980. С. 443.

сеева, Магометова закона, которые не могут назвать Русь — *Святой* Русью, как её называл создавший её православный русский народ!»³¹.

Но если у славянофилов национальное сливалось с конфессиональным, то у крайних консерваторов-традиционалистов вроде К.Н. Леонтьева собственно национальная русская идентичность вовсе вытеснялась религиозной/православной: «Для России было бы очень полезно иметь в своих государствах<ных> недрах: Православных *немцев*, Православ<ных> *поляков*, Православ<ных> *татар* и даже Православ<ных> *евреев*, даже и не знающих по-русски. — И очень вредно иметь в числе своих *равноправных* граждан много *русских* Протестантов, *русских* Католиков, *русских* Мусульман и *русских* Израелитов»³².

Нужно признать, что в рамках Российской империи, которая слишком медленно преодолевала свою социально-политическую и ментальную архаичность, катковский гражданский национализм не имел шансов на победу и реализацию.

Сегодня, однако, очевидно, что если многие конкретные рекомендации издателя «Московских ведомостей» безвозвратно устарели, то сам руководящий принцип, их питавший, остаётся как никогда актуальным. Понятно почему: путинская «полиэтническая цивилизация» (она же «многонациональный народ России») — прямое продолжение не только советской антирусской национальной политики, но и худших сторон национальной политики Российской империи, которые блокирова-

ли формирование русского национального государства.

Проблемы во многом те же. Но тот же символ веры — *русский европеизм* — сохраняется и у русских националистов, наследников лучших традиций отечественной политической мысли:

«В нас видят какую-то уродливую случайность, а вся беда состоит только в том, что мы, чувствуя себя в глубине души русскими, нераздельно с тем и так же глубоко чувствуем свою связь с европейской цивилизацией. Нам простили бы, если бы чувство русской народности было у нас тёмным фанатизмом, дикой страстью или тем, что называется квасным патриотизмом. На нас не обратили бы внимания, если бы это чувство развивалось у нас в фантазии и вопреки здравому смыслу. Но нам не могут простить то, что в наших понятиях русское дело есть дело цивилизации и человечества, что мы в то же время остаёмся в пределах здравого смысла и на земле. Такое сочетание кажется крайне неудобным для всех наших сепаратистов; оно является досадной неожиданностью. Допускается иметь какие угодно идеалы и цели, но отнюдь не может быть допущено живое, искреннее и толковое убеждение, что истинный прогресс в России возможен только на основании русской народности, что русское государство может сохранить свою силу и приобрести желаемое благоустройство только в качестве русского государства, что политика русского правительства может не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначению, как принимая все более и более национальный характер»³³.

³¹ Цит. по: Долбилов М.Д. Указ. соч. С. 478.

³² Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2. СПб., 2009. С. 236.

³³ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Записка Пушкина: О литераторах и литературе. СПб., 2010. С. 547–548.

АННА ТОЛСТЕНКО

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ» ПЕТРА СТРУВЕ И МИХАИЛА МЕНЬШИКОВА

Нельзя сказать, что имена П.Б. Струве и М.О. Меньшикова сегодня забыты: напротив, к запрещённым в советскую эпоху идеологам сегодня привлечено большое внимание, их труды публикуются и исследуются. Однако в историографии общественно-политической мысли их, как правило, чётко и безапелляционно относят к противоположным лагерям — либеральному и консервативному. Причисление Струве к либералам, а Меньшикова к консерваторам, безусловно, не бесспорно, однако несколько упрощённо и вовсе не исчерпывает всю гамму их воззрений. При смене угла зрения они оказываются уже не в разных лагерях — консервативном и либеральном, а в одном — националистическом, что вызвано наличием многих общих черт в их программах этнонационального развития.

Общность идей Струве и Меньшикова объясняется их западничеством: они оба мыслят западными категориями и признают западную идентичность России. И это вполне логично: поскольку модернизация в России носила догоняющий характер, она была вынуждена ориентироваться на опыт развитых стран Европы во всём, в том числе и в сфере национальных отношений. Поэтому Струве и Меньшиков предлагают для России западную модель национального развития: построение единой русской нации и национального русского государства.

Однако в понимании сущности этноса и нации Струве и Меньшиков являлись представителями двух противоположных подходов. Струве был сторонником концепции «почвы»: он полагал, что принадлежность индивида к этносу определяется той культурной традицией, в которой он проходит социализацию; русским человеком можно стать, если этого захотеть, приняв русское самосознание и культуру. В процессе нациеобразования он придавал особенное значение фактору культуры. Меньшиков же выступал за принцип «крови», считая, что русским человеком можно только родиться: не культура, а генетические показатели определяют психический склад личности, способности, жизненные приоритеты; именно на базе кровной общности формируется нация.

В качестве стержня русской нации Струве и Меньшиков однозначно признавали русских, и именно на их плечи должна была лечь задача строительства национального государства и ассимиляции других народов. Однако современное состояние русского этноса Струве и Меньшиков оценивали не очень благоприятно. Большой проблемой они считали отсутствие единства русской нации: социального, этнического, культурного. Но Меньшикову были свойственны куда более апокалиптические настроения: в своих работах он говорил о бездне пороков, в которых утопает русский народ, и на-

стаивал на том, что ему стоит активно заботиться прежде всего о собственном выживании.

* * *

Струве и Меньшиков под разными углами зрения воспринимали проблему инородцев в России. Струве относился к ним нейтрально-прагматически: ему были чужды как этнографический романтизм, восхваляющий и идеализирующий иные народы, проживающие рядом с русскими, так и ненависть и страх перед ними; он не уделял инородческой проблеме особого внимания и не видел в инородцах как таковых опасности для России. Наоборот, Петр Бернгардович активно выступал за привлечение на службу во благо Отечества всех его сынов и не был противником их вхождения в русскую нацию.

Полагая, что стать русским можно, приняв русскую культуру, Струве не требовал от инородцев полного забвения своей этнической сущности и национальной самобытности. Общность культуры для него была достаточным фактором единства народа, то есть, говоря научным языком, для него была важна аккультурация, а не ассимиляция. Так как аккультурация протекает проще и быстрее ассимиляции, Струве допускал вхождение в русскую нацию гораздо большего числа народов, и его этническая картина будущего национального государства виделась ему достаточно пёстрой: в ней были представлены все народы России, культура которых по уровню развития уступала русской. Полиэтничность государства он приветствовал и считал залогом процветания империи, а ассимиляцию оценивал как благо и для инородцев, и для самих русских, ибо через ассимиляцию идёт взаимообогащение культур.

Меньшиков, наоборот, крайне отрицательно относился к инородцам. Он полагал, что те, в чьих венах течёт нерусская кровь, априори враждебны

русскому народу и государству, а в полиэтничности Российского государства он видел бомбу замедленного действия. Поэтому теоретически вхождение инородцев в русскую нацию и их ассимиляция для него казались нежелательными: ведь в понимании Михаила Осиповича ассимиляция нарушает чистоту крови, что заведомо ослабляет этнос. Его картина будущего национального государства практически моноэтнична.

Но с другой стороны, он ясно видел, что многие племена уже слишком глубоко вошли в ткань русского народа, проживая на русской этнической территории, и не все из них можно отсоединить так же просто, как например, Польшу или Финляндию. Поэтому оставался только один выход — ассимилировать их. Меньшиков враждебно относился к тем инородцам, которые активно не желали ассимилироваться и становиться русскими, считая, что ассимилировать насильно нельзя ни в коем случае, — от них он призывал избавляться путём предоставления широкой автономии или даже независимости. Положительно он относился к тем, кто желал добровольно ассимилироваться, приняв язык, культуру и самосознание, и ассимиляцию таких инородцев поддерживал. Меньшиков полагал, что только потеря инородцами своей национальной самобытности и переход в русскость будут гарантировать национальному государству крепость и устойчивость.

Наиболее антагонистичны Струве и Меньшиков в еврейском вопросе. Струве был безэмоционален и равнодушен к евреям, ему были чужды как антисемитизм, так и апологетика еврейства, ибо он оценивал этот этнос с чисто прагматической точки зрения. Для Струве место евреев в русской нации было бесспорным, поскольку в них он видел высокую способность ассимиляции с русской культурой. В качестве примера он приводил Левитана, который

был евреем по крови, но глубоко русским по духу художником. Меньшиков же был антисемитом, считая евреев источником всех зол, категорически выступал против вхождения евреев в русскую нацию, полагая, что привнесение этого враждебного компонента стало бы для неё разрушительным.

В вопросе Польши и Финляндии Струве и Меньшиков были не так непримиримы. Хотя их личное отношение к полякам и финнам серьёзно расходилось: Струве оставался верен своему нейтрально-прагматическому взгляду, Меньшиков же относился к этим этносам отрицательно, обвиняя в паразитизме. Тем не менее оба признавали невозможность вхождения этих народов в русскую нацию: поскольку они самостоятельно достигли высокого уровня развития, требовать у финнов и поляков забыть о своей культуре и об идентичности уже невозможно и бесполезно.

И, наконец, совершенно сходятся Струве и Меньшиков в отношении к восточнославянским братьям — украинцам и белорусам. Считая несомненным вхождение этих народов в русскую нацию в будущем, они видели их уже частью русского этноса, несмотря на существование этнографических различий: ассимиляция и аккультурация этих народов будет минимальна и легка, ибо они близки великороссам как культурно, так и генетически.

Данные модели этнической структуры русской нации можно объяснить не только противоположными взглядами на сущность нации, принципами «крови» и «почвы», но и оценкой потенциала («силы») русского народа. Эту силу Струве оценивал оптимистически, поэтому его ассимиляционная модель включала в русскую нацию гораздо большее количество этносов. Лишь уверенность в превосходстве русской культуры и высокая оценка демографического потенциала русских позволяла ему видеть культурную ассимиляцию достаточной для крепко-

го соединения в одно целое разнородного полиэтничного населения.

Более пессимистичный Меньшиков считал, что русскому народу уже не под силу ассимиляция многих других племён. Возможно, поэтому он предлагал самый надёжный объединяющий принцип — принцип крови, перекладывая заботу об обеспечении единства русской нации на самые крепкие — биологические — узы. Сознывая, что биологическая ассимиляция гораздо сложнее и займёт больше времени, Меньшиков сознательно ограничивал русскую нацию только русскими и близкородственными восточнославянскими народами, так как этническая и культурная дистанция между ними практически отсутствовала.

* * *

Будущее государство и Струве, и Меньшиков видели как «национальную империю». Они оба не могли даже помыслить об отказе от гордого термина «империя», и главной бедой России считали то, что она ещё «не до конца» империя. Однако, в понятие «империя» Струве и Меньшиков вкладывали разный смысл и, следовательно, отмечали разные критерии её «недостроенности».

Для Струве империя означала многонародное государство, и Россия начала XX века уже, безусловно, отвечала этому критерию. В качестве второго ключевого внутреннего критерия империи он видел наличие в государстве сильного национального ядра, которое скрепляло бы своими соками разрозненные народы и обеспечивало, таким образом, национальное единство¹. В России таким ядром являлся русский народ, призванный быть внутренним двигателем, механизмом империи и всех «имперских» начинаний.

Меньшиков отвергал принцип мно-

¹ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 231.

гонародности как неперменного условия империи, утверждая: «Чтобы быть в наше время империей, вовсе не нужно... владеть многими народами и отказаться от национального эгоизма»². Многонародность являлась для него возможным, но не неперменным условием империи. Меньшиков тоже признавал важность наличия в государстве «национального ядра», и его «национальная принадлежность» — русские — не подлежала сомнению. Но, будучи против этнической пестроты в государстве, Меньшиков считал, что это ядро призвано не объединять вокруг себя прочие народности, а скреплять само себя, способствуя национальной интеграции русских.

Ключевым критерием империи для Меньшикова являлся силовой — господство имперообразующего этноса на своей территории. Пока что Россия не отвечает этому критерию: она «не достроена» как империя, потому что русские в ней не только не господствуют, как подобает в настоящей империи, но даже не обладают многими правами, предоставленными иностранцам. Вместо того чтобы осуществлять господство над покорёнными народами, она, наоборот, сама служит им. В будущем всё должно в корне измениться: Россия должна стать, прежде всего, государством русского народа, а «государство» для Меньшикова выступает синонимом господства³.

Но и Струве отнюдь не отказывался от господства русских на территории своего государства. Господство не подчёркивалось им как критерий имперскости, хотя он явно именно это имел в виду. Сам термин «господство» Пётр Бернгардович не употреблял, вместо него использовал более либеральный — «гегемония», подразумевающий скорее органические, ненасильственные меры.

Для Струве приоритетным было преобладание русских в сфере культуры, хотя он вовсе не отрицал необходимость и политической гегемонии. Для Меньшикова важнее было именно политическое превосходство, ибо от него напрямую зависят все другие формы господства.

Ещё одной характерной чертой империи Струве называл её способность и волю к расширению, обусловленную не абстрактными процессами, а наличием конкретного национального ядра. Именно национальное ядро, по мнению Струве, содержит в себе мощь всей империи и даёт импульсы к великим имперским начинаниям. Стойкое убеждение Струве в том, что Россия является империей с русским национальным ядром, подтверждает его веру в силу русского народа.

Расширение империи имеет вполне чёткую цель — оно должно нести некую великую миссию. Имперская миссия отличается от экспансионистских задач, осуществляемых государствами другого типа, тем, что она является благородной и обоюдовыгодной: несёт благо, прогресс и цивилизацию завоёванным странам и народам, и в то же время жизненно необходима самой империи и её движущей силе — национальному ядру. Миссия нужна империи, чтобы оправдать свою силу перед более слабыми народами и государствами, миссия — это проекция её силы.

Поэтому Струве являлся апологетом активной экспансионистской политики. Он ставил перед Россией целый ряд «имперских» задач, осуществить которые должна помочь грамотная внешняя политика. Во-первых, Россия должна воссоединить и объединить с империей все части русского народа. Отсюда вытекает историческая неизбежность присоединения к империи русской Галичины. Во-вторых, Россия призвана возродить Польшу как единый национальный организм. В-третьих, Россия должна подчинить своему «контролю»

² Меньшиков М.О. Нецарственный империализм // Там же. С. 65.

³ Там же. С. 67.

и власти проливы, т.е. выход из Чёрного моря в Средиземное. Это является необходимостью — экономической и политической — как для самой России, так и для всех народов Ближнего Востока, ибо в присутствии России на проливах Струве видел единственное необходимое и достаточное средство обеспечения мирного сожительства христианских народов Ближнего Востока.

Очевидно, для Струве Россия представлялась носителем благородной миссии, предлагающей входящим в ее состав народам высокую культуру, цивилизацию и мир, что является типичной чертой империй. Но в то же время нельзя сказать, что он пропагандировал бесконечное расширение границ российского государства во всех мыслимых направлениях. Пётр Бернгардович выступал за возвращение нашей внешней политики домой, в область, указываемую ей и русской природой, и русской историей⁴. Поэтому он осуждал экспансию в Тихоокеанском регионе, на Дальнем Востоке; эти азиатские территории он видел скорее убыточными. Национальные окраины в европейской части страны, хотя они и не несли экономической выгоды, Струве считал нужным оставить, ибо они нужны как фактор престижа и ценны стратегически. Приоритетным направлением, в котором должна идти активная экспансия, он видел зону бассейна Чёрного моря. Этот конкретный регион должен быть сферой интересов и влияния России; он доступен реальному влиянию русской культуры, ибо здесь для нашего неоспоримого хозяйственного господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. Из экономического господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всём Ближнем Востоке.

Несмотря на империалистические и экспансионистские лозунги, Струве чётко представлял, какие завоевания будут служить идеалу Великой России, а какие — наоборот, избыточны и приведут к её ослаблению. В этом он сближается с Меньшиковым, рассматривающим территориальные захваты как распыляющие силу русского народа и потому губительные для него.

Империи Меньшикова не только не свойственно расширение, но она может сжиматься в размерах, так как он считал возможным отсоединение тех «членов семьи», которые агрессивно не желают становиться русскими⁵. В этом наглядно проявлялся пессимизм Михаила Осиповича в отношении силы русского народа: признавая, что на территории империи есть большое количество «инородцев», активно не желающих становиться русскими и воспринимать русскую культуру, он тем самым косвенно признавал слабость ассимилирующего потенциала титульного этноса.

Для Меньшикова тоже существовала специфическая «имперская» миссия, только у него она была направлена не вовне, а внутрь: заботиться не о других, а в первую очередь о самих себе. Он протестовал против того, что имперская политика означает непременно «притворяться всечеловеками, ухаживать за враждебными инородцами, натаскивать в Россию евреев, поляков, армян, латышей, финляндцев, немцев, сдавать им постепенно все государственные и общественные позиции»⁶. Следовательно, хотя он и называет эту миссию «имперской», по сути, она националистична.

Поэтому Меньшиков выступал против экспансионистской империалистической политики и новых территориальных захватов, ибо, с его точки зрения, они не умножают, а подрыва-

⁴ Струве П.Б. Идеи и политика в современной России // *Он же*. Избранные сочинения. М., 1999. С. 187.

⁵ Меньшиков М.О. Нецарственный империализм. С. 65.

⁶ Там же. С. 67.

ют могущество империи. Он осуждал некоторые уже совершенные захваты, ибо жители этих национальных окраин активно отстаивают свою независимость и не желают становиться русскими. Удержание таких территорий Михаил Осипович считал ненужным и вредным, поэтому ратовал за их отделение.

Причём не только такие, безусловно «другие» и этнически отличные окраины, как Польша и Финляндия, Меньшиков считал чуждыми: даже Сибирь, с его точки зрения, ещё недостаточно природнена и до сих пор не стала органической частью российского государства. От владения Сибирью Меньшиков не отказывался, но настоятельно пропагандировал необходимость её интериоризации⁷. Если русские не смогли переварить уже имеющиеся народы, то нечего и говорить о новых территориальных захватах.

Присоединение русинов Меньшиков видел желательным, как и Струве, поскольку считал их неотъемлемой частью русской нации. Зато он выступал категорически против того, что Россия имеет хоть какой-то долг или обязанности перед христианами Востока, наоборот, полагал, что они должны России за длительную жертвенную помощь в освобождении от османского ига: «Сентиментальная в отношении единоверных народов политика уже стоила непричастному к ней народу русскому неисчислимым жертв и кровью русской, и трудовым потом. Мне кажется, пора “православному Востоку” и честь знать: не в пример другим, более своекорыстным народам, мы все семьёю войнами с Оттоманской империей расшатали её до основания и помогли освободиться всем единоверным племенам. Но из этой титанической борьбы если и сложился долг, то не наш в отношении Востока, а его долг в отношении России. Да, если не впадать

в маниловскую чувствительность, то не мы обязаны, а нам обязаны, и не за нами долг, а за ними — за всеми этими греками, сербами, черногорцами, румынами, болгарам⁸. Единственный долг России — долг перед русским народом⁹.

Струве не видел противоречия между активной внешней политикой и строительством внутренней жизни и не опасался, что одно не оставит сил на другое. Он полагал, что претворение в жизнь имперских амбиций, с одной стороны, питает нацию, а с другой — является отражением её силы. Хотя, как верно заметил Р. Пайпс, Струве, приводя в пример великие нации и объясняя их успешность активной внешней политикой, путал причину со следствием: «Готовность современной ему Англии и Пруссии к проведению экспансионистской политики представляла собой итог уже достигнутого национального единства, а отнюдь не его стимул: она свидетельствовала о переизбытке национальной энергии, который в британском случае вылился в колониальные захваты, а в прусском — в объединение страны»¹⁰. Для Струве внешняя политика империалистична, то есть служит орудием империи и обладает самостоятельной ценностью.

Для Меньшикова внешняя политика националистична — то есть является орудием русской нации, он рассматривал внешнюю политику не как цель, а как средство: она нужна, в крайнем случае, для обороны. Внешняя политика может противоречить интересам нации, помешав её строительству, поэтому все силы государства должны быть сконцентрированы на внутренней жизни.

⁷ Меньшиков М.О. Завоевание России // *Он же*. Выше свободы. М., 1998. С. 66.

⁸ Меньшиков М.О. Кто кому должен? // *Нация и империя*. С. 84.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ Пайпс Р. Струве. Биография. М., 2001. Т. 2. С. 121.

* * *

Ещё одним фундаментальным отличием национальных империй Струве и Меньшикова являлось то, что мыслители видели векторы развития государства и нации в противоположных направлениях. Струве, в связи с его особым отношением к государству и практически отождествлением последнего с нацией, полагал, что их интересы всегда совпадают. Он был искренне убеждён, что всё, что выгодно государству, — автоматически выгодно народу и особенно имперообразующему этносу как его ядру. Связь между ними настолько глубокая, что они питают друг друга. Поэтому он не ставил перед собой вопрос, чьи интересы для него приоритетнее, государства или нации, — они для него слиты воедино.

Меньшиков, в отличие от Струве, не считал, что цели государства и народа всегда совпадают. В идеале это было бы так, но, к сожалению, в современной ему России всё сложилось наоборот: государство, созданное русским народом, отнюдь не отстаивает его интересы и поэтому по сути антинационально; бремя империи отбирает у титульного этноса слишком много сил. Поэтому в том случае, когда векторы империи и нации всё же расходятся, Меньшиков выбирал народ и отстаивал прежде всего его интересы.

При таком отношении к государству очевидно, что Струве и Меньшиков как бы меняются местами: Струве становится консерватором, защищающим государство, а Меньшиков либералом, так как критикует и отвергает нынешнее государство во имя народа.

Таким образом, на практике оказывается, что и по внутренней, этнонациональной структуре, и по внешней политике «национальная империя» Струве гораздо более империалистична, а Меньшикова — националистична. Империи Струве присущи несравненно большая этническая пестрота, иррациональное стремление к расширению, вопреки логике и без учёта цены; она

призвана осуществлять высокую идеальную миссию, нести цивилизацию, прогресс и мир остальным народам. Имперские и национальные интересы у него совпадают, он не видит противоречия между ними.

Империя Меньшикова, по сути, империей не является, поскольку не содержит в себе многих этнокультурных компонентов, довольствуется существующими границами, устремлена вовнутрь и, следуя рациональному национальному интересу, стремится ограничиться, замкнуться на себе и заняться построением своей нации, не распываясь на помощь другим народам в национальном развитии. Ценность для него представляет не сама империя как таковая, её структура, границы, идея, а русский народ. Таким образом, можно утверждать, что в словосочетании «национальная империя» для Струве, пусть и неосознанно, ключевым является «империя», а для Меньшикова — «национальная».

Территориальная целостность России для Струве была гораздо важнее, чем для Меньшикова. Ни пяди земли — пусть даже эти территории экономически невыгодны и несут убытки государству — он ни за что не желал уступить. Можно сказать, что пространство империи было для него так же важно, как тело нации: уступка территорий равнозначна предательству национальных интересов. Меньшиков к этому вопросу подходил более прагматически, его заботил вопрос цены. Он не призывал бездумно раздавать завоёванные кровью территории, но если польза от них перекрывается моральными и материальными издержками, в таком случае Михаил Осипович призывал следовать здравому смыслу, а не имперским догмам, и отказаться от этого ненужного бремени.

С точки зрения типа государственного устройства Струве и Меньшиков оба были против федерализма и выступали за унитарное централизованное государство, так как федерализм счи-

тали причиной сепаратизма и государственного распада.

Струве и Меньшиков остро ощущали, что абсолютная самодержавная власть препятствует плодотворному развитию государства и нации. Поэтому для соотвечствия современным европейским нормам они выступали за институт ограниченной монархии, введение конституции и представительных органов.

Однако внутреннее содержание этих новых институтов власти сильно различалось. Для Струве важным являлся просто факт наличия этих институтов и их демократичности, он был безразличен к их этнической составляющей. Меньшиков же уделял первостепенное внимание этническому облику всех государственных структур: власть должна быть представлена только русским народом. Это разногласие хорошо отражает их взгляд на облик парламента.

Они оба видели парламент национальным. Но парламент Струве национален в смысле антитезы сословного или классового, он призван объединять все сословия и классы общества. Для Меньшикова парламент национален по примеру британского и означает «русский»: он состоит из русских депутатов, в него нет допуска депутатам с национальных окраин, и выбирать в него имеют право только русские¹¹.

Парламент и реформы Меньшиков считал бессмысленными, если в государственной жизни господствуют инородные элементы, во многих неудачах России он винит враждебную иноэтничную власть и чиновничество¹². Поэтому он настаивал на предельной этнизации всех государственных органов. В идеале он желал, чтобы все государственные посты занимали только русские: инородцев вообще нельзя держать на государственной службе¹³.

Но с другой стороны, Меньшиков сам признавал с горечью, что «истинная опасность не только в том, что люди с нерусскими именами занимают крайне важные посты в государстве, а в том, что даже под русскими именами интеллигенции нашей часто скрываются уже почти нерусские люди, своего рода креолы и квартероны, органически равнодушные к полужуждой для них России»¹⁴. Это высказывание подтверждает, что Меньшиков сам не до конца верил в эффективность мер по этнизации власти: ведь если под русскими именами прячутся инородцы, значит, вовсе нет гарантии того, что предлагаемые им меры привели бы к позитивным результатам.

Струве проблема этнизации государственных структур не волновала, в своих трудах он никак не касался этой темы. Скорее всего, он не видел разницы в том, русские или представители других этносов занимают ключевые государственные посты. Ведь для него интересы государства, русского и других народов империи совпадают, поэтому любой даже этнически нерусский чиновник будет на любом посту стараться во имя своего государства, но это старание ничуть не будет расходиться с интересами русского народа.

* * *

Ключевую роль в процессе создания гомогенного пространства и приобщения к русской культуре Струве и Меньшиков отводили русскому языку. Русский язык обязательно должен обладать статусом единственного государственного языка.

Характерно, что, поддерживая культурно-ассимиляторскую политику, и Струве, и Меньшиков выступали против насильственной русификации, причём оба исходили при этом

¹¹ Меньшиков М.О. *Нация — это мы // Он же. Национальная империя*. М., 2004. С. 105.

¹² Меньшиков М.О. *Благодарность // Там же*. С. 21.

¹³ Меньшиков М.О. *Остановите бегство*

// *Он же. Письма к русской нации*. М., 2005. С. 60.

¹⁴ Меньшиков М.О. *Пророчество Даниила // Там же*. С. 71.

из прагматического национального эгоизма. Меньшиков, хотя и полагал, что насильственная русификация в перспективе желательна, но сейчас в качестве приоритетной задачи ставил не обрусение других, а сохранение себя¹⁵. Струве считал насильственную русификацию в первую очередь неэффективной, и лишь потом нарушающей права инородцев.

Струве выступал за предоставление всем подданным одинакового набора прав и свобод, независимо от их этнической, конфессиональной, социальной принадлежности, тогда как Меньшиков был против принципа равноправия как такового и предоставлял права выборочно, признавая необходимость дифференциации по этническому принципу и принципу политической лояльности. Но нельзя, тем не менее, однозначно говорить, что Меньшиков был нетерпим к инородцам, а Струве толерантен.

С одной стороны, Струве был не до конца сторонником равноправия. Признавая формально необходимость равноправия для всех народов империи и недопустимость дискриминации по национальному признаку, в одной сфере он напрочь отвергал равноправие: в сфере культуры. Здесь Пётр Бернгардович прочно стоял на великорусской и великодержавной позиции и был эмоционален, нетерпим и националистичен так же, как Михаил Осипович. В качестве единственной национальной культуры он признавал русскую, нерусские культуры получали право на развитие, но на уровне местных, областных, а не национальных¹⁶. Также следует отметить, что Струве не наделял инородцев безграничными правами: в частности, предоставляя им всю полноту политических прав, в целом

он выступал против политического самоопределения для нерусских народов.

Меньшиков говорил об огромной принципиальной разнице между политическими и гражданскими правами, которая заключается в том, что политические права напрямую влияют на формирование и функционирование власти. Поэтому он допускал дискриминацию только в сфере предоставления политических прав. Но что касается прав гражданских, то тут он стоял на одной точке зрения со Струве: закон должен одинаково защищать всех подданных.

Таким образом, и Струве, и Меньшиков большое значение придавали правовому механизму обеспечения национальной интеграции, хотя функционировал он в каждой модели по-разному. Правовая политика для Меньшикова была, во-первых, катализатором ассимиляции инородцев и закрепления господства русских, во-вторых, способом поддержать и закрепить интеграцию ядра нации — русского народа. Для Струве правовая политика служила механизмом создания единого правового пространства и помогала нивелировать различия между народами. Однако не стоит преувеличивать степень заботы Струве об инородцах: безусловно, его программа гораздо более отвечала их интересам и защищала их права, но побудительным мотивом мыслителя был прагматический интерес — с его точки зрения, государство, в котором будет полная демократия, будет более эффективно.

В целом можно сказать, что с точки зрения прав и свобод государство Меньшикова более походит на империю, которой свойственна иерархичность, в том числе правовых статусов. Государство Струве более современно, демократично и отвечает критерию национального государства.

Струве и Меньшиков стремились к одной цели: не сбрасывая с плеч русских бремя империи, добиться обра-

¹⁵ Ретников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX века. М., 2006. С. 189.

¹⁶ Струве П.Б. Парламентский суд над октябристами // Русская мысль. 1910. № 6.

зования русской нации и построения русского национального государства. Непременным условием будущего государства они считали господство русского народа. Разница двух моделей заключается в том, что Меньшиков в своих сочинениях постоянно говорил о необходимости господства русского народа в своём государстве, и это главенство утверждалось за счёт внешнего фактора — законодательно закрепления руководящей роли и особого статуса русского народа. Внутренней силы, которая бы позволила достичь желаемого результата демократическим путём, у русского народа он не видел, поэтому и предлагал идти по пути предоставления силы извне — путём принуждения, насилия, политического неравноправия.

Струве тоже подразумевал господство русского народа, но оно никак не было закреплено внешними — законодательными — рамками. Мирные демократические механизмы он полагал вполне достаточными для национальной интеграции и претворения в жизнь его модели, что возможно лишь при полной уверенности в априорном превосходстве и силе русского народа.

Струве примирял в своей программе империализм и национализм, возводя национальные задачи в ранг имперских, отождествляя интересы государства и нации. Меньшиков, наоборот, имперские, государственные задачи сужал до уровня узко-национальных и вполне допускал, что государственные интересы могут ущемлять интересы народа, создавшего это самое государство.

В целом этническая сторона мало волновала Струве, и в своих трудах он, как правило, её игнорировал. Трепетную заботу о русском этносе он проявлял, только когда дело касалось посягательства на русскую культуру. Во всём, что выходило за рамки культуры, под национальным он подразумевал надэтническое качество. Меньшиков же под национальным подразумевал

«русское» и уделял первостепенное внимание этнической стороне: для него все государственные задачи были подчинены интересам русского этноса. Он пытался огородить русских от посягательств других этносов, и корень большинства проблем — а следовательно, и способы их разрешения — усматривал именно в этнической плоскости.

Итак, если присмотреться более внимательно к этим двум моделям, то оказывается, что их различия диктуются не следованием каким-то идеологическим догмам, а оценкой силы русского народа: модель Струве строится, исходя из презумпции его силы, тогда как модель Меньшикова — из презумпции его слабости. Эти установки и влияют на конечный вид их национальных империй: империя Струве более империалистична, либеральна и полиэтнична; Меньшикова — националистична, моноэтнична и консервативна. Возможно, именно специфическая оценка силы русского народа каждым из них определяет более демократический облик империи Струве и менее демократичный — Меньшикова, ведь последний не видит демократические институты достаточными для обеспечения господства русских. Также оценка силы русского этноса повлияла на их видение этнических составляющих русской нации, то есть на приверженность принципам «крови» или «почвы».

Именно тот факт, что конечной основой выбора того или иного варианта программ этнонационального развития стала оценка русского народа, пускай и разной степени адекватности, подтверждает обусловленность их идеологической позиции этническим фактором. Сознание Струве и Меньшикова тематизировано русским этносом, именно он конструирует их видение мира и дальнейшего пути развития России. Таким образом, живая этничность прорастает сквозь формальные идеологические рамки, живя своей жизнью и по своим законам.

Раймунд Кремер, Лутц Кляйнвехтер

«ВОССТАНИЕ 1432 ГОДА»

Современный перелом на Ближнем Востоке
и мировая политика

1. Восстание произошло; причем в непосредственной близости от границ Европы. История большинства авторитарных режимов этого региона, расположившегося от Магриба до Аравийского полуострова, подошла к концу. «Запечатанное время» (Дэн Динер) прервалось. Политическая стабильность этих режимов была очевидной, но покоилась «на глиняных ногах». Все началось в Северной Африке, и сегодня мы находим проявления этого движения в пространстве между Рабатом, Алжиром, Тунисом, Бенгази, Каиром, Амманом, Саной и Манамой: уличные демонстрации, забастовки на предприятиях и в банках, стремительные рокировки в составе правительственных кабинетов и трусливое бегство бывших диктаторов на отдаленные курорты, «замораживание цен», вывод на улицы танков и облаченных в защитное снаряжение полицейских. После бегства тунисского президента Бен Али падение Хосни Мубарака в Египте стало наибольшим успехом революционного движения на сегодняшний день. В то же время «всеарабское восстание» уже распространилось на Йемен, Алжир, Ливию, Бахрейн, а его отзвуки уже достигли «неарабского» Ирана.

В центре последующих размышлений авторов находятся современное развитие ситуации в рамках этого пространства и его возможные по-

следствия для региональной и международной политики. Мы осознаем, что наши предположения относительно динамики событий являются в определенной степени спекулятивными. Однако таким образом мы включаемся в сегодняшние дебаты и пытаемся придать им дополнительный импульс.

2. Начало и сам процесс развертывания «всеарабского восстания» поражают. Это в равной степени справедливо как для непосредственных участников событий в этих странах, как для господствующих сил и для оппозиции, так и для международных акторов.

Истоки «всеарабского восстания» покоятся на сложном переплетении политических, экономических, религиозных и демографических факторов, смешавшихся в каждой из стран «в особой пропорции». Решающим и общим для всех стран региона фактором являлась кризисная социальная, внутриэкономическая и внутривластная ситуация в этих государствах.

Неудачные по большей части попытки модернизации вели к общественному застою. Применение «неоконсервативных» подходов привело (и не только в странах этого региона) к массовой безработице и нищете. Подобная экономическая политика нанесла ущерб национальной промышленности и институтам гражданского общества. В некоторых из этих государств, и прежде всего в обладающих богатыми запасами нефти странах, утвердилась модель «экономики ренты», явля-

ющая важным фактором кратко- и среднесрочной стабилизации авторитарных режимов. Разрыв между небольшими группами «сверхбогатых», создавшими свои состояния главным образом благодаря находящимся в их распоряжении средствам насилия, и подавляющим большинством населения за прошедшие десятилетия лишь углубился. Получившая хорошее образование молодежь, составляющая сегодня более половины населения стран региона, не имеет никаких перспектив. Например, в Тунисе уровень безработицы среди молодых людей с высшим образованием составляет от 60 до 70 процентов.

3. В политической сфере с 1980-х гг. в странах региона повсеместно установились авторитарные режимы. Некоторые из них, например, в Тунисе и в Египте, могут быть в соответствии с подходом Х. Линца оценены как «султанические». В рамках этих режимов сложились клептократии, для которых характерны последовательное обогащение в результате «неоконсервативной приватизации», масштабная коррупция, злоупотребления властью и избирательный террор. Политика господствующих групп, часто представлявших собой семейные кланы, будучи очень далекой от самой мысли об общем благе, была подчинена исключительно целям их собственного обогащения. Все это творилось под покровом «восточного ковра», сплетенного из манипулируемых выборов, «прирученной» оппозиции и «снисходительных подарков» массам. Достоинство людей в условиях этой постыдной политики было глубоко уязвлено. Восстановление у людей чувства собственного достоинства стало одним из наиболее значимых результатов восстания. Во внешней политике эти режимы были тесно связаны с Западом, за что получали от него — несмотря на пренебрежение к демократии и к правам человека — масштабную полити-

ческую поддержку и экономическую помощь.

4. Непосредственной причиной восстания и последующих потрясений стало повышение цен на продукты питания, приведшее к голодным бунтам, а также полицейский произвол в отношении молодежи и мелких предпринимателей. Накопленное недовольство вырвалось наружу. Социальной базой восставших, и прежде всего их лидеров, стали находящиеся под угрозой обнищания либо уже обнищавшие «малые городские слои», пострадавшие от «неоконсервативной» политики приватизации и открытости. Выходцами именно из этого слоя являются молодые люди и студенты, способные пользоваться такими современными средствами массовой коммуникации, как Интернет, Facebook, Youtube и Twitter, и использовать их в политических целях. Далее к движению присоединяется молодежь, прежде всего молодые мужчины. Забастовки и акции протеста, организованные профсоюзами, сперва независимыми, а затем и официальными, также становятся частью движения. Хотя в первые недели восстания участие мусульманских священнослужителей и организаций не было особенно значительным, было бы ошибкой оценивать это движение исключительно как светское.

5. Египет находится сегодня в центре пересечения интересов, как международных, так и региональных. Он был и остается ключевым государством региона, политическим и культурным центром арабского мира. Источниками экономического благополучия страны является туризм, доходы от эксплуатации Суэцкого канала, сельское хозяйство и получаемая ежегодно от США помощь в размере нескольких миллиардов долларов. С 1981 г. в «президентской республике» действует режим чрезвычайного положения. Главное же заключает-

ся в том, что с 1952 г. Египтом правят военные — сменявшие друг друга генералы Нагиб, Насер, Садат и Мубарак. И сегодня власть открыто остается в руках военных. Правящий генералитет связан своими корнями с павшим режимом Мубарака. Исходя из этого, военные связывали прямую угрозу потери собственной власти с доходящим до самодурства стремлением Мубарака удержаться на президентском посту, в итоге военная «верхушка» воспользовалась своим влиянием и, приняв во внимание определенные требования демонстрантов, сумела установить стабильный политический режим, что гарантировало сохранение их политических позиций и соблюдение политических интересов.

6. В условиях современных потрясений военным отведена упорядочивающая роль. При этом речь идет не только о Египте, но обо всех государствах региона. Ведь военный персонал, как правило, хорошо образован, по большей части в высших учебных заведениях Запада, обладает хорошими организационными способностями и имеет в своем распоряжении военные средства для достижения своих целей. Военное руководство этих государств остается глубоко вовлеченным в политическую и экономическую сферы (т.н. «капиталисты, облаченные в униформу»). Политическая роль военных является двойственной: с одной стороны, в «переходной» ситуации военные способны ввести процесс политических реформ в определенные «рамки». История знает примеры, когда военные становились «катализатором» радикальных перемен, так было в правление Г.А. Насера. С другой стороны, военные также могут — с помощью гражданских политиков — на длительное время узурпировать власть и учредить так называемые «военные режимы», ограничив права и свободы и заблокировав на долгое время демократическое развитие.

7. Исламистская оппозиция в Египте (т.н. «Братья-мусульмане») не распознала «знаки времени» и примкнула к восставшим одной из последних. Отсюда возникает вопрос, какую роль мусульманское движение способно играть в будущем. В Египте в 1981 г. президент Садат стал жертвой покушения со стороны «Братьев-мусульман». Мубарак активно их преследовал, позволив в то же время их представителям пройти в парламент. Равным образом он использовал это как аргумент во взаимоотношениях с Западом. В итоге находящиеся на нелегальном положении «Братья-мусульмане», выступавшие на выборах 2005 г. как «независимые кандидаты», сумели завоевать 20% в парламенте. И сегодня они представляют собой, в отличие от демонстрантов на площади Тахрир, организованную политическую силу с массовой базой, состоящую главным образом из представителей традиционалистски ориентированного мусульманского населения Египта. В результате последних выборов «Братья-мусульмане» усилились и в будущем способны стать важной и, возможно, ведущей политической силой страны.

Исламистские организации и движения в целом станут играть более значительную, хотя и не доминирующую роль в этом политически и социально нестабильном регионе. Они тесно связаны с повседневной жизнью населения и обладают значительным мобилизационным потенциалом в сильно исламизированном обществе. В то же время следует категорически воздерживаться от попыток «изоляции» мусульманского движения. Оно было и остается высокодифференцированным: от аполитичного и благотворительного через антилиберальное и консервативное до антикапиталистического и эмансипаторского.

8. После исторического «прорыва» «большое пространство» от Ма-

гриба до Арабского полуострова вошло в новую фазу политического развития. Будет ли связано это «всеарабское восстание» с глубокими социальными изменениями и оправдано ли называть его «революцией», покажет время. Политические перемены недавнего времени носят беспорядочный и насильственный характер. В краткосрочной и среднесрочной перспективе они ведут к изменению политических режимов в странах этого региона, что в равной степени касается президентских республик, монархий и парламентских систем. Это долгосрочный процесс. Сегодняшний спектр предполагаемого политического развития включает в себя следующие варианты:

1) открытый или закрытый военный режим;

2) монархии, приспособившиеся к происходящим изменениям;

3) парламентский режим;

4) «исламская демократия», в рамках которой исламские фундаменталистские режимы будут являться исключением;

5) формы традиционного племенного господства, возникшие вследствие крушения национальных государств и погружения их в хаос гражданской войны.

Особенно опасным вызовом для всех перечисленных вариантов режимных изменений является раскол между государством и религией в условиях высоко исламизированных обществ.

«Арабское восстание» привело к изменениям в элитах этих стран. К руководству государствами приходят более национально ориентированные, «проарабски» мыслящие и менее склонные к «неолиберальным» стратегиям политики. Эту функцию могут выполнять и гражданские политики. Отдельные представители восставших масс также могут найти дорогу в политический класс.

9. Ближний и Средний Восток превращаются сегодня со всеми пережи-

ваемыми «политическими потрясениями» в главную тему мировых событий. Это пространство, названное «великим стратегом» Бжезинским «дугой нестабильности», в течение десятилетий пережило несколько «волн» потрясений: от Магриба через Палестину, от Ирана и Ирака до Афганистана и Пакистана, и в обратном порядке. Поэтому исходным и ключевым «пунктом» для достижения стабильности и мира в регионе является урегулирование длящегося 60 лет «Ближневосточного конфликта» между Израилем и Палестиной.

10. Современное геостратегическое значение региона прежде всего связано с его ролью поставщика энергоресурсов для Европы и Азии. Государства региона обеспечивают около 35% мировой добычи нефти и 20% добычи газа. На долю региона приходится 60% мировых запасов нефти и 40% мировых запасов газа. Энергопотребление стран Европы обеспечивается на 30% по нефти и на 15% по газу поставками из арабских стран. Китай, Индия и Япония получают из стран региона 65% необходимой им нефти и 30% необходимого им газа. Этим определяется высокое стратегическое значение водных транспортных путей (Средиземное море, Суэцкий канал, Ормузский пролив и Индийский океан) и газопроводов, связывающих со странами этого региона.

11. Слепая поддержка арабских авторитарий, очевидная неспособность способствовать включению Израиля в ориентированный на конструктивное решение ближневосточный диалог, политические неудачи в Ираке и военное вмешательство в Афганистане привели к потере влияния США на всем Ближнем Востоке. В ходе панарабских восстаний эта потеря влияния драматически усилилась. Важнейший союзник Запада, режим Мубарака в Египте, развалился. Увеличился скепсис араб-

ских элит по отношению к гегемониальным притязаниям США — несмотря на или благодаря речи Обамы в Каире. Даже оставшиеся у власти автократы извлекли свои выводы относительно политики США из падения Мубарака.

Все это уменьшает политическое влияние США в регионе, даже в том случае, если они останутся наиболее значительным международным актором в этом пространстве на обозримую перспективу. Перемены на Ближнем Востоке и в арабском пространстве будут иметь последствия и для глобального соотношения сил. Последняя оставшаяся после холодной войны супердержава и далее теряет почву под ногами в мире, развивающемся в сторону многополярности.

12. Запад в целом был полностью ошеломлен панарабским восстанием. Авторитарные режимы региона оценивались как «стабильные», находящиеся «на демократическом пути» государства; некоторым государствам — например, Тунису — приписывался статус «правительственной модели для Африки». Наука такими понятиями, как «гибридный режим» или «демократия с дефектом», внесла свой вклад в завуалирование структуры власти в регионе, но не в их критический анализ. Эта как бы стратегически ориентированная политика затуманила или даже сделала полностью некорректным взгляд на реальные процессы. Вашингтон, Берлин и прежде всего Брюссель бежали вслед за развитием событий на Ближнем Востоке.

Европейский союз практически не играл какой-либо роли в переломах, несмотря на многолетнюю «политику соседства». Не имелось политической воли у важнейших внешнеполитических акторов, также не имелось подходящих человеческих ресурсов в «общей» внешней политике, для проведения активной и смотрящей вперед дипломатии. Это не меняют даже тепе-

решние не имеющие содержания заявления и довольно скромные с точки зрения объема европейские «фонды помощи». Одновременно даже не думается об открытии европейского рынка для продуктов из этого пространства, что могло бы стимулировать там производство. Чуть ли не исторические дебаты в ЕС относительно примерно 5000 беженцев из Туниса свидетельствует о двойной морали «европейской солидарности».

13. Из-за характерной риторики Запада по поводу демократии и прав человека политика по отношению к арабскому пространству была циничной. На протяжении десятилетий авторитарный характер режимов был известен. То обстоятельство, что одни и те же европейские и североамериканские политики, которые до недавнего времени ухаживали за этими главами авторитарных режимов, теперь выражают свои симпатии повстанцам, не разрешает просто так забыть эту главу. После того как Запад десятилетиями держался за автократов, Бен Али или Мубарака, он спешит оказать влияние на новых лидеров, кредитами или угрозами. Однако Запад сильно дискредитирован продолжавшимся десятилетия пактированием с арабскими автократами. Западная политика наталкивается сегодня на скепсис новых (или старых) лидеров и масс — в том, что касается существовавшей до сих пор поддержки деспотов, — а также на критику и гнев — хотя флаги США при этом все же не сжигаются.

14. Восток, Китай, Япония, Россия и, во все большем масштабе, Индия исходят в своей политике по отношению к этому большому пространству, отталкиваясь не только от другой исторической базы, но и от своих собственных долгосрочных интересов. Эти интересы заключаются в обеспечении стабильного энергоснабжения через это пространство и сбыте сюда собствен-

ных промышленных товаров. Сюда же надо приплюсовать значительную межкультурную совместимость — независимо от того, будет это авторитарный или демократический режим. Сюда же относятся авторитарные принципы руководства, коллективизм, невысокая оценка либеральных прав, утверждение невмешательства, стратегическое мышление, ориентированное на длительную временную перспективу. Позиции этих государств по отношению к происходящему в настоящий момент на Ближнем Востоке сдержанны.

Россия обладала традиционным влиянием на государства Центральной Азии и Ближнего Востока (Ирак, Сирия, Египет). С распадом СССР это влияние либо уменьшилось, либо исчезло. Для России происходящие события не столь важны благодаря ее независимости в вопросах энергии и сырья, а также слабого экспорта в регион промышленных товаров — за исключением поставок оружия. Проблемным, однако, является усиление исламистских сил на южных границах и внутри России. Отсюда следует частичная готовность к кооперации с Западом, когда речь идет об «исламских темах».

Китай значительно увеличил свое влияние на Ближнем Востоке как новая держава мирового уровня. Обладая значительным капиталом, умея нападать, последовательно ориентируясь на собственные экономические интересы, он в состоянии заполнить вакуум этого пространства, оставленный Западом и Россией. Успехи реформ правительства Дэн Сяопина (экономический рост, устранение голода и недостаточного питания, образование и регулирование населения) являются ориентиром для более бедных арабско-исламских стран при решении их проблем развития и делают Китай attractive моделью также и в этом пространстве.

15. В прошедшие десятилетия в этом большом пространстве возникли новые региональные державы: Турция и Иран. Они следуют различным моделям развития, которые, возможно, при реформировании политических режимов в арабских странах являются референтными пунктами. Это прежде всего касается Турции, которая более восьмидесяти лет практикует светскость в исламском обществе. До последнего времени ориентированные на запад кемалистские военные являлись катализатором и стабилизатором этого развития. Теперь, однако, турецкое государство возглавляют исламские силы. Сильный экономический рост и улучшение жизненных стандартов большей части населения позволяют Турции, теперь под исламским флагом, играть роль примера и оказывать растущее влияние в исламско-арабском мире.

Иран праздновал непосредственно после ухода Мубарака от власти 32-летие «Исламской Революции». Однако теперешние восстания в арабском мире нельзя рассматривать как продолжение 1979 года. Влияние Ирана ограничивается теми регионами, в которых присутствуют значительные шиитские группы, как, например, в Бахрейне. После кровавого подавления протестов в Иране в 2009 г. теократический режим страны предварительно стабилизировался. При этом он использовал свои обширные ресурсы нефти и газа. Эта стабильность, однако, относительна, как показывают актуальные волнения. Сомнительно, что Иран может быть в какой-то степени моделью для суннитских сил арабского мира. Скорее можно рассчитывать на сознательное политическое «отгораживание» от Ирана.

16. Израиль до сих пор маргинализирован в арабско-исламском пространстве, режим Мубарака при этом был важным израильским союзником в регионе. Из-за падения Мубарака

и возможной потери этого важного регионального партнера Израиль чувствует себя в этом пространстве еще более политически изолированным. Вопрос заключается в следующем: панарабские события усилят у властей предрержащих Израиль настрой осажденной крепости, что приведет к продолжению сокращения ими демократических прав, или же эти события усилят в Израиле слабый, но все же имеющийся потенциал для реалистичной политики? Растущая и в западном мире критика израильской блокады проведения переговоров с палестинцами может воспользоваться этими событиями как поводом для уменьшения израильской паранойи, всюду присутствующего недоверия и страха войны. Демократический Египет может стать более стабильным и политически влиятельным партнером в процессе мирного урегулирования, нежели режим Мубарака.

17. Соотношение сил в арабско-исламском пространстве в целом значительно меняется. Египет будет вновь играть значительно большую роль и тем самым сокращать влияние консервативных государств Залива. Наблюдаемое с начала XXI в. релятивирование западного влияния усиливается. США потерпели несколько стратегических поражений. Их репутация в арабско-исламском мире исторически минимальна. Это развитие усложняет положение Израиля. Значительно усиливается влияние Турции. Иран ведет более активную политику, чтобы поддержать исламистские силы. Китай усиливает свою экономическую активность в регионе, при этом за ним следуют Япония и все более и более Индия.

18. Немецкая внешняя политика должна — прежде чем раздавать рекомендации новым политическим силам — трезво проанализировать закончившуюся главу немецкой ближ-

невосточной политики. Честность при этом позволит назвать по имени одно-сторонности и ошибки.

Тем не менее в немецкой ближневосточной политике имеются солидный фундамент и точки приложения сил для нового подхода. Речь идет прежде всего об активном продолжении традиционно хороших торговых и экономических связей. Инвестирующие в арабском пространстве немецкие предприятия с относительным спокойствием смотрят на происходящие события. В большинстве своем они исходят из продолжения и даже роста своей активности в регионе. В первую очередь это касается автомобилестроения (Даймлер, Фольксваген, БМВ), энергетического сектора (RWE, DEA, Siemens), а также тяжелой и оборонной промышленности (EADS, Thyssen/Krupp). Весь большой регион характеризуется войнами и очагами конфликтов. Уменьшение и, наконец, запрет экспорта оружия могли бы стать действительным вкладом Германии в повышение здесь безопасности.

Проблематичной является неуравновешенная политика Меркель в отношении этого пространства, в особенности в отношении центральной проблематики десятилетнего ближневосточного конфликта: вопроса Палестины. Подчеркивание партнерства с Израилем привело к односторонности и некритичности по отношению к израильской политике, которая и не способствует мирному урегулированию, и не соответствует множественным немецким интересам в этом пространстве. Значительным и до сих пор благоприятным фактором для политических связей и для экономической кооперации с этим пространством является исторический разрыв правительства Шредера с США вследствие нарушающей международное право войны в Ираке в 2003 г.

19. Европейская политика соседства по отношению к североафрикан-

ским государствам должна пройти генеральную ревизию. Реальные (политические и экономические) результаты барселонского процесса или политики соседства позволяют сделать только один вывод: эта политика провалена. Радикальное новое начинание наверняка было бы наиболее справедливым решением. Концепции зоны свободной торговли или средиземноморского союза являются видениями будущего. Это видение могло бы быть подкреплено конкретными, регионально специфическими договоренностями, которые не должны быть отягчены ближневосточным конфликтом. Проекты наподобие «Desertec» могут послужить развитию новых отраслей промышленности в Северной Африке и арабско-европейскому энергоснабжению, если при этом роль североафриканцев не будет сведена к роли охранников при станциях солнечных батарей.

20. Исходя из общих интересов Европы, России, Китая и Индии по отношению к региону, давно пора начать разработку собственных афроевразийских инициатив. США, начиная с правления Буша-младшего, не готовы и не в состоянии воспрепятствовать этому. Эта же неготовность характерна и для администрации Обамы. Китай и тихоокеанское пространство будут все более связывать интересы и потенциалы США. Почему бы не подумать о согласованной политике афроевразийских держав, которой не только удалось бы способствовать решению ближневосточного конфликта в рамках, например, конференции по безопасности и сотрудничеству в регионе, но и которая долгосрочно служила бы общественной модернизации арабских обществ.

Перевод с немецкого
Сергея Бирюкова
и **Владислава Савина**

АЛЕКСАНДР РОДРИГЕС, ЕЛЕНА ГАЛКИНА

КУРДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ИРАНО-ИРАКСКИЙ КОНФЛИКТ

Исторически сложилось так, что в рамках государственных границ Ирана и Ирака проживают народы, относящиеся к различным этническим группам. Иран, кроме персов, населяют народы иранской языковой группы — курды, гилянцы, луры, мазендаранцы, белуджи, бахтиары и др.; тюркской группы — азербайджанцы, туркмены, кашкайцы, афшары и др.; семитской группы — арабы, ассирийцы и др. В Ираке, помимо арабов, составляющих большинство населения, живут курды, туркмены, персы, ассирийцы и некоторые другие народы. Многие этносы — курды, азербайджанцы, туркмены, белуджи, армяне, арабы и некоторые другие — разделены границами двух или нескольких государств.

Народы, населяющие Иран и Ирак, находятся на различных уровнях социально-экономического и этнического развития. Помимо арабов и персов, у которых еще до Первой мировой войны сложилось национальное самосознание, наиболее сильно процесс нациогенеза затронул иранских азербайджанцев и курдов обеих стран, поскольку они живут относительно компактной группой, сохраняют родной язык, обладают развитым этническим самосознанием, имеют свои культурные традиции, обычаи и литературу.

В Ираке ситуацию, сложившуюся в экономике «национальных окраин», можно проиллюстрировать на примере

курдских районов, занимающих территории провинций Киркук, Сулеймания, Эрбиль, Мосул и Дияла. В настоящее время курды Ирака насчитывают приблизительно 6,2 млн. человек, что составляет около 20% населения страны¹. Такая же пропорция сохранялась и ранее.

Иракский Курдистан — один из богатейших нефтеносных районов страны, а киркукское месторождение принадлежит к числу наиболее продуктивных в мире. Его разведанные запасы (нефти 2,2 млрд. т, газа ок. 80 млрд. м³) составляют 1/10 всех залежей Ирака². Однако в экономической сфере этого региона преобладали сельскохозяйственные отрасли и мелкокустарные производства, поскольку отчисления, получаемые от продажи нефти, все без исключения правительства и монархического, и республиканского Ирака направляли на промышленное развитие центральных и южных районов страны. По урожаю основных сельскохозяйственных культур Иракский Курдистан в 1960-е гг. занимал исключительно важное положение: производство ячменя колебалось от 40 до 60%, пшеницы — до 70%, а табака — до 85% от выращенных по

¹ Данные The World Factbook. В работах курдских историков и социологов приводятся, как правило, более высокие цифры (см., напр.: *Кочои С.М.* О геноциде, терроре и массовых нарушениях прав человека. Киров, 2002. С. 10).

² BP Statistical Review of World Energy. June, 2011. P. 6.

А.М. Родригесом освещены события до начала 1980-х гг., события 1980–1990-х гг. — Е.С. Галкиной.

стране³. Для этого региона был характерен низкий уровень агротехнического производства, слабая машинная база, здесь господствовали полуфеодальные формы землепользования, а курды придерживались полукочевого образа жизни. Проникновение элементов капиталистического уклада в экономику постепенно приводило к разложению родоплеменных отношений, тем не менее жизнь местного населения сохраняла многие архаичные черты.

В Иране насчитывается до 6,8 млн. курдов, которые составляют до 8,5% населения⁴. Территория Иранского Курдистана граничит с Ираком и Турцией и включает западную и южную части провинций Западный Азербайджан, Курдистан, Керманшах и Илам. Национальная ситуация в Иране была впервые юридически отражена в Конституции 1906 г. В ней за персами было закреплено положение господствующей нации, а политические права национальных меньшинств были ограничены. Провинции страны, населенные другими народами, не получали никаких особых автономных прав. Национальная специфика не учитывалась при формировании административного аппарата, а делопроизводство в национальных районах велось на фарси. Правом избирать своих депутатов в меджлис, помимо персов, могли пользоваться только немусульманские меньшинства — зороастрийцы, армяне-христиане, иудеи (начиная с 1960 г. еще и ассирийцы), но в высшей палате парламента — сенате — места для неперсов вообще не предусматривались⁵. В период правления Реза-шаха идеологической платформой внутренней и внешней поли-

тики стал этнический национализм. Во внешнеполитическом плане концепция «единой иранской нации», имея преимущественно антиколониальную направленность, была связана с мировым национально-освободительным, общедемократическим движением. По мере укрепления государственного суверенитета эта ипостась национализма постепенно отходила на второй план, уступая место нарождавшемуся «национализму без либерализма» с ярко выраженной ассимиляторской направленностью⁶. Его составной частью, помимо культа монархии, стало усиленное пропагандирование «этнонациональной однородности» иранцев, их национальной и культурной исключительности⁷.

Во время первой всеобщей переписи населения в Иране был произведен учет населения, говорящего на так называемых «местных языках». Статистические данные показали, что численность этнических групп в стране приближается к восьмидесяти⁸. Районы, населенные национальными меньшинствами, резко отставали в социально-экономическом отношении. Непропорциональное распределение при планировании и строительстве промышленных объектов привело к их сосредоточению в центральных районах. Так, по официальным данным, только на долю Тегерана приходилось около трети всех предприятий обрабатывающей промышленности и почти половина всех капиталовложений в индустрию⁹.

⁶ Cottam R.W. Nationalism in Iran. Pittsburgh, 1964. P. 124.

⁷ Трубецкой В.В. К вопросу о влиянии буржуазных реформ 60-х — первой половины 70-х годов на национальные процессы в Иране // Национальные проблемы современного Востока. М., 1977. С. 81–114.

⁸ Современный Иран: Справочник. М., 1975. Вып. 5. С. 22–51.

⁹ Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970. С. 117, 138, 139.

³ Аширян Ш.Ч. Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане (1961–1968). М., 1975. С. 12–23.

⁴ Данные The World Factbook.

⁵ Иванов М.С. Иран // Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970. С. 119–120.

Сложность внутринациональной ситуации в Иране и Ираке усугублялась тем, что не все патриотически настроенные круги признавали необходимость разрешения национальной проблемы в пользу малых народов. Многие представители национальной буржуазии и демократических течений, активно и последовательно выступавшие против монархий, господства внешних сил, феодальных и родоплеменных отношений, не признавали за ними права на национальную автономию в рамках единого государства, с пониманием относились к ассимиляторской политике центральных властей. В одном из своих выступлений председатель иранского сената Сейид Хасан Таги-заде охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Иногда крайние националисты категорически отрицают существование в Иране различных народов, этнических элементов и языков, полагая, что путем резкой и упрямой политики можно поглотить эти элементы. Они не понимают, что только справедливость, терпимость, братское и более внимательное отношение к их нуждам и свобода, а не насилие, насмешки и жестокость могут усилить ассимиляторскую деятельность центрального правительства»¹⁰.

Одной из болевых точек в ирано-иракских отношениях был курдский вопрос. Правящие власти обеих стран придерживались следующей тактики: в период улучшения ирано-иракских отношений они выступали единым фронтом против курдского национально-освободительного движения. Но, когда отношения между двумя государствами обострялись, каждое из них стремилось использовать курдскую проблему в целях ослабления позиций соперника¹¹.

В течение долгих лет правящие режи-

мы в Иране и Ираке не признавали прав курдского народа на самоопределение, и курдское освободительное движение на долгие годы стало причиной непрекращающейся головной боли политического руководства обеих стран.

* * *

В 1922 г. восставшие курды Ирака во главе с шейхом Махмудом Барзани объявили о создании курдского государства с центром в г. Сулеймания. Англичанам удалось уничтожить это государство. В 1931–1932 гг. иракские курды под руководством Ахмеда Барзани вновь подняли восстание и потребовали предоставления им суверенитета и законного признания их прав. И на этот раз выступление курдов было потоплено в крови. В 1943 и летом 1945 г. иракские курды, во главе которых встал шейх Мустафа Барзани, вновь взялись за оружие, но потерпели поражение. В начале 1946 г. в Иранском Курдистане курдам в первый раз удалось добиться победы и создать небольшое самостоятельное государство — Мехабадскую республику. Однако уже в конце 1946 г. под натиском правительственных войск республика пала.

С 1960-х гг. в положении иранских курдов начинают происходить положительные сдвиги. Реформы «Белой революции» привели к интенсивному развитию сельского хозяйства, и уровень жизни населения отсталых районов страны, к которым относился Иранский Курдистан, повысился, а вместе с ним возросла и сила националистических движений.

В этих условиях правительство вынуждено было отказаться от идеи отрицания в стране национальных меньшинств. «Единая иранская нация» по официальной версии включала уже и курдов, хотя они определяются прежде всего как «истинные иранцы», и только потом как курды¹². Но антишахские на-

¹⁰ Цит. по: Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970. С. 121.

¹¹ Алибейли Г.Д. Иран и сопредельные страны Востока (1946–1978). М., 1989. С. 114.

¹² Жигалина О.И. Национально-религиозная политика руководства Исламской

строения в курдской среде усиливались, и множилось количество нелегальных националистических организаций. С курдами очень плотно работала иранская оппозиция во главе с Хомейни, который специально подчеркивал важную роль национальных меньшинств в грядущем свержении режима Пехлеви. Этнические противоречия между персами и курдами никогда не достигали такого накала, как в соседних странах, в силу этнокультурной близости этих народов. Даже восстание 1967–1968 гг., организованное Демократической партией Иранского Курдистана (ДПИК) и жестоко подавленное, имело, прежде всего, социально-экономические причины. Поэтому Иран и при шахском режиме, и после Исламской революции, несмотря на наличие в горах Иранского Курдистана незаконных вооруженных формирований, мог относительно безопасно для своей территориальной целостности использовать борьбу курдов соседних государств в своих политических интересах. И в случае с Ираком также немаловажно, что курды, живущие на его территории, в большинстве своем шииты, как и иранцы.

Созданная в Ираке в 1946 г. Демократическая партия Курдистана (ДПК) поставила перед собой в качестве главной стратегической задачи достижение национальной автономии с перспективой образования независимого Курдского государства. Во главе партии встал Мустафа Барзани. Руководство ДПК в ходе борьбы за признание прав своего народа пришло к выводу о невозможности достижения этой цели без свержения монархического режима Фейсала II и придавало большое значение совместной арабо-курдской борьбе. В те годы Мустафа Барзани в своем обращении к иракскому народу заявлял: «Я не воюю с иракским народом,

к которому сам принадлежу. Я воюю и буду воевать с империализмом и его агентами. Я требую от народа — арабов, курдов — объединить борьбу против общего врага нашего народа — империализма»¹³.

Впервые равноправие курдского народа было признано в Ираке после победы июльской революции 1958 г. Статья III Временной конституции страны от 1958 г. провозгласила «партнерство арабов и курдов в рамках единого Ирака», что явилось важным шагом на пути к признанию этнической самостоятельности курдского народа. Правительству Касема, как уже отмечалось, так и не удалось разрешить курдскую проблему, однако его заявления о возможности «партнерства» с курдским освободительным движением вызвали резко негативную реакцию в Тегеране. САВАК (политическая полиция Ирана) установила тогда контакты с Мустафой Барзани, приведшие к договоренности о поставках из Ирана иракским курдам оружия, противозенитных установок, а также средств связи. В борьбе против режима Касема курдские повстанцы получали помощь от иранских военных инструкторов. Оправдывая содействие курдскому национально-освободительному движению, иранская печать писала буквально следующее: «Курды являются иранцами, которые многие годы изъявляли желание вернуться в свою собственную страну — Иран... Более одной трети населения Ирака составляют либо представители иранской нации, либо те, кто по происхождению являются ими. Имеется значительное число курдов, которые живут на территориях, принадлежащих Ирану и насильственно занятых иракским правительством... Никто не будет отрицать, что курды яв-

республики Иран в Иранском Курдистане // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986. С. 155.

¹³ Цит. по: *Кайкаус К.Н.* Барзанские восстания 1900–1945 гг. — блестящая страница национально-освободительной борьбы курдского народа в Иракском Курдистане: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1968. С. 15.

ляются иранцами и арийцами в расовом отношении»¹⁴. Итог известен: Касем отказался от политики «партнерства» и развернул широкомасштабные боевые операции против курдов, продолжавшиеся вплоть до переворота 8 февраля 1963 г.

В целях укрепления своих позиций правые баасисты уже 9 февраля объявили о прекращении военных действий в Иракском Курдистане, более того, два курда были включены в состав правительства. Однако уже летом боевые операции на севере страны возобновились, и только за первый месяц войны было уничтожено около 200 курдских деревень, погибло более 2 тыс. человек¹⁵. Политика иракских властей нашла тогда положительный отклик со стороны государств — членов СЕНТО. Заручившись поддержкой Ирана и Турции, Багдад объявил Курдистан зоной боевых действий. После переворота 18 ноября 1963 г. новое правительство Ирака подписало с курдами соглашение о прекращении огня, но курдская проблема так и не была разрешена. Свертывание боевых действий в Иракском Курдистане противоречило интересам иранского руководства, и оно возобновило поставки вооружения и оборудования в мятежные районы. 3 января 1965 г. Багдад обвинил Иран в помощи курдским повстанцам, стремящимся, по мнению властей, создать «второй Израиль на севере Ирака»¹⁶.

Военные действия в Иракском Курдистане, вновь развернувшиеся зимой 1965/66 г., привели к резкому обострению ирано-иракских отношений. Иранское правительство выступило с протестом в связи с тем, что в ходе курдской операции иракские самолеты и сухопутные части нарушали границу Ирана

и даже подвергали бомбардировке некоторые пограничные иранские деревни. Беспokoйство в Тегеране вызвало применение властями Ирака отравляющих газов, от которых пострадали иранские населенные пункты. Багдад не только не опроверг эти сообщения, но и развернул широкую антииранскую кампанию, в ходе которой в адрес шахского правительства посыпались обвинения в поддержке курдских повстанцев.

В связи с обострением ирано-иракских отношений состоялся обмен письмами между премьер-министрами Амиром Аббасом Ховейдой и Абд ар-Рахманом аль-Баззасом. Иракская сторона добивалась «закрытия ирано-иракской границы», что лишило бы курдов контактов с внешним миром. Она предлагала осуществить взаимный отвод войск, прекратить обоюдную враждебную пропаганду в средствах массовой информации и создать смешанную комиссию по расследованию пограничных инцидентов. Одновременно с этим в январе 1966 г. министерство иностранных дел Ирака распространило книгу «Факты, касающиеся ирако-иранской границы», в которой Иран обвинялся в нарушении границ с Ираком¹⁷.

Пришедшие к власти в результате «революции 17 июля» левые баасисты заявили о готовности урегулировать курдскую проблему мирным путем. 10 марта 1970 г. между правительством и руководителями курдского освободительного движения было подписано соглашение, включавшее пункт о признании права курдов на национальную автономию в рамках Ирака и гарантию курдского представительства в государственных органах. Однако реализация положений этого документа была отложена в связи с новым обострением обстановки на Ближнем Востоке и на-

¹⁴ Цит. по: *Al-Izzi Kb. The Shatt al-Arab river dispute. A legal study.* Rijksuniversiteit te Groningen, 1971. P. 71.

¹⁵ *Алибейли Г.Д.* Указ. соч. М., 1989. С. 141.

¹⁶ *Ниязатов Ш.А.* Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М. 1989. С. 38.

¹⁷ *Мгои Ш.Х.* Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958–1970 гг.). Ереван, 1977. С. 244, 245.

чалом арабо-израильской войны 1973 г.

В целях раскола арабских стран, ведущих войну против Израиля, и ослабления военного потенциала Ирака — наиболее непримиримого участника антиизраильской коалиции, Тель-Авив и Вашингтон пошли на сближение с той частью руководства ДПК, которая выступала против правительства аль-Бакура и была готова к новой вооруженной борьбе против центральной власти. Это крыло лидеров курдского освободительного движения выступало за включение в состав автономии «исконно курдских территорий» — Киркука, Ханакина и Шангала (Синджара). Левые баасисты не были готовы к столь радикальному решению вопроса и не могли согласиться на включение богатых нефтью районов в состав Курдистана. Поэтому в принятом 11 марта 1974 г. законе об автономии Иракского Курдистана территория последнего была ограничена лишь районами, прилегающими к г. Эрбилю.

Такое решение, естественно, вызвало недовольство со стороны большинства представителей курдского демократического движения, закон об автономии был ими отвергнут, и вооруженные столкновения возобновились. Стремясь воплотить в жизнь идею создания независимого курдского государства, лидер иракских курдов Мустафа Барзани решил тогда опереться на США и Израиль. В интервью газете «Вашингтон пост» он заявил: «Мы готовы сделать что-либо, способствующее интересам североамериканской политики в этом районе мира, если Соединенные Штаты защитят нас от волков. Если бы эта поддержка оказалась значительной, мы могли бы установить контроль над нефтяными месторождениями в Киркуке и предоставить их в концессию определенным компаниям»¹⁸.

Дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в Ираке сыграла на руку Тегерану, всегда стремившемуся

ослабить потенциал своего давнего соперника. Шахское правительство возобновило поставки иракским курдам оружия и снаряжения, продовольствия и медикаментов, предоставило в их распоряжение военные базы на своей территории. В качестве ответного шага лидер ДПК Мустафа Барзани обязался не поддерживать иранских курдов в их борьбе против режима Мохаммеда Резы Пехлеви. Когда иракские регулярные части стали теснить курдских повстанцев, Иран открыл свои границы для свободного перехода беженцев на свою территорию. В марте 1974 г. сюда перешло примерно 73 тыс. иракских курдов, а к концу года их число достигло 135 тыс. В районах, прилегающих к границам Ирака, были созданы специальные лагеря для беженцев, где формировались военные ополчения, которые после соответствующей подготовки направлялись в Ирак для участия в боях против правительственных войск¹⁹.

Угроза развязывания новой широкомасштабной войны в Иракском Курдистане явилась одной из причин, склонившей Багдад к поиску путей к нормализации отношений с шахским режимом. После подписания Алжирского соглашения 1975 г. иракские курды лишились внешней поддержки и оказались не в состоянии успешно противостоять правительственным войскам. Военные успехи позволили иракскому правительству приступить к реализации политики «арабизации» курдских провинций. Местное население подверглось депортации в центральные и южные районы страны. К началу 1979 г. число насильственно изгнанных из родных мест достигло 700 тыс. человек. Было опустошено 1222 курдских населенных пункта в провинциях Дияла, Сулеймания, Эрбиль, Киркук, Дахок и Мосул. Вдоль границы с Ираном был создан так называемый «арабский пояс» шириной 25 км, куда переселялись арабы. Вслед за этим по-

¹⁸ Цит. по: *Алибейли Г.Д.* Указ. соч. С. 144.

¹⁹ Там же. С. 145–146.

следовало решение иранского правительства закрыть свою границу для перехода курдов и репатриировать в Ирак тех, кто находился в лагерях для беженцев. Всего было насильственно переселено свыше 40 тыс. человек²⁰.

Придя к власти, Саддам Хусейн приостановил начатое в мае–июне 1979 г. очередное наступление правительственных войск на севере страны. В июле он посетил курдские провинции, где заверил руководителей ДПК в своей поддержке идеи автономии, обещал вернуть курдских переселенцев на родные земли и провести выборы в местный законодательный совет. Другими словами, были предприняты шаги, дабы обеспечить нейтралитет курдов в условиях растущей конфронтации с Ираном. В конце лета обещанные выборы были проведены, а в состав СРК (Совет Революционного командования — высший орган государственной власти) вошли некоторые представители курдского движения, сотрудничавшие с баа-систами.

* * *

Начавшаяся ирано-иракская война отодвинула решение курдской проблемы на неопределенный срок. В войне иракские курды ожидаемо заняли сторону Ирана, а иранские — не создавали особых проблем правительству Исламской республики, чему немало способствовала грамотная пропаганда, в СМИ постоянно транслировались рассказы об успехах межнациональных отрядов иранской армии. Курдские вооруженные формирования могли бы оказать большую помощь армии, но правительство не стало уступать требованиям провозглашения автономии. Поэтому курдские отряды участвовать в войне отказались, ушли в горы и продолжили вялотекущее сопротивление правительственным войскам.

Развитию курдского националистического движения в Иране стали

мешать и усилившиеся распри между суннитским и шиитским курдским духовенством. Шиитские богословы надеялись при поддержке властей вытеснить суннизм из курдских районов, сунниты же поддерживали ДПИК и требование автономии в рамках ИРИ. Споры духовенства не раз выливались в кровопролитные столкновения курдских шиитов и суннитов. Данная тактика позволила правительству Ирана достаточно свободно взаимодействовать с иракскими курдами. Внутри же страны автономистское движение курдов подавлялось путем борьбы с незаконными формированиями и ликвидации их лидеров.

Этой политике не изменило руководство Ирана и позже. В 1989 г. в Вене был убит лидер ДПИК Абдул Рахман Касемлу²¹. В сентябре 1992 г. в Берлине были убиты новый генеральный секретарь ДПИК С. Шарафканди и другие лидеры партии. Вопрос о предоставлении иранским курдам автономии отложили на неопределенный срок. С другой стороны, правительство ИРИ тратит огромные усилия на интеграцию курдов в иранское общество, развивая промышленность региона, обеспечивая доступ к среднему и высшему образованию. В перспективе, эта политика — палка о двух концах, т.к. вслед за формированием широкого образованного слоя национальных меньшинств, как правило, следует четкое оформление его идеологии, которая не может быть никакой иной, кроме националистической, и уже не автономистской, а сепаратистской.

В 1983 г. иракские курды подняли восстание с требованием независи-

²¹ По одной из версий, к которой склоняется курдское движение, к убийству Касемлу непосредственно причастен Махмуд Ахмадинежад, нынешний президент Ирана (Новые данные о причастности Ахмадинежада к убийству Касемлу // Курдистан.Ру / http://kurdistan.ru/2009/06/19/news-442-Novy_dannye_o_pricha.html).

мости, которое длилось до сентября 1988 г. Борцы за независимость использовали тактику герильи с использованием легкого оружия, поставлявшегося в основном из Ирана²². Также ИРИ обеспечивала повстанцев провиантом и разведанными в обмен на помощь на севере ирано-иракской границы. Солдаты и офицеры пешмерга²³ проходили обучение и подготовку в Иране²⁴. Однако помощь была дозирована ровно настолько, чтобы иракские курды продолжали сопротивление армии Хусейна, но не имели шансов на победу. Создание независимого курдского государства, по всей видимости, в планах Исламской республики отсутствовало, ибо тогда усилились бы сепаратистские настроения курдов Ирана²⁵.

²² Human Rights Watch. Genocide in Iraq. The Anfal Campaign Against the Kurds A Middle East Watch Report. New York City: Human Rights Watch, 1993.

²³ Пешмерга («идущие на смерть») известны с начала 1920-х гг. Как подобие регулярной армии сформировались во время «Сентябрьского восстания» Мустафы Барзани (1961–1975 гг.). Базируются в горах Иракского Курдистана. В настоящее время являются де-факто регулярной армией и насчитывают около 200 тыс. бойцов. В ближайшей перспективе власти Курдистана по требованию иракского правительства обещали сократить армию до 70 тыс., обеспечив 130 тыс. отставников пенсией и работой в государственных учреждениях (Peshmerga to Lose 130,000 Soldiers // Rudaw. 17/01/2011 / <http://www.rudaw.net/english/kurds/3415.html>).

²⁴ Gunter M.M. The KDP-PUK Conflict in Northern Iraq // Middle East Journal 50.2 (1996): 18.

²⁵ В период Исламской революции сепаратистские вооруженные группы возникли в Иранском Курдистане. Но в августе 1979 г. аятолла Хомейни объявил джихад против курдских формирований, которые стремятся к автономии или независимости. В зоны проживания курдов были стянуты войска, и с 1983 г. и по сей день ИРИ полностью

Около 500 тыс. мирных жителей были перемещены в лагеря на юге Ирака, в зоне и вблизи военных действий армейские части сносили курдские деревни. Некоторые действия иракской армии по отношению к курдам в этой войне международными организациями квалифицируются как геноцид. Так, в 1983 г. от 5 до 8 тыс. мужчин племени барзани, начиная с 12 лет, были арестованы и увезены в неизвестном направлении. Выжили из них немногие²⁶.

После того как иранские войска были выбиты из Курдистана, жесткие меры Саддама Хусейна не заставили себя долго ждать. С 23 февраля по 6 сентября 1988 г. против Иракского Курдистана была проведена военная операция «Аль-Анфаль» («Трофеи»), общее число жертв которой оценивается от 50 до 100 тыс. убитыми²⁷.

Против курдов правительственные войска применяли химическое оружие²⁸, в частности, во время известной газовой атаки в Халадже 16–17 марта 1988 г. После захвата этого приграничного с Ираном города войсками Исламской республики и союзными им формированиями пешмерга иракская авиация подвергла город авианалетам с использованием отравляющих газов. Число жертв оценивается от нескольких сотен погибших до 10 тыс. убитых, раненых и умерших от последствий атаки²⁹. Но в 1988 г. наиболее влиятельные

контролирует курдские территории, хотя отдельные столкновения с боевиками периодически происходят. В Иране курды не дискриминированы по национальному признаку, но лишены какой-либо автономии.

²⁶ *Hardi Ch.* Gendered Experiences of Genocide: Anfal Survivors in Kurdistan-Iraq. L., 2011. P. 35.

²⁷ *Hiltermann J. R.* A poisonous affair: America, Iraq, and the gassing of Halabja. Cambridge University Press, 2007. P. 134–135.

²⁸ *McDowall D.* The Kurds: A Nation Denied. London: Minority Rights Publications, 1992. P. 119.

²⁹ Human Rights Watch. Whatever Happened

державы мира и региона, а также международные организации не стали акцентировать внимание на методах, применявшихся иракским правительством, поскольку США, Западная Европа, СССР, КНР и арабские страны единодушно поддерживали Хусейна против молодой шиитской республики.

Первая американо-иракская война, известная также как война в Заливе, повлекла за собой новое курдское восстание, которое на сей раз поддерживали США. Оно было поднято двумя наиболее влиятельными националистическими организациями страны, находившимися между собой далеко не в идеальных отношениях — ДПК и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). Чтобы помешать подавлению восстания, с санкции Совета безопасности ООН над Иракским Курдистаном была установлена бесполетная зона (такая же в августе 1992 г. была введена на юге «для защиты шиитов»). Совместными усилиями курдским формированиям удалось захватить контроль над всей территорией Иракского Курдистана.

Но после того как силы антииракской коалиции покинули страну, не решившись доводить дело до свержения Хусейна, курдов охватила массовая паника в ожидании расплаты. До 1,5 млн. человек эмигрировало в Иран и Турцию. Ирак, в свою очередь, организовал экономическую блокаду региона, т.е. курдам пришлось испытать на себе и санкции ООН против Ирака, и санкции Хусейна.

Состоявшиеся в этих условиях выборы 1992 г. не дали существенного преимущества ДПК или ПСК, и между этими организациями начал разгораться конфликт по поводу контроля над политикой, экономическими ресурсами и контролем над торговыми путя-

ми контрабанды, через которую и шло снабжение Курдистана. Между партиями начались боевые действия, известные как Гражданская война в Иракском Курдистане 1994–1997 гг.

Потомственный лидер ДПК Масуд Барзани³⁰ пошёл на соглашение с Хусейном, и единым фронтом правительственные войска и формирования ДПК начали борьбу с Патриотическим союзом. Через территорию, контролируемую ДПК, была налажена торговля иракской нефтью в обход эмбарго³¹. Пешмерга ПСК во главе с Джалалем Талабани³² бежали в Иран. 17 сентября 1998 г. в Вашингтоне между ПСК и ДПК было заключено соглашение о прекращении огня. Но фактически разделение территорий на подконтрольные данным организациям продолжалось вплоть до 2006 г., когда произошло объединение правительств.

Собственно, следующий виток обострения курдской проблемы возникает в начале XXI века после второй американо-иракской войны и оккупации страны войсками США. И здесь уже значительно большую роль начинают играть США. Во время ирано-иракской войны тогдашний американский президент Рональд Рейган сказал: «Курды являются той спичкой, которую Америка может зажечь тогда, когда ей будет выгодно». Для XX в. это было весьма самонадеянное заявление. Новый век принес иные реалии, где независимый Курдистан уже фигурирует на американских картах Большого Ближнего Востока.

³⁰ Ныне президент практически независимого де-факто и конфедеративного де-юре Автономного региона Иракский Курдистан.

³¹ *Gunter M.M., Yavuz M.H. The continuing Crisis In Iraqi Kurdistan // Middle East Policy. Vol. XII. No. 1. Spring 2005. P. 123–124.*

³² © 2005 г. президент Ирака.

To The Iraqi Kurds? Human Rights Watch Report. March 11, 1991.

СЕМЁН РЕЗНИЧЕНКО

КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ

Коллектив выживания — это минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить своё автономное существование, т.е. не привлекая для своей поддержки какие-либо другие группы людей.

Другая важная характеристика коллектива выживания — это посредник между семьёй (отдельным человеком) и обществом в целом (народом, государством). Коллектив выживания амортизирует давление на человека государственных и прочих структур. Помогает человеку защититься от произвола сильнейших, пережить трудные времена, экономические и социальные кризисы и проч.

Коллектив выживания требует от человека соблюдения неких установленных в нём моральных норм, совместной деятельности на благо всего коллектива и других его членов.

Коллектив выживания служит мобилизатором отдельных людей и семейств на какую-либо массовую деятельность, направленную во благо общества, народа, государства. Коллективы выживания, как правило, объединены в какие-либо более крупные структуры. Например, этносы, церкви. Эти объединения строятся, помимо всего прочего, на основе солидарности, общности интересов. Общие интересы множества коллективов выживания часто бывают политическими.

Существует масса различных традиционных видов коллективов выживания: роды, племена, общины, тейпы, кланы, религиозные сообщества. Есть и современные виды коллективов выживания: например, организации, ставящие задачей защиту юридических прав своих членов, территориальные органы

самоуправления и самоорганизации (типа американских комьюнити), другие организации, составляющие гражданское общество. Таким образом, коллективы выживания формируются либо по родственному, земляческому принципам, либо в них объединяются единомышленники.

Специфика современной ситуации в том, что традиционные коллективы выживания в среде европейских народов (в том числе и русского) разрушены, находятся в стадии деградации либо малоэффективны. Институты гражданского общества в основном отстаивают интересы различных меньшинств. Основная масса населения защищена ими далеко не достаточно. Функции коллектива выживания для большинства современных европейцев выполняет государство.

Переход от традиционного общества к обществу модерна сопровождается разрушением коллективов выживания. При этом сохраняются и культивируются многие ценности, традиционно воспитывавшиеся в коллективах выживания. Такие как единство, чувство локтя, верность долгу, преданность единым для коллектива идеалам. Эти ценности культивируются уже не усердно уничтожаемыми коллективами, а государственными образовательными и идеологическими учреждениями. Государство, гражданская нация заменяют собой коллектив выживания. Все коллективы как бы сливаются в один. При этом постепенно слабеет контроль над отдельной личностью. Она индивидуализируется и эмансипируется.

Этот процесс постоянно нарастает. И разрушает современное общество.

Единая культура, единая идеология разваливаются. Вычлняется масса атомизированных индивидов. Образуется масса достаточно мелких, но влиятельных групп. Их обычно называют субкультурами, меньшинствами (национальные, сексуальные и пр.). Многие из них постепенно фактически захватывают контроль над обществом. Так на смену модерну приходит постмодерн.

При постмодерне большинство общества крайне атомизировано, неорганизовано, управляемо. В коллективы выживания скорее организованы привилегированные меньшинства. Наступает стагнация, культурные и экономические достижения эпохи модерна постепенно теряются. Со временем начинают вырисовываться отдалённые контуры неотрадиционного уклада жизни. Его активно привносят национальные и религиозные меньшинства, так и не прошедшие полноценный период модерна, во многом сохранившие уклад традиционного общества.

Но у постмодернистского общества крайне мало шансов постепенно перейти в неотрадиционное. Для этого скорее необходима коренная ломка устоев, катастрофическое крушение постмодерна. Неотрадиционализм будет началом в корне отличного витка общественного развития. Началом эпохи, кардинально чуждой прошлому.

Схема традиционализм—модернизм—постмодернизм—неотрадиционализм характерна для европейской культурной модели, начиная с античности. Началом античного модерна было превращение кровно-родственных племенных сообществ в полисы, основанные на принципах гражданства. В Риме таким этапом стало стирание различий между патрициями и плебеями. Возникает классическое искусство и философия. Потом были классические греческие полисы, римская государственность. Для греков постмодерн наступил в эпоху эллинизма. Для

римлян — в поздней империи начиная со второго века нашей эры. И там и здесь был разгул индивидуализма и постепенное разложение устоев государства. К концу постмодерна христианское меньшинство стало большинством. Неотрадиционализм на Западе привёл к возникновению варварских королевств, созданию новых народов. На Востоке — к появлению Византии.

Через неотрадиционализм Средневековья европейская история пришла к модерну Нового времени, периоду буржуазных и социалистических революций, индустриализации, создания гражданских наций и секулярных идеологий, великого искусства.

В разгар модерна у римлян у греков уже был постмодерн. Пик эпохи модерна для разных европейских стран также наступил в разное время. Во Франции — в период Великой революции и наполеоновских войн. В Германии и России — в первой половине XX в.

Наконец — послевоенный постмодерн. Атомизация общества, господство меньшинств, нарастающий кризис экономики и государственности, колоссальный приток мигрантов. При этом в рамках неотрадиционализма на смену европейским идеологиям и европейским народам идут иные народы и абсолютно иные идеологии. Культурная преемственность Европы может оборваться. Выживание европейских народов, в том числе и русского, напрямую зависит от того, появятся ли исторически вовремя коллективы выживания? К сожалению, в настоящее время их практически нет. И они очень просто могут не появиться.

Ведь в постмодернистском обществе *общепринятые представления и нормы объективно работают на самоуничтожение общества*. Чрезмерный индивидуализм и гедонизм, желание покоя во что бы то не стало. Потакание агрессивным меньшинствам. Равнодушие к судьбе своего народа, уход от реальности. И полное нежелание

объединяться и бороться за общие интересы.

Новый модерн и постмодерн в Европе оказались гораздо более выраженными и рельефными, чем были в эпоху античности. Тогда во многом сохранялся традиционный уклад сельской жизни, по крайней мере, по сравнению с европейской современностью. К тому же переход к неотрадиционализму происходил под влиянием христианства — внутриимперской религии. Поэтому провал неосредневековья наверняка будет гораздо более глубоким.

* * *

Уже не первое десятилетие говорится о необходимости объединения русских. Но просто так люди не объединяются. Необходима какая-либо специфическая структура, организационный костяк, необходима ячейка общества, которая занимала бы промежуточное положение между отдельным человеком/семьёй и народом/государством. Без такой структуры невозможна нормальная жизнь народа. Люди не имеют действенной защиты своих интересов. Не могут развернуть самостоятельную, независимую от государства систему жизнеобеспечения. Именно такая промежуточная ячейка общества и есть коллектив выживания. В идеале он может наладить автономное жизнеобеспечение своих членов без участия каких-либо других структур.

Одной из основных бед русского народа является разрушение традиционных коллективов выживания — общин, большесемейных коллективов. Поэтому нынешним русским крайне сложно организовать внегосударственную систему социального обеспечения, поддержать попавших в беду соотечественников, подняться на поддержку своих общенациональных интересов.

Изучение проблемы показывает, что в некоторых местах большесемейные коллективы русских всё же существуют. Речь идёт в основном о малых го-

родах, райцентрах. Родственные главы семейств помогают друг другу в ремонте, обработке земельных участков и т.д. Мужская молодёжь сообща контролирует ситуацию «на районе».

Значительная часть населения, не включённая ни в какие неформальные социальные структуры, попросту лишена полноценных социальных связей. А по идее, каждый русский человек, независимо от социального статуса, взглядов и убеждений, должен быть включён в стабильный самоорганизующийся прочный автономный коллектив.

Что касается политической активности коллективов выживания, то это вопрос сложный. С одной стороны, политическая деятельность русских должна опираться на коллективы выживания. Только тогда она будет эффективной. Для любой масштабной политической акции и для осуществления долгоиграющего проекта нужна постоянно действующая, стабильная и эффективная организация. Это показал пример выступления на Манежной площади. Тогда катализатором и основой акции стали объединения футбольных фанатов. Именно общественная деятельность, особенно её правозащитный сегмент, может помочь коллективу выживания реализовать своё назначение.

С другой стороны, не политизированные граждане должны объединяться в коллективы выживания точно так же, как и политизированные. К тому же общественная активность, а точнее, реакция на неё, может создать для коллектива выживания слишком серьёзные трудности.

Таким образом, будет коллектив выживания заниматься политикой и общественной деятельностью или нет, нужно решать каждый раз отдельно. Исходя из реальных сил и возможностей. Готового шаблона тут быть не может.

Что способствует, а что препятствует созданию в среде современ-

ных русских коллективов выживания? Это, прежде всего, исчезновение официальных, государственных механизмов защиты людей. Всё менее эффективными становятся охрана правопорядка, медицина, образование, социальная защита. Распадается сама инфраструктура цивилизованного общества: жилищно-коммунальное хозяйство, электроснабжение и т.д. Большая часть населения России катастрофически нищает. И это при постоянном росте финансовой эксплуатации со стороны власти. Не говоря уже о росте межнациональной напряженности. Поэтому люди должны объединяться, чтобы совместными усилиями хоть как-то заменить исчезающее государство.

Коллективы выживания могут взять на себя функцию помощи больным, престарелым и утратившим работу. Помощи в строительстве, ремонте, судебных делах. На основе коллективов выживания могут быть организованы частные детские сады «для своих». При возможности коллективы выживания могут организовать оптовые закупки продовольствия для своих членов.

Но им не так просто это сделать. Мы просто-напросто боимся друг друга. И подвержены тотальному эгоизму. Современные социальные практики поощряют тех, кто во всём тянет одеяло на себя. Соотечественники видят себя либо потенциальными хищниками, либо жертвами друг друга. Все не без основания боятся стать жертвами мошенников, манипуляторов и честолюбцев. Бабловерие и культ удовольствий делает людей безразличными друг к другу.

К тому же современным русским часто не хватает социальной активности, лидерских качеств, самодисциплины, способности работать в команде. Брать на себя ответственность и совершать решительные, подчас непривычные действия. К тому же решительность и инициативность в защите благих целей в нашем обществе решительно пода-

вляется государством. Пример тому — осуждение судом борца с наркоманией Егора Бычкова.

Понятно, что массовое изменение в общественном сознании произойдёт только после того, как быть безответственным индивидуалистом станет просто-напросто смертельно опасно. А это случится только тогда, когда общественная система станет настояющему рушиться.

* * *

Что же нужно для создания коллектива выживания? Группа людей, которая доверяет и относится с симпатией друг к другу. Возможно, это группа каких-либо единомышленников. И эти люди должны быть способны воплотить своё неравнодушие в действиях. Подчас весьма решительных.

Другое, что абсолютно необходимо — это наличие лидера (или лидеров).

Третье — наличие материальных средств, на которые, помимо своих собственных, могли бы рассчитывать члены коллектива выживания.

Одним из традиционных русских коллективов выживания является казачья община. Но в самой казачьей среде в 1990-х гг. наблюдалось практически полное отсутствие глубинного общинного самосознания, присущего казачьему социуму в досоветский период. Сейчас же, на фоне общей деградации и исхода русского населения с юга, в проблемных районах есть тенденция к славянской самоорганизации в форме «казачьих общин». При этом состоят они зачастую не из этнических казаков.

Как правило, такие казачьи «группы самоорганизации» имеют номинальную или весьма слабую связь с вышестоящими структурами. Но часто создание таких групп проходит через вступление в «реестровое войско». Благодаря вхождению в «реестр» можно легально собираться группами, носить камуфляж и т.п. Именно низо-

вые сплоченные «группы самоорганизации» и могут в определенных случаях противостоять этнопреступности, чему пример — случай в Зеленокумске. Власти северокавказских республик и исламистско-террористическое подполье в отношении казачества трогательно едины: они тщательно отслеживают и стараются в зародыше ликвидировать реальную, недекоративную славянскую самоорганизацию. Независимых, по-настоящему пытавшихся защищать интересы людей казачьих атаманов убивают (Дагестан), избивают в милиции (Адыгея), шельмуют и через провластных марионеток изгоняют из казачьих организаций т.п.

Реальной угрозы современное казачество никому не представляет, эффективный контроль над движением идет через «прикормленных» атаманов-марионеток, полностью контролируемых местными элитами и центральными властями. Реальное «казачье движение сопротивления» на Северном Кавказе идет на уровне дисперсных, организационно разобщенных «малых групп», не имеющих ни харизматичных лидеров, ни внятной общей идеологии.

Другим, испытывающим пока гораздо меньшее давление, институализированным русским коллективом выживания является церковный приход. Далекое не все приходы являются коллективами выживания, но только те, при которых существуют разветвленные коллективы поддерживающих друг друга людей, делающих важную совместную работу либо же просто поддерживающих друг друга. Например, при церкви Козьмы и Дамиана в Шубино (г. Москва) существует достаточно сплоченная община верующих. На её основе проводятся мероприятия, направленные на помощь не только членам общины. Например, бесплатные благотворительные обеды. Приход имеет интернет-сайт, на форуме которого люди могут попросить о помощи в решении своих проблем. И

часто находят тех, кто откликается на просьбу.

При некоторых церковных приходах создаются продуктовые магазины. В них прихожане могут купить экологически чистые продукты по относительно низким ценам. Туда они могут сдать на реализацию продукты, выращенные и/или заготовленные ими самими. Такой, например, магазин открыт при приходе Собора московских святых в Бибирево (Москва). При этом же приходе действует секция русского рукопашного боя. Такие же секции открываются и при некоторых других приходах.

Большой опыт создания эффективно действующих коллективов выживания имеется у русских протестантов. У них, скажем, у баптистов, уже многие десятилетия действуют полноценные общины, достаточно эффективно поддерживающие своих членов.

Нужно смотреть правде в глаза. Массовая самоорганизация русских в коллективы выживания возможна только в случае крушения всей нынешней социальной системы. Когда рядовой человек окончательно не сможет рассчитывать на государство и его специализированные службы и институты. Когда он поймёт, что он не может рассчитывать ни на кого, кроме него самого и близких ему людей. Такая ситуация чревата массовой гибелью населения.

Но что же можно сделать сейчас? Можно пропагандировать саму идею коллективов выживания и отдельные успешные коллективы (если это не пойдёт им во вред). Коллектив выживания необходимо сделать мемом, хорошо известным всем термином. Желательно создание интернет-ресурса, где различные коллективы выживания, организации по защите прав граждан могли бы обмениваться опытом, пропагандировать свою деятельность. Осознание важности самой идеи и возможных путей её реализации поможет потом воплотить её на практике.

ИВАН РУСАКОВ

«...НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ...»

Статья вторая

Следующей актуальной институциональной проблемой, как мне кажется, является вопрос *русского культурного доминирования*. Не знаю, готова ли националистическая общественность замечать эту проблему, но формирование и сохранение русских как современной нации невозможно без постоянного и неформально признанного культурного доминирования, хотя бы на территории бывшего Советского Союза.

Национализм в Европе восторжествовал во время формирования колониальных империй, но надо быть совсем простачком, чтобы думать, что это и есть главный критерий победившего национализма. Национализм победил тогда, когда *европейский образ жизни стал глобальной культурной доминантой*, и никак по-другому.

Зададимся простым вопросом: что может быть максимально, а вполне возможно — и идеально русским? Конечно же — прежде всего его Величество Русский язык; воистину плох тот националист, который не знает и не любит его, ведь именно с него и начинается национализм политический. «В начале было слово...», для нас, безусловно, слово на русском языке, устное и письменное. Только с помощью русского языка возможно конструирование русского национального культурного доминирования, только при буквально инженерном утверждении абсолютной значимости русского языка возможно построение русской гражданской нации.

Весь Интернет забит роликами о русском спецназе, во всем мире само слово

«спецназ», как самоназвание, означает только *русские* силы специального назначения. Но, мне кажется, русские националисты должны явить «городу и миру» и другой культовый русский бренд — Учителя Русского Языка. Не тех замурзанных теток-училок, которых регулярно показывают как низовых исполнителей массовых фальсификаций, организованных партией жуликов и воров на последних выборах. А совсем другой образ или идеал, к которому еще предстоит прийти. Вспомним, кто был реальным инженером немецкого национализма, кроме Бисмарка? Правильно, немецкий учитель, и не химии или физики, а немецкого языка и истории. Мы, националисты, окажемся очередной кучкой «правлящих силовиков-неудачников», если не создадим целую «машинерию» по развитию, культивированию и пропаганде русского языка.

И начнем мы с академических институтов русского языка и русской литературы, Литературного института, педагогических вузов, готовящих преподавателей русского языка и литературы, библиотек — публичных и электронных, школ русского языка за рубежом, целевых программ на радио и телевидении... Это будет прямое и целевое финансирование из государственного бюджета, причем приоритетное, с повышенными фондами, ставками и тарифными сетками. Да, преподаватель русского языка и литературы будет в среднем, как минимум, получать наполовину больше, чем аналогичный преподаватель другой дисциплины. Лучше сократим полицию, хотя бы на треть, а высвободившиеся ресурсы направим напрямую в «учитель-

ские», а через поколение еще наполовину сократим оставшихся полицейских. Все знают эти механизмы, но никто не решается их реализовывать в стране победившего все живое государства, поэтому сделать это могут только русские националисты, для которых государство не самоцель и не идеал, а всего лишь инструмент по «сбережению» собственного народа.

Затем нужно — через государственные и частные фонды, профессиональные ассоциации, кружки любителей русской словесности, национальные премии и конкурсы русского языка — по-настоящему популяризировать и пропагандировать наш Великий язык. Совсем немного необходимо средств, чтобы в самых заштатных местах (для начала — всего лишь при провинциальных краеведческих музеях и домах культуры) могли собираться поэты и писатели — маститые и начинающие, заурядные графоманы и их восторженные поклонники. Мы, националисты, сможем сделать так, чтобы это было модно и стильно, для этого всего лишь нужны деньги и креативные люди с гуманитарным образованием.

Невозможен русский национализм без русской литературы. Причем разной, нужны и Астафьев с Распутиным, и Донцова с Акуниным, и Мережковский со всеми Толстыми — и даже по женской линии. Вот именно это и будет нашей пресловутой национальной особенностью — не «суверенная демократия», а существование русской литературы за государственный счет, через различные профессиональные союзы и объединения со всеми их склоками и литфондами, с дачами и домами творчества, писательскими женами, литературными секретарями и «толстыми» журналами. Я вас уверяю, это будет стоить сущие копейки на фоне всего государственного бюджета, перегруженного заботами о финансировании чиновной корпорации.

Современная Франция явила всей Европе образцовое отношение к своему собственному языку — она его просто

охраняет как национальное достояние на уровне закона, и кто сказал, что французы выпали из мирового англоязычного контекста? Нет, все нормально, внутри страны по-французски, во внешней среде — если необходимо, по-английски. Кто мешает такие же нормы установить в нашей стране? Почему на наших улицах, журнальных страницах, телеэкране господствуют тексты на английском языке, почему во Франции мировые бренды смогли адаптироваться к местной языковой среде, а в России кажется невозможным надпись «Coca-Cola» на кириллице? Я вас уверяю, еще как возможно, если этим вопросом озабочатся русские националисты. Надо реально отдавать себе отчет — больше никто не будет этим заниматься, как и проблемой совершенствования изучения в средней и высшей школе европейских иностранных языков.

* * *

Скажем откровенно, после 70 лет советской власти и 20 лет постсоветских реформ только еще окончательно не уничтоженная природа вокруг городов, больших и малых, каким-то образом скрашивает однообразный индустриальный пейзаж современного русского жизненного пространства. Промышленная зона — пустырь, жилмассив — пустырь, «Ды-Ка», кривенькая аллея с «ильичом» в конце и бывший райком партии в бетонном «ампире». Еще более ужасающее впечатление производит русская деревня, степень безнадеги которой можно определять по урону наклону редкого и гнилого заборчика.

Как-то путешествуя по Америке, в штате Мичиган из окна автомобиля я с изумлением увидел типичную сибирскую деревню. Удивлению не было предела: деревянные дома из бревен, венцы, характерный «раскрой» крыши, забор из кривых жердей... Вот это да! Неужели земляки? Оказалось — музей под открытым небом, музей освоения Америки: телеги, подковы, ружья, колодец с почти украинским «журавлем». Именно

такой была сельская Америка времен скваттеров и переселенцев с «Орегонской тропы» середины и конца XIX века. Наша русская деревенская архаика после большевиков как бы законсервировалась, и ничто ее не берет, даже нищета.

Для того чтобы культурно доминировать, Большим театром и Эрмитажем не откупишься, никакими истребителями «4+» или «5-» пустыри не перекроешь и бараки хоругвями не завесишь. Необходимо *новая организация русского жизненного публичного пространства*. Если не смогли большевики, не смогли пост-большевики и «силовики», тогда это должны сделать русские националисты; ну в самом деле, не Путину же с Медведевым возрождать Россию, они пекутся исключительно о *своем* государстве, а другого и не знают, и знать не хотят.

Привлекательное национальное культурное своеобразие должно формировать русское публичное пространство.

В числе первых шагов для этого — радикальное ужесточение (не в смысле посадок) законов по охране исторического архитектурного наследия. Далее, в течение следующих пяти лет в стране не должно остаться заброшенных и пустующих исторических зданий и сооружений. Я уверен, через стандартные законодательные механизмы, существующие в европейских странах и точно скопированные нами, для большинства из них возможно возрождение — на частные деньги, и в дальнейшем — функционирование как частной собственности, а в выходные дни — предоставление для общественного посещения. Почему чехи и венгры смогли вернуть замки и архитектурные ансамбли прежним хозяевам, а те по закону открыли доступ для граждан? Кто сказал, что это невозможно в России?

Далее, необходимо разработать специальные налоговые механизмы и проектные планы по стимулированию восстановления утраченного архитектурного наследия. Мы не должны бояться так называемых «новоделов»: центр Мюнхена и Нюрнберга восстановлен

после американских бомбежек именно с помощью «новых копий», и ничего, лет через 20–30 они будут смотреться уже полноценными старыми домами. Почему мы это не можем сделать в отношении наших старинных городов?

Вряд ли кто-то будет «против», если русские националисты предложат архитектурные конкурсы — региональные и общероссийские — по выработке русского стиля в архитектуре с отражением местных особенностей и пристрастий для типового и индивидуального проектирования и строительства общественных и жилых зданий. Как пример: если мы хотим избавиться от домов массовой застройки времен социализма, мы можем их модернизировать. Почему бы не попытаться к этому отнестись творчески, с национальным подходом? Совсем не обязательно выработать русский стиль в виде повсеместной каменной «гжели», русское наследие богато, в том числе — это и русский модерн. Я думаю, если на архитектурную общественность не давить, она сама прекрасно во всем разберется, надо только задать тренд и обеспечить его налоговыми льготами, и тогда русский архитектурный стиль появится сначала как проект, а затем как реальная архитектурная доминанта наших городов.

Невозможно создание обжитого и ухоженного пространства без частной собственности на землю, без пространства приватного и наследуемого из поколения в поколение. Программа деколлективизации и приватизации земли в интересах самых широких слоев нашего населения запустит массовое индивидуальное строительство как в городах и пригородах, так и в сельской местности. Конечно же, это строительство будет осуществляться частными компаниями в интересах частных застройщиков по государственным ипотечным программам, как во всех странах «первого мира». Все государственные жилищные программы для среднего класса (60% всех сделок с жилой недвижимостью), например, Америка осуществляет на го-

сударственные деньги таких стран как Россия, Бразилия, Китай, которые размещаются там, выкупая американские государственные казначейские обязательства. Чекист Путин, проклиная Америку, почему-то деньги, принадлежащие российским гражданам, а не ему лично, хранит на депозитных счетах у «мировой закулисы». Русские националисты, когда придут к власти, вернут эти деньги на Родину через массовые государственные жилищные программы, и вот уж здесь фантазиям архитекторов будет где разыграться — каждый сельский район и каждый пригород областного центра может попытаться удивить страну своим собственным стандартом массовой индивидуальной застройки.

Разбивкой новых скверов и внутренней ухоженностью квартальных территорий, созданием малых архитектурных форм возможно будет заниматься после того, как русские националисты примут законы о местном самоуправлении и заработают налоги на массовую частную недвижимость и землю, которые во всех европейских странах и Америке составляют материальную основу местного самоуправления. Вам действительно кажется, что русским не нравится аккуратно постриженная газонная трава на обочинах дорог и на придомовых территориях? Правда в том, что русские никогда не знали массовой частной собственности в своих городах, вот это действительно исторический факт. Уверяю вас, после того как русские националисты ее введут, всего лишь через десяток лет вы повсеместно увидите маленькие юркие машины, которые будут усердно стричь эту самую траву, и машины эти будут производиться на наших машиностроительных заводах.

* * *

Невозможно культурное доминирование в окружающем пространстве, если от архитектуры мы не перейдем к тому, что тотально нас окружает, т.е. к дизайну и моде. Вообще, как вы думаете, это возможно — русский стиль в одежде

и русский промышленный дизайн, без учета, конечно, таких бестселлеров, как оренбургский пуховый платок и танк Т-34 (мне кажется, слишком уж они уникальны)? Вы знаете, есть люди, которые утверждают, что вывели константу русской моды и обозначили границы русского стиля, об этом написаны книги, переведенные на основные европейские языки.

Конечно же, с точки зрения уличного брутального русского национализма, упоминание имени искусствоведа Александра Васильева в контексте развития идеи русского доминирования звучит, на первый взгляд, достаточно необычно, но только до того момента пока не откроешь его богато иллюстрированные книги: «Красота в изгнании», «Русская мода», «Русские интерьеры». Есть, оказывается, русский стиль, и не всегда, и не обязательно это наша «гжель» и «хохла» (хотя и они самодостаточны сами по себе). Если об этом говорить и писать, если учредить гранты и конкурсы, а для русских школ дизайна и домов моды предоставить хотя бы на 10 лет налоговые льготы (и пусть список этих счастливых будет определен самими профессионалами), не обкладывать налогами спонсоров таких школ, я уверен, лет через 20 появятся Дома русской высокой моды, и кто сказал, что мир не начнет гоняться за оренбургскими платками, а русский «филоновский» сарафан не очарует европейских модниц? Весь мир знает «дизайнера» Калашникова, и кто доказал, что миру не будут явлены русские автомобильные дизайнеры? Ведь первая русская гоночная «Маруся» уже встала на «колесо», и ее делали наши русские ребята в нашей же стране.

Вообще, тема массовой культуры и русского доминирования в ней никогда, нигде и никем не обсуждалась, это вроде считается проблемой низшего порядка. Ну, какая, дескать, может быть русская маскультура — Надежда Бабкина и «Иванушки интернешнл», что ли? Да, господа, и они тоже, не морщите носы, пожалуйста! Какими инструмен-

тами вы измерите вклад В.С. Пикуля в удержании самого понятия русскости и гордости за эту самую русскость без его романов (сделанных по всем канонам исторического action) в те поганые советские времена, когда слово «русский» официально можно было встретить только в заголовке газеты «Советская Россия». А помните великолепные детские фильмы Александра Роу («Марья-искусница», «Морозко», «Варвара-краса, длинная коса», «Финист — ясный сокол»)? Где бы мы были сейчас и где был бы русский национализм, если бы наше детство не было окрашено этими великолепными русскими сказочно-лубочными фильмами. Кстати, знаменитые голливудские режиссеры не стесняются говорить, что все их «Аватары» берут свое композиционное начало именно от нашего милого Роу.

Почему в Америке существует совершенно чудесный «Диснейленд», целая индустрия, ставшая настоящим институтом продвижения американских ценностей, почему у нас в России нет ничего подобного? Это у нас-то, где русская сказка является чуть ли не стандартом мирового качества, где еще остались школы и специалисты, где еще есть анимация и студии «Мосфильма». Как вы думаете, если собрать вместе всех наших сказочных Кощеев и Змеев Горынычей, Емель и Соловьев-разбойников, Колобков и Василис, Жарптиц и Коньков-горбунков — смогли бы молодые русские режиссеры, инженеры и аниматоры, артисты цирка, предприниматели и просто энтузиасты создать нечто подобное? Я думаю, ответ очевиден, и будет уже русская шоу-империя эмоций дарить людям добро и любовь, а политикам даст еще один инструмент влияния на окружающий мир. Я уверен, только русским националистам это по-настоящему нужно, и они это делают.

Можно как угодно относиться к Леониду Парфенову вообще и к его телевизионному творчеству в частности, особенно к историческому. Но если его программы рассматривать как

часть современной массовой культуры... Господа, много ли людей смотрит канал «Культура»? Ответ мы знаем, но в прайм-тайм, вместо футбола и сериала — программа по русской истории, да так увлекательно, да на таком современном «клиповом» уровне, обращенном непосредственно к молодежи... Скажите, чем сериал «Российская империя» хуже романов того же Пикуля «Пером и шпагой», «Фаворит», «Слово и дело», написанных, кстати, если кто помнит, так же «клипово», отрывочно и наспех? Разве можно было представить молодежную русскую патриотическую общественность начала 80-х, не читающую «Баязет» или «Моонзунд»? Поэтому не может молодой русский националист быть равнодушным к таким фильмам, как «Зворыкин Муромец», «Птица-Гоголь», «Хребет России». Кто знает, что на душе у Парфенова, но его историческое творчество несомненно работает на благо России.

Как мне кажется, стоит только начать говорить и писать о восстановлении прерванного революцией естественного и органичного пути развития русского искусства, стоит только на государственном уровне всего лишь предоставить небольшие налоговые льготы нескольким общественным организациям для их меценатов, как в России вновь появятся новые «мамонтовские кружки», и пример Абрамцева будет тиражирован повсюду по стране. Ведь именно так, на деньги русских предпринимателей из народа, возникла и расцвела русская ветвь европейского национального романтизма, ведь именно в таких кружках рождался оригинальный «новорусский стиль», где складывались принципы русского модерна, на мой непрофессиональный взгляд, совершенно оригинального стиля, способного в дальнейшем определять наш особый культурно-исторический путь. Репин, Васнецов, Polenov, Врубель, Нестеров... и это лишь небольшая часть культуры Серебряного века (и только живописной) — культуры настоящего русского нацио-

нализма, сметенного затем пошлейшим соцреализмом.

* * *

Так исторически сложилось, что культурное влияние Русской Православной Церкви на духовное развитие русского человека было преобладающим и даже абсолютным. Русский народ встретил монгольское нашествие в большинстве своем еще в языческом состоянии, азиатские орды на несколько столетий остановили культурное развитие нашего народа. Сохранение христианства на Руси было поистине чудом, и на борьбу за поддержание этого чуда уходила вся энергия русских религиозных подвижников. Как смогли пронести через столетия свою особость староверы — только через форму, отлитую в граните. Могли ли себе позволить русские православные монахи привилегию духовных сомнений? Да нет, конечно. Только форма, только обряд, только концентрация на главном позволила христианству Древней Руси утвердиться в народном сознании. Но за это пришлось заплатить высокую цену усвоением не внутреннего смысла христианства, а только внешней его формы, в виде религиозного обряда, да и то, по словам А.С. Хомякова, для достижения этой ступени понадобилась чуть ли не вся история русского народа.

Именно благодаря этому, кстати, и был выработан русский духовный религиозный идеал — монашеский, аскетический, слишком высокий для мира и для жизни, резкий и недоступный для большинства, не терпящий поэтому компромиссов и конкуренции. Эта практика и предопределила одну из важнейших национальных особенностей русского человека, и самое поразительное, она не куда не делась и во времена добровольной и насильственной секуляризации.

Как мне кажется, именно этой специфической русской чертой национально-го сознания (аскеза и бескомпромисс-

ность) и заложены прекрасные взлеты русской научной мысли, вышедшей и окормленной напрямую из христианского миропонимания. Она определяет и русское житейское «правдорубство», воистину иногда «бессмысленное и беспощадное», и интеллектуальное «начетничество», недостаток рациональности и утилитарного подхода в решении научных и — самое поразительное — даже бытовых вопросов, особенно заметное в научной гуманитарной среде с преобладающим советским жизненным опытом. Ведь это тоже наша специфическая национальная черта, и надо правильно понимать: преодолеть эти крайности невозможно, их можно только сблизить через культивирование определенных социальных практик. В общественно-экономической жизни — через конкуренцию, в научно-интеллектуальной — через дискуссию.

В русском духовном и интеллектуальном пространстве непрерывно существует — то временно угасая, то возгораясь с новой силой — несколько публично нерешенных «проклятых» вопросов.

Это спор между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским времен русского религиозного национального возрождения, спор между «западниками» и «славянофилами» и их последователями времен становления русского национализма, спор между «советским» и «русским» времен опаматования от «советчины» и современный спор между последователями Сахарова и последователями Солженицына, т.е. либералами и националистами. Это специфические русские споры... и теперь самое главное: они не должны никогда окончиться, это наше русское, если мы прекратим говорить об этих вечных русских вопросах, мы не сможем развивать то исключительное, что и составляет основу — русское культурного доминирования: **Русскую Европейскую Цивилизацию.**

Петр Стукалов

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

Имя Павла Ивановича Ковалевского, к сожалению, в настоящее время незаслуженно забыто. О человеке, который являлся основателем целой русской психиатрической школы, имя которого можно поставить рядом со знаменитым З. Фрейдом, а также основателем русской этнополитологии, одним из блистательных теоретиков русского национализма, искренним патриотом своей Родины, до сих пор не написано ни одной монографии, а историки даже не располагают точными сведениями о его жизнедеятельности. Правда, в последнее время благодаря стараниям Ассоциации по комплексному изучению русской нации и ее главы Е.С. Троицкого ситуация начала изменяться. В частности, в 1996 г. был выпущен первый репринт центральной работы П.И. Ковалевского по проблемам русской национальной идеологии, а в 2005 г. в свет вышел сборник основных трудов профессора по проблемам русского национализма¹.

Павел Иванович Ковалевский (1849 — предположительно 1927) внес вклад не только в развитие отечественной психиатрии и медицины, но и по существу стал основоположником целого направления в исторической науке, применяя естественно-научную методологию при анализе тех или иных исторических явлений и деятельности выдающихся личностей. Им было написано около двадцати историософских, национально-ориентированных

работ, один лишь перечень которых впечатляет². Кроме того, Ковалевский участвовал в деятельности патриотических групп и организаций в России, был действительным членом Всероссийского национального союза, поддерживал контакты с другими теоретиками русского национализма, например, с М.О. Меньшиковым.

Сведения в архивах о жизни и деятельности Ковалевского очень противоречивы. Родился Ковалевский в 1849 г. в Петропавловке Екатеринославской губернии, рано потерял отца, окончил духовное училище, а в старших классах уже занимался репетиторством, что позволило ему продолжить образование в Екатеринославской семинарии. Окончив ее с отличием, Павел Иванович поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Непреодолимая тяга к знаниям и уникальная работоспособность позволили Ковалевскому после окончания университета остаться при нем для подготовки к профессорскому званию по нервным и душевным болезням, которое он получил в 1887 г. С 1887 по 1904 г. продолжалась его медицинская и научная карьера, в ходе которой Ковалевский занимал ряд важнейших должностей: председателя испытательной государственной медицинской комиссии в Казани, ректора Варшавского университета, главного редактора и издателя журнала

¹ См.: *Ковалевский П.И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912.; *Он же.* Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III — царь-националист. М., 2005.

² Напр.: История России с национальной точки зрения. СПб., 1912; Основы русского национализма. СПб., 1912; История Малороссии. СПб., 1912; Психология русской нации. Пг., 1915 и др.

«Архив психиатрии»³. По состоянию здоровья Ковалевский был вынужден покинуть Варшавский университет, в 1903 г. он занял должность заведующего кафедрой психиатрии Казанского университета, после чего читал курс судебной психопатологии на юридическом факультете Петербургского университета и работал старшим врачом психиатрического отделения Николаевского военного госпиталя в Петербурге — передового медицинского учреждения того времени. Кроме того, он занимал скромную должность консультанта Свято-Троицкой больницы, сотрудничая с международным Красным Крестом.

Видимо, именно в это время Павел Иванович заинтересовался политикой, сформулировал свою идеологическую доктрину, начал профессионально заниматься историей. После первой русской революции он участвовал в политических дискуссиях и внес весомый вклад в разработку идеологической платформы первой националистической партии Всероссийского национального союза (ВНС), членом которого он стал. Правда, Ковалевский не стремился участвовать в парламентской борьбе, в каждодневной работе партии — его роль сводилась к теоретическому обоснованию деятельности ВНС, к разработке ее политической доктрины. Оставаясь больше теоретиком, нежели практиком, Ковалевский выступал с лекциями в российских университетах и на патриотических собраниях, в которых проповедовал основные идеалы русского национализма, формулировал свою историософскую доктрину, давал теоретическое обоснование таким центральным понятиям в идеологии русского национализма как нация, этнос, национализм.

Следует отметить, что профессор за время работы в Варшавском, а особен-

но в Казанском университетах сумел занять видное место в среде русской интеллигенции, а высказанные им идеи имели заметное влияние. Достаточно вспомнить, что непосредственно под воздействием Ковалевского убежденными националистами и его единомышленниками стали такие профессора, как Т.В. Локоть, И.А. Сикорский, П.Е. Казанский и др.

Революция 1917 г. была воспринята Ковалевским как национальная катастрофа. Документы свидетельствуют, что революционные события застали профессора в момент его работы в Петроградском университете, где он читал курс судебной психологии на юридическом факультете. После победы большевизма Ковалевский был мобилизован в Красную армию в качестве главного врача военного отряда и, видимо, принимал участие в Гражданской войне. К сожалению, после 1923 г. сведения о жизни и деятельности Ковалевского обрываются, поэтому некоторые исследователи, в частности Е.С. Троицкий, склонны датировать этим годом дату смерти профессора. По другим данным Павел Иванович в 1924 г. получил разрешение на выезд за границу и остаток своей жизни провел в Бельгии⁴.

* * *

Как было отмечено, Ковалевский является одним из теоретиков русского национализма. Принципиальная заслуга профессора состоит в том, что он дал обоснование таким важнейшим понятиям в националистической идеологии, как нация и национализм, и определил их теоретические дефиниции. Проанализировав развитие русской истории, ученый выделил отличительные черты русской нации, сформулировал собственную концепцию решения национального вопроса в Российской империи.

Павел Иванович Ковалевский, вы-

³ Современники. Альбом биографий Н.И. Афанасьева Т. 1. СПб.: Тип. А. Суворина, 1909. С. 193.

⁴ ГАРФ. Р. 5919. Оп. 1. Д. 66. Письмо П.И. Ковалевского митрополиту Евлогию.

сказываясь по проблемам нации и национализма, последовательно выражал собственную политическую доктрину, определяемую нами как либеральный консерватизм. В его взглядах можно рассмотреть элементы, присущие одновременно как консервативному, так и либеральному мировоззрению.

Касательно нации профессор, по нашему мнению, строго отстаивал принципы примордиалистской теории, называя нацию древним человеческим образованием, по поводу определения национализма для него характерно, так сказать, «симбиозное» понимание его сущности — ученый доказывал естественную природу национализма, а с другой стороны, данный феномен воспринимался им в качестве самостоятельной политической идеологии и практики. Отношение Ковалевского к понятиям «народ», «нация», «национализм» было выражено прежде всего в двух концептуальных трудах: «Психология русской нации» и «Русский национализм и национальное воспитание в России».

Ковалевский определял нацию следующим образом: «Нация — большая группа людей, объединенных между собою единством происхождения, — единством исторических судеб и борьбы за существование, — единством физических и душевных качеств, — единством культуры, — единством веры, — единством языка и территории⁵. При этом понятие «национальный» характеризовалось им как прилагательное, определяющее принадлежность к нации, а «национальность» — как «совокупность свойств и качеств, характеризующих данную группу и отличающих ее от других наций». Наибольшее значение, по мнению Ковалевского, в определении нации имеет признак единства происхождения, который определяет схожесть

физических и духовных свойств представителей той или иной национальной группы. «Единство происхождения показывает, что все лица данной нации происходят от одного корня, от одного рода, может быть от одной семьи», что, однако, не исключало наличия в составе нации народностей, обладающих рядом несущественных отличительных черт, сформировавшихся преимущественно под влиянием различных географических и природно-климатических условий. По мнению Ковалевского, в мире практически не существует целостных наций, не имеющих в своем составе народностей. С этой точки зрения «великая русская нация состоит из множества отдельных единокровных племен, которые существовали сотни лет, развивались под влиянием особых местных условий, почему и представляют некоторую ничтожную разницу между собой». Таким образом, нация представляется ученому как комплексное явление, состоящее из более мелких частей — народностей.

Нация интерпретируется Ковалевским также и как естественное, соответствующее с требованиями природы образование. С этой точки зрения процесс появления наций сравнивается ученым с эволюцией любого природного явления. Способность образовывать нацию — естественная потребность человека как биологического существа, и поэтому этот процесс неизбежен. Ковалевский доказывает это на примере развития семьи, которая является, по его определению, «единицей нации»: «Муж и жена дали детей. Эти дети получили от своих родителей наследственно свойства физические и качества душевные» и неизбежно в силу мирового закона «явились во всем им подобными» (с. 38). Основываясь на этой аксиоме, профессор делает вывод о том, что основные органические свойства нации передаются наследственно, поэтому являются органическими, стойкими и неизменяемыми.

Вторым признаком, характери-

⁵ Ковалевский П.И. Психология русской нации. С. 37. Далее ссылки на страницы этой книги будут указываться в основном тексте.

зующим и детерминирующим нацию, является, по Ковалевскому, единство исторических судеб и борьбы за существование. При этом профессор имел в виду прежде всего воздействие внешней среды, как естественно-климатической, так и социальной, на формирование каждой конкретной нации. Одинаковая среда, в которой находится та или иная группа людей, воздействует на формирование комплекса признаков, характерных для нации. При этом Ковалевский замечает, что «это воздействие не может уничтожить наследственность, но может значительно ее видоизменить. Зато совокупность единств наследственности и исторических судеб и борьбы за существование создает великую крепость нации» (с. 40). Несомненно, нации, по Ковалевскому, должен быть присущ совершенно особый признак, являющийся прямым результатом совместного воздействия на человеческую общность наследственности и окружающей среды, а именно национальный характер, который определяется ученым двояко. Во-первых, как «одинаковая физическая внешность и одинаковые духовные качества» той или иной группы людей. В этой связи национальный характер, несмотря на то что подвержен значительной степени вариативности, выступает в качестве устойчивого признака, который не может быть видоизменен в своей основе. Ковалевский, с другой стороны, определяет данную характеристику нации также и в качестве некой совокупности «чувств», проявление которых возможно только посредством волевого акта. Среди важнейших составляющих национального характера, в этой связи, Ковалевский выделял настойчивость, способность владеть собою, непобедимое упорство, способность жертвовать собою для идеала, ненарушимое уважение к закону (с. 66). Национальный характер в итоге выступает одновременно и статичной характеристикой нации (как совокупность морфологических и духовных черт ее представителей), и

в качестве динамического начала, проявляющегося как особое поведение членов наций, в основе которого лежат определенные характеристики (чувства). Данный признак нации, по мнению Ковалевского, как никакой другой подчеркивает ее особенное самостоятельное положение и препятствует ее «размыванию» и разрушению — «народы гибнут по мере того, как портятся качества их характера...». Именно различный национальный характер, в силу своей устойчивости и фактической неизменности, является также причиной национальных конфликтов, препятствует мирному существованию и ассимиляции наций, поскольку определяет приоритеты и потребности наций, которые, естественно, могут быть совершенно разными.

Органически связанным с национальным характером выступает еще один атрибут нации — национальная душа. «Душа народа — моральные и интеллектуальные особенности, составляющие синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения...» (с. 65). Как видно из такого определения, душа нации для Ковалевского — это отнюдь не что-то метафизическое, а, наоборот, совершенно конкретное свойство нации, «невидимое в своей сущности, но видимое в проявлениях». Он определял душу нации как интегральную характеристику, включающую не только национальный характер в качестве центрального своего элемента, но и историческую память нации, основополагающие ценности и мотивы поведения конкретных ее представителей. Душа нации находится в постоянном развитии, усложняясь, приобретая новые качества, именно она, по мнению Ковалевского, в итоге определяет эволюцию нации.

Все указанные выше признаки нации определяют и четвертый — одинаковую национальную культуру. К сожалению, Ковалевский не дает этому понятию собственного определения, но по логи-

ке его рассуждений следует, что ученый придерживался такой точки зрения в этом вопросе, которая впоследствии была выдвинута советскими учеными. Они определяли культуру как «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях»⁶. При этом Ковалевский акцентировал свое внимание на том, что конкретная культура каждой отдельной нации отличается самобытностью и оригинальностью. Так или иначе, собственная культура нации — это объективное следствие воздействия и наследственности, и внешней среды, а формируется она на базе национального характера, находит проявление в национальной душе.

Кроме названных признаков нации Ковалевский выделял еще три, с его точки зрения, менее важных: единство веры, языка, территории. Вера и религия, по Ковалевскому, это не часть национальной культуры, а скорее некое проявление национальной души. С его точки зрения, приверженность тому или иному религиозному мировоззрению определяется не тем, что данная конкретная нация полностью разделяет те или иные догматы веры, а соответствием религии чертам национального характера, что в свою очередь выражается в появлении «духовного влечения» нации к исповеданию той или иной веры (с. 41). Именно соответствием идеалов православного христианства основным характеристикам русской национальной души ученый объясняет факт его принятия. Однако при этом Ковалевский делает оговорку, что «вера не может считаться вообще важным национальным признаком, ибо мы видели, что многие нации исповедуют различные религии, и это им несколько не мешает принадлежать к своим нациям» (с. 42).

Признак общности языка также, по мнению Ковалевского, является скорее второстепенным, необязательным определителем нации. Общий язык для него — признак нации только в той степени, в которой он позволяет генетически сохранять «национальную память», передавать национальные традиции от одного поколения к другому. «Нация может исчезнуть. От нее остаются только ничтожные отпрыски, и тем не менее своеобразный язык мелких остатков свидетельствует о самостоятельности бывшей нации». Такой признак как единство территории выступает с точки зрения ученого не столько как детерминанта нации, а сколько в качестве причины, по которой следует выстраивать иерархию наций, выделяя среди них полноправные и неполноправные. При этом наличие этого признака является желательным и определяет права нации, прежде всего в геополитическом пространстве. Исходя из такой посылки, Ковалевский разделяет нации на державные — имеющие относительно гомогенную территорию, на которой создают мощное государственное образование, а также зависимые, которые не имеют своей территории и существуют в рамках другого государства. Фактором наличной территории определяется, по мнению профессора, также и политика по отношению к нациям, не обладающим таким признаком, вообще право их существования на чужой территории, поскольку «в случае противонационального поведения по отношению к державной нации они могут и должны быть выселены из данного государства» (с. 43).

Теоретические рассуждения Ковалевского по поводу нации не ограничиваются обоснованием самого определения этой теоретической дефиниции, перечнем и анализом необходимых признаков нации. Ученый в своих трудах подробно описал и сам процесс становления и развития нации как «единицы человеческих сообществ, населяющих земной шар» (с. 55), определил факто-

ры, влияние которых является главенствующим в данном процессе. Основная мысль его при этом сводилась к тому, что нация — явление совершенно конкретное, обладающее наличным материальным и духовным бытием. Нация как известная общность людей должна представлять «образованное вещество и ему соответствующую душу или сочетание проявлений, соответствующих количеству, качеству и своеобразному сочетанию начал, образующих единицу». Решающими факторами, способствующими образованию этого общества, являются, по Ковалевскому, наследственность и среда.

Влияние наследственности интерпретировалось ученым с зоологических и естественно-научных позиций. Наследственность, по его мнению, «есть тождество, повторение одного существа во многих»⁷. При этом это явление оказывает двойное влияние на группу индивидов. Во-первых, «наследственность является в нашей жизни той охранительной и сохранительной силой, которая стремится во что бы то ни стало закрепить основные черты организации предка во всем его последующем поколении» (с. 56). С этой точки зрения наследственность есть простое копирование основных физиологических и духовных характеристик одного человека в другом. Но в то же время сочетание различных черт родителей ведет к «созиданию чего-то совершенно своеобразного и отличного от свойств родителей, сходного и с отцом, и с матерью, но не тождественного. Этим дается основание образованию личности, особой индивидуальности человека». Таким образом, наследственность воздействует на образование представителя определенной нации так, что создает индивида, отличающегося известным своеобразием характеристик, которое, однако, находится в строгих рамках и не может отрицать или изменять

устойчивую совокупность черт и признаков, передающихся из поколения в поколение. При этом национальная наследственность не только сохраняет все качества определенного национального типа, но и способствует «движению и развитию всех свойств, присущих данной нации». Только наследственность способна, по мнению Ковалевского, образовывать новые национальные начала (устойчивую совокупность свойств и черт), лежащие в основе новой нации. Ковалевский отмечал также, что в основе воздействия на процесс формирования нации наследственности могут находиться как сознательные, так и бессознательные начала человеческой психики, также, в известной степени, детерминирующие данный процесс. В этой связи профессор ссылаясь на учение известного французского ученого Г. Лебона, который именно психологические начала ставил на первое место в списке детерминант нации⁸.

Во-вторых, на процесс формирования национальной общности может, по мнению Ковалевского, существенным образом влиять и среда, в которой протекает жизнь конкретной группы людей. Среда, в понимании профессора, сложное понятие, обладающее целым рядом конкретных проявлений — влияние природы и социальной среды, выражающееся в процессе социализации, воздействие преданий и всей культурно-исторической жизни данной нации. Природная среда, к основным проявлениям которой ученый относил в первую очередь действие разнообразных климатических и географических условий проживания того или иного народа, может оказывать существенное влияние на особенности складывания морфологических и духовных

⁷ Ковалевский П.И. Душевные болезни нашего общества. СПб., 1911. С. 223.

⁸ Фененко А.В. «Национальная идея» и «национальная идентичность» в произведениях Гюстава Лебона // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С. 239–253.

черт нации, развивая в ней определенный склад национального характера и духовной организации. Ковалевский в этой связи выступает последователем идей известных представителей теории географической детерминации условий развития человеческих обществ, таких как Ш. Монтескье и Л.И. Мечников. Однако профессор при этом делает существенную оговорку, так как замечает, что «воздействию физических условий среды подвергаются только второстепенные черты характера» (с. 60), а существенные черты его могут быть затронуты лишь при длительном многовековом воздействии данных условий.

Социальная среда и процесс социализации также существенно влияют на формирование представителей той или иной нации. Конкретное выражение это влияние находит в процессе воспитания. Воспитание — «искусственное созидание в наших детях таких физических и душевных идеалов, какие мы считаем наивысшими и наилучшими». Цель воспитания, по мнению Ковалевского, состоит в том, чтобы укрепить и развить у молодого поколения знания, идеалы и ценности, свойственные национальной душе, основные черты национального характера. Другими словами, воспитание должно вывести характеристики нации, привитые наследственностью, из зачаточного состояния, способствовать их развитию и эволюции. Поэтому воспитание должно отвечать, по мнению ученого, трем основным характеристикам — соответствовать национальной душе и национальному характеру детей, соответствовать требованиям и запросам данного поколения, должно быть личным и индивидуально ориентированным, то есть соответствующим особенностям и задаткам данной личности. Значение воспитания в деле создания и развития нации, по мнению профессора, определяется тем, что «оно укрепляет нацию, если оно национально, и губит нацию, если оно антинационально» (с. 64). Поэтому признак соответ-

ствия воспитания характеристикам национальной души и характера человека все же является определяющим.

Прошлое нации также важный ее определитель в настоящем, так как «всякая нация в настоящем есть плод ее прошлого и основа для созидания будущего». Прошлое нации, а конкретно ее политическая, культурная и социальная история, безусловно, влияют на формирование черт и свойств национальной души в настоящем. В качестве типичного примера такого влияния для Ковалевского, а также для многих других представителей русского национализма являлись периоды отечественной истории, связанные с монгольским владычеством, петровскими реформами. Конкретные исторические явления, по мнению профессора, также могут оказывать существенное влияние на национальную душу. Например, факт существования крепостного права на Руси сформировал у большинства русского населения рабскую психологию, существенно повлияв на степень развития русского национального самосознания, что естественно не могло не отразиться и на уровне развития русского национализма в целом.

Как уже отмечалось, Ковалевский указывал на то, что нация не является статичным явлением, для нее характерно развитие, проходящее по особым законам. В качестве основных законов развития нации Ковалевский выделял два, которые условно могут быть обозначены как закон «эволюции и прогресса нации», закон «социального подбора» наций. Принципиально важно, что действие обоих законов развития нации обосновывается ученым, исходя из естественных причин. Так, с одной стороны, «природа способствует одолению здоровых качеств над нездоровыми, болезненными, почему весьма естественно, что человечество шествует к совершенствованию и возрождению, а не к упадку и вырождению» (с. 56). Но, с другой, существующий веками социальный подбор благоприятствует

бытию одних лиц и служит причиной гибели других. То же бывает и с нациями: слабейшие в борьбе падают, сильнейшие господствуют. История есть летопись этой борьбы, но история — «повествование постепенного роста, развития, совершенствования и видоизменения данной нации». Таким образом, следует говорить о том, что имеют место быть совершенно противоположные законы развития нации. Если для нации свойственными является постоянное развитие и эволюция, то для нее характерна также и постоянная борьба за возможность дальнейшей эволюции, и в ходе этой борьбы, по мнению профессора, всегда есть победитель и побежденный. Поэтому бытие любой нации всегда конечно.

Концепция Ковалевского характеризуется некоторой противоречивостью, неопределенностью и неконкретностью. Исследователь идеологии Всероссийского национального союза Д.А. Коцюбинский даже назвал воззрения Ковалевского «теоретически неряшливыми, что исключало возможность их удобоваримой интерпретации»⁹. Такое определение вряд ли стоит считать правомерным, но в этой связи следует указать на некоторые «курьезные» моменты во взглядах Ковалевского по проблемам нации. Во-первых, заявляя о том, что нация представляет собой некоторую совокупность признаков, характеризующих человеческую общность, ученый затрудняется назвать те из них, которые могут однозначно ее определять. Так, по отношению ко всем заявленным признакам нации Ковалевский допускает оговорку, что и без каждого из них конкретно нацию возможно интерпретировать. Возникающий при этом естественный вопрос о необходимом минимуме признаков, достаточных для выделения нации из других человеческих сообществ, ученый оставляет фактически без ответа. Во-вторых,

обращает на себя внимание принцип выделения и отбора самих признаков, идентифицирующих нацию. По нашему мнению, такие признаки, как единство исторических судеб, а тем более единство веры, вовсе не могут быть отнесены к системным характеристикам нации. В-третьих, как уже было замечено, очень сложно определить разницу между такими атрибутами нации, как национальный характер и национальная душа, которые в известной степени носят абстрактный, ненаучный характер. В-четвертых, Ковалевский явно четко не проработал вопрос о соотношении таких принципиально важных понятий как «нация» и «народ». Опираясь в этих вопросах на мнение других теоретиков нации, таких как П.И. Пестель, Т.В. Локоть, В.М. Грибовский, А.С. Хомяков¹⁰, ученый называл народом либо «состав жителей всего Российского государства», и тогда это понятие выступало гораздо более широким, нежели нация, либо «словами русский народ обозначают сословие, класс людей, простой класс народонаселения», что еще более запутывало вопрос, так как речь шла об абстрактном социальном слое. Наконец, по нашему мнению, концепция Ковалевского, построенная в основном на естественно-научной методологии, является несколько односторонней и умозрительной. Ученый объяснял процесс возникновения нации, правомерность набора ее характеристик, основываясь на данных преимущественно естественных наук: антропологии, психологии и психиатрии. Факторы возникновения и развития наций, природа которых носит исторический характер, являющиеся, в этой связи, объектом изучения исторической науки, исследовались Ковалевским слабо, так как ученый считал их значение второстепенным, а их действие побочным. Типичным

⁹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001. С. 105.

¹⁰ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание // Он же. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III. С. 131–132.

примером, доказывающим это обстоятельство, является полное невнимание Ковалевского к проблемам социально-экономической истории, а конкретно — к феномену капитализма. Поэтому теория Ковалевского оказалась невосприимчивой к меняющемуся историческим условиям, а на вопрос о причинах ускорения процесса формирования национальных государств в мире именно в XIX веке в работах ученого фактически нельзя найти ответа.

Несмотря на сделанные замечания, бесспорен факт, что Ковалевский внес крупный вклад в разработку вопросов теории нации, а его взгляды в значительной степени определили теоретические воззрения русских националистов по этим вопросам.

* * *

Большое внимание Павел Ковалевский уделял обоснованию и определению понятия «национализм». Характерной особенностью его взглядов по этому вопросу являлось то, что он интерпретировал национализм как комплексное системное явление, представляющее собой в первую очередь качество характера конкретного индивида, а уже потом политическую идеологию и практику, сообразную этому качеству. Поэтому, по мнению Ковалевского, о национализме следует всегда говорить в узком и широком смысле. Национализм в узком смысле слова — «это проявление уважения, любви и преданности до самопожертвования в настоящем, — почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы, величия, мощи и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит» (с. 45). Следует заметить, что данное определение не отличается строгой научностью и имеет абстрактный, скорее субъективно-эмоциональный характер. Главным критерием национализма в нем оказываются как раз определенные человеческие чувства, моральный кодекс поведения конкретного челове-

ка по отношению именно к той нации, к которой он принадлежит. Однако, несмотря на всю кажущуюся «нестрогость» и «ненаучность» данного определения, Ковалевский совершенно ясно в своих трудах прослеживал сложный механизм образования личного индивидуального национализма. По его мнению, национализм как качество конкретного индивида — сложное явление, состоящее из двух проявлений: национального чувства и национального сознания. Национальное чувство есть прирожденная принадлежность физической и душевной организации. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Национальное чувство — это качество человеческой психики, реализованное на бессознательном уровне. Другими словами, абсолютно все нормальные с точки зрения физиологического развития люди обладают национальным чувством. Появление этого качества человеческой психики обосновывается Ковалевским с естественно-научной точки зрения. Говоря об образовании национального чувства, ученый указывает на то, что в «основе национального чувства лежит проявление высшего мирового закона — закона тяготения и притяжения. Таким образом, оно современно мирозданию». Проявлением национального чувства в человеческом обществе является беспредельная любовь к своей нации, народности, которая, при этом, не имеет ничего общего с патриотизмом. Эта дихотомия двух понятий — национализм и патриотизм — вызывает наибольшие споры и придает концепции Ковалевского известную нестройность. Об этом будет сказано ниже. Таким образом, национальное чувство, по Ковалевскому, — явление животное, стадное, органическое и прирожденное. Национальное чувство, по Ковалевскому, есть бессознательное инстинктивное чувство любви к своим национальным ценностям, соответствующим национальным особенностям той или иной нации. Однако степень выражения этого чувства зависит, по мысли

ученого, от особенностей той среды, в которой находится каждый конкретный индивид. Другими словами, национальное чувство проявляется по линии «наименьшего сопротивления» окружающей человеческой действительности, а сила конкретного его действия всегда зависит от степени свободы, которой обладает индивид. В качестве иллюстрации этой посылки Ковалевский, да и другие теоретики русского национализма, например, Меньшиков, обращают внимание на русского человека, который веками вынужден был находиться в положении раба, поэтому сила его национального чувства была неизмеримо мала, что влияло и на степень его самосознания.

Национальное самосознание, по Ковалевскому, есть «акт мышления, в силу которого данная личность признает себя частью целого, идет под его защиту и несет себя саму на защиту своего родного целого, своей нации». Для того чтобы такой акт мыслительной деятельности состоялся, необходим высокий уровень развития и проявления национального чувства, что достигается не только созданием благоприятной обстановки для этого (прежде всего обеспечением высокой степени свободы для каждого члена нации), но и правильным воспитанием. В этой связи Ковалевский определяет точку отсчета развития русского национализма датой опубликования Высочайшего манифеста 1905 г., который «даровал желанные свободы и равные права» (с. 47). Однако для того, чтобы русский национализм достиг своего зрелого состояния, необходимы еще годы борьбы, ведение которой и является главной задачей русской национальной партии. Национальное самосознание, а с ним и национализм как атрибут личности, по мнению Ковалевского, необходимо воспитывать в человеке путем развития прирожденного национального чувства. Поэтому Ковалевский много внимания уделял правильной организации воспитательного процесса молодежи и

посвящал свои отдельные труды («Русский национализм и национальное воспитание в России»; «Основы русского национализма» и др.). Целью воспитательного процесса, по Ковалевскому, является создание самостоятельной личности, которая обладала бы высоким уровнем образованности и самосознания. По его мнению, только в обществе таких личностей (другими словами, в гражданском обществе) национальное самосознание может появиться — «для проявления национального самосознания требуется, прежде всего, сознание своего личного собственного достоинства, сознание человеческого достоинства. Нужно, чтобы человек, прежде всего, осознал то, что он человек, и признал в другом человеке такого же человека»¹¹. Воспитать же такую личность возможно лишь в гражданском обществе.

Таким образом, национализм, по Ковалевскому, — это прежде всего интегральная характеристика личности, основой для которой является диалектическое единство национального чувства и национального самосознания. Именно такую характеристику Ковалевский определяет как личный индивидуальный национализм. При этом национальное чувство — инстинктивное и обязательное для всех людей — выступает фундаментом для развития национального самосознания — акта мышления, вытекающего из бытия нации¹². Национализм, как уже было подчеркнуто, в этом качестве неразрывно связан с гражданственностью и может развиваться только в условиях гражданского общества. Именно поэтому для Ковалевского, да и всех русских националистов, образцом общества, в котором мог развиваться национализм, являлось гражданское общество запад-

¹¹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России // *Он же*. Психология русской нации. Воспитание молодежи. С. 121.

¹² Там же. С. 140.

ного типа. Их ориентация на западные стандарты была очевидна, и в этом они в корне отличались от представителей крайне правых черносотенных партий.

Ковалевский особо подчеркивал тот факт, что национализм нужно рассматривать в динамике, причем степень его развития не только у отдельных наций, но и конкретных представителей нации может быть далеко не одинакова. Так, профессор выделял несколько видов национализма, отражающих степень его эволюции. Высшей точкой в его развитии являлся, по его мнению, естественный или народный национализм, главной характеристикой которого являлось существование развитого национального самосознания у каждого из представителей нации в отдельности. Начальными стадиями в процессе достижения высшего уровня развития национализма являлись бюрократический, государственный национализмы. Для этих видов неразвитого национализма свойственна руководящая роль правительства и главы государства в исполнении «сознательного национализма», которая заключается в проведении политики в интересах нации и государства, даже если реальные ее последствия не осознаются отдельными представителями нации в силу их политической неграмотности. К сожалению, по мнению Ковалевского, уровень развития национализма в России пока не дотягивает даже до начальной степени своей эволюции, поскольку «сплошь и рядом государственная политика является не только не национальной, но и прямо-таки антинациональной» (с. 48).

Ковалевский останавливает свое внимание еще на двух видах национализма — державном и сепаратистском, под которыми он понимает национальные движения государствообразующей (державной) нации и наций в составе крупного государства. Анализируя эти его виды на примере Российской империи, профессор фактически отказывает всем народам, входящим в ее состав, кроме русского державного, в прав-

мерности существования собственного национализма, оставляя им право национальной автономии. Речь при этом идет, видимо, о допущении начальной формы развития национализма (естественной и бессознательной, то есть национального чувства, которое по определению уничтожить невозможно), при том, что народы, составляющие Российскую империю, не должны обладать собственным национальным самосознанием. С другой стороны, по мнению ученого, народности и нации, населяющие Российскую империю, вполне могли иметь национальную идеологию, которая перерастала бы национальный сепаратизм, но не шла вразрез с интересами державной, русской нации. Национализм рассматривается Ковалевским и во втором, широком смысле — в качестве «духовного веяния, течения, направления в данном народе, имеющее целью и задачей поднятие и совершенствование блага данной нации. Это и будет национализм массовый, партийный»¹³. Таким образом, национализм во втором значении — это прежде всего политика, подкрепленная особенной идеологией в интересах той или иной нации, политика, основанная на признании приоритета национальных ценностей.

Проведение политики в интересах нации является жизненно важной задачей для любого государства, тем более для Российской империи, где она практически не проводилась. Выступать проводником такой политики может, по мнению ученого, только хорошо организованная политическая сила, имеющая самостоятельное значение и демократическую ориентацию. Естественно, что данная политическая сила может успешно действовать лишь при опоре на определенную политическую идеологию, национал-демократизм.

¹³ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 141. Далее ссылки на эту работу даются в основном тексте.

Политическую ориентацию национал-демократизма профессор выразил так — «национально-демократическое мировоззрение не может быть не консервативным в государственном смысле: для национальной демократии, как представительницы главным образом мелких и средних масс, политический прогресс страны мыслим только в форме эволюционного процесса, медленно созидательного, но не разрушительного» (с. 127). Таким образом, политическая идеология русского национализма может быть нами определена как умеренно консервативная, а основной социальной базой для националистов должны были стать самые широкие слои общества, начиная от мелкой и средней буржуазии и интеллигенции, заканчивая рабочим классом и крестьянством. Ковалевский сам активно выступал за создание истинно национальной партии русских интеллигентов — Всероссийского национального союза, в деятельности которого и принимал активное участие.

Национализм выступает в теоретических построениях Ковалевского и в третьем значении — как политика державной нации в отношении других, соподчиненных, более слабых: «Национализм — сознательное и умышленное насаждение национальных свойств и качеств державной нации в нациях культурно слабых и соподчиненных» (с. 131). При этом антитезой такой политики является денационализация — уничтожение национальных свойств и качеств какой-либо нации. Формой мировоззрения, сформированной на основе такой политики, является космополитизм, который представляет собой, по мнению Ковалевского, искусственное явление, противоположное человеческой природе.

Большое значение Ковалевский при-

дает также проблеме разграничения таких теоретических дефиниций, как патриотизм и национализм. Ученый подчеркивает тот факт, что между национализмом и патриотизмом есть серьезная разница. По мнению профессора, и национализм как качество личности, и патриотизм являются иррациональными понятиями и имеют в своей основе чувство любви и способность к самопожертвованию, однако отличие между ними заключается, во-первых, в разных объектах чувств. «Национализм — беспредельная любовь и готовность к самопожертвованию за свою народность, а патриотизм — такая же любовь и готовность к самопожертвованию за Родину, Отечество» (с. 143). В этом смысле, однако, эти два понятия могут совпадать для граждан тех государств, которые являются гомогенными по национальному составу. Во-вторых, национализм — есть понятие «скорее психолого-антропологическое», сообразное человеческой природе, о чем говорилось выше, в то время как патриотизм — «историческо-географическое», поскольку Отечество всегда исторично и всегда географически определено. Национализм — более узкое понятие по сравнению с патриотизмом, поскольку гомогенных в национальном отношении государств практически не бывает, а значит, «в каждом государстве может быть только один патриотизм и несколько национализмов» (с. 144). Тем не менее, указывает Ковалевский, патриотизм, также как и национализм, является ключевым и важнейшим элементом, определяющим внутренние устои любого государства, «на котором зиждется сила, крепнет и жизненность государства, охраняется его целостность и благосостояние». Именно поэтому разные по сути понятия являются равноправными по значению.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ДИАЛЕКТИКА РУССКОГО ЭТНОСА, или В поисках русского ГЕНОФОНДА

Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., ООО «Луч», 2007. — 416 с., илл.

Насколько мы финны?

Затерялась Русь в мордве и чуди —
Нипочем ей страх.
Сергей Есенин

Начиная эту болезную тему, сразу невольно вспомнишь известный тезис недоброй памяти М.Н. Покровского: «В жилах так называемого русского народа течет 80% финно-угорской крови».

Первая мысль: не может быть, вранье, преувеличение. Вторая: а на самом деле — сколько? Третья: может быть, перед нами миф, такой же как про татарина, который-де выскребывается изпод каждой русской оболочки? Закрадывается тревога, теплится надежда...

О том, что с финскими племенами у славян были более чем тесные отношения, мы знали всегда. На языковую и ментальную общность древних славян и финнов¹ прямо указывает уже леген-

Окончание. Начало см.: «ВН», №8.

¹ Я принципиально избегаю терминов «угро-финны» или «финно-угры». Приставка «угро» указывает не на этнический, а на лингвистический компонент. Что, на мой взгляд, не имеет отношения к этнической идентичности в принципе.

да о призвании Рюрика. Три финских и два славянских племени почему-то сознавали себя как единая общность. Они *хотели жить вместе и на общем языке* договорились и пригласили *общего правителя* варяга, чтобы никому среди себя не дать преимущества и соблюсти паритет, равноудаленность от власти.

Из тех трех финских племен — чудь, весь и меря — как народ сохранилось одно: чудь, они же эстонцы. Весь, они же вепсы, превратились в реликт, а меря и вовсе исчезли как этнос². Факт их поглощения русскими (полной асимилиации) налицо.

Особенно надо отметить, что это поглощение не было насильственным и смертоносным, как это произошло в Средней Азии с предками нынешних узбеков и таджиков. Отсутствие в финском эпосе кровавых славяно-финских разборок (наподобие татарско-русских, как в русском эпосе и в летописях, или финско-финских, как в «Калевале») — свидетельствует о том, что мы брали и превосходили их не мечом, а исключительно биологическими преимуществами.

Аналогичным был ход событий спустя тысячу лет в Сибири во время покорения ее русскими казаками и землепроходцами: «Многие инородцы умирали холостыми, так как жен откуда было взять: инородческие жен-

² С марий-эл меря не идентифицируются.

щины были у русских. Из 44, например, умерших инородцев Каурдацкой волости только двое оставили после себя семью³. То же самое происходило во время колонизации русскими (особенно новгородцами) Поморья и Предуралья, начиная с IX в. А в Забайкальское казачье войско, как известно, предпочитали верстать только полукровок при условии, что отец — русский казак, а мать — бурятка. И т.д.

Генетика говорит о том же: многочисленных финских матерей оплодотворяли очень разного типа отцы⁴. Балановские не случайно настаивают на «большой роли финно-угорского субстрата в формировании митохондриального генофонда русских популяций» (150). Надо ясно понимать, что первоначальную колонизацию вели, как обычно, первопроходцы-мужчины, которые оплодотворяли местных коренных женщин, но передать им мтДНК, естественно, не могли. Экспансия мужчин изначально генетически неоднородных славянских племен шла в область расселения финнов, финских женщин, также, вероятно, генетически неоднородных.

Бряд ли при этом славяне вырезали под корень финских мужчин по примеру многих народов древности. Ведь они и в Сибири не делали этого впоследствии; да и в финском эпосе это не отражено. Скорее, была честная сексуальная конкуренция. Фин-

ки отдавались (как потом сибирячки) славянам более-менее добровольно, предпочитая их по каким-то причинам своим финнам. Впрочем, Балановские отмечают и «вклад» финских мужчин в русский генофонд (по Y-хромосоме), что говорит о древней популярности славяно-финских браков вообще. Последствия оказались грандиозны.

Почему-то никто из историков не задавался вопросом: как же это объединению славянских и финских племен под властью Рюрика не помешал языковой барьер? Был ли он? С какой стати две разные этничности добровольно, без военного подчинения пожелали жить в одном государстве, если они такие уж разные? Есть ли тому еще примеры? Может, эта разность уже тогда была невелика — не только антропологически, но и лингвистически? На эту мысль наводит факт обратной метаморфозы: наличие в природе такого народа как венгры, финноязычного (финно-угорский язык называется так именно благодаря им), но притом, если верить Балановским, славянского этнически, то есть биологически⁵. Если возможны славя-

³ Лучинский Г. Сибирь // Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX.

⁴ По гаплогруппам Y-хромосомы средний показатель гетерогенности у народов Европы = 2,9. Это показатель мужской однородности половых контактов древности. Максимум у финнов (8,2) и хорватов (8,0): это значит, что их женщин оплодотворяли самые разные мужчины, оставившие свой след (154). Балановские не случайно педалируют тот факт, что «в Европе межпопуляционные различия особенно велики между финно-угорскими популяциями» (294); этот факт говорит о том же.

⁵ «Мадыяры (венгры), пришедшие из Зауралья, в конце I тыс. н.э. завоевали Среднедунайскую низменность, населенную главным образом славянами, и смешались с ними. Живущий там народ и сейчас называется венграми и говорит по-венгерски (язык уральской семьи). Но прекрасная венгерская научная школа физической антропологии, несмотря на огромные усилия, практически не находит в физическом облике нынешних венгров явных следов переселенцев с Урала — одни лишь черты прежнего славянского населения» (297). В средние века, однако, венгров называли турками (тюрками), как об этом свидетельствуют византийские источники. При этом язык, все же, был финно-угорский... Венгры исторически — тюрки, генетически — славяне, а лингвистически — финны. На этом примере хорошо видно, что этничность по языку определять недопустимо.

не с родным финно-угорским языком, то почему бы не быть славяноязычным финнам? Любопытно (повторюсь), что Балановские, теоретически настаивая на выделении финно-угорских народов по лингвистическому признаку, сами при этом, однако, практически выделяют финский субстрат в русском генофонде не по фонемам и лексемам, а все-таки по генам.

Так или иначе, но отрицать русско-финское слияние не приходится. Проблема лишь в границах и масштабах этого события. Балановские считают его не просто большим, но этнообразующим. Настойчиво отвергая татаро-монгольское влияние на русский генофонд, авторы так же настойчиво пропагандируют финское⁶. С их точки зрения, русские — это и есть славяно-финский микст, попросту. Вот что они пишут по этому поводу.

«Современное русское население образовалось при смешении пришлого славянского и автохтонного финно-угорского населения. Славянские племена в течение нескольких веков продвигались с запада на восток, колонизируя Восточно-Европейскую равнину и ассимилируя местные финно-угорские племена. В середине этого процесса, когда славяне достигли территорий, которые являются сейчас серединой русского ареала, смешение было особенно интенсивным. В результате образовался “средне-русский” генофонд, составленный из славянского и финно-угорского компонентов» (288).

Авторы поясняют антропологическое значение слова «среднерусский»: оно означает «общий усредненный антропологический портрет, а не географическое положение в середине русского ареала» (50). А также раз-

ясняют и генетическое его значение: «Чтобы узнать этническую частоту гена, нужно просто усреднить все частоты в локальных популяциях этого этноса»⁷ (93). Имеется в виду — во всем исследуемом ареале.

Итак, если верить Балановским, среднестатистический «русский» тип — есть тип смешанный, славяно-финский. Базовым элементом русского генофонда в средние века стал и доныне остается славяно-финский микст⁸.

Это приговор. Справедлив ли он?

Для того чтобы разобраться в этом как следует, надо найти ответы на десять вопросов⁹. Нужно до конца понять:

1. Чем отличается генетический портрет славянина VI–VIII вв. от генетического портрета финна того же времени? Могли ли древние славяне внешне, антропологически походить на древних финнов?

2. Кто жил на Русской равнине до прихода туда летописных восточно-славянских племен (ведь не была же она ни пуста, ни сплошь заселена финнами)? Как это дославянское (дославянское ли?!) население генетически соотносится с нашими непосредственными предками?

3. Все ли восточные славяне несут в

⁷ Не напоминает ли это среднюю температуру по больнице — от тифозной палаты до morga?

⁸ На этом месте можно внутренним взором увидеть, как рукоплещут украинские националисты, положившие жизнь на то, чтобы оторвать малороссов от общерусского древа и объяснить всем, что они не русские, потому что русские — это-де смесь татар с финнами. А также, как безразлично морщат нос немногочисленные пока белорусские националисты, тянущие свой народ прочь от русских, к полякам и вообще «у Еуропу».

⁹ К этому списку примыкают и вопросы, им порождаемые, относительно генезиса славяна, его времени и места, а также об обстоятельствах его дивергенций. Но все это выходит за рамки обсуждаемой книги.

⁶ Хрен редьки... Мне в этой теории не нравится еще и то, что она возвращает финские территориальные претензии, и без того разогреваемые финскими политиками, особенно в последние 20 лет.

себе финский субстрат? Не является ли этот субстрат изначальной характеристикой всего восточного славянства? Если нет, то есть ли у русских в этом отношении «товарищи по несчастью» или мы представляем собой исключение среди восточнославянских народов за счет финского подмеса?

4. Все ли популяции русского народа несут в себе финский субстрат? Если нет, то какие именно несут, а какие нет? Как они локализируются? Какой процент русских собою обнимают? Можно ли считать русским человека, в себе такого субстрата не имеющего?

5. Кто мы: офинневшие (офинно-угоревшие) славяне или ославяненные финны? Чей генетический вклад больше? Чья в нас генетическая основа?

6. Как финские гены, обнаруженные в русском генофонде, распределены в процентном отношении по основным русским регионам? Каков там их минимум и максимум в%? Каковы пропорции финского субстрата во всех русских популяциях, где он присутствует?

7. Есть ли хоть что-то общее у всех русских популяций, что отличало бы нас и от финнов, и от монголоидов, и от западноевропейцев? Есть ли, иными словами, генетическое ядро русского народа?

8. Если в одних популяциях русских финский субстрат присутствует, а в других нет, то что, собственно, позволяет их всех одинаково относить к русским? Не то ли самое ядро, сохранившееся и в смешанных популяциях?

9. Если остались русские регионы и популяции, не затронутые финским подмесом, то почему надо за собственно русский тип принимать именно микст с финнами и какой-то «среднестатистический» тип? А не тот тип, который был до этого смешения и, к счастью, сохранился до наших дней? Максимально соответствующий выше-реченному ядру и объединяющий нас с иными восточнославянскими народами? Исходным-то, основным для русских является именно он! Не он под-

мешивался к финнам, а финны к нему...

10. Насколько резким и принципиальным стало наше отличие от других восточноевропейских народов вследствие включения финского субстрата? Не произошло ли с нами при участии древних финнок то же, что произошло с татарами при участии русских женщин? Не переродились ли мы этнически и/или расово?

Сразу отмечу, что некоторым из этих вопросов суждено остаться без ответа, поскольку Балановские искусственно (на мой взгляд, неправомерно) ограничили ареал исследования, из-за чего целый ряд исконно русских популяций не попал в рассмотрение вообще, а значит, не мог быть включен в статистику. А некоторым — из-за идеологической позиции (на мой взгляд, ложной) авторов, считающих подобные вопросы в принципе недопустимыми. А на некоторые вопросы они дают ответы, но как бы невзначай, не нарочно, а самой по себе честно наработанной фактурой — и даже вопреки собственным идейным установкам.

Ниже я привожу ответы на поставленные вопросы по порядку номеров, такие, какими они мне увиделись по прочтении книги Балановских. Везде, где ответ можно почерпнуть у этих авторов, я это делаю. Там, где ответа мне найти у них не удалось, читатель встретит мои собственные гипотезы, основанные на других научных источниках.

Итак:

1 и 2. Проблема славяно-финского смешения имеет один существенный аспект. Охотники попрекать нас этим смешением не учитывают того факта, что финны, как и славяне, имеют общего прародителя: кроманьонца. Только постоянно держа этот факт в голове, можно найти объяснение некоторым странным обстоятельствам.

Например: почему-то генетики находят славянскую основу в местах проживания летописных племен, а антропологи — нет. В древних «бес-

спорно славянских» курганах, в могильниках на исконно русских землях «антропологическими методами выявляются лишь дославянские черты древнего населения», финского, балтского и какого-то «иног». «Антропология не может обнаружить сам “суперстрат” — тот собственно славянский антропологический тип, который включил в себя все дославянские субстраты».

«Сложилась парадоксальная ситуация, — итожат авторы. — Славянская колонизация Русской равнины — неоспоримый факт. Но в антропологии русского населения улавливаются главным образом черты самых разных субстратных групп дославянского населения» (47–48).

Но кто же тогда с финнами перемешивался, если не шедшие с запада славяне? Как это все может быть, и о чем это говорит?

Если рассуждать логически — говорит это только об одном: внешне древние славяне не отличались от древних финнов и вообще «дославян» в зоне смешения — от таких же прямых потомков кроманьонца, как они сами. Хотя генетические, а скорее всего, и языковые отличия уже накопились за несколько тысяч лет дивергенции, но не настолько, чтобы они не могли общаться и понимать друг друга.

Как известно, финны — чемпионы гетерогенности среди европеоидов, их популяции генетически далеко разнесены друг от друга. Возможно, именно те популяции древних финнов, что оказались на пути миграции летописных племен, были очень сходны с древними славянами. Которых сегодня по этой причине антропологи склонны принимать за финнов, хотя генетики в них подозревают все же славян. С тех пор прошло еще полторы тысячи лет; антропологические отличия финских популяций, избежавших ассимиляции, вполне могли концентрироваться и закрепиться за такой срок. Сегодняшнего финна антрополог, возможно, от-

личит от славянина с первого взгляда; но так ли было в VI–VIII, а тем более в I–V вв. н.э.?

Есть и другое соображение. Как известно, было время, когда славяне занимали чуть ли не всю Центральную и значительную часть Южной Европы, их граница расселения проходила у нынешней Дании и Гамбурга с одной стороны и у Византии с другой. Но это вовсе не значит, что эпицентр славянского этногенеза находился некогда там же. Каким был жизненный путь протофиннов и протославян со времени распада ностратической протообщины на т.н. индоевропейские народы? И где происходил сам распад? Возможно, этногенез тех и других происходил примерно в том же месте и примерно в то же время. В ходе этого славяне побратски смешивались с финнами, ибо память об общем прошлом еще жила, а радикальные различия в облике и языке еще не накопились. Однако их смешение на Восточно-Европейской равнине приводило не к появлению нового вида (этнуса), а к широкомасштабной реверсии вида исходного: к реверсии кроманьонского (европеоидного, ностратического) типа, говорившего на более прогрессивном, развитом — славянском — языке¹⁰.

Вот почему я бы не стал так уж настаивать, как это делают Балановские, что смешение с финскими популяциями говорит об их конституирующей роли в формировании русского генофонда (162). Так, как если бы финны и славяне были в то время уже до конца отдельными, обособившимися этносами — субъектами истории. Но ведь это смешение может быть просто свидетельством общности происхождения и дальнейшей совместной судьбы. Возможно, дивергенция не зашла еще

¹⁰ Не поэтому ли именно русские, как установлено еще В.В. Бунаком, антропологически — главные, «центровые», наиболее типичные европеоиды, «современные кроманьонцы»!

слишком далеко, славяне и финны просто не успели очень уж разойтись даже генетически, а тем более антропологически. И обоюдными усилиями возвращали былое родство.

Если же в эпоху славянской колонизации славяне и финны антропологически мало отличались друг от друга, признать финнов за решающий фактор в складывании «среднерусского» антропологического портрета не представляется возможным.

К сожалению, книга Балановских не содержит материалов, могущих подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Ни генетический, ни антропологический портрет славянина VI–VIII вв., ни генетический, ни антропологический портрет финна того же времени в книге не содержится. Нет и точного ответа, кто и где жил на Русской равнине до эпохи колонизаторства летописных восточнославянских племен. И не были ли эти «дославяне» на самом деле славянами, только другими.

3. С полной ясностью и определенностью Балановские пришли к выводу, что микшированность с финнами — есть только русская, но не восточнославянская в целом участь. Ни белорусы, ни украинцы ни в чем таком не замечены.

Авторы ставили задачу прямо: «Важно понять: близки ли все эти популяции (финские. — А.С.) именно к русскому генофонду или же к широкому кругу восточнославянских популяций? Иными словами: кроется ли секрет этого сходства в этнической истории русского народа или же в экспансии восточных славян в целом, а возможно и в “исходном”, до экспансии, сходстве славянского и финно-угорского генофондов?»

Для ответа на этот вопрос Балановские провели анализ близости «восточноевропейского»¹¹ (именно:

финского) генофонда к белорусам и украинцам, составили соответствующие карты. И так обосновали свой вывод:

«Высокое генетическое сходство русских популяций с населением большинства восточноевропейских территорий (имеются в виду, не подумайте иного, все те же финские популяции. — А.С.) является не чертой, общей всем восточнославянским народам, а собственной характеристикой русского генофонда... Зона, генетически сходная с белорусским генофондом, заметно меньше: она включает лишь славянские народы (как восточных славян, кроме Западной Украины, так и западнославянские популяции), но не включает народы Поволжья и Приуралья. Таким образом, генетическая общность с неславяноязычными популяциями Восточной Европы является “прерогативой” русского генофонда, в отличие от генофонда белорусов, который резко отличается от этих народов Поволжья и Урала...

Неславянские народы Восточной Европы, которые относительно близки к русским популяциям, от украинского генофонда так же далеки, как и от генофонда белорусов. Это подтверждает правильность нашей интерпретации, что славянская колонизация Восточно-Европейской равнины, сопровождавшаяся ассимиляцией финно-угорского населения, вовлекала из всего славянского массива преимущественно предков современного русского населения» (241–242).

Сказано с исчерпывающей определенностью.

Положим, на вопрос об «исходном», до экспансии, сходстве славянского и финно-угорского генофондов» авторы так и не ответили: но на него и нельзя ответить, исследовав потомков только двух из многочисленных пле-

ныне содержание, которое было установлено в Ялте и Потсдаме по итогам Второй мировой войны.

¹¹ Балановские в понятие Восточной Европы вкладывают явно не то общепринятое

мен, участвовавших в экспансии (дреговичей и полян), тем более что прямая генетическая преемственность современных украинцев от летописных насельников Киевщины былинных времен не подтверждена.

Но одно можно считать установленным: предкам белорусов (дреговичам) и украинцев (вопрос об их предках не закрыт) удалось избежать смешения с финским субстратом в ходе восточнославянской экспансии на восток.

Увы, эта славная доля выпала только нам.

4. Что ж, у каждого свой крест. Но вот что для нас неизмеримо важнее: пусть в ассимиляцию с финнами были вовлечены только предки русских, но разве все подряд?

Разберемся повнимательнее с этим вопросом.

На основании биологических замеров и анализов Балановские создали ряд интереснейших карт, позволяющих не только представить себе «ландшафт русского генофонда», но и соотнести его с картой расселения летописных славянских племен. И что мы увидели? Слово авторам:

«Наибольшие отличия по оси “юг — север” находят прямые аналогии в диалектологическом членении русского языка на северное, южное наречия и переходные среднерусские говоры. Вместе с тем, история формирования как генофонда¹², так и государственности на своих важнейших этапах проходила по иной, ортогональной оси “запад — восток”...

Напомним, что различия между западными и восточными популяциями были обнаружены и при первом же геногеографическом анализе антропологических данных: инструмента-

рий многомерных расстояний выделил три зоны: западную (“славянскую”), восточную (“субстратную”) и промежуточную между ними (“рифтовую”)» (130).

Что же получается?

Во-первых, русскому народу, как неоднократно подчеркивают Балановские, свойственна в первую очередь широтная, а не долготная изменчивость. То есть связанная вовсе не с ассимиляцией финских племен, а с другими факторами.

Во-вторых (для нас сейчас в-главных), «в восточной части русского ареала “русская” карта выявила субстратные финно-угорские элементы в составе русского народа и тем самым подтвердила данные антропологии о наличии финно-угорского субстрата... В западной области соответствия между “русской” и “восточноевропейской” картами практически нет! Это говорит о таких антропологических особенностях русского населения, которые несводимы к субстратным, иноэтничным элементам» (51).

Выходит, в русском народе есть три биологически отличных части, расположенных друг за другом долготно, вдоль меридианов. Отличия между ними связаны со степенью смешения с финским субстратом (от максимального на востоке до нулевого на западе). Причем внутри каждой из них есть еще как минимум три доли, расположенных широтно, вдоль параллелей. Широтные отличия связаны с другими, не раскрытыми достоверно обстоятельствами. Их гипотезы мы обсудим в своем месте, здесь только замечу, что тезис о том, что русский генофонд формировался лишь по одной из двух осей, а не по обеим, авторами не доказан, а в свете ими же здесь установленного — недоказуем.

Конечно, я нарочито упростил и огрубил гораздо более сложную и тонко детализированную картину, но в целом суть теории Балановских имен-

¹² Подчеркивая постоянно, что главная черта русского генофонда есть его изменчивость с севера на юг, Балановские противоречат себе, утверждая, что этот генофонд формировался в движении с запада на восток.

но такова. Что она означает в плане славяно-финских взаимодействий?

Главное: разговор о славяно-финском миксте должен, по большей части, начинаться и заканчиваться лишь по поводу восточной части срединной и отчасти северной доли, то есть далеко не самой значительной территории ареала, попавшего в оптику ученых. А к остальным популяциям русских он относится либо в меньшей мере, а то и вовсе не относится, например, ко всей западной и всей южной части.

Балановские достаточно категорически характеризуют именно последнюю группу: «На обобщённой карте Восточной Европы западная половина русского ареала выглядит как единообразная равнина: с точки зрения Восточной Европы все русские этой половины ареала — одинаково русские» (51). Очень важное признание!

Значит, с точки зрения логики, именно и только эти популяции, этнически цельные, резко отличающиеся как от условно русских популяций на востоке, так и от европейцев на западе (а на востоке тем более), и являются, вкуче с белорусами, собственно русскими, эталонными русскими популяциями!

А вот не менее важное признание: «Что же представляют собой западная и восточная зоны скопления “ядерных структур”?.. Такие области с антропологически особенным русским населением включают целый ряд компактных “ядер”, отделенных друг от друга “среднерусским” по антропологическому облику населением. Была предложена гипотеза, хорошо объясняющая такую картину: каждое из ядер представляет собой след одного из племен, населявших эту территорию... Предложенная гипотеза хорошо объясняет и наличие западного и восточного скопления ядер: западное скопление она связывает со славянскими племенами, причем локализация многих ядер соответствует локализации конкретных летописных

славянских племен. Восточное скопление — связывается с финно-угорскими племенами»¹³ (81).

Спрашивается: если славяно-финским микшированием затронуты, мягко говоря, далеко не все русские популяции, сохранившие свои генетические ядра от глубокой древности, то зачем же выдавать наличие финского субстрата за конституирующий признак русского народа в семье восточных славян, да и вообще славян? Ведь данный признак, как выясняется, характеризует лишь ряд условно русских окраинных популяций (восточные регионы центральной и фрагменты северной части изученного ареала) — и только.

Применительно к летописным племенам получается следующая история: с финнами мешались только те словене, кривичи, северяне, вятичи, которые продвинулись подальше на восток и север, преимущественно в Волжско-Окское междуречье, к Белоозеру и в Приуралье. И то не всюду, судя по некоторым замечаниям Балановских. А те, что остались на месте первоначального расселения, этой участи избежали.

А поляне? Дреговичи? Уличи? Древляне? Другие племена?

Дреговичи стали белорусами. Они остались вне славяно-финских брачных игр.

Поляне (кто уцелел) бежали преимущественно на север от татар, унося с собою генетику и традиции¹⁴. Они образовали анклав, в которых сохранился как особый южнорусский гено-

¹³ Как филолог я уверен, что данные диалектологии могли бы более четко определить по диалектам границы русских популяций в их связи с племенным происхождением. Ведь связь языка с соматикой — научный факт.

¹⁴ Часть, как станет ясно из дальнейшего, оказалась сегодня также на Кубани. Но древнерусский фольклор она не сохранила, его полностью вытеснил самобытный казачий фольклор.

фонд, так и былины киевского цикла, вообще древний фольклор Киевской Руси. Финского субстрата в них нет или очень мало. Те восточные славяне, что заняли их опустевшую нишу (нынешние украинцы), вряд ли имеют с ними много общих предков, происходя, как полагает академик В.П. Алексеев, по большей части от древлян.

Уличи, тиверцы, дулебы (волыняне), хорваты, древляне, радимичи вообще оказались вне ареала, избранного Балановскими, увы.

Итак, славяно-финское микширование шло далеко не везде. Не стоит скрести подряд всех русских, чтобы найти финнов: в большинстве случаев эта затея не увенчается успехом.

Но в таком случае корректно ли местную этногенетическую характеристику ряда восточных областей «исконного русского ареала» распространять на весь ареал, на весь генофонд? Почему нужно было предпочесть микст — исконному генофонду в качестве эталона русскости? Почему русских должен представлять смешанный тип с восточных территорий ареала, а не прямой потомок летописных племен? Разве этот смешанный тип стал главенствующим? Чем руководствовались Балановские, настаивая на таком выводе?

Авторы мотивируют свой выбор тем, что именно «на восточной окраине ареалов племён летописных славян, где происходило наиболее интенсивное взаимодействие с коренным неславянским населением, началось формирование нового генофонда и нового антропологического типа (“среднерусская” долина). Именно этот тип мы сегодня называем собственно русским, типично русским» (52).

«Мы называем» — аргумент не из лучших, прямо скажем. Если характерной чертой русских признается их относительно высокая гетерогенность вообще, то о каком «среднерусском типе» можно говорить? Сложим два носа и поделим пополам? Наверное,

все же, в определении типичности не обойтись без статистики иного рода: частоты распределения тех или иных признаков среди населения. Кого больше среди русских: долихоцефалов или брахикефалов, сероглазых или кареглазых, длинноносых или курносых, брюнетов или блондинов? Понятно, что среднестатистическим в таком случае может оказаться зеленоглазый шатен-мезоцефал со средней длины носом. Но надо ли объяснять, что «типичный» и «среднестатистический» — это далеко не одно и то же. Среднестатистический тип вполне может оказаться в меньшинстве, и кого тогда он сможет представлять?!

Кстати: Балановские настаивают, что этничность может и должна определяться лингвистически, они также выдвинули и успешно защитили тезис о корреляции в рамках этноса фонда фамилий и генофонда. Но в этом случае — вопрос авторам «на засыпку»: где же, если не считать топонимики, чье смысловое значение давно утрачено (пример — «Москва»), в живом русском языке или в популярных русских фамилиях следы финского влияния? Его нет. Разве что в ностратическом пласте может отыскаться что-то общее, но это уже не имеет отношения к нашей теме.

Не будем же преувеличивать значение подмеса финского субстрата к славянскому суперстрату. Не суб-, а суперстрат должен определять генофонд. Где же его найти?

5. Балановские ограничились утверждением о роли финского субстрата в создании русского генофонда, но не вдавались в вопрос о пропорциях, не детализировали свой тезис¹⁵. При этом некоторые (не все) необходимые нам уточнения по границам распростра-

¹⁵ Между тем всякий, кто читал рецепты Венички Ерофеева по составлению коктейлей типа «Слеза комсомолки», знает, что все дело именно в пропорциях!

нения финской генетики они, однако, сделали. Извлечем их.

В самом общем виде их вывод: «Итак, наша гипотеза: в современном русском генофонде разных территорий видны три фазы славянской колонизации: преобладание на западе славянского, в центре смешанного и на востоке дославянского (в основном финно-угорского) населения» (288). Уточню: смешанным является население и в центре, и на востоке, просто пропорция подмеса во втором случае выше.

Но как эта разница выглядит в цифрах, мы не знаем. Указание на трехчленный русский ландшафт расшифровывается лишь приблизительно и неконкретно:

«В восточной части русского ареала «русская» карта выявила субстратные финно-угорские элементы в составе русского народа и тем самым подтвердила данные антропологии о наличии финно-угорского субстрата...

Но ключ к пониманию всего обобщенного картографического ландшафта находится не в западной области, а в центральной «среднерусской»... Биологическая сторона происхождения этой долины ясна: антропологические характеристики населения приближаются к среднему общеэтническому уровню в результате интенсивного смешения, метисирования... (Не очень понятно: к среднему общеэтническому уровню какого этноса можно приблизиться в результате метисирования? Ясно, что и ни к славянскому, и ни к финскому. Еще одна логическая загадка авторов. — А.С.)

Таким образом, при обобщенном картографировании современного русского населения удается выявить в его антропологическом составе три пласта, имеющие географическую приуроченность и соответствующие трем этапам формирования этого состава:

— формирование древнерусского населения до заселения Волго-Окского междуречья (западная зона);

— приобретение новых антропологических особенностей за счет метисации — включения местных элементов в Волго-Окском междуречье (центральная зона);

— значительное усиление субстратных влияний по мере дальнейшего расселения (восточная зона)» (51–52).

В целом, мне кажется, принять такой сценарий можно, он не противоречит истории, тем более что опорные даты процесса в общем известны. Но опять-таки хочется уточнить: славяне с финнами мешались главным образом в Волго-Окском регионе, а не повсеместно. Почему же надо считать этот регион «ключевым» для русского этногенеза? Это не обосновано.

Авторы приводят данные, которые подтверждают, что ареал метисации был довольно ограниченным. Они, например, пишут: «Из уральской семьи по ДНК маркерам изучены лишь восточные финноязычные народы (коми, удмурты, мари, мордва). Минимальные расстояния обнаруживаются на территории расселения этих народов, в основном в Приуралье. Напротив, население запада Русской равнины и Предкавказья генетически удалено от средних уральских частот... Наименьшие значения расстояний локализуются на Урале и далее к западу постепенно нарастают» (238).

Все это вполне объяснимо: ведь на Урале мы мешались с финнами активно, а на западе и в Предкавказье не мешались вовсе. После всего вышесказанного, когда стало ясно, что современные русские в целом — это все же русские, произошедшие от древних русских, а вовсе не славяно-финский микст (каковым являются лишь некоторые из наших популяций), можно употребить именно такой оборот: *мы* мешались. Не Приуралью брать на себя представительство русского народа.

Особенно привлек мое внимание один выразительный случай упорного несмешивания исконно русской попу-

ляции с теми самыми финнами на Русском Севере.

Пенег — северно-русская популяция в верховьях реки Пинеги — непосредственно граничат с республикой Коми. Однако «население данной популяции близко не к субстратному населению восточных финно-угров, а к старожильческому русскому населению... Население является высоко-рослым, с ярко выраженными чертами европеоидного типа, выраженной горизонтальной профилировкой лица, повышенным процентом светло-голубых глаз и русых волос, сильно выступающим носом». Их генетические расстояния минимальны с каргопольскими русскими, немцами, литовцами и поляками, средни с украинцами, чехами, «средними» русскими, с латышами и эстонцами — и максимальны с коми, карелами и финнами (142–143). Указанные данные заставляют задаться вопросом: а не потомки ли перед нами тех дружин русов, что пришли с Рюриком и его братьями с южного побережья Балтики в IX в.? Уж больно характерен состав генетически близких этносов! И уж очень упорно нежелание смешиваться с финнами, граничащее с расизмом, очень органичным для кровнородственной общины, каковой русы и были, в отличие от славян, живших общинами территориальными.

Такое же упорное несмешение, хранение своей этнической цельности, самотождественности мы видим вообще на всех исконных территориях первоначального расселения летописных племен. Это признают сами Балановские: «Западные “ядра” на антропологической карте совпадают с ареалами летописных славянских племён на археологической карте: каждое из западных ядер мы можем сопоставить с конкретным славянским племенем»¹⁶ (288).

¹⁶ Балановские вообще вдруг делают странное признание, противореча основному пафосу своей книги: «Однако это направление «запад=>восток» так и не стало

Это важнейшее признание!

Почему же мы должны смириться с тем, что «собственно русский», «типично русский» тип — есть результат формирования «нового генофонда и нового антропологического типа» там, где происходило «наиболее интенсивное взаимодействие с коренным неславянским населением», т.е. «на восточной окраине ареалов племен летописных славян»? Почему следует считать за русских не тех наших прямых предков, кто берег и хранил свою этническую идентичность в течение полутора тысяч лет, а тех, кто легкомысленно пренебрег ею, проявив абстрактный гуманизм, несвойственный для нормальных завоевателей пространств?

Вот они-то, современные пенег, каргопольцы, обитатели западных областей русского ареала, в том числе белорусы, — и есть истинные, эталонные русские, с ними и следует сравнивать другие популяции, а при желании и индивидов, претендующих на русскость! Хочешь увидеть настоящего русского — поезжай на Пинегу, в Каргополь, в Псков, Смоленск, Брянск, Курск, Минск...

6. Из всего сказанного легко сделать вывод: мы и не офинноугоревшие славяне, и не ославяненные финны, хотя в наших популяциях встречается порой и то, и другое. Но генетическая основа у нас другая, та, что роднит нас с белорусами и украинцами.

Подтверждение этому тезису мы находим в книге Балановских на с. 149–150, где размещены важные таблица и диаграмма. Они показывают в нисхо-

главным сценарием русского генофонда, не сумело превозмочь различия между севером и югом... В других главах... мы видели, что генофонд Русского Севера нельзя рассматривать только как наследство от финно-угров: он часто тяготеет к западным территориям, и скорее всего, к самому древнему палеоевропейскому плесту генофонда Европы» (288).

дящем порядке степени сходства по генофонду (по спектру гаплотипов) наших соседей с нами:

1) восточные славяне (украинцы, белорусы);

2) волго-финские народы (коми, мари, мордва, удмурты);

3) западнофинские народы (карелы, финны, эстонцы);

4) западные славяне (поляки, словаки, чехи);

5) тюркские народы Урала (татары, башкиры, чувашаи);

6) южные славяне (болгары, боснийцы, словенцы, хорваты);

7) германоязычные народы (немцы, австрийцы);

8) народы Кавказа.

Уточню: восточные славяне лидируют с заметным отрывом, волго-финские народы также лидируют с заметным отрывом; а вот западнофинские народы, западные славяне и тюркские народы Урала находятся почти на одном уровне близости к русским, заметно обгоняя остальных.

Возможно, кто-то не со всем здесь согласится. К примеру, удивительно до невероятия, что немцы оказались для нас на 7-й ступени родства, после финнов и тюрков (особенно татар)¹⁷ и практически наравне с народами Кавказа. Видимо, такой сомнительный результат получился из-за добавления в анализ австрийцев, этносом не являющихся и спутавших все карты. Очевидно, авторы во всех случаях ориентировались не этнически, а лингвистически, что, на мой взгляд, категорически недопустимо и ведет к ложным выводам.

Менее удивляет тот факт, что финские народы (наши братья во кроманьонце) обогнали южных славян, изначально связанных с иллирийским

субстратом, а потом еще и отуреченных. Хотя и тут возникает вопрос по поводу марийцев, имеющих в своем генофонде сильную монголоидную составляющую.

Но вот сравнительную меньшую близость с западными славянами я могу объяснить только тем, что Балановские за эталон для сравнения брали центральный регион русского ареала, отмеченный микшированностью с финнами, а не западные области расселения истинно эталонных русских. Это их право, это их метод, это их принципы. Но я с ними решительно не согласен. Почему эталоном должен считаться усредненный тип, мне не ясно, я тут логики не вижу¹⁸.

Зато самый главный вывод у нас совпадает: по степени этнического родства на первом месте в мире для нас стоят белорусы и украинцы, несмотря ни на что. Что и требовалось доказать.

7 и 8. Если в одних (условно) русских популяциях финский субстрат присутствует, а в других нет, то что, собственно, позволяет их всех одинаково относить к русским, а не заявлять о наличии двух отдельных этносов? Не какое ли большое общее генетическое ядро, сохраняющееся неизменным и в смешанных популяциях?

Для Балановских подобное предположение прозвучало бы крамолой, ересью.

Методика, принятая Балановскими на вооружение, произвольно и, увы, ошибочно определила объем и направление их исследования. Идея об

¹⁷ Выходит, право было ведомство Гиммлера, выпустившее знаменитую пропагандистскую брошюру «Унтерменш», где именно эта идея всем и разъяснялась: русским-де биологически куда ближе татары, чем немцы, а потому — что с ними церемониться?

¹⁸ Выдающийся антрополог В.В. Бунак определенно считал, что русский этнос сформировался лишь после того, как расселился в XI–XIV вв. То есть он брал во внимание именно века стабилизации славяно-финского микста, справедливо полагая, что без этого устоявшегося микста русский народ не полон. Такую позицию я понять и принять могу. Да, смешанные русские — это тоже русские. Но держать их за эталон — извините!

истинном биологическом представителе русского народа оказалась у них связана исключительно со смешанным контингентом центральных и восточных популяций избранного ими ареала. Им, по всей видимости, не приходила в голову попытка вычленив, вычислить «общий генетический знаменатель» для всех русских популяций без исключения, чтобы определить квинтэссенцию русскости, роднящую их всех между собой. И при этом отличающую, отделяющую русских от нерусских: и от финнов, и от монголоидов, и от западноевропейцев.

А поскольку они изначально отказались от последовательного анализа всех русских популяций без исключения, то такая задача была им априори недоступна.

Ну, на нет и суда нет.

Балановские пошли не путем выделения общерусского генетического ядра, а по другим путям: 1) суммирования биологических признаков всех (условно) русских популяций, оказавшихся в их зоне внимания, которую они поименовали исконно русским ареалом; 2) инвентаризации генетических различий между русскими популяциями.

По этим данным были: 1) созданы карты генетических расстояний русских от различных народов; 2) рассчитаны расстояния между различными русскими популяциями, позволяющие вычислить коэффициент гетерогенности.

Акцент, таким образом, пришелся на то, что русских разъединяет, а не на том, что их объединяет, делает биологически единым народом. Мирозренческая, политическая ущербность такого подхода для меня очевидна.

Хотелось бы услышать оценку этого метода от профессионалов-генетиков.

9. Все размышления на тему славяно-финского смешения, порожденные анализом труда Балановских, приводят к одному итогу.

Эталонным русским генофондом должен быть признан исключительно генофонд летописных племен, каким он остался в западных, северных и южных русских популяциях, с учетом и тех, что не вошли в ареал Балановских. Именно здесь, среди прямых потомков древнерусского этноса, прежде всего следует искать сохраненное ими генетическое ядро русских, роднящее не только всех русских между собой, но и русских с белорусами и украинцами. В конце концов, именно с этим ядром ассимилировались «дославянские народы» Русской равнины, если таковые были. Не летописные славяне подмешивались к финскому генетическому ядру (иначе мы бы сегодня носили финские фамилии, говорили по-фински и обсуждали славянский субстрат в финском суперстрате), а финны к славянскому...

Балановские не искали, а потому и не нашли этого ядра. Значит, это рано или поздно сделают их последователи.

10. Все сказанное выше позволяет успокоить читателя: древним финнам (а пуще того финкам) не удалось сделать с русскими того, что сделали русские женщины с татарами в их гаремах: переменить, подменить этнический и расовый статус незваных пришельцев. Хотя за счет тех областей, где когда-то шла активная славяно-финская, а потом и русско-финская метисация, произошло определенное дистанцирование современных русских от европейцев, обитающих западнее границ России. Дистанцирование — но не разрыв. И не только за счет того, что русские мешались с финнами. Дистанцию создавало и то, что южные славяне мешались с иллирийцами и тюрками, итальянцы — с сирийскими семитами и гуннами, испанцы — с маврами и евреями¹⁹ и т.д.

¹⁹ В исследовании, недавно проведенном группой ученых из Испании, Англии и Израиля, приняли участие более 1100 мужчин

* * *

Завершая эту нелегкую тему, скажу следующее.

Да, в генофонде некоторых русских популяций славяно-финский микст имеет значительное, хотя и не определяющее присутствие. Сознать это не так уж горько (все же не нас ассимилировали татары, а мы — финнов), а все равно как-то несладко: думали о себе одно, а выходит другое. Но надо ли горевать по этому поводу?

Возможно, кто-нибудь вроде украинского националиста захочет спросить Балановских: вы-де радуетесь и гордитесь открытием, что русско-татарский (точнее, европеоидно-монголоидный) микст в русском генофонде и в народе не просматривается. Но славяно-финский-то — просматривается! И даже очень! А чем он лучше-то?

Много чем. Очень даже.

Во-первых, славяне и финны — дети одного отца, кроманьонца. Это разновидности одного вида, «одно-расовые близнецы», образовавшиеся путем дивергенции. Пусть местами и временами мы — микст, но этот микст — европеоидно-европеоидный, расово однородный, ведущий к реверсии кроманьонца. В то время как многим славянам (в т.ч. украинцам, по мнению некоторых) пришлось создать иной микст — расово смешанный, неоднородный, смешавшись с тюрками. Признаем, на этом фоне, что русско-финский микст не нанес урона русским как наследию кроманьонца.

Во-вторых, теперь можно аргументированно возразить тем, кто уверяет,

из Испании, Португалии и Балеарских островов. Сравнение генетических особенностей их Y-хромосом с Y-хромосомами евреев-сефардов из Болгарии и Турции показало, что около 20% генетического материала современных жителей Пиренеев унаследованы от сефардских предков. Исследование опубликовано в *The American Journal of Human Genetics*.

что мы-де сберегли всякую малую народность на колонизированных нами землях. Обидное предположение, выставляющее нас какими-то моральными уродами, нравственным исключением среди «нормальных» народов мира, предпочитавших в таких случаях вести войну на уничтожение.

Необъятные просторы Восточно-Европейской равнины (будущей Руси), избыток территорий, зверя, рыбы, медоносных пчел и прочих природных богатств не ставили осваивавших ее славян перед необходимостью уничтожать автохтонов. Не за что было биться насмерть: это ведь не то что тесная Европа или Азия (особенно — Океания), да и Африка. Или ставшая вдруг тесной, с приходом европейцев, Америка. Тут всем всего хватало. Проще и правильнее было автохтонов обложить данью и/или как-то утилизировать (женщин особенно). Что и было сделано; основной метод, похоже, это ненасильственная и естественная сексуальная доминация.

Тем не менее в результате этой мирной утилизации мир теперь уж недоиспользуется таких народов, как меря, весь, мещера, мурома, ижора, голядь и, вероятно, некоторые другие; они сгнули, поглощенные ассимиляцией. Претворились в «финский субстрат» русского народа, обнаружить который способна сегодня только биологическая экспертиза. Так что следует признать, что в европейской, тесной части Евразии, да и на Урале мы не очень-то миндальничали. Сводили-таки с лица земли целые племена и народы. Правда, не огнем и мечом, но сводили.

И этот факт отраден для русского сердца: мы не только не хуже, но даже лучше многих других народов. Наша бешущая на извечной этнической войне неизмеримо человечней, чем, допустим, у семитов или англосаксов.

В-третьих, преувеличивать значение для русских метисации с финнами, как это делают Балановские, не стоит. Но

допустим на минуту, что авторы правы в своем стремлении выставить русских как славяно-финский микст, что именно в этом главная характеристика русскости.

Это логическая ловушка. Если русские — микст, сложившийся примерно к XIV в., то критерий однородности/неоднородности нельзя применять к нему до окончания процесса смешения. Поскольку русских тогда, выходит, еще не было: смешивались славяне, финны и т.д. А после того как он сложился, применять такой критерий просто бессмысленно, ибо самая генетическая неоднородность исходных элементов превращается в неоднородность всего генофонда как его классический, эталонный признак — знак однородности. Количество смешений переросло в новое качественное состояние: микст как эталон.

Но тогда отсюда логически следует ограничение: если не микст — значит, нерусский. Даже если вы прямой беспримесный потомок летописных племен. Выходит вообще-то абсурд, действительности никак не соответствующий...

Нет, не получается — ни практически, ни теоретически — классифицировать русских как продукт славяно-финского смешения. Это не так по факту. И не может быть так по умозрению, по правилам философии.

Однако русский народ генетически был и остается «подразделенной популяцией» — то есть мозаичным панно, лоскутным одеялом, одновременно цельным и дробным. В этой связи возникает два вопроса:

1. В чем же, помимо регионального финского подмеса, причина такого генетического разнообразия «русского ландшафта»? В частности, где разгадка его широтной изменчивости?

2. Что же скрепляет воедино эту мозаику, что делает лоскуты единым биологическим целым?

Понятно априори, что это не территория, не язык, не вера, не власть (по-

литический режим) или любые прочие эпифеномены и случайные факторы.

Нет ли тут подкладки поматериальнее, как говорил Шекспир?

Мы порассуждаем об этом позже.

Насколько мы европейцы

Методика Балановских, во многом, как я пытался показать, ошибочная, закрепившись на теме финского присутствия в нашем генофонде, отбросила свою тень на многие последующие разделы и выводы книги. Это касается и нашей идентичности как европеоидов.

С одной стороны, Балановские активно отстаивают принадлежность русского народа к европейцам, что не может не радовать. Приводившиеся выше данные о близости русских по спектру гаплотипов к разным народам Европы показали: да, мы — европеоиды, четко и однозначно (149–150). Тезисы авторов вполне недвусмысленны:

«Карта генетических расстояний показала, что к русскому генофонду близко население практически всей Европы, при этом смежное с русскими население Урала и Кавказа, не говоря уже о более отдаленных регионах, генетически резко отлично» (284);

«Русский генофонд — европеец, а не евразиец!» (284). Неплохой слоган, хотя точнее было бы: европеоид, поскольку европеец — это сегодня более цивилизационное, чем расовое понятие;

«Мнение о промежуточности [расовой] русского генофонда столь широко распространено — но ему нет серьезных научных подтверждений. Одни лишь серьезные научные опровержения... Русский генофонд является типичным европейским генофондом» (297).

С другой стороны, Балановские были бы неверны себе, если бы не подпустили в свою концепцию чуточку гнильцы. Судя по их книге, русский генофонд, может, и типичен, но эталонным для европеоида его не назовешь,

эйфория тут неуместна. Между тем в этом пункте Балановские расходятся с классиками антропологии, например, с цитировавшимся выше В.В. Бунаком. Вот что пишут они в главке, названной «Родная Европа и чуждая Азия»:

«Бросается в глаза близость практически всей Европы к нашей “среднерусской популяции”... Оказывается, что практически все популяции Центральной Европы чрезвычайно близки к “среднерусским” значениям: величины генетических расстояний варьируют от 0 до 0,01. Во всей Центральной и Западной Европе от “среднерусских” значений резко отличается только северная часть Скандинавии, одна румынская и одна из множества итальянских популяций. Умеренные отличия показывают Франция, Англия, Испания и Италия — но, например, Германия, Австрия, Польша на карте неотличимы от среднерусской популяции... Главное, что обнаруживает карта генетических расстояний — это удивительную близость “среднерусских” значений к вариациям европейского генофонда».

Казалось бы, все просто замечательно, чего еще нужно! Но тут-то авторы и прибегают к парадоксу сомнительного достоинства: «Европейцы больше русские, чем сами русские!». Что за странное заявление? Я бы предпочел думать, что русские большие европейцы, чем сами европейцы (как это и следует по Бунаку).

Оказывается, «часть русских популяций, белорусы и украинцы Поднепровья... значительно отличаются от “среднерусской популяции”, чем многие иные популяции Европы. Это — неожиданный результат. Он показывает, сколь велик размах генетических различий в пределах русского генофонда, насколько значительно некоторые русские популяции могут отличаться от усреднённых общерусских величин...» (282).

А что же тут неожиданного! Сами же вусе определили наши «средние зна-

чения» по смешанной части русского народа, после чего русский генофонд заведомо утратил не только для русских, но и для Европы все претензии на эталонность! А теперь удивляются... К сожалению, проверить Западную Европу на генетическую близость только с нашими западными и северными территориями никто пока не озаботился.

Жаль также, что авторы не сравнивали русских (особенно русских Севера) со скандинавами. Ведь, как выяснилось, самый «древний палеоевропейский пласт генофонда Европы» расположен именно на Русском Севере²⁰ (288). Давно пора проверить методами генетики норманнскую теорию возникновения русской государственности, а заодно разобраться до конца с термином «варяги». В наши дни наиболее обстоятельную и убедительную контроверзу выдвинул профессор А.Г. Кузьмин, разместивший легендарного Рюрика с братьями изначально в Прибалтике, среди ославяненных племен русов/росов/ругов, которые с I в. н.э. двигались берегом Балтики, пока не пришли на север будущей Руси. Смешавшись при этом с вариантами вэрингами (варягами), так же ославяненными племенами-автохтонами южной Балтики²¹.

Важно было бы сравнить скандинавов с теми же пенегами, чтобы определить, у кого из них больше прав называться «соколами рюрикова гнезда», потомками основателей первого русского государства.

²⁰ Факт потрясающе многообещающий, ждущий своего научного расследования в целях окончательного прояснения расогенеза европеоида.

²¹ Кузьмин А.Г. «Кто в Прибалтике коренной?» (М., 1994). Брошюра крупного медиависта проф. Кузьмина, который уж точно не одобрил бы «усекновение» исконно русского ареала за счет южных и западных территорий, являет собой пример блестящего профессионального знания и одновременно русского патриотизма.

Вместо такого сравнения Балановские несколько лукаво отмечают: северная-де часть Скандинавии сильнее всех отличается в Европе от «среднерусских» значений. Но разгадка-то в том, что речь идет не о норвежцах или шведах, с которыми у нас теоретически должно быть немало общего и сравнение с которыми важно и интересно, а... о живущих там лопарях, от которых никто и не ждал никакого русоподобия! Нашли тоже европейцев...

Не удивляет и отличие от нас испанцев, в чьей крови растворены мавры и евреи («добавлены чернила», как говорят в Испании: до 20% еврейской крови, по современным исследованиям), а также итальянцев, переживших после крушения Римской империи нашествие мигрантов-семитов из Сирии, а также мощное вливание гуннов и лангобардов. Все это вполне объяснимо и не ставит под сомнение наш статус эталонного европеоида, который я по-прежнему позволю себе считать таковым.

Наконец, радует установленный Балановскими факт: «Коренное население остальных регионов Евразии (вне Европы) резко отличается от русских популяций» (282).

Тут и комментировать нечего. Пусть адепты евразийства заучат эту фразу.

Насколько мы восточноевропейцы

Балановские провели большой, трудоемкий и обстоятельный сравнительный анализ генофондов народов Восточной Европы по самым разным генетическим маркерам (аутосомным ДНК, классическим, Y-хромосоме) и сделали ряд выводов. При этом они, как обычно, весьма своеобразно определили границы исследования.

Во-первых, мы не найдем среди сравниваемых народов тех, с кем у нас с детства связано представление о восточноевропейцах. А именно: поляков, чехов, венгров, румын, молдаван, восточных немцев, прибалтов — с кем, собственно, и интересно было бы срав-

нить русских в рамках именно Восточной Европы. Это шокирующее исключение сделано авторами столь же принципиально, сколь и произвольно. «Границы Восточной Европы можно очертить по-разному, — заявили они ничтоже сумняшеся. — В данной главе под Восточной Европой понимается ареал от бывшей границы СССР на западе до Уральского хребта на востоке и Большого Кавказского хребта на юге» (242). Кто бы мог подумать!

Во-вторых, Балановские упорно определяют этничность по языку, хотя при этом столь же упорно рассчитывают субстраты по генам. Такая у них логика...

В результате авторы вольно или невольно все время путают читателя, оперируя многообещающим выражением «восточноевропейский генофонд», но понимая под этим лишь семь финских этносов России, имеющих на деле отношение только к весьма далекой во всех смыслах периферии настоящей Восточной Европы. Периодически, читая в книге что-то интересное про восточноевропейцев, вдруг, вздрогнув, вспоминаешь, что речь-то идет о финнах, и интерес сразу ослабевает.

В-третьих, читатель выше уже имел возможность поразмышлять о том, какого сорта идейный шлейф потянулся за решением Балановских определять «среднерусскость» по микшированным популяциям. Пищу для подобных раздумий легко найти и тут.

В результате выводы, на мой взгляд, оказались беднее и тривиальнее, чем можно было бы надеяться. Они таковы:

«Карты генетических расстояний показывают положение русского генофонда в этом, ставшем теперь нам понятным, генофонде восточноевропейского региона. К русскому генофонду генетически близкими оказалось большинство популяций Восточной Европы. Но на восток (к Уралу), на юг (к Кавказу) и на север (к побережью полярных морей) популяции всё менее

сходны с русским генофондом. А наиболее сходно население средней полосы Восточной Европы — от Белоруссии на западе до средней Волги на востоке. То есть русский генофонд оказывается центральным в восточноевропейском генофонде, близким к самым разным группам восточноевропейского населения — и к западным, и к восточным. Но больше всего русский генофонд похож на остальные восточнославянские генофонды, что указывает на его происхождение от восточнославянских элементов, а также и от других субстратных групп.

Иными словами, русский генофонд сформирован той частью восточных славян, которая вобрала в себя другие группы восточноевропейского населения и стала центральной составляющей генофонда Восточной Европы» (245).

Итак, мой комментарий: в ареале «Восточной Европы» (который таковым не является) «русский генофонд» (который таковым не является), определенный по «среднерусским значениям» (которые таковыми не являются), объявляется «центральным» (читай: промежуточным) между «восточноевропейским населением» (читай: между финнами и белорусами). Ни рыба, ни мясо. Но, как станет ясно из дальнейшего, внутри этого ареала мы, русские, не однородны, а показательно гетерогенны. Аномально отличаясь этим не только от весьма однородных западных европейцев, но даже от украинцев, поляков, белорусов, вроде бы родственных нам. От всех нормальных народов, в общем.

Сборная солянка, одним словом. Или мусорный бак на задворках Европы — какими глазами посмотреть. Пропагандисты из Третьего рейха дорого дали бы в свое время за книгу Балановских, ибо сами не додумались бы так написать.

Не знаю, кого как, а меня такие выводы не радуют. Единственное утешение — глубокое сомнение в оправдан-

ности метода (не инструментария!), которым эти выводы добыты.

Насколько мы отдельный этнос

Однозначный ответ на этот вопрос в книге Балановских найти трудно. Ведь он равносильен вопросу о генетическом ядре, отличающем нас от других народов мира, или об этнической границе, отделяющей всех русских от всех нерусских. А эту границу должны определять в первую очередь гены. Но Балановские принципиально против такого понимания генофонда. Попытку выделить «ген русскости», генетическое ядро русского народа и т.п. они считают заведомо несостоятельной, а потому и не пытаются. Их главный тезис: «“Русских генов” — нет!» (314).

Является ли, тем не менее, русская этническая граница четкой или расплывчатой? Ответ Балановских противоречив.

С одной стороны, авторы подчеркивают феноменальную эндогамность русских: «Основной массив русских заключал браки по поговорке “хоть за курицу, да на свою улицу”, и именно этот массив определяет структуру генофонда» (171). Иными словами, русские сохранились как русские именно потому, что всячески избегали этнически смешанных браков. Следовательно, представляют собой какую-никакую цельность и особость.

С другой стороны, авторы никогда не упускают малейшего случая напомнить о современной, древней и древнейшей метисации, если таковая имела (или даже могла иметь) место быть у наших предков. Более того, они возвели факт славяно-финской смешанности отдельных русских популяций (на востоке и отчасти в центре русского ареала) в перл творения и объявили эту смешанность конституирующим признаком русскости.

Вопреки разысканиям антропологов, установивших биологическое единство русских на всем пространстве их сколько-нибудь компактного

расселения от Калининграда до Владивостока, Балановские увлеченно педалируют теоретическую невозможность сохранения русскими этого единства за пределами «исконного» ареала расселения:

«Огромный современный ареал русского народа включил территории, коренное население которых генетически было совершенно иным: Урал, Сибирь и Дальний Восток, Северный Кавказ и Закавказье, Среднюю Азию... Русское расселение на обширных территориях должно было привести к изменениям как в генофондах коренных народов (которые смешивались с русскими), так и в генофонде русских популяций на новых местах обитания (которые смешивались с коренным населением). Даже если бы смешения были невелики, их генетический результат был бы существенен — слишком сильно различались два контактирующих генофонда. Но исторические источники однозначно свидетельствуют о большой интенсивности смешений».

Авторы, однако, не ссылаются на эти источники почему-то. А интересно было бы на их взглянуть, поскольку по моим данным нет никаких оснований преувеличивать ни такую интенсивность, ни, что гораздо важнее, ее последствия.

Это в теории кажется, что огромная Сибирь должна была переварить сравнительно немногих русских пришельцев, сильно изменить их генофонд. На деле же одна из главных причин сравнительно быстрой и легкой колонизации этих пространств состоит в их не просто малой — ничтожной заселенности. Почему Западная Сибирь оказалась покорена Ермаком во главе менее 550 казаков? Да потому, что она была насчитывала не более 30 тыс. т.н. ясачных (т.е. плативших ханам подать) людей, разбросанных по этой необъятной территории! (Вся армия хана Кучума не превышала 10 тыс. человек.) За первые сто лет колонизации это количество сократилось до 3 (!) тыс.

Неужели можно думать, что такая прививка способна не то что сформировать новый генофонд за Уралом, но хотя бы поколебать его русскую идентичность?!

Да, казаки тотально брали себе инородческих женщин, имели смешанное потомство, не спрашивая инородцев, мало способных к сопротивлению. Но сколько было тех казаков? Сколько их метисированных потомков дожило до наших дней? А вот староверы, в статистическом количестве хлынувшие в Сибирь после 1666 г. — нет, эти были строжайше эндогамны. Когда же началось действительно массовое заселение русскими Сибири и Дальнего Востока, а это произошло уже после реформ Александра II 1860-х гг., в условиях русского демографического взрыва, то русские ехали целыми семьями и семьями, везли с собой жен и детей, особенно при Столыпине. Про советские времена и говорить нечего: миграция русских за Урал была государственным делом, гендерный фактор официально учитывался политикой заселения, был предметом отчетности. Благодаря чему сегодня Сибирь и Дальний Восток есть русская земля, а русские там коренной народ не хуже прочих. Биологическая однородность русских за Уралом — факт, зафиксированный антропологическими исследованиями — может привести в недоумение только тех, кто не знает историю.

А взять, напротив, Кавказ и Закавказье! Пусть Печорин похитил Бэлу, но в целом русско-мусульманский брак был большим исключением (в Средней Азии и на Северном Кавказе особенно). Пусть Грибоедов женился на Нине Чавчавадзе и Петру Багратиону подобрали русскую жену, его, правда, не терпевшую, но и русско-грузинские, русско-армянские браки заключались редко. И не только из-за религиозных барьеров (армяне — монофизиты, с точки зрения православия это еретики, подлежащие анафеме), но прежде

всего из-за того, что населяющие эти территории народы все выросли из кровнородственных общин, а потому эндогамны донельзя и вовсе не стремились родниться с русскими.

Не потому ли сами Балановские вынуждены свидетельствовать достаточно резкую генетическую отграниченность Кавказа от русских территорий даже в наши дни?

Напомню, что переписью 1989 г. доля этнически смешанных семей в СССР вообще установлена 17,5%, а у русских она составляла всего 14,5%. Причем в это число статистика включала и русско-белорусские, и русско-украинские браки, которые вряд ли назовешь смешанными, поскольку генетически все три этноса относятся к одной большой подразделенной популяции восточных славян. В недавнем прошлом было принято великороссов, малороссов и белорусов считать одним русским народом, что, как видим, генетически совершенно оправдано. Таким образом, смешанное потомство на русской генетической периферии, разумеется, есть, но преувеличивать его значение не следует.

* * *

В свете сказанного не более чем мрачной мизантропической фантазией выглядит такой пассаж Балановских: «По-видимому, есть все основания считать, что русская колонизация Сибири, Кавказа и Средней Азии так же изменила генофонд этих регионов, как английская колонизация изменила генофонды Северной Америки или Австралии, а испанская — Южной Америки» (283).

Как уже не раз говорилось выше, территория не может обладать ни генофондом, ни популяцией (это популяция, напротив, обладает территорией), но дело даже не в этом. Приведенное сравнение абсолютно некорректно по сути.

Во-первых, в Южной Америке благодаря целенаправленной актив-

ной метисации трех рас уже к началу XIX в. произошло рождение новой, вторичной расы — расы метисов («латиносов»). В этом процессе приняли участие европеоиды (испанцы, португальцы), негроиды (массово завезенные из Африки рабы) и автохтоны второго порядка, представляющие собой потомство мигрировавших в Америку палеомонголоидов, ассимилировавших без остатка автохтонов первого порядка (изначальных), имевших, согласно недавним раскопкам, австралоидное (неандерталоидное) происхождение. Нигде больше в названных Балановскими регионах ничего подобного не происходило.

Во-вторых, в Северной Америке и отчасти Австралии имел место обычный геноцид местного коренного населения. Особо следует отметить, что в силу расовых установок англичане принципиально не смешивались с местным населением. Не зафиксировано ни одного (!) примера смешанного англо-аборигенного потомства в Австралии, в Танзании. А в Северной Америке англичане не только сами почти не смешивались с индейцами, но и вырезали, именно по расовым соображениям, примерно двести семей франко-индейского происхождения во время англо-французской войны за Канаду.

Ни того, ни другого (ни массового смешения до состояния вторичной расы, ни массового геноцида) на землях, колонизированных русскими, не было. И уже не будет, так как разбуженное Перестройкой национальное сознание малых коренных народов России приняло установку на отказ от смешанных браков.

Таким образом, найти что-то общее в том, как поступали европейцы, с одной стороны, и русские — с другой, колонизируя посланные им судьбой пространства, просто невозможно.

Зачем Балановские идут на такой очевидный трюк, вопреки истории и очевидности? Ведь идею о смене этнической идентичности зауральскими

русскими они ничем подкрепить не могут и даже не пытаются. Они объясняют свою позицию сами: «Для нас такой взгляд важен потому, что говорит о правильности изучения русского генофонда именно на его “исконной” территории» (283). Понятно: исключив из анализа популяции зауральских русских, авторы совершили капитальную методологическую ошибку; они, естественно, хотели бы оправдать ее и подкрепить с исторических позиций. Но получилось не так. Одна фантазия породила другие, вот и все.

Чем, как не фантазией, не основанной на фактах, можно, например, назвать такое их рассуждение: «Генофонд русского населения Сибири будет соотноситься с “собственно русским” генофондом примерно так же, как современное население Австралии — с английским генофондом, а Мексики — с испанским» (283). Не говорю уж о принципиальном отличии судьбы английского генофонда в Австралии (оставшегося в относительной целостности) от испанского в Мексике (полностью растворившегося). Но и сегодняшняя судьба русского генофонда за Уралом не дает пока оснований тревожиться об его радикальном изменении.

Двойне неправильным и провокационным выглядит совет Балановских: «Важно лишь различать, где русское население — коренное, а где появилось в ходе колонизации».

Однако, если на то пошло, то, во-первых, ареал, именуемый Балановскими «исконным», тоже когда-то был отчасти колонизирован славянскими племенами, нашими предками. А во-вторых, кто из крупных народов в Сибири не колонизатор? Якуты, явившиеся из Забайкалья и осевшие в Якутии в XV в.? Татары, пришедшие с Чингисханом? Даже циркумполярные народы, как нетрудно догадаться, не зародились у кромки Ледовитого океана и не произошли там от моржей или белых медведей (за отсутствием в тех краях

гоминид). Что бы ни говорили местные шаманы.

Ну, а если разделение между коренным жителем и колонизатором есть лишь вопрос ценза оседлости, тот этот ценз русские за Уралом, думаю, уже давным-давно прошли. И самый термин «колонизатор» в отношении них, как бы сказать помягче, неполиткорректен. Сегодня мы, русские, коренные во всей России, и развлекать себя подобным искусственным (с сомнительным политическим подтекстом) разделением нашего народа не надо бы представителям чистой науки.

* * *

Возвращаясь к теме «отдельности» русского народа, надо признать, что в книге Балановских до конца прописана только тема его отделенности от азиатского (читай: монголоидного) генофонда. К примеру, эта мысль выражена четким выводом из генетического анализа: «В славянских популяциях встречены почти исключительно западно-евразийские гаплогруппы. Восточная зона расселения славян является крайним западным рубежом для распространения “азиатских” гаплогрупп» (234).

Ранее я приводил формулировку авторов, подчеркивающую отдельность русского генофонда от популяций, населяющих Урал (даже несмотря на наличие в нас финского субстрата, который, как видно, не в состоянии нас слишком сблизить с уральскими финнами) и Кавказ.

Сложнее определить место русских рядом с народами Западной Европы. Есть гаплогруппы, крайне резко выделяющие скандинавов, есть — западных европейцев (без скандинавов), есть — балканцев, есть южных итальянцев и малоазиатов. То есть многие регионы имеют достаточно яркую генетическую специфику.

Возможно, дело в дефектах метода, о которых я писал, но, судя по книге Балановских, у русских такой специ-

фики нет²², если не считать за нее финский подмес в центрально-восточных регионах. Мы все время одним боком к кому-то примыкаем; то к финнам, то к восточным славянам. Ни то, ни другое не свойственно народам Западной Европы. Но в остальном мы находимся в пределах средних и ниже среднего значений. На нас не пришелся ни один пик значений. Это подтверждает давний вывод антропологов о срединном, центральном месте русских в семье европеоидов.

Но это, если можно так выразиться, место на витрине и в таблице. В жизни все немного иначе.

Есть один момент, который следует подчеркнуть. Существует гаплогруппа R1a; Балановские отмечают «приуроченность этой группы к ареалам западных и восточных славян, а также балтов». Очень важно, что «для русских популяций эта гаплогруппа самая частая — она встречается почти у каждого второго» (154). Это обстоятельство заставляет нас вспомнить историю: ведь за спиной у летописных славян, шедших на восток, шли и стояли, подпирая их с тыла, не германцы или кельты, а те же славяне, но — другие племена (ободриты, лютичи, варины, поляки, пруссы и др.). Они-то, кстати, и оставили свой след в балтах, живших рядом. Подставив себя под массивный ассимиляционный напор преследователей — германцев, они порой жертвовали своей этнической идентичностью, но спасли от подобной участи те самые летописные племена, что стали предками русских.

Коренным славянам с VI в. не было никакой возможности мигрировать на

Запад: ведь именно оттуда шло давление, как политическое и военное, так и демографическое. Там их никто не ждал и за людей не считал, о чем говорит судьба названных «буферных» племен, а также чехов, моравов и др. А вот на Восток, на Север, даже на Юг путь для славян был открыт. Славянская миграция из Центральной, Западной и Южной Европы на Восток была постоянная и не всегда добровольная: славян теснили как степняки, так и германцы.

Сегодня мы можем говорить, опираясь на факт наличия «пограничной» гаплогруппы, об отграниченности славян в целом, а русских в особенности, от неславянских западноевропейцев.

Суммируя все сказанное, правомерно заключить: несмотря на известную близость к финнам на востоке и славянам на западе, мы, русские (считая с белорусами), — есть отдельный народ.

Гетерогенность и гомогенность

Один из самых лучших, важных, объективных и интересных разделов книги Балановских посвящен гетерогенности/гомогенности русского народа в сравнении с другими народами Европы и Азии.

Главный вывод этого раздела:

«Можно считать установленным более высокую гетерогенность русского народа по сравнению с соседями со всех сторон: на Западе, на Юге, на Востоке и в ближайшем окружении на Восточно-Европейской равнине» (128). На Севере, правда, имеется сосед погетерогеннее, но это — лопари, сравнение с коими вряд ли кого обрадует.

О чем тут идет речь? Что означают эти оценки? (Я склонен считать их объективными, поскольку основной разброс генетических значений, приведших к указанному выводу, установлен не по оси запад–восток, то есть не за счет финского подмеса, а по оси север–юг, за счет не установленных авторами, но реальных факторов.)

²² Правда, авторы указывают на «принципиальный факт своеобразия русского генофонда», но обуславливают его лишь спецификой русской межпопуляционной изменчивости — широкой, а не долготной. Но ведь эта специфика детерминирована не столько биологией, сколько историей, ходом расселения славянских племен с запада на восток.

Речь идет о том, что «генетические расстояния» (различия) между отдельными популяциями того или иного народа имеют у каждого свой «размах» и могут быть выражены математически. В популяционной генетике это называется «статистический анализ межпопуляционной изменчивости (G_{st})». Повышенные значения от среднего будут означать, что такой народ более или менее гетерогенен, то есть генетически разнороден. Пониженные — что он более или менее гомогенен, то есть генетически однороден. Сравнение данных по разным народам позволяет делать очень важные выводы.

«У “монолитных” этносов, где все популяции генетически схожи, как близнецы, гетерогенность будет близка к нулю. У генетически подразделенных народов, где одни популяции совсем не похожи на другие, гетерогенность будет велика» (125). Абсолютные значения тут недостижимы, нельзя быть абсолютно гомогенным или гетерогенным, но можно быть гомогеннее или гетерогеннее, чем твой сосед, — и в этом главное различие.

Хорошо или плохо быть гомогенным, гетерогенным? Случается слышать и то, и другое мнение, с аргументами. По Дарвину, помнится, чем гетерогеннее вид, тем больше у него запас прочности, живучести. Тем труднее свести его с лица земли без следа.

Примерно то же внушают нам и Балановские, разъясняя, подробно и с примерами, преимущества подразделенных популяций²³ (как понимает

²³ В данном случае Балановские дают такую трактовку популяции, против которой не возразить: «Практически каждая популяция... состоит из нескольких популяций низшего уровня (субпопуляцией), но и сама является субпопуляцией по отношению к группе населения более высокого иерархического уровня». Надо только помнить при этом, что верхнюю границу иерархии составляет граница вида; применительно к человеку — раса.

читатель, подразделенность напрямую связана с гетерогенностью). «Наличие в популяции подразделенности резко меняет ее свойства: и дрейф генов, и миграции начинают действовать по-другому, а сама популяция приобретает генетическую устойчивость» (334). Иными словами, подразделенность популяции помогает лучше сохранить ее генофонд. И это хорошо.

С точки зрения чистой биологии это, возможно, и так. Но человек, увы, не только биологическое существо: это животное политическое, по определению Аристотеля. Биологическая живучесть — не единственный критерий успеха у этносов. И выносить вердикт о пользе/вреде гетерогенности/гомогенности следует, присмотревшись для начала к политической судьбе народов того и другого типа: какие из них большего достигли, занимают более высокую ступень политического и цивилизационного развития?

Такую возможность книга Балановских нам дает, и в этом ее огромный плюс. Авторы проделали вышеуказанный анализ в отношении 63 (!) народов Европы и Азии как в нашей стране, так и за рубежом. В том числе были исследованы русские популяции числом 35 по 17 локусам и 44 аллелям. Такое исследование нельзя не признать репрезентативным, к его результатам следует отнестись со всем вниманием.

«Гетерогенность русского народа оказалась $G_{st} = 2.00$ » (125). Много это или мало?

Все познается в сравнении.

С кем будем сравнивать?

«Дифференциация Западной Европы мала (популяции этого региона генетически похожи друг на друга) дифференциация Восточной Европы выше, а дифференциация Сибири огромна. Такую картину рисуют и классические маркеры... и точно такую же картину мы видим по данным о мтДНК» (284).

Понятно, что при таком раскладе сравнивать себя нам, русским, надо прежде всего с европейскими наро-

дами, на общность крови и судьбы с которыми столь многие русские усиленно претендуют, начиная со времен Петра Первого.

И что же мы видим? «Уровень гетерогенности генофонда русского народа столь велик, что ярко проявляется даже в восточноевропейском масштабе» (237). «Все западноевропейские народы в целом гомогенны... а сибирские народы, напротив, гетерогенны... На восточноевропейском фоне... гетерогенность русского народа велика» (289).

Подробности? Пожалуйста; они есть в роскошной таблице Балановских «Генетическая гетерогенность русского народа и других народов Евразии» (126–127). Вот некоторые цифровые оценки в порядке возрастания гетерогенности:

англичане = 0,15;
шведы = 0,26;
немцы = 0,43;
испанцы = 0,62,
финны = 0,96;
французы = 1,19;
итальянцы = 1,71;
австрийцы = 2,34²⁴.

Итак, перед нами — вполне откровенная картина скрытой сути всемирной этнополитики. За это открытие авторам полагаглась бы Государственная премия, не меньше. А то и Нобелевская.

Среди народов с самой высокой степенью биологического единства — как

²⁴ «Австрийцев», разумеется, следует исключить, ибо такого этноса нет, австрийцы — не народ, а согражданство. Это пример некорректный, ни о чем не говорящий, о чем легко догадаться, сравнив их с немцами. С какой бы стати германским немцам следует быть в шесть раз гомогеннее австрийских немцев? И это при том, что по мтДНК немцы вообще чемпионы гомогенности. Ясно, что это результат вмешательства иноэтничности, неправомерно учтенной анализом в силу методологически ложного подхода авторов к проблеме этноса вообще.

на подбор все наиболее культурные и преуспевающие народы Запада с высоким сознанием этого единства. Все они весьма многого добились в своей судьбе — это неоспоримо. Возможно, Балановские с негодованием отвергли бы даже самую постановку вопроса о зависимости цивилизационных достижений от гомогенности этноса. Но для вдумчивого читателя они, тем не менее, подготовили настолько выразительные данные, что вполне очевидный и однозначный вывод напрашивается сам собой, не допуская и тени иной трактовки. Он просто лежит на ладони.

Сказанное не означает, что низкая гетерогенность автоматически обеспечивает этносу роскошный прогресс (у чеченцев этот показатель = 0,56, у болгар = 0,22; а в джунглях Амазонки и на далеких островах встречаются и вовсе народы-изоляты). Но то, что среди наиболее продвинутых народов Европы нет обладателей повышенной гетерогенности, — отныне научный факт. Значение которого нельзя переоценить.

А вот, по контрасту, — показатели еще недавно совсем диких народов, чье происхождение темно и печально, в коих оставили свои следы бесчисленные проходимцы и завоеватели, а жизненный путь не блещет достижениями, обогатившими духовный и материальный мир человечества:

ненцы = 3,22;
ханты = 3,55;
коми = 6,41;
нивхи = 6,91;
эвенки восточные = 7,49;
коряки = 7,53;
эвенки западные = 7,64;
нанайцы = 7,73;
тофалары = 7,76.

Таковы объективные сведения, проливающие яркий свет на биологическую суть иерархической лестницы народов мира.

Отсюда легче легкого сделать правильный вывод о том, благо или зло не-

сет с собой повышенная гомогенность: очевидное благо, и очень большое.

Что же следует сказать о месте русских на вышеназванной иерархической лестнице? Как его оценить?

С одной стороны, если судить по среднему значению таблицы, мы относительно гомогенны. Но лукавство «средних цифр» в очередной раз становится очевидным, когда дело доходит до конкретики. Ибо, с другой стороны, мы замыкаем группу народов Европы²⁵, пропустив вперед себя всех, кроме осетин, лопарей, коми и хантов. Хуже всего из наших западных соседей дело обстоит у французов и итальянцев, что неудивительно, с учетом их истории. Но у нас-то показатель еще хуже!

Печальный итог, хвастать нечем. Даже в родной нам «Восточной Европе и в особенности на Украине различия между популяциями очень малы» (254). Гетерогеннее нас во всей Северной Евразии только Урал и особенно Сибирь — проходной двор²⁶. Однако тот факт, что мы почти в четыре раза превосходим по гомогенности тофаларов, как-то мало утешает доброжелательного к русским наблюдателя.

Возможно, запас генетической прочности у нас ниже, чем у ненцев, но повыше, чем у итальянцев, и это — хорошо; но в культурном и политиче-

²⁵ Особенно убивает генетическая монолитность англичан — вот уж не ожидал, всегда считая их кельтско-германским микстом. Но, видно, генетические расстояния от кельтов до германцев не так уж велики и почти не уменьшают биологическое единство нации. За счет большого национального единства у них такое единство в политике, такой твердый национализм, такие завоевания и такие претензии на мировое господство. Англосаксы рулят!

²⁶ Это, как мы уже знаем, зона фронтального столкновения рас, зона послонной многократной и разновременной метисации. Многообразии пропорций расовых элементов.

ском отношении это промежуточное положение не может удовлетворять. Кстати, не в этой ли на порядок повышенной, по сравнению с некоторыми европейцами, гетерогенности — объяснение наших вечных русских раздраев и междоусобиц? Нашей несолидарности, неспособности что-то делать сообща, взаимной нетерпимости, неуважения и т.д.?

Итак, если у нас и есть преимущество, то оно удручающее.

* * *

Как же открывшуюся картину относительного положения русских среди окрестных народов объясняют Балановские? А вот:

«Большому ареалу — большая изменчивость <...> Само географическое расстояние уже служит фактором изоляции, создавая генетические отличия популяций друг от друга» (128).

Слоган, копирующий известный тогст «большому кораблю — большое плавание», ничего, разумеется, не объясняет. У немцев тоже не маленький ареал расселения, нам часто внушают даже, что-де немцы разных земель плохо понимают друг друга, что баварцы и саксонцы чуть ли не разноэтничны и проч. Однако наука, как видим, опровергает эти досужие бредни. Немцы оказались в два с лишним раза гомогеннее нас, хоть и мешались вовсю со славянами, особенно на Востоке. Генетические расстояния между популяциями не выражаются в географических мерах. Хотя относительная замкнутость популяций способствует селективной концентрации тех или иных отличий, но, повторюсь, не до такой же степени!

Нет, такое объяснение принять невозможно.

Поговорим подробнее об этом в следующей главке.

Русская изменчивость в свете истории

К счастью, Балановские дают нам возможность в более тесном прибли-

жении присмотреться к той самой гетерогенности русских, к их популяционной изменчивости.

Главный вопрос, беспокоящий в свете всего вышесказанного: если гетерогенность русских, большие генетические расстояния между русскими популяциями так велики, тогда, может быть, надо говорить о нескольких народах под одним этнонимом? Ведь однородны, вот, англичане, шведы или украинцы, никто не оспорит их принадлежность к одному народу, их статус единого этноса.

С французами, итальянцами, самыми гетерогенными из западноевропейских народов, уже гораздо сложнее²⁷, их национальное единство не раз подвергалось и подвергается сомнениям. Можно вспомнить, как в ходе Французской революции провозглашалась задача для галлов (как бы коренного населения и одновременно простонародья) сбросить владычество франков (как бы пришлого элемента и одновременно аристократии). Не забудем,

²⁷ Противоречивость и непоследовательность Балановских — плод глубоких идейных заблуждений — заставляют порой брать под сомнение даже, казалось бы, очевидности. Так, они дают анализ гомогенности англичан, но тут же рядом — валлийцев и шотландцев. Отрицая этим принцип нации как согражданства и строго следуя принципу этничности, когда речь идет о туманном Альбионе. И это — правильно, по-моему. Но тогда они должны бы вместо объединенных «французов» точно так же по отдельности рассматривать нормандцев, гасконцев, бретонцев, парижан, корсиканцев и т.д. А уж тем более вместо воображаемых «австрийцев» — австрийских немцев, венгров, чехов и т.д. Возможно, коренные, настоящие французы предстали бы тогда, как и австрийские немцы, намного гомогеннее. А если следовать принципу согражданства, проявленному в их отношении, то тогда и англичан нельзя отделять от шотландцев и валлийцев, но боюсь, что в таком случае эта нация выглядела бы намного гетерогеннее. Чему верить?

что гасконцы, басконцы, бретонцы, нормандцы и коренные парижане есть этносы разного генетического наполнения, еще каких-то двести лет назад говорившие на разных языках и не понимавшие друг друга. Можно вспомнить постоянные конвульсии сепаратизма Северной Италии, где основной этнический элемент хранит генетическую память о лангобардах. Так же, как юг Италии помнит сирийских семитов, а Тоскана — гуннов. И т.д.

А ведь и французы, и даже итальянцы, как неожиданно выяснилось, дают русским фору по части гомогенности! Как тут не задуматься о единстве собственной нации...

Прежде всего, постараемся понять, в чем состоит русская межпопуляционная изменчивость. Но для начала закрепим уже пройденное: не финский подмес лежит в основе этой изменчивости. Балановские на этот счет вполне бескомпромиссны.

«Из серии карт изменчивости отдельных генов в ареале русского генофонда удастся сделать лишь два общих вывода», — пишут они и поясняют:

1) можно выделить «широтную изменчивость». «Широтное направление в целом соответствует географии диалектов (которые, как мы знаем, меняются по оси север-юг. — А.С.) и определенным историческим этапам — колонизации северных окраин Руси, освоения степи и др.»;

2) «Повышение или понижение частоты какого-либо аллеля на границах русского ареала в большинстве случаев нельзя объяснить обменом генами с соседними народами» (124).

Что можно тут отметить? Соответствие данным диалектологии очень существенно, оно подтверждает, что в одном направлении, с запада на восток, двигались *разные* субэтносы (племена) все же *одного* славянского суперэтноса. А вот характерная для Балановских попытка привязать изменения к истории с географией — не убеждает. Она была бы правомерна как раз толь-

ко в том случае, если бы и на север, и в степь двигалось лишь одно племя, чью дальнейшую дивергенцию спровоцировали бы обстоятельства времени и места. Но это не так, племена отличались изначально, чему свидетели, в том числе, диалектные различия в едином русском языке.

Архиважно утверждение авторов о том, что не окрестные народы, смешиваясь с русским, определяли генетическое расстояние между его популяциями. Тем более что авторы настаивают: «Это служит указанием на большую, чем можно было предполагать, роль не смешений, а внутриэтнических процессов в формировании русского генофонда (возможно, основным фактором может быть дрейф генов в окраинных популяциях)»²⁸.

Не будем гадать, как это утверждение совместить с их же утверждениями об определяющей роли финского субстрата. Видимо, все же эта роль определяла не столь многое. Об этом заставляет думать одна очень убедительная аналогия. Как можно понять, неопровержимый факт массового славянского подмеса не повлиял (или повлиял незначительно) на гетерогенность немцев, оставшуюся малой. Это свидетельство нашей с немцами изначально большой биологической близости. Но ведь финны нам не менее близки: и славяне, и немцы (германцы), и финны — все в равной мере прямые потомки кроманьонца, продукт распада неостратической общности. Их смешение, ведя к реверсии (восстановлению) исходного типа, в принципе не могло бы стать причиной слишком большой изменчивости.

В чем же тогда все-таки дело? Что скрывается за широтной изменчивостью русских, которую неоднократно

подчеркивают авторы по разным поводам? Помнится, они сами признались в своем бессилии разгадать эту загадку.

Попробуем еще раз вчитаться в их данные, собранные с образцовым тщанием в разделе «Портреты русского генофонда».

Балановские четко обозначили: «Наша задача — во-первых, отыскать наиболее общие черты в структуре фенофонда (фенофонд — совокупность антропологических признаков населения). А во-вторых — проверить, есть ли сходство в изменчивости фенофонда и генофонда русского народа?» (63).

Все выводы авторов склоняют читателя к одной мысли: русский народ имеет одни ярко выраженные свойства на севере, другие — на юге, а посредине — обширная зона смешения признаков.

Это касается фенотипа: интенсивности роста бороды (на юге показатели максимальные, на севере минимальные), длины тела (минимальные значения на севере), ширины лица (самые узкие лица на севере и северо-западе) и его площади (самые рельефные на севере), цвета волос (наибольший процент темных волос на юге, наименьший — на севере)²⁹, цвета глаз (самые темные глаза на юге и востоке, самые светлые — на северо-западе и особенно на севере), формы носа (выпуклая спинка чаще встречается на юге, реже на севере, а на востоке — так чаще даже вогнутая), рисунка кожного покрова на пальцах и ладонях (подробности опушу, но широтная изменчивость та же).

Это же касается и генотипа. Специальные подробности здесь неуместны, но вот центральный вывод: «Наиболее различаются южные и северные по-

²⁸ Конечно, дивергенцию (тот же дрейф генов) не скинешь со счета в стране с таким огромным периметром, как у нас, но и все изначально разнообразие генофонда ею не объяснить, насколько мы знаем историю.

²⁹ Есть любопытнейшее исключение на самом северо-востоке, на Печоре, где живут русские люди с темной пигментацией волос и выпуклой (с «горбинкой») формой носа. Возьмем на заметку это обстоятельство и попробуем его объяснить в дальнейшем.

пуляции, а посредине расположена широкая область постепенных переходов» (81); «Генетические различия между русским югом и русским севером... очень велики, и они определяют большую изменчивость русского генофонда в целом» (145). В отношении такого важного биохимического маркера, как аллель НР*1, авторы пишут даже, что размах его вариаций между северными и южными значениями «почти достигает пределов вариации во всем народонаселении Северной Евразии — от коряков до украинцев» (98).

Авторы считают одним «из важнейших итогов книги» совпадение данных соматологии и генетики: «обе науки рассказывают об одной и той же структуре русского генофонда» (77). На юге ареала преимущественно проживают высокие, густо бородатые, относительно темноглазые и темноволосые, широколицые, с нерезким рельефом лица, но с выпуклой спинкой носа русские люди. На севере — тоже русские люди, но невысокие, с негустой растительностью на лице, светлоглазые и светловолосые, узколицые, с резко очерченным профилем, но прямым, а на востоке и северо-востоке даже вогнутым (курносым) носом. Генетика тех и других имеет много существенных различий.

Итак, можно вполне определенно резюмировать: по всей без исключения собранной Балановскими обширной, разнообразной и хорошо верифицируемой информации, трехчленная структура русского генофонда расположена по оси север—юг. Именно «генетические различия между русским югом и русским севером... определяют большую изменчивость русского генофонда в целом» (145). На мой взгляд, это подразумевает наличие как минимум двух исходно отличных друг от друга палеопопуляций. Объективно.

Авторы не слишком охотно (ввиду своей увлеченности финской гипотезой), но признают: «Нельзя также

исключить, что предковые группы южных и восточных славян были исходно генетически различными»³⁰ (150). Вольно или невольно³¹ они усиливают это предположение важным и вполне достоверным аргументом от науки, смежной с палеоантропологией: «Учтем еще возможность исходной разнородности этих племён вследствие предполагаемого их восхождения к двум (а не к одной) древнеславянским археологическим культурам» (52).

Две исходно генетически различные предковые группы у русских, две основные диалектные группы русского языка, две древнеславянские культуры... Разгадку русской гетерогенности, несомненно, надо искать здесь. Примем эту данность как задание на будущее союзу генетиков, антропологов, лингвистов и археологов.

Ну, а пока что вспомним три могущественных исторических обстоятельства.

Во-первых, следует обратиться к исторической проблеме происхождения летописных славянских племен.

Прежде всего нужно подчеркнуть:

³⁰ В другом месте чисто генетический вывод: «Анализ полиморфизма аутосомных маркёров, митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в русском генофонде выявил большое разнообразие русских популяций. Географически это разнообразие выражается, в первую очередь, в различиях между северными и южными русскими популяциями, при этом размах межпопуляционного разнообразия в пределах северной половины намного больше, чем на юге» (163).

³¹ Чтобы не расставаться с излюбленной финской гипотезой, Балановские пишут: «Обобщенные карты главных компонент выявляют либо два разных (северный и южный) потока славянской колонизации, либо две разные (северную и южную) субстратные группы финно-угорского населения» (81). Но почему же «либо — либо»? Могло быть, как минимум, то и другое. Хотя мне, по всем изложенным обстоятельствам, роль финнов не кажется столь уж важной.

славяне есть автохтонное население Восточно-Европейской равнины, зародившееся в том числе и на этих просторах. Так позволяет утверждать археология.

Далее. Славяне с самого начала не были гомогенны. Все иностранные средневековые авторы указывают на подразделенность древнейшей славянской популяции на склавинов и антов³². Кто они такие?

По мнению проф. В.В. Мавроди-на, под этими этнонимами скрываются собственно славяне (склавины, склавены в транскрипции неславянских авторов) и выделившиеся из них в III–V вв. анты, которым, однако, суждено было не стать отдельным народом, а вернуться в общеславянское лоно позднее, в VI–VII вв. Главным местом антского этногенеза, по археологическим данным, стало «слияние двух очагов восточнославянского этногенеза, прикарпатского и среднеднепровского, в процессе которого переплавлялись в славянство остатки гето-дакийских, фракийских, кельтских, скифских и сарматских племен, колоризируемых славянами». Теми «собственно славянами», которые уже успели сложиться в начале I тыс. н.э. «на огромной территории от Левобережья Среднего Днепра до Эльбы, от Померании, Лужиц и Бреста до Закарпатья, Приднестровья и Нижнего Днепра» в виде культуры «полей погребальных урн». Возникшей, в свою очередь, на протославянской основе, в формировании которой приняли участие культуры «ленточной керамики», Триполья, «лужицкой культуры» и «культуры скифов-пахарей».

Таким образом, мы видим, что славянство, едва успев сложиться, уже выделило из своего состава антскую

³² Подразделенность достигала одно время такой степени, что оказалась возможной даже анто-склавиновская война, дважды спровоцированная Византией в конце VI и начале VII в.

популяцию, весьма этнически пеструю и специфическую. Популяцию, тем не менее, в целом отчетливо славянскую. О чем свидетельствует не только тот факт, что геты и даки антропологически сходны со славянами и имеют много общего с ними в одежде, вооружении и быту (греческие и римские писатели вообще настаивают на их тождестве). Но и наличие в древней (римской поры!) Дакии славянской топонимики.

Что до скифов-земледельцев, оставших сотни городищ от Днестра и Припяти до Северного Донца, обитавших в Среднем Приднепровье, в т.ч. на Киевщине и в самом Киеве, то «эволюция культуры земледельческого населения ведет ее от земледельческой скифской культуры к культуре «полей погребальных урн» времен готов, гуннов и антов, причем... последняя является дальнейшим развитием первой, затем к культуре VII–VIII–IX вв., за которой укрепился термин «раннеславянской», и, наконец, все это покрывается слоями культуры Древней Руси XI–XII веков»³³.

В наборе этнокомпонентов, перечисленных Мавродиным, вызывает вопросы не иранский (близкородственные скифы и сарматы) или фракийский (близкородственные фракийцы и гето-даки), а только кельтский компонент. Но поскольку кельты, по-видимому, проходили некогда с севера Европы через Русскую равнину на запад, как и иранцы на юг, наличие здесь некоторого шлейфа вполне вероятно. Оно отчасти также подтверждается топонимикой.

Таковы были анты этнически, генетически. Но не таковы были склавины (славяне верховьев Днепра, Волги, Оки, Западной Двины и Приильменья), в этногенезе которых не было ни скифов и сарматов, ни гетов, даков и фракийцев, а были с начала I тысячелетия, главным

³³ Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб.: Наука, 2009. С. 25–30.

образом, протославянские, но также и широко рассыпанные по лесной зоне, хотя и крайне малочисленные, протофинские, протобалтские и, возможно, кельтские племена охотников и рыболовов, создателей простенькой культуры «ямочно-гребенчатой керамики». А также безымянные праевропейцы, доиндоевропейцы-ностратики, в которых следует видеть в той же мере протофиннов или протолитовцев, в какой и протославян.

Впрочем, судя по размерам городищ, среди которых максимальным считается 70x50 м², речь следует вести не о племенах, а лишь о семьях и родах³⁴, во многих из которых дивергенция финнов и славян либо еще не произошла до конца, либо, напротив, уже сменилась своей диалектической противоположностью — реверсией единого праевропейского типа под видом ассимиляции. Ассимилировали, конечно, более многочисленные и культурные славяне — более отсталых и малочисленных финнов и литовцев, причем без их истребления и даже выселения³⁵. Финская топонимика — реликт той эпохи. При этом «племена северной лесной полосы искони были протославянскими», а «Припятская, Деснинская и Верхнеднепровская (главным образом западная ее часть) области были основными землями протославян»³⁶.

Процесс этой первичной ассимиляции в северной лесной зоне заканчи-

вался, когда в VI в. значительная часть антов покинула свой исконный ареал и ушла на юг и восток искать счастья с ордами гуннов и аваров, чтобы затем раствориться, порой без следа, среди других народов. Еще часть ушла по найму служить в Византию — и тоже не вернулась. В образовавшуюся нишу хлынули их дикие родственники с севера, склавины. Благо политическое объединение с антами на почве сопротивления вначале готскому нашествию, а впоследствии аварскому каганату (т.н. Волынский союз) уже состоялось. Самостоятельная цивилизация антов, на пороге которой они уже стояли, в результате так и не сложилась. Культуре «полей погребальных урн» пришел конец. После 602 г. этноним «анты» в источниках не упоминается.

Объединение склавинов с антами вызвало, как это бывает в подобных случаях (объединение монголов с родственными чжурчженями в XII–XIII вв., русских с украинцами в 1654 г. и т.д.), прилив энтузиазма, «пассионарности», выразившийся в экспансионистских устремлениях. Славяне, *теперь* их так уже можно называть, дружно и фронтально двинулись на Дунай и «сели» там, как сообщает летописец. Не все, конечно, а лишь те, кто не предпочел остаться дома, но и этих было немало.

Однако в VII в. славян повыбили с Дуная болгары (тюрки из орд Аспаруха), а в IX в. еще и венгры (тоже тюрки, но другие). Из Центральной и Западной Европы, где славяне распространились, дойдя до Фульского монастыря, лесов Тюрингии, прирейнских земель и самой Дании, их по мере сил стали выдавливать германцы, начиная еще с готов, сильно подрезавших с запада и юга славянский ареал.

Южные, центральноевропейские и западные славяне не могли больше вести экспансию на юг и запад, перед ними встала другая задача: сопротивляться захвату их земель и последующему подчинению, порабощению и

³⁴ Летописная фраза «и восстал род на род» совершенно точно отражает эту фазу этногенеза.

³⁵ Видимо, не зря Иордан в своей «Гетике» (VI в.) именует финнов «кротчайшими», а Тацит в «Германии» (I–II в.) писал о них так: «У финнов поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища — трава, одежда — шкуры, ложе — земля». Славянам, стоявшим на более высокой ступени развития, не трудно было поглотить финнов без войны.

³⁶ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 93.

ассимиляции. Для них начались долгие века упорной борьбы (с переменным успехом) за выживание, самоотжественность и т.д. Многие славянские племена и даже народы так и сгнули в этой борьбе. Отступать/наступать на восток они тоже не очень-то могли: для этого пришлось бы вести войну на два фронта: с германскими, к примеру, захватчиками и восточнославянскими автохтонами, впоследствии русскими. Впрочем, полякам уже с X в., а в дальнейшем и литовцам этой участи избежать не удалось.

Восточным славянам, неуклонно растущим в числе, путь на запад оказался закрыт по той же причине. В результате они двигались по пути наименьшего сопротивления — все дальше и дальше на восток (лишь много позже, при Олеге, Игоре, Святославе и Владимире — также и на юг). Двигались всем долготным фронтом, сохраняя при этом те этногенетические особенности своих популяций (племен, попросту), которые сложились со времен склавинов и антов. Продвигаясь с запада на восток, племена тянули за собой генетический шлейф в том же, естественно, направлении (142). Отсюда именно широтная изменчивость как основная.

Сказанное объясняет резкую специфику русского Юга, отчасти Центра, но не вполне объясняет, однако, резкую специфику русского Севера. Мало того, что он в принципе отличается в целом от Юга и Центра, но и еще: русские центрально-южные популяции более гомогенны, «тогда как северные популяции занимают каждая особое место» (290).

Возможно, это связано с приходом варягов-руси, но не только.

Во-вторых, данными Балановских подтверждается гипотеза профессора А.Г. Кузьмина о том, что в IX в. на Восточно-Европейскую равнину к летописным славянским племенам пришли совсем другие славяне: русы (русь), притом двумя потоками — с юго-запада и с северо-запада. Но те, что шли с юга,

через Подунавье и Приднепровье, несли в себе иллирийский подмес³⁷, а те, что с севера, через Балтику, как Рюрик с присными, — были несколько сродни германцам и балтам. Поэтому недаром северяне по гаплогруппам резко отличаются от южан, но при этом близки европейцам. Как мы помним, генетические расстояния, скажем, пинежской популяции русских от немцев, поляков и литовцев минимальные.

По гипотезе Кузьмина, русы относятся к разряду не территориальных, как большинство летописных племен, а кровнородственных общин. В такую общину невозможно войти со стороны иначе как в качестве раба; в этом секрет их несмешиваемости с местными субстратами, какими бы они ни были — не случайно генетическое расстояние тех же пенегов от соседних финских этносов максимальное. Но к славянам (не русам), жившим территориальными общинами, это не относится, поэтому смешанные популяции встречаются порой и на севере, и на юге, хотя и не определяют тут генофонд, в отличие от центрально-восточных регионов Русской равнины.

Сказанное не только помогает понять причины резкой генетической оппозиции русского Севера и русского Юга, но и объясняет, как мне думается, наличие «южных» популяционных вкраплений на севере, о чем ниже.

В-третьих, исследование Балановских позволяет подтвердить еще одну неновую гипотезу, связанную с татаро-монгольским нашествием. Эта гипотеза развивалась благодаря трудам многих авторов, поэтому я ее вольно изложу в обобщенном виде.

Приход на Русь Батые нанес самый страшный удар именно по Киеву, на всегда подведя черту под периодом его общерусского верховенства. Можно сказать, Киевская Русь кончилась в

³⁷ Предположение об иллирийском подмесе на юге вскользь высказывают и Балановские (150).

1240 г. По свидетельству иностранцев, запустение киевского княжества непосредственно после падения Киева достигло таких степеней, что можно было сутки ехать — и не встретить ни одной живой души.

«Нашествие иноплеменных» — врагов, никогда ранее не виданных большинством русских, ярко инорасовых, инокультурных, владеющих непривычными видами вооружений и тактикой боевых действий³⁸, — производило впечатление совершенно эсхатологическое, апокалиптическое. Потрясенные до последних глубин души русские люди, кто не был убит или уведен в плен, бежали от этого внезапно обрушившегося невероятного кошмара куда глаза глядят.

Киев и его окрестности, как известно, были населены полянами. Но современные украинцы, как показали многочисленные и длительные исследования антропологов, не имеют с ними ничего общего, а являются потомками древлян, занявших освободившуюся от полян нишу³⁹. Куда же именно переместились поляне?

Часть укрылась в донских плавнях, где жили бродники и берендеи, будущие участники украинского этногенеза. Часть окопалась за порогами на Днепре, на острове Хортица — это предки запорожских, впоследствии кубанских казаков. Часть разбежалась по другим княжествам и землям. Но были, по-видимому, весьма значительные группы беженцев, которых смертельный, нечеловеческий, мистический ужас перед непостижимыми

«адскими» пришельцами гнал через всю Древнюю Русь — на край света. И загнал-таки туда в буквальном смысле слова: на край суши, к самому Ледовитому океану, на берега Белого и Баренцева морей. Где их потомки до сих пор и живут вполне компактно, выделяясь, как нам это показали Балановские, среди окрестных популяций, как нерусских, так и русских.

Выделяются они не только биологически, но, как это давно было замечено филологами, в первую очередь тем, что сохранили богатый фольклор Древней Руси. А что особенно важно и показательно — былины т.н. Киевского цикла, связанные именно с киевскими персонажами, начиная с Владимира Красно Солнышко. Надо заметить, что в целом Русский Север колонизирован поморами, выходцами из Новгородчины. Но Новгород к 1240 г. уже давно тягался с Киевом, кичился своей относительной автономностью и не имел никаких причин ни симпатизировать героям и символам киевского фольклора, ни сохранять его в такой удивительной полноте и чистоте. Так хранят только святыни — матушкино благословение, горстку родимой земли, священные книги рода и т.п. Особенно это свойственно эмигрантам, тоскующим по родине и вынужденным на чужбине бороться за сохранение своей идентичности. А уж киевлянам, выросшим в традициях кровнородственной общины полян и русов, как раз такое отношение должно было быть свойственно по определению.

Поэтому не удивительно, что именно на Мезени, Печоре и в других местах Русского Севера, где и были записаны киевские былины, Балановскими выделены особые популяции, антропологически и генетически отличные от соседей. То же касается и особенных русских популяций, обнаружившихся в Вятской области и на Кубани. Я не могу трактовать этот факт иначе, как наследие древних «протуберанцев» — человеческих масс, исторгнутых Баты-

³⁸ Предварительное покорение Китая ордами Чингисхана оснастило их всеми достижениями китайской военно-инженерной мысли и наиболее передовой военной теорией. Правда, китайцам они не помогли (в силу особых исторических причин), зато монголами использовались эффективно.

³⁹ См., например: *Алексеев В.П.* В поисках предков. Антропология и история. М.: Советская Россия, 1972. С. 299.

ем из бьющейся в смертных конвульсиях Киевщины.

До татарского нашествия в Древней Руси практически не было славянской миграции с юга на север, если не считать отдельных проникновений антов в земли склавинов. Была в далеких V–VII вв. миграция с севера на юг и юго-запад, затем с запада — на восток, а с начала XIII в. с юго-запада (Киев) на северо-восток (Ростов, Владимир). В целом же миграция была долготная, а не широтная. Вместе с разными славянскими племенами с запада на восток двигались их генетические и антропологические особенности — вдоль параллелей, а не меридианов. И только однажды в результате нашествия Батия те самые южнорусские протуберанцы взметнулись и осели по самым дальним краям тогдашней русской ойкумены — на севере, в Поморье, и на северо-востоке — вокруг Вятки. Дальше русским людям бежать было некуда: никакая нерусь их не звала и не ждала.

В этом, по-видимому, немаловажная причина, почему «на севере различия между популяциями намного выше», чем между центром и югом (161). К примеру, есть на Печоре отдельная популяция, где живут высокие, темноглазые и темноволосые русские с густой бородой. Как мы знаем, эти признаки характерны для юга России. Можно думать, перед нами как раз те самые потомки беженцев с Киевщины XIII в. Именно этот осколок дотатарской и даже, возможно, антской южной Руси и хранит ее генофонд. Такими были русские киевляне до прихода татар. Они принесли на побережье Баренцова моря, в низовья Мезени и Печоры, на Кольский полуостров и т.д. не только аллель НР*1 (99), но и былины Киевского цикла.

Татарским нашествием можно объяснить еще одну генную аномалию. В книге Балановских содержатся также очень важные сведения о вятичах и об их генетическом подобии на Печоре,

на Кольском полуострове и на Кубани. Карты распространения антропологических маркеров, карты генетических расстояний от народов разных семей, а самое главное — от русских популяций (карта 8.3.5) указывают на эту близость. Последняя карта вполне наглядно показывает: и на Кубани, и в Вятке — люди одной породы, в которых мне видятся русские недобитки, убежавшие от смертоносных татар.

Что до Кубани, тут все более-менее ясно: сюда Екатерина II переселила запорожских казаков, чье историческое бытие началось с повального бегства полян из-под Киева за днепровские пороги, на Хортицу. У них киевский фольклор, кстати, не сохранился: его вытеснил напрочь собственно запорожский, казачий фольклор вновь создавшегося субэтноса⁴⁰.

С вятской популяцией сложнее. Изначально они не должны были бы генетически и антропологически сильно отличаться от потомков кривичей или северян, но... возникли беженцы с Киевщины. Догадаться об этом позволяет такой исторический эпизод, как появление на Руси с XIV в. т.н. ушкуйников, своими набегами немало досаждавших Орде и даже грабивших Сарай и уводивших татар в полон. Чем, собственно, они и знамениты.

Долгое время ушкуйников считали новгородцами, но коренные новгородцы не были и не могли ими быть. У новгородцев было свое, столетиями с IX в. выверенное направление экспансии: Поморье вплоть до Урала. Зачем им было творить набеги на Орду — за семь верст киселя хлебать, себе беду добывать, дергать тигра за усы, сочинять сложные экспедиции без гарантии успеха? Новгородцы вообще пред-

⁴⁰ Не мешает в этой связи лишний раз подчеркнуть, что кубанцы, порой косящие в сторону Украины, не отклоняются, как выяснили Балановские, от среднерусских генетических частот (144), ибо относятся именно к русскому этносу киевских времен.

почитали торговать, а не воевать, тем более с сильнейшим противником.

Другое дело киевские беженцы-поляне, которым терять было нечего, которых Север не манил (он и не мог манить южан: туда бежали уж совсем отчаявшиеся, сломя голову летевшие подальше от татар), которых распирали жажда возмездия и которые вовсе не были на Новгородчине желанными гостями. Кстати, именно в этом одна из причин, почему нынешние насельники Колы и Печоры не задержались в свое время на хорошо обжитых территориях: новгородцы просто спровадили их куда подальше. Пустили сирот Христа ради в дальний, темный и холодный угол своих владений, за Полярный круг.

Возможно, вначале киевские беженцы все подались на Новгородчину (о чем, кстати, свидетельствует там достаточно широкий разброс мест, где записан киевский фольклор). Но новгородцы, по идее, и не должны были охотно пускать беженцев, конкурентов, в свои угодья, в Поморье, а тех, что все же пустили, старались потом, конечно же, выдавить. Куда? Туда, куда сами не стремились: в Заполярье и на восточную границу русской ойкумены. Ведь Вятка в те времена была самой далекой окраиной, мало населенной людьми, форпостом русской экспансии. Этим она могла быть привлекательна только для людей, которые уже все потеряли и должны были начинать с нуля. Вот они и двинулись к Вятке, чтобы удобней творить набег на Орду по водным артериям. Жаждавшие реванша, мести татарам, они-то и стали ушкуйниками (сегодня версия вятского происхождения ушкуйников является основной).

Именно так можно правдоподобно объяснить генетическую близость вятской русской популяции — к русским Печоры, Колы и т.п., с одной стороны, а с другой — близость к казакам Кубани, то есть к запорожцам, которые в основе своей — те же недобитые

поляне-киевляне, только осевшие на Хортице, а не двинувшиеся на Север.

В контексте указанных трех исторических обстоятельств становится более понятна не только неоднородность генофонда по линии запад-восток, но и еще более выраженная межпопуляционная изменчивость по линии север-юг. Это не значит, что не было и других воздействий, но основные в обозримом прошлом, думается, учтены.

* * *

Что же можно сказать в заключение?

Авторы либо уходят от создания своей версии причин русской изменчивости, либо прибегают к довольно экзотическим объяснениям, например: «Многие миграции из внутренних районов Азии на территорию Восточной Европы шли по степной полосе и связаны именно с юго-востоком Европы (от Южного Урала до Северного Причерноморья). Представляется вполне вероятным, что эти миграции различных степных народов, направлявшихся примерно по одному маршруту — по степной зоне Евразии — в течение многих столетий (от гуннов в IV в. до калмыков в XVII) оказали значительное влияние на восточноевропейский генофонд. Можно предположить, что именно влияние степных народов (главным образом алтайской семьи) и сформировало тренд изменчивости генофонда с юга и юго-востока» (227).

Однако ими же с блеском доказанное отсутствие азиатской, монголоидной составляющей в русском генофонде противоречит такому предположению. Вообще, объяснять гетерогенность и изменчивость этноса проходившими через него потоками военной миграции — не кажется верным. Военным в состоянии похода и даже постоя некогда особенно смешиваться с местными. И судьба бастардов по меньшей мере проблематична. К примеру, уж кто только не проходил через белорусов! Поляки, немцы, шве-

ды, французы... А они показательно гомогенны!

Балановские и сами себя поправляют, но неудачно и даже, пардон, антинаучно: «Поскольку выявляемая тенденция близка к широтной изменчивости... нельзя исключать возможность ее связи с климатическими параметрами... Возможно, отражает адаптацию генофонда к различным условиям среды».

О том, что наследственные качества не адаптогенны, знает каждый школьник.

Оба объяснения никуда не годятся.

Выше я попытался предложить свое, возможно, читатель его забракует.

Так или иначе, но общий вывод приходится делать такой: славянский субстрат, послуживший впоследствии базой русскости (о чем говорит наша близость к белорусам и украинцам), был широтно очень неоднороден: склавины и анты, славяне и русы, автохтонные славянские племена с их дивергенцией... Широтное разделение проторусских славян в свете всего этого перестает удивлять. Мы видим, в частности, что разделение славян на северных и южных было изначальным, врожденным уже на указанном уровне.

А вот разделение на восточных и западных — приобретенным, полученным в ходе славянорусской экспансии на Восток. Это своего рода плата за территории.

Одна неоднородность наложилась на другую... Вот мы и не можем никак пробиться к национальному единству, бьемся русский с русским хуже, чем с общим лютым врагом. Как невесело шутил Артемий Вольнский незадолго до казни, «мы, русские, друг друга поедом едим и тем сыты бываем»...

«Земля наша обильна, порядка в ней лишь нет», — посмеиваясь, писал А.К. Толстой на тему хрестоматийной летописной фразы. Так откуда же быть порядку, если о нем одновременно зывало два славянских и три фин-

ских племени? Такая неоднородность, заложенная в фундамент нациестроительства, и не даст никогда никакого порядка.

Мы завидуем странам Запада, народы которых умеют устраивать свои дела ладком, умеют вырабатывать тот самый «общественный договор», который никогда не давался и не дается нам.

Так что же вы хотите! Там — гомогенные народы, живущие с чувством своего единства, а у нас — гетерогенный.

В кои-то веки однажды в нашей истории, в 1613 г., русские договорились между собой ладком, избрали себе всем угодного царя. И то после ужасной Смуты. Но что потом? Зря ли XVII в. прозвали «бунташным»?

Нам есть о чем задуматься и в каком направлении работать над своим дальнейшим биологическим развитием.

Впрочем, Балановские рекомендуют совсем иное.

Что значит быть русским

В начале разбора я предложил как контроверзу, навеянную книгой Балановских, но не солидарную ей, формулу русскости: **русский народ — это сложносоставной европеоидный этнос, имеющий славянскую генетическую основу от летописных племен и говорящий по-русски**. Попробую разъяснить ее, опираясь, однако, на данные книги.

Чтобы эта формула стали понятной и действенной, нужно разобраться, что есть славянская генетическая основа летописных племен. Откуда взялись славяне и что собой представляют биологически.

«Во мнозех же временах сели суть Словене по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте», — гласит источник: русская летопись.

Увы, она не раскрывает секретов

этногенеза славян. Скорее, наоборот, запутывает нас. Ибо на Дунае славянские племена «сели» довольно поздно, в VI–VII веках, явившись туда уже законченными славянами (о чем свидетельствуют, в частности, этнонимы популяций-дублетов, именно тогда образовавшихся в Центральной и Южной Европе и сохраняющихся там доныне: дулебы, северяне, кривичи). Откуда они пришли на Дунай, где эпицентр их этногенеза?

Для ответа на этот вопрос проведем блиц-экскурс в историю в свете фактов, опубликованных в разбираемой книге.

Балановские в очередной раз противоречат себе, утверждая, что не существует ни славянских, ни русских генов. Наряду с этим они же пишут о том, что однажды за всю историю человечества произошли некие мутации, отразившиеся в мтДНК, «и поэтому все люди, имеющие данную мутацию, являются между собой более или менее близкими родственниками по материнской линии». Есть ли у всех русских эта мутация или нет? Все ли русские — родственники? Прямого ответа на этот важнейший вопрос в книге, конечно, нет. Но есть не менее важное утверждение: «датировки мтДНК восточных славян составляют 30 тысяч лет» (139).

Это сведения первостепенной важности.

Они означают, что славяне могли возникнуть уже тогда (м.б. и позже, «а когда именно — по-прежнему неизвестно»): предпосылка к этому наличию. Генетическое своеобразие некоей общности протославян (семья? род? племя?), передаваемое по материнской линии, уже сложилось 30 тыс. лет назад!

Кроманьонско-европеоидному древу примерно 50 тыс. лет (не менее). Около 20 тыс. лет оно стояло, время от времени выбрасывая ростки разных веток-этносов. Одни ветки захирели, исчезли, привились на другое дерево (синантропо-монголоидное,

неандертальско-негроидное), другие дожили до наших дней. Но вот 30 тыс. лет назад оно выбросило, наконец, славянский росток, которому суждено было уцелеть. В течение 30 тыс. лет славяне развивались, росли, дробились, пускали, в свою очередь, свои ростки, судьбы которых также сложились по-разному.

Важнейший вопрос: где это произошло?

Ответы авторы не дают (да и вопрос такой не ставят), но он в их книге существует объективно. Его дает археология, позволяющая, во-первых, увязывать памятники той или иной культуры с определенной расой, определенным этносом, а во-вторых — четко их локализовать и датировать. Именно этим проверенным и надежным путем шли Балановские, определяя границы европейского и азиатского генофонда на разных этапах верхнего палеолита (см. главку «Генофонд и культура»). Судя по предложенным ими картам, рождение славянской мтДНК не могло произойти нигде, кроме как на пространстве Европы. Ибо здесь не только проходил расогенез европеоида вообще, но и явно находился эпицентр этого расогенеза. Это важный вывод, но он вызывает к конкретизации: где именно в Европе это произошло.

Что ж, для ответа на данный вопрос надо экстраполировать тот же метод, хорошо себя зарекомендовавший, на более поздние времена. Что и было в свое время блестяще выполнено многими учеными, исследовавшими бесчисленные памятники культуры, сохранившиеся в земле.

Основной их вывод (повторю его еще раз) состоит в том, что славяне первоначально сложились как этнос в начале I тыс. н.э. «на огромной территории от Левобережья Среднего Днепра до Эльбы, от Померании, Лужиц и Бреста до Закарпатья, Приднестровья и Нижнего Днепра». Что проявилось и сохранилось до наших дней в виде единой на этом пространстве культуры «полей

погребальных урн». А также отчасти в «языке земли» — топонимике. Хотя второй критерий менее надежен и носит вспомогательный характер, поскольку те или иные географические названия не обязательно давались этносом, доминирующим в ареале. И вообще, глоттогенез порой помогает нам разобраться в этногенезе, а порой может и помешать, но в любом случае не может его собой подменить.

Итак, прошло примерно 28 тыс. лет, прежде чем биологическая предпосылка славянского этноса материализовалась в отчетливо выраженную славянскую этничность. Весь этот процесс ни на одном из своих этапов не выходил за географические рамки Европы. Об этом, опять же, свидетельствует археология, выявляющая генезис тех элементов, из которых складывалась вышеупомянутая культура (см. предыдущую главу) и которые по отношению к ней выступают как первоначальные.

Первоначальная форма существования славян, после того как неизбежный процесс дивергенции разложил посткроманьонскую ностратическую общность на индевропейские этносы⁴¹, — славянские роды и племена. Ряд из них принял участие в собственно русском этногенезе. Это, с одной стороны, потомки антов, а с другой — племена, которые мы называем летописными.

Процессы как славянского, так и русского этногенеза происходили не без участия иноэтнических субстратов, в первую очередь — финского (в центре, на востоке, отчасти на севере), литовского (в центре), иранского и фракийского (на юге). Нужно правильно понимать сущность и масштабы этого участия. На мой взгляд, Балановские искусственно гипертрофировали его до невозможности, объявив финский субстрат чуть ли не конституирующим элементом русскости. Хотя наличие

его в русском генофонде на севере просматривается лишь фрагментарно, а на юге и вовсе отсутствует.

Противореча основному пафосу своей книги, Балановские сами же признают: «Однако это направление «запад<=>восток» так и не стало главным сценарием русского генофонда, не сумело превозмочь различия между севером и югом... В других главах... мы видели, что генофонд Русского Севера нельзя рассматривать только как наследство от финно-угров: он часто тяготеет к западным территориям, и скорее всего, к самому древнему палеоевропейскому пласту генофонда Европы» (288).

Нужно правильно понимать сказанное: палеоевропейский пласт являлся в той же мере протофинским или протолитовским, в какой и протославянским. Это во-первых. А во-вторых, судя по археологическим данным, на территориях, предназначенных историей к ославяниванию, финский субстрат существовал по большей части в виде небольших родов (даже не племен, не то что народов), редко распределенных по берегам водоемов и далеко отстоящих друг от друга. Оставив свой след в славянском генофонде, они не сделали его качественно иным, неславянским.

К сожалению, произвольное ограничение якобы «исконного» ареала исследования не позволило включить в анализ многие действительно исконные земли русского генофонда, где обитали летописные племена, чей генофонд также был для нас определяющим: дреговичи, уличи, тиверцы, радимичи, хорваты, дулебы (волыняне). В этом мне видится одна из причин искажения общей картины, нарушения истинных пропорций, позволившего так преувеличить роль финского субстрата, как это сделали авторы.

Помимо всем понятных негативных интеллектуально-нравственных последствий этого, есть еще один момент, на котором следует остановиться. Дело в том, что любая изменчивость

⁴¹ По оценкам специалистов, это произошло примерно 15 тыс. лет назад.

может (а значит, должна) быть градуирована, но для этого должна быть точка отсчета, в нашем случае — эталон русскости. В том ареале, который отвели себе для обработки авторы, они его не искали. Зато нашли в непосредственно граничащей с ним близи: это белорусский этнос.

Балановские формулируют это наблюдение так: «Если те же самые карты классических маркеров рассмотреть с точки зрения карты расстояний от русских, то мы увидим, что белорусы куда более похожи на русских, чем многие русские!.. Самый тонко дифференцирующий генетический маркер — гаплогруппы Y-хромосомы — показал удивительное сходство генофондов белорусов, поляков и западных русских. По этому сверхчувствительному маркеру своеобразию белорусского генофонда не обнаруживается!» (301).

Авторы невольно признаются здесь в том, в чем отказались признаться формально: генетический образец русскости на деле имеется, и белорусы ответственны ему более чем кто-либо другой. Это еще раз говорит о том, что эталоном, точкой отсчета следовало брать не центральные или восточные, сильно микшированные, а западные, практически чистые популяции русских. А также о том, что авторы совершили стратегическую ошибку, очертив ареал русского генофонда на западе — границами нынешней кургузой России, во-первых, а во-вторых, включив в эти границы на востоке популяции не только финноизированных славян, но и, по-видимому, славянизированных финнов.

Отсюда, от принципиального нежелания признать объективность эталона, самими же и установленного, — такие провокативные, отбрасывающие длинную и мрачную политическую тень тезисы Балановских, как, например: объективно-де русских нет, есть лишь такое условное название; русские-де — сложный этнический

микст; финские народы ближе-де нам генетически, чем западные славяне; принадлежность к русскому (и любому другому) этносу определяется не биологически, а самосознанием человека; лингвистические признаки + географические признаки = сущность этноса⁴²... и т.д. Эти и подобные им тезисы явно нуждаются в тщательной перепроверке с совсем иных идейных и методологических исходных позиций. Вопрос об исконно русском триединстве великороссов, малороссов и белорусов также явно нуждается в новом изложении.

Русские поверх всех и всяческих границ: так следовало бы ставить проблему. Условно русские в искусственно очерченных границах: так поставили проблему авторы. А жаль.

Грядущим исследователям придется, во-первых, максимально освоить и осмыслить пионерский труд Балановских, но во-вторых — продолжить и углубить исследование с учетом возникших у авторов проблем.

* * *

Прояснив для себя тезис о бесспорно славянской основе русского народа, проясним также и тезис о его сложносоставной природе.

Что собой представляли славяне, сложившиеся к VI–IX вв. на Восточно-Европейской равнине? Весьма гетерогенный контингент, о чем говорилось в главке «Русская изменчивость». Изначально достаточно разные, они двигались в основном с запада на восток, и каждое племя тянуло за собой «затяжку»: шлейф своих — и только своих — признаков. Вятичи — своих, кривичи — своих и т.д. Отсюда, в том числе, широтное изменение значений главных компонент генофонда.

⁴² Странно и непоследовательно получается у авторов: раса, по-ихнему, биологически (именно антропологически и генетически) объективна. А этнос, ее производное, выходит, — нет?

Двигались, видимо, не все и не все время. Оставались более-менее на своих местах балтийские славяне, а также лютичи, бодричи, пруссы, ляхи, уличи, тиверцы, хорваты, дулебы и др., не пошедшие дальше на восток. Больше продвинулись поляне, древляне, северяне, радимичи, дреговичи, но и они не дошли до областей плотного проживания финнов, осели там, где показалось хорошо, а дальше не пошли. Непрерывно двигались только словене, кривичи и вятичи. На полпути они встретили финские роды и племена — и началась активная метисация, более-менее мирная, судя по финскому эпосу, не отразившему никакой войны наших народов⁴³.

В итоге финский субстрат (в том числе уже давно смикшированные народы финно-монголоидного происхождения) оставил на пути этих племен всевозрастающий след с запада на восток вплоть до Урала. Всевозрастающий, но далеко не все определяющий.

Да, мы сложносоставной микст, причем древнейший, с индоевропейских времен. Но — слитный: микст, давным-давно сложившийся как целое, как единая данность — совокупность славянских племен.

Русскими же славянские племена стали, будучи объединены властью русов, руси. Тысяча лет нивелировки и взаимных миграций, иногда вынужденных властью, — вот наш путь этногенеза. Осознанная централизованная политика единения, а не стихийная метисация с финнами лежит в его основе. Благо язык оставался все время общим, хотя и подразделенным на северные и южные диалекты.

⁴³ Отражает ли русский эпос эпоху русско-финской метисации, шедшей, если верить Балановским, очень долго, массово и бурно? Такое отражение должно быть ярким, впечатляющим, если все было именно так. Но соответствующие памятники, насколько я знаю, не известны, что по меньшей мере странно.

Политика успешная: ведь ни в субэтносах русского народа, ни в отдельных частях этих субэтносов вплоть до XX в. не вспыхнули самостоятельные этногенетические процессы. Вначале их гасила инерция движения, экстенсивного развития, миграции на восток: субэтносы просто не успевали концентрироваться. Впоследствии этому препятствовала объединительная политика киевских, а пуще того — московских князей и царей, использовавших, в том числе, массовое переселение подданных (например, новгородцев, псковичей и смолян — в Подмоскovie и наоборот, подмосковных — в Новгород, Псков и Смоленск). Что и дало в итоге возможность на всей этой территории образоваться не многим народам типа курян, вятичей, москвичей, смолян, новгородцев и т.д., а одному народу: русскому.

Хотя в XX в. от нас удалось отколоть украинцев и уже почти — белорусов, все же тысячу лет это единство, пусть с перерывом, но сохранялось.

Все познается в сравнении. Вот, также сложносоставные англичане (посчитанные без валлийцев и шотландцев) тоже сумели стать единым цельным микстом после гражданской войны Алой и Белой Розы, примерно когда и мы. И этот кельтско-германский микст оказался на поверку генетически весьма однородным. Германцы, пожалуй, микшировались на востоке со славянами не меньше, чем мы — с финнами, и их смешение окончилось гораздо позже, а местами (в области лужичан) и вовсе не закончилось. Но и германо-славянский микст не сильно повлиял на их однородность. Итак, по своей гетерогенности славяно-финский микст априори не может значительно превосходить кельтско-германский, а тем более германо-славянский микст.

А вот французы, к примеру, — микст, который цельным так и не стал, а теперь и вряд ли станет после чудовищных этнически чуждых вливаний.

То же итальянцы, где иноэтничный сепаратизм северных провинций недаром растет с каждым годом. Некоторые финны (удмурты, мари, мордва) — тоже микст; еще более древний, чем мы, притом местами европеоидно-монголоидный с дотатарских времен, подразделенность их популяций бросается в глаза и даже отражена в этнонимах (мордва, мокша и эрзя, луговые и лесные черемисы и пр.).

На этом фоне наша русская гетерогенность, искусственно, на мой взгляд, преувеличенная Балановскими из-за неправильно очерченного ареала исследования, не вызывает на практике таких тревог о возможном распаде этничности, как французская или итальянская, вроде бы формально меньшая, чем у нас. Не говоря уж об американцах, которым только ленивый не пророчит развал по расово-этническим границам. Так что можно отчасти согласиться с Балановскими: «Говорить о некоей исконной чистоте русского антропологического типа и исходной однородности русского генофонда — как, впрочем, и генофонда любого другого народа — не приходится» (48).

Да, русские в общем — не совсем чистые славяне (хотя чистые европеоиды) по меньшей мере с III–V вв., а то и с более ранних времен. Но в этом нет угрозы нашей этничности. Ведь главное: уже самое раннее с XII, а самое позднее с XIV в. мы существуем как сложившееся единое этническое целое. Мы сложносоставной, но единый народ с общей (восточнославянской) биологической основой. И какой бы то ни было субстратный след в нашем генофонде уже давным-давно потерял для нас всякое значение, кроме чисто академического. Если, конечно, не пытаться его искусственно раздувать, преувеличивать и превращать в яблоко раздора. От чего, к сожалению, не свободна, на мой взгляд, книга Балановских.

Рекомендации

Полоний:

Надлежит найти причину этого эффекта — или дефекта, ибо сам эффект, благодаря причине, дефективен.

Шекспир. «Гамлет»

Мы подошли к главному, ради чего книга если не пишется, то читается. К рекомендациям, логически вытекающим из констатаций. Констатации авторов далеко не всегда меня удовлетворяли, такое же отношение вызвали и рекомендации.

Но вначале необходимо сказать о той альтернативе, которую предлагает судьба народам, желающим жить. Эту альтернативу нам также дает книга Балановских: в ней приведено на выбор два примера, предельно красноречивых.

С одной стороны, ссылаясь на специальные исследования, авторы рассказывают нам о жуткой судьбе генофонда, некогда расположенного на территории современного Казахстана. Тот факт, что Балановские в своей манере принимают политические границы за расово-этнические, биологические, отчасти обесценивает вывод, но он все-таки слишком выразителен, чтобы не поразить наше воображение даже в таком виде.

Оказывается: 1500 и даже 1000 лет до н.э. на указанной территории монголоидного компонента в населении не было вообще, а был только 100-процентно европеоидный. Затем, 500 лет до н.э., монголоидный компонент появляется, но пока довольно скромно, в объеме 20%. К концу I тысячелетия нашей эры европеоидный и монголоидный компоненты сравнялись: 50 на 50%. А к 2000 г. монголоидность выросла до 75%. И это при том, что советская власть прирезала к Казахстану земли Южного Урала, населенные русским Семиреченским казачеством, которое никакого отношения к тем древним европеоидам и тому ареалу не имеет. С учетом этого факта можно

смело сказать, что перед нами картина полной замены генофонда на некоей исторической территории.

Это — сокрушительная катастрофа неведомой нам части белой расы, растянувшаяся на 3500 лет и окончившаяся ее постепенной, но полной гибелью. Гибель происходила, возможно, незаметно для самих гибнущих. Незаметно — значит, «неопасно»? Нет, именно в этой постепенности, незаметности — главная угроза! Своего рода варка лягушек на медленном огне, чтобы притерпелись поначалу и не повыпрыгивали, как учат французские повара. Обреченные представители исчезающей расы вряд ли даже понимали, что с ними происходит, и не пытались протестовать, сопротивляться своей судьбе.

С другой стороны, Балановские, также опираясь на специальные исследования, повествуют нам об удивительной судьбе народа шапсугов. Который, напротив, несмотря на крайне неблагоприятные, прямо убийственные исторические обстоятельства, никак не желает менять свое существо и уходит из жизни.

«Адыги-шапсуги — древнее население Северного Кавказа. Их сплошной ареал простирался от Кубани до Черного моря. Но их смела Кавказская война. К 1865 г. все причерноморские аулы шапсугов были уничтожены, а прикубанские — переселены. Сейчас от них осталось два осколка: 5 тыс. человек в Прикубанье и столько же — в предгорьях у Черного моря. Но они сохранили отражение разрушенного генофонда. У нас есть основания считать, что Прикубанье отражает пражную “Малую Шапсугию”, жившую к северу от Кавказского хребта. А в Причерноморье постепенно просачивались те, кто остался в живых из “Большой Шапсугии”. Они старались селиться именно в той долине, где испокон веков жили их предки. Они сохранили традиции брачной структуры. Подразделенная популяция вновь до-

казала нам свою необычайную устойчивость» (334).

Пара цифр для уточнения параметров катастрофы. «До присоединения к России Северо-Западный Кавказ населяли главным образом адыги (черкесы), которых насчитывалось более двадцати племен» общей численностью до 4 млн. человек. «Сокращение численности в результате военных действий было драматическим». От наиболее многочисленного племени шапсугов, насчитывавшего некогда более 300 тыс. чел., на сегодня осталось «лишь десять тысяч человек, и они не смешиваются с окружающим населением» (308). Шапсуги сократились вынужденно и радикально, но при этом так же радикально сохранились как отдельный этнос.

Перед нами — потрясающий и достойный присвоительного изучения пример этнического самосохранения в максимально неблагоприятных условиях. Но, простите, разве за счет подразделенности на две популяции? Никак нет. Ведь шапсуги брачуются только внутри той или другой популяции, и если одна из двух сохранившихся популяций вдруг исчезнет, шапсугский этнос, придерживаясь этой же практики, все-таки продолжит свое существование в лице второй, неподразделенной популяции. Это очевидно.

Секрет самосохранения явно не в подразделенности, а в чем-то ином. В чем? Балановские дают и другой ответ, на сей раз непротиворечивый, полностью соответствующий действительности, основанный на собственных, совместно с другими авторами, исследованиях. Для начала они констатируют: «Глубокое знание генеалогии позволило сделать шесть “временных срезов” фамильного состава популяций, то есть реконструировать генофонд населения на одно, два, три, четыре, пять и шесть поколений назад». И вот закономерный главный вывод:

«В результате такой реконструкции показана высочайшая устойчивость

популяции: благодаря сохранению брачных традиций, она сохранила популяционную структуру вопреки переселениям и катастрофическому сокращению численности популяции в результате Кавказской войны» (334).

«Небольшая группа (причерноморские шапсуги) проживает среди массы пришлового населения на побережье Черного моря (от Туапсе до Сочи). Но даже в условиях огромного миграционного давления курортной зоны шапсуги сохраняют давние брачные традиции — подавляющая часть браков заключается в пределах популяций шапсугов общей численностью всего лишь 5 тыс. человек» (330–331).

Иначе их бы давно не стало, как всем теперь уже ясно и понятно.

Ларчик открывается просто, а главное — предсказуемо. Брачные традиции, строгая эндогамность, отказ от смешанных браков — вот истинная причина сохранения шапсугского этноса. А вовсе не его подразделенность.

Итак, перед нами две исторические модели, наглядное пособие для умеющих думать и желающих, чтобы русский народ жил не в жалких веках и не какие-то тысячу-полторы лет (отводимых выдумщиком Львом Гумилевым на его мифический этногенез), а многие тысячелетия, как живут народы-долгожители, народы-чемпионы.

В чем принципиальная разница двух моделей, о которых нам поведали Балановские?

У шапсугов — очевидная национальная трагедия. Огромная. Но не катастрофа! А в Казахстане все наоборот. Трагедия несколько не меньшая, а катастрофа — полная, окончательная, но... неочевидная! Мы-то ведь сегодня думаем, что в Казахстане все так, как и надо, как и должно быть, потому что так якобы было всегда. Оказывается — вовсе нет, все совсем не так.

Какой же судьбы мы, русские, хотим для себя перед лицом сегодняшних угроз? Такой ли, какая постигла далеких во времени европеоидных на-

сельников Казахстана? Балановские не видят в такой замене одной расы или одного этноса другими — ничего плохого, страшного. Поскольку для них, как мы уже знаем, этничность определяется самосознанием. Вот они и пишут на голубом глазу с наивным цинизмом:

«Если же при этом не меняется наше этническое самосознание, и мы называем свой народ прежним именем, но отождествляем свое “мы” с новым обликом и с новым генофондом, то, конечно же, как согласиться с тем, что “мы” исчезаем?» (310).

Подумаешь! Был один генофонд — стал другой. Был один облик — стал другой. Ну и что? Не страшно! Были русские светловолосыми и светлоглазыми европеоидами, а будут черноволосыми и черноглазыми тюркоидами, кавказоидами или вовсе раскосыми монголоидами — какая разница?! Если они по-прежнему будут считать и называть себя русскими, говорить по-русски...

Ну уж нет! Если русские через сто лет будут на вид напоминать таджиков или дагестанцев, а называться по-прежнему станут русскими, то захотим ли мы сегодня обеспечивать будущую жизнь и благоденствие ТАКОГО потомства?

Я — точно нет.

Ничего ужасного, говорят нам Балановские, ведь самосознание не страдает!

Но наплевать в данном случае на самосознание — ведь это не самосознание, а попросту очевидный самообман! Нечего ему потворствовать!

Греки — не эллины, итальянцы — не римляне, копты — не египтяне. Эти народы не стоят своих предков, не имеют права на их историю, на их культурное наследие и славу, не достойны их былого величия.

Итальянцам, правда, удалось завоевать собственную славу благодаря писателям, поэтам, художникам, музыкантам, архитекторам, святым и

преступникам. Но это их новая, а не римская слава. А вот грекам и коптам — нет, и уже не удастся никогда. Их причастность к великому прошлому — чистейшая фикция.

А что народ (как и человек) без прошлого? Голь перекатная, никтожество...

Балановские лукаво подначивают нас: генофонды-де «нельзя сравнивать в понятиях “хуже — лучше”». Допустим на мгновение, что это так. Но их, однако, можно сравнивать в понятиях «свой — чужой». А «свой», как учат нас в один голос три науки — этология, психология и история, всегда негласно означает «лучший».

Теоретически можно допустить, что на нынешней территории России станет под именем «русских» проживать некий народ, в генофонде которого будут, как воробьи по конюшне, летать остатки наших русских генов. Но мне безразлична судьба такой страны и такого народа. Такие «мы» — это уже не «мы». Это четко и однозначно чужие. Ради них я палец о палец не ударю. Их будущее мне просто не интересно, не важно.

Вот я и спрашиваю себя, что лучше избрать, как распорядиться жизнью своих детей, внуков и правнуков: как древние белые насельники казахских земель — или как шапсуги?

Не может быть двух мнений: как шапсуги! Что для живущих на свете может быть важнее, чем быть самими собой, в том числе этнически?

Да, я предпочитаю судьбу шапсугов: пусть нас останется сто или пятьдесят миллионов, пусть даже не миллионов, а тысяч, но пусть это будут элитные, породистые русские, сохранившие право на свою историю и культуру, на славу предков и имя потомков, на славное будущее, достойное такого генофонда. А с ними право на мою любовь, интерес и заботу.

Поэтому все мои дети — три сына и три дочери — всегда, с младых ногтей знали: если свяжут свою жизнь с

нерусским супругом, придется забыть дорогу в отчий дом. Такой брак я не благословлю, и внуков таких не прииму. Думаю, у шапсугов с этим так же строго.

А вот Балановские нет-нет да и склоняют нас к противоположному выводу. Причем в своей обычной манере, играя противоречивыми высказываниями, поддакивая вашим и нашим, например: «Забота о “чистоте” русского генофонда обрекла бы его на вымирание. Но и забота о его слиянии со всеми генофондами — обрекла бы его на исчезновение» (316).

Или так: «Для структуры генофонда самая близкая опасность — это исчезнуть, стереться, нивелироваться в результате смешений с соседними народами или смешений региональных групп внутри народа». Но тут же: «Не стоит, конечно же, опасаться смешений — ни один генофонд не может жить без них. Межэтнические и межпопуляционные контакты, браки, смешения — это необходимое, извечное свойство человечества».

Они пугают нас: «Если, к примеру, все русское население съедется в Москву и образует единую гомогенную популяцию — структура русского генофонда исчезнет» (311). Страшно, не правда ли?

Вот и понимайте, как хотите: «Стой там, иди сюда». Кого авторы хотят обмануть? Политкорректную цензуру? Собственных внутренних цензоров? Нас, читателей?

Однако нас-то, после чтения их книги, уже не обманешь. Ибо мы повидали и хорошо представляем себе как гомогенных англичан, так и заботящихся о чистоте своего генофонда шапсугов. И знаем, что правда на их стороне: вполне достойные примеры. Так что Балановские нас пугают, а нам — не страшно! И вот почему.

Во-первых, мы видели воочию: максимальная гомогенность не мешает некоторым народам — максимально процветать, в то время как максималь-

ная гетерогенность не мешает другим народам — прозябать. Увиденное и понятое нами противоречит тезису Балановских. Гомогенизация, судя по достигнутым разными народами результатам, — это очень хорошо, а вовсе не плохо. Гомогенность этносов коррелирует с их успешностью, достижительностью, развитостью и устремленностью к прогрессу. Такой вывод позволяет сделать таблица Балановских. Гомогенность — залог национального единства и национальной силы, ее синоним. К ней необходимо стремиться. Лучше быть, как англичане или шведы, чем как тофалары и нанайцы.

Во-вторых, межпопуляционная изменчивость, гетерогенность русского народа уже сегодня настолько значительна, по данным Балановских, что ему не грозит опасность исчезновения или вырождения, даже если браки будут происходить 100-процентно между русскими из разных популяций. Как не исчезают и не вырождаются шапсуги, брачующиеся уже даже не между двумя популяциями, а раздельно внутри той и другой сравнительно небольшой популяции.

Балановские сами же нас во всем этом настолько убедили, что теперь бесполезно переубеждать.

* * *

Важно отметить, что в понимании характера угроз и вызовов, обращенных сегодня к русскому народу, его будущему, мы с Балановскими сходимся в немногом, зато расходимся во многом. Нужно четко обозначить все позиции сходства и расхождения.

Какие вызовы и угрозы русскому генофонду согласны, а какие отказываются признать Балановские?

Для них, претендующих на олимпийское беспристрастие, существует только одно понимание деградации: это «разрушение структуры генофонда» — и только (306). Неважно, какие свойства и признаки стоят за этой

структурой, в чем и как проявляются входящие в нее гены. Важно сохранить, а точнее — законсервировать именно ее, как она есть.

Зачем, для чего? Чтобы сохранить.

Такой вот чисто экологический и, а бы сказал, коллекционерский подход.

Другого ответа я не нашел. Другие ответы отметили и сами Балановские.

Например, они предположительно называют в числе угроз генофонду — усиление вероятности наследственных заболеваний и уменьшение численности популяции. Но тут же сами, на примере все тех же шапсугов, разбирают эти предположения, указывая, что ни численное снижение популяции — даже катастрофическое, на порядок и более, ни повышенный груз наследственных болезней и учащение случайного инбридинга (кровосмешения в результате близкородственного брака) — следствие малочисленности и изоляции популяции — не ведут к деградации структуры генофонда (308–309).

Балановские идут дальше, продолжая уже в резко полемическом тоне.

«Рассмотрим мнение, что русский генофонд “деградирует”, разрушается, исчезает», — предлагают они. Но затем огорошивают читателя: «В популяционной генетике практически нет критериев “деградации”... Рассуждения о “гибели русского генофонда” не находят обоснования в научных данных. Но поскольку эти рассуждения очень распространены в околонуточных кругах, а опасения основаны на современной демографической картине, мы решили предложить свои рецепты помощи генофонду. Не то чтобы мы считали, что без этого генофонда погибнет, отнюдь» (285–286).

Вот, значит, как. У нас, оказывается, все с генофондом благополучно. Утверждение явно провокативное, с которым я бы поспорил, ибо на мой взгляд, хоть критериев деградации у науки нет, сама-то деградация налицо и видна невооруженным глазом даже

в общественном транспорте. Бывало, лет десять тому назад, возвращаясь из европейских столиц, катаясь в московском метро и с удовольствием глядя по сторонам, я частенько думал: «Какой же мы все еще красивый народ!». В последнее время эта мысль приходит ко мне все реже с каждым разом.

Оглянемся. Уровень русской пассионарности предельно снижен. Участие русских в политике ничтожно мало и весьма бессмысленно. Участие в научной жизни мира упало. В художественной — близко к нулю. Рождаемость низка. Красивые женщины перестают рожать, перспективные мужчины перестают заводить семьи, воспитывать детей; те и другие активно эмигрируют. Толпа на улицах, в метро, в транспорте заметно посерела, поубожела, стала физически хуже качеством, мельчает, хиреет, стареет. Растет на глазах доля неруси...

Это ли не деградация?! Параллель со всей белой расой не утешает, а еще больше удручает: петля кажется роковой, неотвратимой, хотя я упрямо верю, что это не так.

Балановские, между тем, предупреждая возможные возражения, наносят превентивный удар по позициям оппонентов. Они ратуют против «ненаучных гипотез», к которым относят:

1. Представление о захирении генофонда в связи с исчезновением (истреблением, эмиграцией) биосоциальной элиты общества. Их аргумент: «Наука не делит генофонд на “лучшую” часть и часть “похуже”. Такое деление придумывает антинаука — расизм и евгеника» (304).

2. Представление о загрязнении, утрате идентичности и распаде генофонда вообще в результате наплыва иноэтничных иммигрантов, повышения доли смешанных браков, смешанного потомства. Их аргумент: «Интенсивные миграции — современная черта всего человечества, и опасность, которую они несут для русского генофонда, ничуть не больше, чем для мно-

жества иных народов по всему миру» (311).

3. Представление о том, что именно русский генофонд находится под угрозой в результате мощного притока чужой крови, обрушившегося на нас после Перестройки, от которого нас следует защитить. Их аргумент: «Русский генофонд (как и все другие генофонды!) всегда вбирал в себя многие потоки генов отовсюду. Мы так же, как и многие из читателей, знаем, что сейчас в русские села возрос приток населения из далеких окраин бывшего Союза. Останутся ли эти “пришлые” гены в русском генофонде или же вернуться в иные города и страны, решать не ученым, не политикам и не администраторам, а самому русскому генофонду — у него, право, большой опыт таких решений»⁴⁴ (313). Не надо вмешиваться в приток чужой крови, учат нас авторы, тут же разъясняя, что дотации на детей должны идти равно всем, независимо от этничности.

4. Представление о том, что русский народ как единственный государствообразующий (и, соответственно, русский генофонд) требует от властей России особого отношения, особого бережения. Их аргумент: «Русский генофонд не обладает никаким “приоритетом”» (314).

5. Представление о том, что генофонд народа напрямую связан с его культурой и традициями и что эту связь следует укреплять и развивать. Их аргумент: «Может возникнуть вопрос — а раз генофонд не хранит в себе культуру и традиции народа, то стоит ли такой генофонд сохранять? Авторы будут считать свою задачу выполненной, если читатели заинтересуются этим вопросом. Понимание того, что сохранение генофонда и сохранение культуры — понятия, слабо свя-

⁴⁴ Что может сам «решить» какой бы то ни было генофонд, не обладающий субъектностью, не имеющий ни воли, ни разума, — понять умом невозможно.

занные между собой, осознание того, что решать эти проблемы следует раздельно — уже половина пути к ответу на поставленный вопрос. Нам остается повторить, что не науке, а обществу решать, что заслуживает сохранения» (305). Авторы здесь уходят от прямого утверждения, но смысл ясен: сохранением генофонда культуре и традициям не поможешь. Так что и стараться не стоит. Таковую подсказку дает нашему обществу наука в лице Балановских.

6. Само собой разумеется, что принципиально отрицая, отвергая, клеймя евгенику, Балановские даже не ставят вопрос о том, что генофонд можно не только консервировать, но и корректировать, выправлять, улучшать. Это, конечно, несколько странно с их стороны. Во-первых, потому, что евгеника — сестра генетики по судьбе: бурный расцвет в СССР в 1920–1930-е гг., а потом репрессивное уничтожение на корню. Клеймо «лженауки» было поставлено и на евгенику, и на генетику одними и теми же палачами по одним и тем же идеологическим причинам. То, что с этими палачами сегодня солидаризуется одна (спасшаяся) из двух заклеянных наук, вызывает недоумение. А во-вторых, потому, что у евгенической теории есть вполне успешное применение: селекционерская практика. Селекция — «дочь» евгеники; ее успех — критерий истинности «матери». Но для Балановских этот очевидный факт, наверное, чем-то неудобен.

Таковы шесть принципиальных установок, венчающих огромную, фундаментальную книгу Балановских. Есть два обстоятельства, не позволяющих отнести к ним с доверием. Во-первых, противоречивость — едва ли не самое поразительное свойство книги — проявилось и в этой ее части, снабдив нас контраргументами, возможно, против воли авторов⁴⁵. Во-

вторых, у меня есть и собственные контраргументы.

Начну с контраргументов Балановских, потом перейду к своим.

* * *

Вот утверждение авторов, не менее принципиальное, чем все вышеприведенные: «Этнографы и антропологи знают: если в каком-нибудь этносе начинают устойчиво преобладать браки с пришельцами из иных народов, значит, дни этого этноса могут быть сочтены» (365).

Коротко и ясно. Если этнос хочет жить, следует всемерно избегать смешанных браков, по примеру шапсугов.

В другом месте Балановские, пусть несколько сквозь зубы, но так же четко выговорили: «Опасность первая: смешение популяций. Для структуры генофонда самая большая опасность — это исчезнуть, стереться, нивелироваться в результате смешений с соседними народами или смешений региональных групп внутри народа» (311). (Последняя идея непонятна: а что тут опасного? Пусть региональные группы русских как можно активнее смешиваются. Возрастет гомогенность нашего народа — и слава богу!)

К русским сказанное относится тем в большей мере, что мы весьма растянуты в пространстве, которое сводит нас со множеством этносов. Обширное наше расселение, если не контролировать смешанную брачность, чревато опасными последствиями. И на такую угрозу Балановские указывают тоже:

«Если группа людей, проживающая вне основного ареала, придерживается прежней брачной структуры, то изменений в популяции и ее генофонде просто не произошло. Неважно, где в тот или иной момент находится диаспора или колония — ее члены в этом случае все равно относятся к прежней

⁴⁵ Противоречивость книги не раз бросалась мне в глаза по ходу чтения. Не могу объяснить это иначе как конфликтом не только

двух научных подходов, но и двух поколений, двух жизненных багажей, двух идейных позиций авторов.

популяции и участвуют в ее воспроизведении. Можно считать, что ее гены просто посланы “в командировку”. Иной случай, если брачная структура⁴⁶ резко меняется. Тогда... происходит формирование новой популяции с ее собственным ареалом. Останется ли эта дочерняя популяция в рамках прежнего “материнского” этноса, или станет частью “удочерившего” ее этноса, или же вообще станет со временем новым этносом — это дело не генетики, а истории и этнического самосознания» (330).

Из всего сказанного следует, повторюсь, чрезвычайная важность эндогамии для сохранения популяции, на чем настаивал еще предыдущий директор Института этнологии и антропологии РАН академик Ю.В. Бромлей⁴⁷.

Балановские даже конкретизируют угрозу, утверждая, что «главный тренд современного генофонда» — это расовое смешение в Сибири и на Дальнем Востоке» (246). Правда, эта волнующая мысль ничем не подтверждена, так что не вполне понятно, почему покорение Сибири для нас в плане сохранности генофонда опаснее, чем татарское иго. Возможно, напротив, имеется в виду китайская, корейская, японская экспансия. Но, главное, авторы признают: такая угроза есть в принципе, вопреки их установкам.

Впрочем, Балановские стараются и тут уйти от прямого разговора и дать лукавые или противоречивые рекомендации, например:

1. «Достаточно того, чтобы в пределах генофонда заключалась наибольшая часть браков» (316). Достаточно для чего? Чтобы превращение европеоидов в монголоидов, русских в нерусских было плавным, постепенным, как когда-то в Казахстане? Опять со-

вет варить лягушек на медленном огне? И: «наибольшая» — это сколько? 50% + 1? Да, примерно так и утверждают авторы:

2. «Это значит, что генофонду любого народа “дозволено” чуть ли не половину браков заключать с другими народами. И это не вредит ему — напротив, только это и помогает ему оставаться генофондом».

Как понимать этот парадокс: чтобы остаться самим собой, надо перестать быть самим собой? Крутовато в плане логики даже для даосов. Генофондом-то смешанный генофонд, конечно, останется, вот только чьим? Ясно, что не прежнего народа. Особенно если в каждом поколении будет такой же подмес. Генетическая история Казахстана — живое (и, увы, мертвое) подтверждение, результат именно такого процесса, какой нам рекомендуют Балановские. Напоминание о том, чем подобное кончается. Даже если подмес будет расово близким, он станет уменьшать нашу гомогенность и увеличивать гетерогенность, структурно сдвигая русских в сторону отнюдь не англичан, а скорее тофаларов. Какой вектор противопоставлен этносам в принципе.

3. «Забота о “чистоте” русского народа обрекла бы его на вымирание».

Судьба шапсугов красноречиво свидетельствует об обратном.

Не найдя возможности примирить непримиримые подходы к решению судьбы русского генофонда, Балановские сочли за лучшее прибегнуть к мифу, записанному в XV в. Сигизмундом Герберштейном «о людях Лукоморья» (русских), о которых говорят, «будто каждый год... они умирают, а на следующую весну... оживают снова».

Но миф — это слабое утешение, вряд ли имеющее стратегическое значение для русских. Мечты и надежды разогреть не стоит. Успокоение фальшиво и вредно. Лучше разогреть тревогу и беспокойство, благо поводов хвата-

⁴⁶ Доля браков, заключаемых вне популяции, или же степень нарушения свободы браков в пределах популяции.

⁴⁷ Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6.

ет. Нельзя убивать своих же часовых, предупреждающих об опасности.

* * *

В качестве одного из таких часовых я хотел бы по пунктам возразить Бала-новским уже от себя лично.

1. Я не разделяю оценку евгеники как лженауки. Сколько мне известно, труд ее основоположника сэра Фрэнсиса Гальтона «Наследственность таланта» никем не опровергнут, не развенчан. Мощные аргументы в пользу евгеники дают как практика селекционерства, так и наблюдения этологов. Уверен, у евгеники большое будущее.

Так или иначе, я не могу считать, что систематическое и целенаправленное, в течение ста лет, уничтожение русской биосоциальной элиты не нанесло якобы ущерба генофонду русского народа, как уверяют нас Балановские. Странно, что для них — тайна за семью печатями то, что является азбучной истиной для любого растение- или животновода: от осинки не бывает апельсинки.

Бывали времена, когда принципы естественной селекции в русском народе отчасти нарушались (в крепостной России) или извращались (с 1917 вплоть до 1980-х). Конечно, и тогда социальная возгонка лучших представителей русской породы не прекращалась вовсе. Но их косили, как косой, войны, революции, репрессии, вымывала (и сейчас вымывает) эмиграция. Балановские уверяют нас, что генофонд при этом не страдал! Но вряд ли те, кто застал в живых интеллигенцию дореволюционной формации, с этим согласятся. Или те, кто хотя бы ознакомился с ней по книгам Рене Герра, посвященным русской интеллигенции в изгнании⁴⁸, и многим иным источни-

кам. Это поистине была другая порода людей.

При советской власти путь наверх для рабочих и крестьян оказался широко распахнут, социальные лифты работали вовсю, как никогда ранее, и на какое-то время могло показаться, что сгинувшую часть именно русского генофонда (лучшую, что бы ни говорили Балановские) можно легко восстановить. Но не тут-то было! Двадцатилетие, промелькнувшее после распада СССР, ясно показало: интеллигенция у нас есть (и роль в ней недобитых родов донине велика), а вот новая биосоциальная элита после 1917 г. так и не выросла. Разгадка проста: генофонд, который кому-то кажется неистощимым, на деле вовсе не таков. Он раним, уязвим, нанесенный ему ущерб возмещается очень долго и трудно, многими поколениями. Генофонд можно и нужно лечить, применяя евгенику как теорию и селекцию как практику.

2. О том, что русский генофонд стремительно загрязняется, что его необходимо поддержать, сохранить, чтобы он не исчез, знают сегодня, наверное, все. И даже Балановские, считающие такой взгляд «ненаучным»⁴⁹. Недаром они, как ни обставляли теоретическими загогулинами основной свой совет по сохранению русского генофонда, все же заключают: «Для целей сохранения русского генофонда желательно не допускать резкого сокращения той

(304). Это свидетельствует только о том, что они не осведомлены о специфике формирования этого сословия, представлявшего собой не просто верхний класс, а именно биосоциальную элиту русского народа, поскольку основным инструментом создания этого класса с 1714 г. стала петровская Табель о рангах, суть которой — именно в непрерывной селекции населения России.

⁴⁸ См., например: «Когда мы в Россию вернемся» и «Семь дней в марте. Беседы об эмиграции» (СПб., 2010). Балановские иронизируют над тезисом «лучшая часть генофонда исчезла с эмиграцией русского дворянства»

⁴⁹ Балановские признают факт русской депопуляции и не без оснований винят в этом процесс урбанизации, но не меньшей угрозой стал процесс, цинично и прямо именуемый скинхедами «чурбанизацией».

части населения, которая воспроизводит его структуру. Для этого достаточно повысить уровень рождаемости в пределах «исконного» русского ареала (Центральная Россия и Русский Север)». Как это сделать? Они предлагают очень важное решение: «дотация на генофонд» в малые города и села Центральной России и Русского Севера, поскольку «генетическую информацию о русском генофонде хранят лишь коренные сельские популяции «исконного» ареала»⁵⁰. Авторы поясняют: «Среди сельского населения женщин в возрасте до 35 лет оказывается всего лишь 717 тысяч человек. Именно эта — столь малая — часть русского населения в основном и воспроизводит русский генофонд!» (312).

На первый взгляд, все верно. Но мы-то знаем, что дьявол сидит в деталях! Кто и кому будет распределять дотации? Такие же «консервисты», как сами Балановские, или евгенисты-селекционеры? А то и вовсе сторонники скорейшего смешения всех «генофондов ареала»? Улучшать, очищать русский генофонд возьмутся они — или всего лишь консервировать, а то и дальше загрязнять? Покатимся ли мы в результате в сторону англичан — или тофаларов?

И как отнесутся русские из других

⁵⁰ Балановские не объясняют, почему совет касается только Русского Севера и Центра, но не русского Юга в «исконном» ареале. В этом одно из их ключевых, серьезных противоречий: выходит, одна часть русского генофонда все же «лучше», «русее» другой? Не все русские генетически равны между собой? Куда при этом исчезают соображения о благе пущей подразделенности для популяций? Непонятно также, почему Балановские исключили русских мужчин из процесса воспроизводства генофонда. Ведь не святым же духом беременеют русские женщины. Или национальность мужчины не имеет значения для сохранения генофонда? Так, наверное, полагали когда-то исчезнувшие, растворившиеся в славянах финны.

ареалов к такой избирательной поддержке? Это сработает на наше сплочение или на разобщение?

И как можно одновременно рекомендовать выплачивать такие же дотации — на «пришлые гены», то есть семьям, явившимся на наши земли «из далеких окраин бывшего Союза»? А генофонд-де потом сам «решит», оставлять ли в себе эти гены: у него-де есть «большой опыт», но нет и быть не может никакого «приоритета»...

Я уж не говорю о моей с Балановскими полной этической несовместимости в данном вопросе, но где же тут элементарная логика?! Нельзя одновременно заливать и раздувать пожар!

3. Особенно неприемлема ссылка на то, что-де не мы первые, не мы последние среди «множества иных народов», подвергшихся нашествию инородцев.

Ничего себе аргумент! Какое нам дело до всех народов мира, кроме русского? Если они — в тартарары, так и нам надо — за ними?! Что за безволие! Что за капитулянтство! Что за фатализм «научный», хуже религиозного!

Нет уж, пусть все другие народы мира пьют свой чай с солью, если им угодно. А мы будем — с сахаром, медом и вареньем.

Если в доме пожар, нечего рассуждать, что все кругом горят. Надо брать багры и ведра и тушить свой дом. За выживание своей семьи, своего рода надо сметь воевать со всем миром, если понадобится. Альтернативы нет.

А тут: ешьте меня, мухи с комарами!

Угнетает самый тон, которым Балановские говорят о необходимости поддержать русский генофонд: тон робкий, пассивно-оборонительный, чуть ли не извиняющийся. На мой же взгляд, именно попытка «этически оправдать» программу помощи русскому генофонду — нелепа и аморальна. Ибо борьба за процветание своего народа (Балановские пишут, что они русские) — это императив, не требующий оправданий.

4. В том, что культура напрямую за-

висит от генофонда, с блеском убедили нас сами Балановские, выстроив на этой гипотезе ценнейшие карты европейского и азиатского палеогенофондов.

Как теперь понимать их же тезис о том, что сохранение генофонда не повлияет на сохранение культуры? Они рекомендуют обществу самостоятельно решать, следует ли в этих видах сохранять генофонд или это будут пустые хлопоты. Сами же умывают руки. А если решение общества окажется антинаучным? Чем это кончится? Авторы дают нам очень плохую, лукавую подсказку: ныряйте-де, здесь неглубоко.

Но диалектика подсказывает нам совсем иное. Неважно, какой по качеству и характеру будет национальная культура. Это предмет отдельного разговора. Важно другое: чтобы в любом варианте она была все же национальной. То есть соприсущей, сопродной, органичной именно для данного народа. Чтобы она была не заимствованной, не навязанной, а самобытной.

Но для этого народ должен существовать как цельность, как некое единство. В первую очередь — как единство биологическое, подобное т.н. «анонимной стае». Тогда любой сигнал изнутри будет понятен сразу всей стае, и она — вся сразу, как рыбий косяк — среагирует только себе свойственным образом. В этом — суть национальной культуры как некоего общенационального кода.

Отсюда — необходимость стремиться: а) к максимизации гомогенности; б) к селекции элитной части народа по критериям ума, таланта, благородства. Элита должна быть высокоранговой биологически — и при этом однородной со всей стаей, тоже биологически.

При нарушении одного из этих требований это уже не элита — или элита другого народа.

Таковы вкратце мои возражения на итоговые рекомендации Балановских.

Положение русских — и, соответственно, их перспектива — неутешительны.

Однако мы не должны прятать голову в песок. Конечно, корректировать надо не только научную истину, а в первую очередь саму действительность. Но чтобы эти коррективы были лекарством, а не ядом, научная истина должна быть выверена до конца.

Плюс на минус

Подведем итоги.

Нам приходится не только восхищаться, но и огорчаться, читая книгу Балановских. Больше или меньше — в зависимости от того, насколько ошибочный метод лежит в основе получения огорчительных выводов, которые, к счастью, далеко не все получены безукоризненным путем. Сомнительные методы дают сомнительные итоги, к каковым относятся следующие:

— не вполне удачная апология геногеографии как науки и как метода;

— неудача в решении поставленной задачи об истоках русского генофонда. Авторы отказались от задачи верифицировать доступными им средствами ту или иную версию происхождения русского народа, обманув свои обещания, наши ожидания и обеднив выводы книги;

— авторы проповедуют два подхода к определению этничности — и оба небиологические, а потому глубоко ложные: 1) через самоопределение; 2) через лингвистику. Первый подход — субъективно-идеалистический («мы то, что сами о себе думаем»), второй — эпифеноменальный, когда явление определяют через один из его признаков, то есть первичное, исходное — через вторичное, производное. Такая пропаганда вредна сама по себе, как всякая пропаганда ошибки и/или лжи. Увы, авторы сами исповедуют, что проповедуют, а результат — некоторые искренние, но ложные выводы и рекомендации;

— авторы, исходя из ошибочного понимания этничности, приняли на вооружение совершенно неприемлемую и расходящуюся с общепринятой

трактовку популяции, в связи с чем допустили грубую ошибку в выборе ареала исследования, нарушив принцип необходимости и достаточности базы данных. Их выводы верны для неверно избранного объекта, следовательно — могут быть неверны в принципе;

— разойдясь в своем определении популяции с хрестоматийным, общепринятым, авторы дошли до ложных, совершенно еретических утверждений вначале о человечестве как якобы единой популяции, затем о некоей якобы единой популяции Северной Евразии, затем — Сибири и т.д. Логическая абсурдность этих утверждений сочетается в них с научной и политической вредоносностью;

— неправильный выбор ареала привел авторов к опасным перекосам и уклонам в исследовании, которые могут быть использованы для дальнейшего раскалывания (после отделения от русских украинцев и белорусов) русского народа, для откалывания от него все новых, поначалу искусственных, субэтносов (например, «сибиряков») с последующим инициированием в них собственных этногенезов. При желании можно усилить эти перекосы до степени полного отрицания идентичности и этнического единства русских на всем пространстве их расселения, что имело бы для нашего народа, и без того варварски разрезанного на части несправедливыми советскими границами, катастрофические последствия;

— авторы вообще ставят основной акцент не на том, что объединяет разные популяции русских в единый этнос, а на том, что их разъединяет. И даже настаивают на теоретической невозможности сохранения нашего биологического единства за пределами избранного ими ареала. Сегодня это еще не ставит под сомнение существование русских как единого народа, но недавний трагический опыт раскола русского суперэтнуса на русских, украинцев и белорусов заставляет опасаться такого развития событий;

— опрокинув собственный канон исконности и руководствуясь квазиполитическими, а не научными соображениями, авторы произвольно исключили из своего исследования многие земли, населенные действительно исконными русскими (в частности, в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике), в результате чего «съехали» средние показатели русскости, неправомерно изменился «русский стандарт», эталон русскости, произошло неоправданное выпячивание финского субстрата как якобы этнообразующего для русских вообще, а что хуже всего — оказалось взято под сомнение разделенное положение русской нации и, соответственно, ее право на воссоединение. Вместо того чтобы помочь русским продвигаться к национальному единству, авторы серьезно навредили в этом деле;

— авторы излишне педалируют фактор инородных включений в русский этногенез, особенно это касается финнов. Избавив нас от мифа о татарском следе в русском генофонде, авторы навязывают нам другой миф: об определяющей роли в том же генофонде финского субстрата. К этим гипертрофированным представлениям привели как ложное понимание популяции и ложный выбор ареала исследования, так и сомнительный метод подсчета данных;

— никак не соответствует действительности попытка сравнить по этническим результатам русскую колонизацию Сибири, Кавказа и Средней Азии — с колонизацией англичанами Австралии или Северной Америки, а испанцами Южной Америки. Это натяжка, вопиющая до необъяснимости. Вообще от понимания русских как колонизаторов уже давно пора решительно отойти в современной России: мы здесь не гости, а хозяева;

— вопреки массе убедительнейших данных, содержащихся в собственной книге, авторы то нехотят пугают нас (забота о чистоте русского генофонда обречет-де его на вымирание), то не-

кстати успокаивают (мол, с генофондом у нас все благополучно, никакой деградации не происходит, бояться смешения с другими народами не стоит и т.д.). Они пытаются нас уверить в том, что ни исчезновение рожденной веками биосоциальной элиты, ни неслыханный и обвальный наплыв иноплеменных не несут угрозы русскому генофонду. Я не алармист, но даже с позиций простого равнодушного наблюдателя все это кажется совершенно неуместным, не соответствующим действительности и попросту вредным. Воплощенные в рекомендательной части книги, эти идеи ложно ориентируют нас, хотя там же преподносятся, пусть и очень робко, идеи прямо противоположного толка. Что не лучшим образом характеризует авторский коллектив, не нашедший, как видно, полного внутреннего взаимопонимания.

Обобщая вышесказанное, отмечу, что основные несомненные достижения книги Балановских связаны с применением таких проверенных научных дисциплин, как антропология, археология, ономастика. А основные сомнительные достижения — с генетикой и произвольно сочиненной и/или подтянутой к ней методологией.

Это говорит не о том, что младший из Балановских — плохой генетик, отнюдь: он замечателен как профессионал и увлеченный, преданный своей дисциплине ученый. А лишь о том, что генетика еще слишком молодая наука и что генетикам пока еще рано доверять решение таких глобальных и ответственных проблем, как расогенез и этногенез. Ибо в той мере, в какой генетики дублируют результаты названных дисциплин, они бесполезны, а в той мере, в какой их оспаривают, — вредны.

Учитывая, что научные ошибки особенно дорого обходятся людским массам в политике, всегда использующей последнее слово науки в своих целях, я бы рекомендовал пока генетикам в

молчании совершенствовать свои методы и инструменты, копить данные и учиться их осмысливать в правильном политическом контексте. Чего Балановским, увы, катастрофически не хватило.

О том, что такое правильный контекст, я детально рассказал в другом месте.

О том, какой политический эффект получился в результате увлечения Балановскими неправильным контекстом, скажу здесь.

К сожалению, книга льет воду на мельницу украинских, прибалтийских и финских националистов с их русофобскими претензиями, в том числе территориальными. А также различных российских националистов и сепаратистов с такими же претензиями. А также оживившихся в последнее время русских недоумков, мечтающих о федерализации, конфедерализации, а то и полном распаде России на отдельные государства типа Уральской, Сибирской, Балтийской (Калининградская область) или Дальневосточной республики. А также немецких реваншистов, выучеников Гимmlера, Геббельса и других создателей оппозиции «юберменш — унтерменш». А также доморожденных ревнителей политкорректности, которые по своей русофобской вредоносности дадут фору всем вышеперечисленным вместе взятым.

Вообще, книга — нож в спину русского этнического национализма. Нож ржавый, тупой и гнутый, но все же вредный для нас. А вот для расистов она несомненно полезна.

* * *

Однако и нам, русским, есть за что поблагодарить О.П. и Е.В. Балановских, и надо честно это сделать. Перейду здесь от недостатков к тем достоинствам, которые делают книгу подобием троянского коня, наружной прелестью пленившего опасно доверчивых троянцев. Итак, Балановские:

— попытались профессионально вскрыть проблему, имеющую для России первостепенное общественное значение. Чем создали повод для большой дискуссии, что само по себе хорошо;

— решительно и в высшей степени убедительно выступили с позиций не только антропологии, но и генетики в защиту расовой идеи, показав, что антирасовый миф (попытка выдать расу за воображаемое, а не реальное общество) не имеет под собой никакой научной почвы;

— проанализировали с точки зрения гомогенности/гетерогенности 63 народа Европы и Азии и составили соответствующую таблицу (одно из главных достижений их труда и лучшее украшение книги), позволяющую сопоставить данный параметр с местом этноса в иерархии народов мира. Отныне предпочтительность максимальной гомогенности для этноса предстает как неопровержимый факт — великое открытие, не сформулированное Балановскими, возможно, лишь по причине его бросающейся в глаза очевидности;

— блестяще доказали корреляцию генофонда с определенным типом культуры, подтвердив древнюю заповедь: «кровь есть душа»;

— сопоставив огромное количество археологических данных (квазигенетических маркеров), пришли к важным выводам о палеогенофондах европеоидов и монголоидов, об изначальной границе их ареала как на основном, так и на финальном этапе верхнего палеолита; продемонстрировали как динамику этой границы, так и факт ее принципиальной неподвижности вплоть до наших дней в течение примерно 12–15 тыс. лет. Эту четкую ограниченность рас плюс наличие небольшой переходной зоны они верно определили как «главную закономерность в генофонде Евразии»;

— подтвердили капитальными фактами концепцию полигенеза — самостоятельного зарождения разных рас в разных эпицентрах расогенеза, дали

в поддержку этого новые и очень весомые аргументы;

— подтвердили аргументами определение территории нынешней России как прародины европеоидов;

— привели важнейшие сведения о 30-тысячелетнем возрасте митохондриальной ДНК восточных славян. К сожалению, это обстоятельство не раскрыто авторами с надлежащей полнотой. Однако — и это не менее важно! — материалы их книги позволяют с уверенностью определить место появления этой мтДНК: это европейская территория современной России;

— надежно доказали практически полное отсутствие азиатских компонентов в русском генофонде, до конца развеяв измучивший русскую мысль клеветнический миф о наличии в нас татаро-монгольского субстрата;

— твердо, четко и однозначно определили русских как европейцев (точнее было бы — европеоидов), а не евразийцев;

— так же твердо установили, что коренное население неевропейских регионов Евразии «резко отличается» от русских популяций;

— подтвердили неную, но важную идею полной и окончательной ассимиляции славянами ряда финских и балтских племен, опрокинув противоявное предположение о «сбережении всякого этноса», стоявшего на пути славяно-русской колонизации;

— выстроили таблицу близости, сходства по спектру гаплотипов всех соседних с русскими этносов; данные таблицы местами нуждаются в уточнении, поскольку дефекты метода сказались и на них, но в целом результаты интересны и важны;

— установили, что по степени генетической близости на первом месте в мире для нас стоят белорусы (до степени неразличения) и украинцы. По сути, подтвердили факт нашего с ними биологического единства;

— создали как минимум пять типовых генетических портретов, характерных

ризующих в целом русский народ в его подразделенности с учетом популяционной изменчивости. Принадлежность к одному из этих типов указывает на принадлежность к русскому этносу;

— показали значительную гетерогенность (популяционную изменчивость) русского народа, а также широтный и долготный характер этой изменчивости. Но и подтвердили, тем не менее, генетическое единство русского этноса в изученном ареале, включая казаков, поморов и т.д.;

— обнаружили на Русском Севере, в Вятской области и на Кубани популяции, позволяющие, на мой взгляд, пролить свет на судьбу полян и других русских насельников Киевщины после великого татарского разорения;

— обнаружили, что антропологическое своеобразие и цельность, свойственное летописным племенам, сохраняются донныне в местах их первоначального расселения; мы можем и сегодня сравнить и уточнить, чем одно летописное племя внешне и по генетике отличалось от другого;

— установили, что генетическое расстояние между популяциями русского народа обязано своим происхождением не столько смешению с окрестными народами (тут авторы себе противоречат, но это и к лучшему), сколько собственным внутренним обстоятельствам, возможно — исходным племенными отличиям;

— создали серию антропологических и генетических портретов не

только русского, но и десятков других народов Евразии, чем задали верный тон для последующих дебатов на тему этнической идентичности. Эта идентичность — не философская фикция, а биологическая реальность;

— привели в книге два альтернативных примера этнических судеб, предельно красноречивые и убедительные (исчезнувших без следа белых насельников древних земель нынешнего Казахстана — и племени шапсугов), позволяющие подчеркнуть архиважную роль эндогамии (отказа от смешанных браков) для народа, желающего сохранить себя и жить как можно дольше. Мысль неновая, но получившая шокирующе выразительное подтверждение.

* * *

В заключение процитирую авторов:

«Мы решили... не навязывать читателю готовые решения, а предложить те итоги многих наук, которые позволят ему самому размышлять над тем, что же такое русский генофонд. Тех, кто привык получать готовые ответы, это отпугнет. Эта книга больше для тех, кто хочет искать ответы. Нашей задачей было дать пищу для научных размышлений — сделать научные сведения доступными не только специалистам и обобщить их так, чтобы читателю не требовались специальные познания в той или иной области науки. Надеемся, что эту главную задачу мы выполнили» (286).

С этим можно только согласиться.

ЗАБЕГАЯ ВПЕРЕД?

Храмов Александр. Катехизис национал-демократа. М: Скимень, 2011.

В конце прошлого года внимание читающей публики — интересующейся политикой вообще и проблемами русского движения в частности — привлекла книга публициста и политического активиста, координатора Русского Гражданского Союза Александра Храмова под провокационным названием «*Катехизис национал-демократа*». Она тут же получила определенный резонанс — прежде всего в националистической среде — и собрала множество откликов в виде рецензий и различных реплик.

То, что книга не осталась незамеченной, не смогут отрицать даже самые ярые критики нарождающегося движения русских национал-демократов: поскольку самим фактом своей нервной реакции на этот текст они лишь подтверждают обратное. Этот очевидный успех молодого автора и издательства «Скимень» в очередной раз свидетельствует об устойчивом общественном интересе к формирующемуся движению нового типа — современному, демократическому русскому национализму. Апофеозом этого внимания к тексту, всерьез претендующему на статус события года в русской публицистике, стало обсуждение книги в модном книжном магазине «Циолковский» 9 декабря 2011 года. Больше всего меня тогда поразил состав участников этой «читательской конференции» — это были преимущественно молодые люди, видимо, студенты, то есть герои из нового русского будущего!

В рамках презентации выступили как сам автор, так и люди, более или менее непосредственно причастные к

появлению книги, — лидер Русского Общественного Движения, писатель и публицист К. Крылов, директор издательства «Скимень» А. Наумук, научный редактор журнала «Вопросы национализма» С. Сергеев и др.

И в книге, и в ходе обсуждения Александр Храмов попытался честно ответить на вопрос, который уже давно волнует многих: кто же такие русские национал-демократы и чего они хотят? Продемонстрированная автором предельно допустимая честность и открытость процесса поиска ответов на мучительные вопросы русской жизни могла оставить равнодушной разве что, говоря словами Макса Вебера, «идеологических виртуозов», заранее знающих все ответы.

Однако за чисто идеологической полемикой сторонников и противников «демократического поворота» среди русских националистов не следует упускать содержательные проблемы, затронутые в книге А. Храмова — пусть и в форме вопросов и ответов. Рассмотрим ряд из них более подробно, начав при этом со смелого авторского жеста — выбора жанра катехизиса.

О трудностях жанра

Как известно, под катехизисом обычно понимается вероисповедный документ какой-либо конфессии, в котором изложено ее официальное credo — основные положения веры. Так, в истории религии известны Большой и Малый катехизисы отца европейской Реформации Мартина Лютера. Часто они излагаются именно в форме вопросов и ответов. В более широком смысле речь идет о текстах, содержащих программные принципы любого общественного движения. Для русской

истории парадигматическим в этом отношении, очевидно, является «Катехизис революционера», составленный Сергеем Нечаевым в 1869 году...

И вот зарождающееся общественно-политическое движение русских национал-демократов обзавелось своим собственным катехизисом. Сам этот факт вызывает множество вопросов как структурного, так и содержательного характера, имеющих прямое отношение к самому состоянию русского движения. Первый и, видимо, главный вопрос: достигло ли русское движение той стадии развития, когда возможно изложение своего политического кредо в виде неких кратких формул? Речь здесь идет прежде всего о процессе *самопонимания* и *самопозиционирования* национал-демократов на переформирующемся политическом ландшафте поздне- и постпутинской России. Действительно он уже завершен или, по крайней мере, вступил в такую фазу, когда стали очевидны контуры новой конфигурации русской политики и роль в ней «новых националистов»? Не нарушен ли здесь логический и каузальный порядок: ведь, по идее, сначала в ходе общественно-политической практики должен возникнуть некий массив коллективного опыта, в том числе дискурсивного, который затем, *posthoc*, в процессе коллективной же рефлексии получает некое стандартизированное описание, позволяющее свести феноменологию «цветущей сложности» к нехитрым формулам и рецептам? То есть вопрос в том, не преждевременно ли появление подобного катехизиса сегодня — возможно ли сейчас дать окончательные ответы? Да и список вопросов сам находится под вопросом — ведь на фоне ускоряющегося распада «путинского консенсуса» русскому обществу еще только предстоит сформулировать сами вопросы, уточняющие параметры и характеристики желаемого формата новой жизни «после Путина».

Не менее остро стоит и проблема

авторства: *кто* имеет право от имени широкого общественного движения и еще более широкого круга его сторонников формулировать краткие ответы на вопросы, заслуживающие отдельной предметной дискуссии среди профессионалов? Может ли политический катехизис вообще иметь одного или несколько «авторов»? Ведь применительно к любому массовому движению — в данном случае к русскому национал-демократическому — здесь речь скорее о функции редактора, составителя, обобщающего наработки своих соратников и коллег. Кстати, именно об этом говорил сам А. Храмов на презентации своей книги в книжном магазине «Циолковский». Остается непонятным, почему это не нашло отражения в тексте «Катехизиса», который подписан его именем. Более того, во введении он зачем-то утверждает: «Авторское видение вообще преобладает в этой книге» (с. 7). Чтобы уже в следующем предложении заявить обратное: «В ней выражено нечто большее, нежели позиция одного человека» (там же). Одним словом, проблематичность авторства книги в жанре катехизиса заявлена самим автором в весьма очевидной форме...

Стоит ли говорить, что многие из этих вопросов, затрагивающих своевременность, уместность и авторство политического манифеста в ко многому обязывающем жанре катехизиса, были если не разрешены, то попросту сняты самим фактом выхода книги под таким названием. Какими бы важными ни являлись поставленные выше вопросы, ничто не сможет отменить того обстоятельства, что теперь у русских национал-демократов появился свой катехизис и его автором назвал себя именно Александр Храмов. Здесь остается разве что поздравить коллегу с завидным дискурсивным суверенитетом, граничащим с банальной наглостью (молодости), а директора «Скимена» Антона Наумука — с удачным маркетинговым ходом.

В завершение этого размышления о жанре напомним, что в христианстве катехизис служит для обучения новообращенных основам веры. Будем надеяться, что книга А. Храмова в столь смелом жанре катехизиса также послужит просвещению читателя в деле построения русского национального демократического государства¹.

34 вопроса

Содержательно катехизис от Храмова состоит из нескольких тематических разделов. Первый, основной раздел посвящен проблематике *нации и национального государства* и более или менее соответствует мейнстриму нового русского национализма, образцы которого можно встретить, например, на страницах журнала «Вопросы национализма» или на дружественных движению интернет-сайтах. Здесь автор убедительно рассказывает удивительную на первый взгляд историю безгосударственности русских, живущих в России в качестве дополитического «населения», то есть без статуса народа-суверена в собственном национальном государстве, что уже давно является само собой разумеющимся для большинства народов европейской цивилизационной ойкумены.

В рамках ответа на вопрос: «*Кто такие русские национал-демократы?*» очень верным является следующее наблюдение А. Храмова, точно характеризующее дилемму самого движения: «Тех, кто относит себя к национал-демократам, пока не так уж и много. Однако стихийными национал-демократами являются большинство

русских, даже если они и не осознают это» (с. 11).

И вообще следует признать, что во многих случаях автору удалось найти удачный баланс между сложностью обсуждаемой проблематики и ясностью изложения. В целом для книги характерен редко встречающийся сегодня в публицистике язык — ясный, простой и в то же время очень точный. Возможно, это связано с образовательным бэкграундом автора, получившим не гуманитарное, а естественнонаучное образование.

Наиболее проблематичной в первом тематическом разделе мне представляется попытка А. Храмова ответить на базовый для любого нормального русского человека вопрос об отношении к «заграничному» статусу Украины и Белоруссии. С одной стороны, он справедливо указывает, что ни империя Романовых, ни советский режим не реализовали шанс на утверждение общерусской национальной идентичности на западе и юго-западе исторической Руси; с другой стороны, не могут не вызывать протестов его утверждения о некоей «данности» существования «независимой Украины и Белоруссии». Даже если отбросить ухмылки по поводу «независимости» этих образований, с точки зрения социологии политики все же было бы уместней говорить о реальных группах интересов внутри и вне их, реализующих эти «самостийные» проекты вопреки воле и подлинным интересам большинства их граждан — т.н. «украинцев» и «белорусов». И уж совсем удручат любого русского патриота призывы А. Храмова смириться с фактом номенклатурного раздела нашей общей Родины. «После драки кулаками не машут» — именно так резюмирует он свое виденье проблемы посредством народной пословицы (с. 22). Главное возражение Храмову здесь может заключаться в том, что не обязательно ждать того долгожданного момента, «когда русское государство

¹ Автор этих строк смог убедиться в суггестивной силе текста А. Храмова на примере собственных родственников на Украине, которые просто вынудили его оставить им книгу, взятую в путешествие на рождественские каникулы с целью подготовки данной рецензии, поскольку, по их словам, «такую книгу русские ждали давно...».

будет создано», чтобы начать борьбу за воссоединение исторической Руси. Ничто не мешает делать это одновременно! Более того, только такая — позитивная — русская геополитическая программа восстановления общерусского единства может стать адекватным ответом на евразийские химеры В. Путина и сочувствующих «ордынцев» (вроде планирующегося братания с Таджикистаном и Киргизией в рамках некоего «Евразийского союза»). Кстати, подобная программа снимет набившие оскомину обвинения в адрес национал-демократов в предательстве русских за пределами РФ...

Следующий блок вопросов посвящен проблематике *демократии и западных (современных) ценностей*, что, вероятно, явилось неожиданностью для многих читателей. Между тем этот ход автора представляется мне чрезвычайно важным: все разговоры об «особом» пути России, по сути, являются формой идеологического обоснования архаичного, досовременного государства вроде нынешней позднепутинской эРЭФии. Здесь А. Храмов попадает прямо в яблочко, когда пишет: «Русские не способны к демократии» — это слова русофобов и клеветников. Они хотят, чтобы мы были Третьим Римом — но в итоге мы оказываемся третьим миром» (с. 33).

В третьем тематическом блоке обсуждаются вопросы *будущей конфигурации Русского государства*. Здесь автор убедительно развенчивает многие мифы о национал-демократах как «уменьшителях» России. Более того, он показывает, что «в перспективе государство, которое будет представлять интересы русской нации, сможет приступить к активной интеграции сопредельных территорий, населенных русскими» (с. 39). Он также обосновывает необходимость и даже неизбежность федерализации будущей России как союза крупных федеральных земель. Отметая диффамацию «заведомых

лжецов», приписывающих национал-демократам стремление «расчлнить страну», автор показывает, что именно нынешнее состояние бюрократической псевдоцентрализации огромной страны, состоящей из принципиально различных жизненных укладов, приводит к фактической утрате контроля, например, за этническими окраинами. Естественно, в данном разделе главным является вопрос: *Что делать с существующими на территории РФ национальными республиками?* (№ 19, с. 45).

Следует признать, что не слишком убедительной является идея Храмова о том, что судьбу нерусских этнократий должны решать сами этнократии. Ведь применительно к проекту русского национального государства речь идет не о заповеднике сталинско-ленинской национальной политики, пусть даже в ее ельцинско-путинском варианте («фактический суверенитет в обмен на символическую лояльность»), а о радикальном реформировании отношений по линии этничность — политическая нация. Не менее проблематичными представляются его варианты ответа на «кавказский вопрос»: с одной стороны, он совершенно справедливо формулирует его в такой форме: «О какой модернизации может идти речь, если часть наших сограждан стремится жить по племенным, клановым законам, да еще повсеместно навязывает собственную, архаичную модель социальных отношений?» (с. 52). С другой, он строит абсолютно утопические конструкции типа обмена населением с образованиями, которые останутся вне Русского государства (возвращение кавказцев на историческую родину «в обмен на предоставление им денежной компенсации» — с. 57). Столь же иллюзорны надежды автора относительно способа ликвидации кавказской этнической преступности: «Русская демократическая революция очистит русскую землю сама собой: не дожидаясь последствий, криминаль-

ные диаспоры сами начнут паковать чемоданы» (с. 58).

Одним словом, чем конкретнее становятся проблемы, тем менее убедителен автор катехизиса. Здесь достаточно вспомнить масштабы власти-собственности, захваченные этими группами за последние 20 лет — ведь кавказские этнокриминальные кланы вместе с компрадорской «космополитической» буржуазией ельцинского и чекистской клептократией путинского призыва, по сути, являются реальными совладельцами АО «Российская Федерация»!

Впрочем, не будем слишком строги к нашему автору — окончательных ответов на поставленные в его книге вопросы нет ни у кого. И ни один из их вариантов не может устроить или убедить всех. К тому же такие ответы в принципе не могут являться результатом исключительно дискурсивного процесса. Они всегда суть результат общественной практики, прежде всего институциональной...

К будущей программатике движения

А. Храмов отдает себе отчет, что представленная им версия русского будущего пока выглядит утопичной для многих. Однако, словно возражая самому себе, автор спрашивает: «Но кто еще за несколько лет до падения коммунистических режимов в Европе мог предсказать их крах? Кто-нибудь смог предвидеть арабские революции 2011 года хотя бы за полгода до их начала?» (с. 69).

В любом случае, с ним можно согласиться в одном пункте — в необходимости продолжения интенсивной интеллектуальной и организационной работы русского демократического движения, начатой «новыми националистами» в последнее время: «Перемены всегда наступают стремительно, поэтому важно быть к ним готовыми. Наличие четкой политической программы и сплоченной организации — вот путь к успеху. Иначе, когда перемены настанут, мы потеряем инициативу и уступим ее более ловким конкурентам, как это произошло в 1991 году с национал-патриотами. <...> Нам важно не повторить их ошибок, когда стабильности в Российской Федерации придет конец» (там же).

Сегодня уже никому не нужно доказывать, что это время приближается. Остается² надеяться, что данная работа Александра Храмова внесет такой же посильный вклад в будущую готовность русского движения к ответственному политическому действию, как и все остальные тексты и разработки национал-демократов, спрос на которые растет на наших глазах.

Олег Кильдюшов

² Здесь достаточно вспомнить статью В. Путина по национальному вопросу, являющуюся по сути попыткой властной бюрократии заболтать посредством бессодержательных мантр о «межнациональном мире» и «дружбе народов» основную структурную проблему русской жизни.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бирюков Сергей Владимирович

(р.1971), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского университета.

Владимиров Владислав Александрович

(р. 1980), публицист.

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Кильдюшов Олег Васильевич

(р.1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сократ».

Кляйнвехтер Лутц

(р.1953), Ph.D., профессор Высшей школы экономики (Берлин, ФРГ).

Кремер Раймунд

(р.1952), Ph.D., главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, ФРГ).

Крупкин Павел Ливерьевич

(р.1959), политолог, кандидат физико-математических наук, руководитель Центра изучения Современности, автор книги «Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального обосуждения» (2010).

Неменский Олег Борисович

(р.1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI-XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX-XX вв.

Ремизов Михаил Витальевич

(р. 1978), политический публицист, политолог, кандидат философских наук, президент Института национальной

стратегии, автор книги «Опыт консервативной критики» (2002).

Родригес Александр Мануэльевич

(р.1952), д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МПГУ. Автор более 250 публикаций, в том числе монографий «Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий» (1989), «Ислам в судьбах Египетско-Аравийского субрегиона» (1995, в соавт. с С.А. Кириллиной), «Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.» (2005) и др., а также учебников по новой и новейшей истории стран Азии и Африки.

Святенков Павел Вячеславович

(р.1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Сергеев Сергей Михайлович

(р.1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Севастьянов Александр Никитич

(р.1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) «Уклоны, загибы и задвижки в Русском движении» (2011) и др.

Стукалов Петр Борисович

(р.1982), к. ист. н., преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института ФСИН России. Автор монографии «Политические и правовые учения в России во второй половине XIX - начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи» (2011).

Толстенко Анна Константиновна

историк, аспирант МГУ.

Холмогорова Наталия Леонидовна

общественный деятель, правозащитник, публицист, директор Правозащитного центра «РОД».

SUMMARY

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 — 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 04.12.2011.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8-964-551-49-52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8-964-580-19-92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.